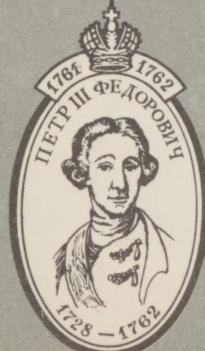
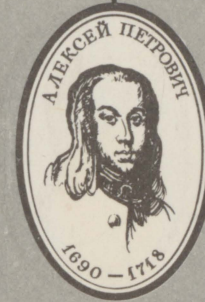

Безвременье
и
временщики

ДИНАСТИИ РОДОСЛОВНАЯ РОМАНОВЫХ

XVII—XVIII в.в.

БЕЗВРЕМЕНЬЕ
И ВРЕМЕНЩИКИ

ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ «ЭПОХЕ
ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ»
(1720-Е - 1760-Е ГОДЫ)

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

ББК 84.Р1
Б 39

Подготовка текста,
вступительная статья, комментарий
Е. АНИСИМОВА

Редактор
Т. ФЕДОРОВА

Оформление
Е. БОЛЬШАКОВА

Б $\frac{4702010101-062}{028(01)-91}$ 3-91

ISBN 5-280-01357-9

© Е. Анисимов. Состав,
вступительная статья,
комментарий, 1991.

ПУТНИКИ, ПРОШЕДШИЕ РАНЬШЕ НАС

Мы живем во времена, когда остро ощущается движение, в которое пришла вся наша страна. Незаметно для себя мы утратили чувство усыпляющего покоя и теперь с тревогой вглядываемся в изгибы пути впереди.

На этом пути в будущее, ставшее вдруг таким туманным, неясным, и потому — тревожным, мы чаще, чем раньше, оглядываемся назад — в наше прошлое, ибо мы почувствовали себя в едином потоке времени, мчащемся из бесконечности истории в бесконечность будущего. Нам стало так важно знать наше прошлое именно для того, чтобы понять нынешний день и угадать контуры дня грядущего.

История никогда не бывает однообразной. Прошлое России — это длящаяся не одно столетие драма со своими героями, это вереница событий и тени миллионов умерших людей. Резкие вспышки революций и отступления контрреволюций, смелые реформы и робкие попытки половинчатых преобразований, яркое цветение национальных гениев и извечная бедность обыденной жизни, мирные, тихие урожайные годы и вспененные кровавые реки войн и братоубийственных смут — все это российская история, единая и неделимая.

Время первых послепетровских царствований, о которых ниже пойдет речь, нередко называют безвременьем — так разительно двадцатые — шестидесятые годы XVIII века не похожи на предшествовавшую им эпоху грандиозных петровских преобразований, как и на начавшийся после них «золотой век» Екатерины II. Но понятие «безвременье», применительно к истории, может быть только условным: ценен не только человек сам по себе, Ломоносов он или безвестный крестьянин, Петр Великий или простой солдат, ценно и время, в котором жили люди прошлого, ибо их время — часть нашей общей жизни на земле. Оно существует в нас самих, в наших генах, сознании, подсознании, памяти и снах. Мы лишь путники на дороге истории, по которой раньше нас прошли и исчезли за поворотом наши предшественники точно так же, как пройдем и исчезнем мы. Поэтому для нас в истории в принципе нет безвременья, нет

неинтересных исторических судеб и периодов: просто об одних временах мы мало знаем, так как они не нашли своих певцов или вдумчивых исследователей, другие по иным причинам не «заговорили» для нас, не нашли соприкосновения с нашей жизнью — а это всегда важно, ибо сопереживание прошлому — непреходящая черта его восприятия и понимания.

Те самые тридцать-сорок лет, о которых пойдет речь ниже и которые называли безвременьем — для кого-то все отпущенное ему земное время. В самые, казалось бы, неинтересные времена вынашивались грядущие перемены — так незаметное на глаз течение может быть сильным, чтобы рано или поздно вырваться на поверхность.

Предварять сборник оригинальных исторических документов пространном научным исследованием всего соответствующего периода — занятие достаточно неблагодарное: ведь подобные книги для того и создаются, чтобы читатели могли сами, без посредников прикоснуться к историческим источникам, сопоставить их, задуматься над их содержанием, попытаться представить себе и понять их авторов.

В старой русской исторической литературе краткий отрезок времени, отраженный в публикациях, было принято называть «эпохой дворцовых переворотов». В самом деле — новый, 1725 год Россия встретила с первым императором — Петром Великим, а спустя всего тридцать семь лет, летом 1762 года, на престол вступила Екатерина II — уже восьмой по счету самодержец с императорским титулом. В этот промежуток на престоле сменяли друг друга: Екатерина I (февраль 1725 — май 1727 г.), Петр II (май 1727 — январь 1730 г.), Анна Ивановна (январь 1730 — октябрь 1740 г.), Иван VI Антонович (октябрь 1740 — ноябрь 1741 г.), Елизавета Петровна (ноябрь 1741 — декабрь 1761 г.), Петр III (декабрь 1761 — июль 1762 г.).

Однако «эпохой дворцовых переворотов» этот период называют не потому, что властители менялись так часто. Важнее то, что практически всякий раз смена власти сопровождалась смутами, волнениями, арестами, ссылками. Тысячи людей со страхом ждали наступления утра нового царствования — они не были уверены в своем завтрашнем дне.

Хронология событий «эпохи дворцовых переворотов» выглядит таким образом:

январь 1725 года — «новая знать» во главе с Меншиковым, преодолевая сопротивление «старой» родовой знати, делавшей ставку на внука Петра I великого князя Петра Алексеевича, возводит на престол Екатерину I;

май 1727 года — Екатерина умирает; Меншиков, расправившись со своими ближайшими коллегами и друзьями, сажает

на престол внука Петра Великого Петра II, сделав его женихом своей дочери;

сентябрь 1727 года — в результате заговора и переворота смещен и отправлен в ссылку Меншиков, к власти приходит «партия» Долгоруких;

январь 1730 года — смерть Петра II. Переворот «верховников» с целью ограничения самодержавия Анны Ивановны рядом условий. Контрпереворот Анны Ивановны, восстановление неограниченной власти самодержца;

октябрь 1740 года — Анна умирает, Бирон становится регентом до совершеннолетия двухмесячного императора Ивана VI Антоновича;

ноябрь 1740 года — фельдмаршал Миних с гвардейцами свергает Бирона, а затем сам становится жертвой придворной интриги и подает в отставку;

ноябрь 1741 года — Елизавета Петровна совершает государственный переворот и свергает Ивана Антоновича, который навсегда вместе с семьей становится узником;

июль 1762 года — жена Петра III Екатерина Алексеевна свергает своего мужа, которого чуть позже убивают в Ропше.

Давно историки задумываются над причинами столь «нервной» политической жизни страны. Не секрет для всех, знакомых с этой эпохой, что судьба престола зависела прежде всего от того, за кем пойдет гвардия. Именно настроение гвардии определяло успех переворота или неудачу мятежа (вспомните Маршака: «Мятеж не может кончиться удачей // В противном случае его зовут иначе»). Существует довольно устойчивый стереотип — гвардия выражала интересы дворянства, защищала его классовые интересы. Реальная история, далекая от социологизированных схем, говорит другое. Анализ состава гвардейцев, совершивших дворцовый переворот 1741 года и возведших на престол Елизавету Петровну, показывает, что собственно дворян в группе захвата дворца было всего 17 %, а выходцев из крестьян — 42 % и разночинцев — 37 %. Полагать, что гвардейцы, совершившие переворот в пользу Елизаветы, отражали социальные воззрения тех сословий, из которых они вышли, было бы явной вульгаризацией, упрощением, ибо в основе взглядов и психологии гвардейцев лежали идеи, которые хотя и отличались от взглядов и психологии рядовых помещиков, но и не отражали психологию и стремления слоев, из которых вышли гвардейцы-недворяне.

Важно то, что гвардейцы были носителями типично преторианской психологии. Служа при дворе, они видели его жизнь изнутри. Подробности быта, поведения монархов, вельмож были всегда перед глазами стоявших в карауле солдат, являлись

основной темой разговоров и воспоминаний в гвардейской казарме. Многолетняя служба при дворце приводила к тому, что гвардейцы чувствовали свою причастность ко всем крупным и мелким событиям жизни двора и его обитателей. Пышность двора, ослеплявшая провинциала, не приводила их в состояние благоговения, да это было и невозможно — столько видели и примечали глаза стоящих подчас у каждой двери часовых. Может быть, больше их знали только лакеи. Но почему же перевороты совершались не лакеями? Дело в том, что гвардия представляла собой сплоченное, хорошо обученное воинское соединение со сложившимися традициями и ярко выраженным корпоративным духом, что обеспечивало ей единство, дисциплинированность и согласованность действий в ответственные моменты истории, в отличие от корпораций чиновников, придворных и т. п. или лакеев. Все это порождало у гвардии особое, преувеличенное представление о своей роли в жизни страны. Из материалов следствия по делу Миниха в 1742 году известно, что, воодушевляя солдат на переворот 7 ноября 1740 года, он говорил им: «Ежели они хотят служить ея императорскому величеству, то бы шли с ним ево (Бирона.— *Е. А.*) арестовывать; ибо де кого хотят государем, тот и быть может». Миних, конечно, льстил гвардейцам, которые являлись силой несамостоятельной, оказывались орудием в руках политических дельцов.

Но так бывало не всегда. История возведения на престол Елизаветы Петровны — это история победы сильного патриотического начала в психологии гвардии, когда ее вели не предстоящие награды или гордое сознание своих возможностей, а долг перед Отечеством, как она это понимала. И в этом была особенность действий гвардейцев. Теми же идеями они руководствовались, выступив против Петра III, который, по их мнению, унижал достоинство России, русских.

То, что гвардия выдвинулась на первый план, не было случайностью. Это было обусловлено всей системой власти, укрепившейся при Петре, системой наследования престола, ставшей предметом далеко не мирных и даже кровавых разбирательств. Вопрос о порядке передачи власти должен всегда волновать общество, ибо от тех принципов, которые заложены в систему передачи власти, зависит политическая стабильность, жизнь и интересы людей. Особенно остро вопрос о престолонаследии встал после издания Петром Великим «Устава о наследии престола».

История этого действительно рокового закона тесно связана с историей рода Романовых в последней четверти XVII — начале XVIII века. Как известно, Петр Великий был женат дважды. Первый раз — на Евдокии Федоровне Лопухиной,

которая родила ему трех сыновей, из которых выжил царевич Алексей Петрович — тот самый царевич Алексей, который погиб впоследствии при невыясненных до конца обстоятельствах в застенках Петропавловской крепости летом 1718 года после вынесения ему смертного приговора по обвинению в заговоре против отца. С тех пор во всех официальных документах стало упоминаться имя другого наследника — Петра Петровича, сына Петра от второй жены — Екатерины Алексеевны.

Не прошло и года, как имя и этого наследника исчезло из манифестов — 25 апреля 1719 года, проболев совсем недолго, четырехлетний мальчик — отрада и надежда стареющих царственных родителей, умер. Как сообщают источники, на похоронах Петра Петровича произошла весьма символическая и кощунственная сцена: псковский ландрат Степан Лопухин что-то сказал своим соседям, стоящим рядом с ним в церкви на заупокойной молитве, и засмеялся. Подьячий Кудряшов так объяснил окружающим причину странного смеха Лопухина: «Еще его, Степана, свеча не угасла, будет ему, Лопухину, впредь время». В Тайной канцелярии, куда тотчас была отправлена веселая компания, Кудряшов признался: «Говорил он, что свеча его, Лопухина, не угасла потому, что остался великий князь, чая (полагая.— Е. А.), что Степану Лопухину впредь будет добро».

Дело заключалось в том, что Лопухины — родственники заточенной в монастырской темнице старицы Елены — опальной царицы Евдокии Федоровны — после смерти Петра Петровича явно воспрянули духом и даже могли себе позволить публичные шутки. Оснований для оптимизма у них было достаточно: со смертью Петра Петровича у Петра Великого не осталось больше сыновей-наследников, и престол должен был отойти к единственному отпрыску мужского пола великому князю Петру Алексеевичу — сыну царевича Алексея и почти ровеснику умершего Петра Петровича.

Нельзя сказать, что этому мальчику, родившемуся 12 октября 1715 года, повезло с первых дней его недолгой жизни. Брак его родителей — царевича Алексея и Софии-Шарлотты крон-принцессы Вольфенбюттельской — был результатом политических интриг российского, саксонского и австрийского дворов. При этом, разумеется, мало кто интересовался взаимоотношениями молодых, которые сразу же не наладились. Впрочем, супружество их длилось недолго. В 1714 году Шарлотта родила дочь Наталью, а почти сразу же после рождения второго ребенка — Петра — она умерла. После гибели в 1718 году отца дети остались сиротами. Их дед, Петр Великий, фактически не обращал на внуков никакого внимания, предоставив их попечению случайных людей и слуг. Но несмотря на неблагоприятные

условия — как это часто бывает в жизни — дети росли здоровыми, и после смерти официального наследника престола великий князь, отпрыск клана ненавистных Петру Лопухиных, совершенно неожиданно для всех стал первым претендентом на корону российской империи. На его стороне была традиция передачи власти в России по прямой нисходящей мужской линии от деда к сыну и внуку. Традиция выступила тем непреложным законом, которому следовали люди, видя в этом основу стабильности и порядка.

Но великий реформатор России строил свою жизнь и жизнь своих подданных как раз вопреки традициям — шла ли речь о женитьбе на простолюдинке Екатерине — Марте Скавронской, или об изменении основ политики, культуры, экономики и быта. Поэтому 5 февраля 1722 года он принял уникальный в российской истории закон — «Устав о наследии престола». Смысл его состоял в том, что за самодержцем закреплялось право назначать себе наследником того, кого ему заблагорассудится, не считаясь при этом ни с традициями, ни с мнениями людей. В «Уставе» говорилось: «...за благо разсудили Мы сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле Правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определит наследство и определенному, видя какое непотребство, паки отменить, дабы дети и потомки не впали в такую злость, как выше писано, имея узду на себе». Чуть выше приводился исторический пример: великий князь Иван III вначале назначил наследником престола внука Дмитрия, но затем передумал и передал престол своему сыну Василию, «усматривая,— отмечалось в «Уставе»,— достойного наследника, который бы собранное и утвержденное наше Отечество, паки в расточение не упустил».

«Устав» 1722 года не был просто декларацией. При нем прилагалось «Клятвенное обещание», по форме которого все «верные подданные, духовные и мирские без изъятия», должны были публично поклясться, что «ежели его величество по своей высокой воле и по нем правительствующие государи российско-го престола кого похотят учинить наследником, то в их величества воли да будет...», а сами подданные обязывались признавать эти решения без сопротивления: «А ежели я сему явлюсь противен,— вслух произносил каждый из них в церкви,— или инако противное что помянутому уставу толковать стану, то за изменника почтен и смертной казни и церковной клятве подлежать буду».

Многие повторявшие слова клятвы понимали, что царь придумал все это для того, чтобы воспрепятствовать своему внуку Петру Алексеевичу занять престол. Не менее ясна была и другая акция, торжественно осуществленная в мае 1724 года

в главном храме России — Успенском соборе Московского Кремля — коронация Екатерины, ставшей с тех пор императрицей. Французский посланник при русском дворе Ж. Ж. Кампредон писал по этому поводу своему правительству: «Весьма и особенно примечательно то, что над царицей совершен был, против обыкновения, обряд помазания так, что этим она признана правительницей и государыней после смерти царя своего супруга».

И хотя Петр, умирая, не успел назначить официального наследника согласно «Уставу», Екатерина была утверждена на престоле Меншиковым и К^о именно под тем предлогом, о котором писал французский дипломат.

Слабое здоровье Екатерины I вынуждало ее окружение думать о будущем престола. И вот тогда, в апреле 1727 года, незадолго до смерти императрицы, появилось на свет ее «Завещание», подготовленное в кругу Меншикова, чему предшествовала серьезная политическая борьба. Дело в том, что Меншиков, пытаясь сохранить за собой то ведущее положение, которое он занимал при Екатерине, задумал необычайный и казавшийся ему компромиссным альянс — женить великого князя Петра Алексеевича на своей дочери Марии и тем самым удержаться у власти. Первым шагом в этом направлении и было «Завещание» Екатерины I, отдававшее престол внуку Петра Великого, что не могло не вызвать противодействия вчерашних сторонников Меншикова, которые, подобно П. Толстому, участвовали в преследовании и убийстве царевича Алексея.

Как бы то ни было, «Завещание», подписанное Екатериной I незадолго перед смертью и заверенное подписями первейших вельмож империи, сочетало в себе два различных принципа в подходе к престолонаследию: традиционный принцип прямого нисходящего наследования и принцип голой воли царствующего монарха избирать себе в наследники любого из своих подданных.

Чтобы разобраться в смысле «Завещания» и всей довольно запутанной династической ситуации XVIII века, обратимся к краткой генеалогической таблице рода Романовых XVII—XVIII веков. К моменту смерти Екатерины I в апреле 1727 года здравствовали несколько потенциальных кандидатов в наследники — как тогда их называли, «сукцессоров». От старшей ветви рода (отпрыски брака царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской) к 1727 году в живых оставались три дочери царя Ивана Алексеевича и Прасковьи Федоровны: Анна, Екатерина и Прасковья. Следующее поколение этой ветви представляла Анна Леопольдовна — дочь Екатерины Ивановны и мекленбургского герцога Карла Леопольда.

От младшей ветви Романовых — детей Алексея Михайловича и Наталии Кирилловны Нарышкиной — остались в живых четверо: две дочери Петра от брака с Екатериной I — Анна и Елизавета — и двое внуков Петра Великого и его первой жены Евдокии Лопухиной — Петр и Наталия Алексеовичи.

Согласно старому, традиционному закону о престолонаследии бесспорное право на престол имел Петр Алексеович — единственный прямой потомок Романовых по мужской линии, внук Петра Великого. Собственно, это как аксиому и признает «Завещание» Екатерины I, ставя его на первое место в ряду наследников — «сукцессоров»: «1. Великий князь Петр Алексеович имеет быть (нашим) сукцессором; 2. И имянно со всеми правами и прерогативами как мы оным владели». А далее, в случае, если Петр II умрет бездетным, «передел» наследия шел бы так, как было выгодно детям Екатерины — здесь уже вступал в силу принцип «Устава о наследии» Петра Великого: «8. Ежели Великий князь без наследников преставитца, то имеет по нем (то есть после него.— *Е. А.*) цесаревна Анна со своими десцендентами (потомками; как раз в 1726 году Анна Петровна вышла замуж за голштинского герцога Карла-Фридриха.— *Е. А.*), по ней цесаревна Елизавета и ея десценденты, а потом Великая княжна (то есть сестра Петра II Наталья Алексеовна.— *Е. А.*) и ея десценденты наследовать, однакож мужеска пола наследники пред женским предпочтены быть имеют». Как видим, дети брата Петра, Ивана Алексеовича,— Анна, Прасковья и Екатерина со своею дочерью Анной Леопольдовной даже не упомянуты среди наследников.

Почти сразу же после вступления Петра II на престол, 26 июля 1727 года, был издан указ Верховного тайного совета об изъятии (надо полагать — для последующего уничтожения) из всех присутственных мест и у всех частных лиц «Устава о наследии» Петра Великого. Это явно делалось для того, чтобы вернуться к старой системе наследования по мужской нисходящей линии. Тем самым дезавуировалось «Завещание» Екатерины I и претензии детей и внуков Петра Великого от брака с лифляндской пленницей «подлого» происхождения отводились. Особенно важен был этот шаг потому, что в 1728 году старшая дочь Петра Великого Анна родила мальчика — Карла-Петера-Ульриха (будущего Петра III). В борьбе против младшей ветви династии совпали интересы и будущего тестя юного царя А. Д. Меншикова, и родовитой верхушки Долгоруких и Голицыных, имевших большое влияние на сына царевича Алексея. Но Меншиков, репрессировав своих сторонников и друзей, пытавшихся воспротивиться этому союзу, просчитался — не прошло и полугода после вступления на престол Петра

II, как пал и этот казавшийся всемогущим властелин — сентябрьский 1727 года переворот, хитроумно задуманный и осуществленный А. И. Остерманом и кланом Долгоруких, дал неожиданный и радостный для всех многочисленных врагов Меншикова результат: титан рухнул, его ноги, оказывается, были сделаны из глины.

В начале 1730 года, решая судьбу русского престола после смерти бездетного Петра II, верховники при выборе кандидатуры на освободившееся место исходили из собственных политических расчетов и не считались ни со старым, ни с новым порядком наследования — ведь и по традиции, и по «Завещанию» Екатерины на престоле должен был быть сын старшей дочери Петра, Анны Петровны, которому оказывалось преимущество как единственному из здравствующих мужчин династии Романовых. Но этого не произошло; призвание на престол Анны Ивановны — племянницы Петра I, курляндской герцогини — было признано верховниками наиболее целесообразным вариантом, который позволил бы им успешно осуществить давнюю мечту: с помощью условий — «кондиций» — ограничить самодержавие. Но верховники просчитались: подписав «кондиции», Анна приехала в Москву, здесь она быстро разобралась в обстановке и, воспользовавшись недовольством части дворянства поступками верховников, порвала «кондиции», восстановив самодержавие.

Примечательны ее дальнейшие действия: особым указом 17 декабря 1731 года был «возвращен» из забвения «Устав о наследии» 1722 года, что должно было развязать новой императрице руки при назначении себе наследника. Тогда же россияне услышали дивный указ: они должны были присягнуть в верности ребенку мужского пола, которого предстояло родить царской племяннице Анне Леопольдовне, для которой еще даже не подобрали мужа. Многие тогда, подобно Артемию Вольтеру с его друзьями-«конфедентами», были поражены: «Почему знать, что принц мужеска полу родится?» Но Анна Ивановна знала, что делала: как будто по ее заданию, правда девять лет спустя после этого указа, Анна Леопольдовна, выданная в 1739 году замуж за Антона-Ульриха принца Брауншвейгского, для «матушки-царицы» родила в августе 1740 года «богатыря» — принца Ивана. Ивана тотчас объявили наследником престола, хотя по старому счету его «бил» все тот же сын Анны Петровны. Но тут-то и сгодился «Устав о престолонаследии» Петра Великого, который позволял Анне Ивановне распоряжаться будущим по своему усмотрению.

Когда вьюжной ноябрьской ночью 1741 года Елизавета Петровна свергла младенца императора Ивана VI Антоновича,

то она поступила как классический узурпатор, ибо, с одной стороны, она, как и все, присягала в верности завещанию Анны Ивановны, а с другой стороны, согласно традиции и «Завещанию» Екатерины I, под которым стояла подпись и Елизаветы, престол должен был отойти к десцендентам Анны Петровны, то есть к Карлу-Петеру-Ульриху, родному племяннику младшей дочери Петра Великого. Чтобы избежать династических и международных осложнений, Елизавета срочно выписала из Голштинии племянника, оставшегося к этому времени круглым сиротой (мать умерла в 1728-м, а отец — в 1733 году), крестила его как Петра Федоровича и официально объявила наследником престола. Законный же император Иван VI все годы царствования Елизаветы Петровны сидел в темнице, и его имя было официально запрещено упоминать где бы то ни было. Многочисленные указы Елизаветы повелевали изъять из обращения все манифесты, монеты, книги с упоминанием имени или изображением юного императора, а также его матери. Более того, Елизавета пошла на беспрецедентный (правда, в дореволюционной истории) шаг — из всех государственных учреждений были изъяты абсолютно все делопроизводственные бумаги за весь краткий период правления Ивана VI — с 17 октября 1740 до 25 ноября 1741 года. Когда же избежать упоминания Ивана было невозможно, то писали глухо: «принц» или «известная особа». Не будем распространяться на тот предмет, что лучшего способа повысить популярность человека в народной среде, чем запретить упоминание его имени, трудно и придумать.

Когда летом 1762 года на престол вступила Екатерина II, она сделала это также вопреки всем писаным и неписаным законам. Празднуя с гвардейцами победу, она помнила, что живы еще два императора: один — ее муж Петр III — сидел под арестом в Ропшинском дворце, а другой — Иван Антонович — в Шлиссельбургской крепости. Кроме того, рядом с ней находился ее сын Павел, на которого многие смотрели как на истинного законного преемника Петра III. Но кто же считается с правами, когда правом становится сила? Вскоре явно ненормальная династическая ситуация стала «проясняться»: в пьяной драке Алексей Орлов со своими собутыльниками «нечаянно» задушил Петра III, а в 1764 году при невыясненных обстоятельствах охрана убила Ивана — эту «железную маску» русской истории.

Хотя Екатерина и объявила Павла наследником, однако уступать власть ему не намеревалась (а об этом накануне июльского переворота шла речь), и более того — опираясь на свое право самодержца, зафиксированное в «Уставе» Петра Великого, постоянно шантажировала сына тем, что имеет намерения

передать престол его сыну Александру Павловичу. И лишь сам Павел I вскоре после своего вступления на престол издал в 1797 году указ, законодательно закреплявший старый принцип наследования по прямой мужской нисходящей линии, хотя его самого это не спасло — в результате переворота 1801 года он был убит.

Будет не прав тот, кто сочтет столь подробный разбор династической ситуации в России XVIII века излишним, — для людей XVIII века династическая проблема была совсем не пустячной, и отсутствие закона о порядке престолонаследия на основе традиций практически весь XVIII век существенным образом подрывало стабильность политической жизни. В сущности, «Устав» Петра Великого стал апофеозом самодержавия, ибо это был закон об отмене всяких законов в этой чрезвычайно важной и болезненной сфере отношений на самой вершине власти. «Устав» отразил то положение, когда единственным источником законов становилась ничем не связанная, неограниченная воля монарха. В угоду своим прихотям и прихотям своих фаворитов, он мог не считаться ни с традициями, ни с действующим законодательством, что всегда развязывало руки различным авантюристам.

Разумеется, династические проблемы были частью проблемы власти в системе самодержавного правления в России. Они органически сочетались с массой других проблем, порожденных не только системой власти и наследования. Выше уже говорилось о гвардии и ее месте в политической жизни страны. К этому нужно добавить, что самодержавие XVIII века окончательно подавило существовавшие в предшествовавшие эпохи институты сословно-представительной системы, местного самоуправления, внедряя на всех уровнях мертвящий бюрократизм. Это неизбежно приводило к сужению социальных основ власти, к возможности проявлений насилия, деспотии и снова насилия.

Впрочем, остановимся... Был, был в истории России момент, когда ее судьба могла быть иной. Речь идет об уже упомянутом 1730 году, когда верховники ограничили было самодержавие в свою пользу. Пока приглашенная ими курляндская герцогиня Анна добиралась до Москвы, в самых разных дворянских домах Петербурга обсуждалась проблема власти и были предложения превратить Сенат в представительное учреждение. Более того, постепенно точка зрения верховников — типичных олигархов — стала сближаться с точкой зрения представителей дворянской «вольницы», но недостаток времени, а самое главное — отсутствие единства в оппозиции режиму самодержавия сказалось: сторонников единовластия было больше, они были активны, и их «агрессивно-попкорное большинство» решило дело — самодер-

жавие победило. Сторонники новой полновластной властительницы Анны Ивановны радовались. Но чему? Ответ стал вскоре известен — системе «бироновщины». И опять пресловутый локомотив истории миновал, даже не заметив, развилку, стрелку истории, чтобы устремиться по накатанной колее самодержавия...

Возвращаясь к «бироновщине», которой много места уделено в публикуемых материалах, можно с полным основанием сказать, что дело не в названии: почти вся история самодержавия — это история «меншиковщины», «долгоруковщины», «разумовщины», «шуваловщины», «орловщины», «аракчеевщины» и так далее до «распутинщины». Суть же оставалась одна: суровую фигуру самодержавной (и шире — тоталитарной) власти всегда сопровождал ее развратный спутник — фаворитизм. Все это создавало особую атмосферу императорской столицы, которую достаточно ярко и точно отразил А. Н. Толстой: «Петербург, стоящий на краю земли, в болотах и пусторослях, грезил безграничной славой и властью; бредовыми видениями мелькали дворцовые перевороты, убийства императоров, триумфы и кровавые казни; слабые женщины принимали полубожеественную власть; из горячих и смятых постелей решались судьбы народов; приходили ражие парни, с могучим телосложением и черными от земли руками, и смело поднимались к трону, чтобы разделить власть, ложе и византийскую роскошь. С ужасом оглядывались соседи на эти бешеные взрывы фантазии. С унынием и страхом внимали русские люди бреду столицы. Страна питала и никогда не могла досыта напитать кровью своею петербургские призраки».

Авторы-мемуаристы — совершенно разные люди по национальности, вере, образованию, амбициям. Но их, несомненно, объединяет одно — общая судьба страны, в которой им довелось жить в «эпоху дворцовых переворотов». Одни и те же события, разворачивавшиеся перед их глазами, они видели по-разному, оценивали со своей «колокольни». Но именно это и важно. Канву исторических событий мы можем восстановить и не прибегая к мемуарам, они не всегда могут что-то прибавить к нашим фактическим знаниям о времени, событиях той эпохи. Но история — не только взвешенные на весах профессионализма точные знания, это еще и чувства, ощущения, впечатления, без которых меркнет яркий мир истории, превращаясь либо в сухую хронологическую таблицу, либо в жесткую идеологизированную схему. Мемуары, письма дают редкую возможность почувствовать аромат каждой эпохи, ее неповторимое своеобразие и вместе с тем схожесть с другими временами.

Сборник открывают записки фельдмаршала графа Бурхарда

Христофора Миниха — того самого, который сверг Бирона. Собственно, их условно можно назвать мемуарами — это скорее сочинение об истории сменяющих друг друга царствований, написанное по довольно жесткой схеме. Автор записок напоминает ветерана, пережившего выдающиеся события, но помнящего спустя годы лишь отдельные куски той прошлой жизни, не связанные воедино эпизоды, к месту сказанные и запомнившиеся фразы, анекдоты. И чтобы написать воспоминания, такой автор обкладывается кучей книг, призывает в помощники профессионала — историка — и начинает «вспоминать», уже давно забыв, что он видел сам, а что прочитал или услышал в пересказе. Примерно в таком духе писались и эти мемуары. К Миниху прикрепили крупнейшего историка Академии наук Г. Ф. Миллера, который консультировал мемуариста и поставлял ему некоторые сведения по государственному устройству допетровской России, проверял даты. Важно заметить, что свое изданное за границей в 1774 году сочинение Миних писал начиная с 1763 года по заданию Екатерины II. Возможно, Миних был привлечен к начавшейся в первые годы царствования императрицы реформе высших правительственных органов и претендовал на роль опытного эксперта. Записки Миниха официально называются «Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи» и ставят главную цель — показать молодой, неопытной в делах управления императрице необходимость создания специального высшего правительственного органа управления, который мог бы заполнить «пустоту» между верховной властью и Сенатом, не дав тем самым возможность какому-нибудь фавориту встать между правителем и государственной машиной. Последнее хотя и не говорится, но прямо вытекает из оценки недостатков предшествовавших царствований.

«Научность» сочинения Миниха может, конечно, вогнать читателя в тоску и скуку, но не следует поддаваться первому впечатлению. Старый фельдмаршал не был солдафоном и сухим педантом. И чем ближе становится время, в котором он жил и о котором пишет, тем живее и живее становится изложение, хотя все менее и менее объективным. Но этого и не следует ожидать от активного участника острых политических смут у подножья трона. И мы видим, как хитроумно Миних обходит острые углы, замалчивая о своей не всегда благородной роли или изображая свое участие в интригах при дворе в самом невинном свете, идет ли речь о его активной роли при возведении Бирона в регенты малолетнего императора Ивана VI или при столь же успешном свержении временщика чуть позже. Замалчивает он и обстоятельства своего ареста. Рассказывая о вступлении на

престол Елизаветы Петровны, он изображает все как очевидец, на самом же деле он был, так же как Бирон или Анна Леопольдовна, вытаснен из постели и арестовавшие его гвардейцы не лишили себя удовольствия надавать строптивому и спесивому фельдмаршалу тумаков.

Читая воспоминания Миниха, читатель не может не заметить, что автором владеет гордыня, что при всяком удобном случае он стремится подчеркнуть свои выдающиеся заслуги перед Россией, которые, как показало время, оказались более чем скромными. Обстоятельно биография Миниха изложена в публикуемых ниже записках его сына, сейчас же отметим, что Миних был, несомненно, способным человеком, знающим инженером-фортификатором, прекрасным организатором больших строек — Ладожский канал, построенный им, до сих пор не может разрушить царящая многие десятилетия бесхозяйственность. Но волею обстоятельств ему довелось командовать армией в тяжелых условиях на полях войны с Турцией в тридцатых годах XVIII века. И здесь его ожидала если не полная неудача, то весьма скромные успехи — если сопоставить их с затраченными людскими и материальными ресурсами. Да и вряд ли могло быть иначе — даже самый замечательный военный строитель может оказаться посредственным полководцем. Непродуманные стратегические планы, низкий уровень оперативного мышления, военная рутинa, слабая организация снабжения войск, колоссальные людские потери — все это стало уделом русской армии в немалой степени благодаря «столпу Российской империи», как гордо называет себя Миних на страницах воспоминаний. На скользких придворных паркетах Миних всегда чувствовал себя уверенней, чем на боевом поле, хотя не обладал столь необходимой при дворе интуицией, не всегда соизмерял свои амбиции с возможностями.

Примечательна в этом смысле ситуация с отставкой Миниха при Анне Леопольдовне. Повествуя в мемуарах об этом весьма щекотливом для него моменте, фельдмаршал представляет дело таким образом, что он пострадал за отстаивание внешнеполитических интересов России перед лицом придворной камарильи. Реально же после свержения Бирона Миних счел, что наступило его время и роль временщика теперь принадлежит только ему. Он стал всячески третировать как правительницу Анну Леопольдовну, так и ее мужа, сумевшего раньше Миниха стать генералиссимусом, что для честолюбия «столпа Российской империи» было непереносимо. Когда же его попытались «окоротить», фельдмаршал положил на стол прошение об отставке. Таким образом он поступал не раз — тогда, когда стремился выторговать для себя более благоприятные условия или новые

награды, — ведь все привыкли, что Миних — человек незаменимый. Но в последнем случае Миниха подвела интуиция, и правительница... подписала указ об отставке фельдмаршала. Так он без особого шума сошел с политической сцены, а возле его дворца на Васильевском острове был поставлен караул, но вовсе не почетный, как он изображает в мемуарах.

Скромно умалчивает Миних и о том, где он провел два десятилетия царствования Елизаветы Петровны. У не знающего реалии читателя может сложиться представление, что в своем рассказе о царствовании Елизаветы Миних исходил из собственных наблюдений. На самом деле он просидел все эти годы в Сибири, откуда он бомбардировал императрицу многочисленными проектами о переустройстве армии и государства, и был совершенно раздавлен тем, что Елизавета не спешила вызвать опального фельдмаршала в Петербург и поручить ему руководство если не страной, то по крайней мере каким-либо важным ведомством. Возвращение состоялось лишь при Петре III. Обласканный Екатериной II, он не жалел красноречия, расписывая ту великую пользу, которую может принести он в новом правительстве. Так, ссылаясь на непроверяемые похвалы Петра Великого его трудам, Миних обращается к Екатерине: «Обсудите, августейшая императрица, здравую и благотворную политику великого монарха, его доверие ко мне и власть, которую он мне вручил и, согласно с этим примером, дайте, мудрейшая государыня, такие же предписания Вашему Сенату. Осмелюсь ли, милостивая государыня, напомнить Вашему величеству, что из числа сенаторов нет ни одного, который или не состоял бы под моим начальством, или не достиг бы возраста зрелости в последние тридцать лет, когда я уже был генерал-фельдмаршалом, главнокомандующим русскими войсками, президентом Военной коллегии, генерал-фельдцейхмейстером, обер-директором над фортификациями и шефом Кадетского корпуса. Думаю поэтому, что Сенат может с доверием положиться на меня».

Но увя! Время Миниха прошло и вернуться уже не могло — другие люди, племя молодое, незнакомое теснилось у трона повелительницы, которая родилась тогда, когда Миних заканчивал Ладожский канал. И сочинения ветерана на заданную тему не помогли... Зато они остались для нас и стали ценным источником по истории послепетровских времен.

Записки Миниха-сына помещены сразу же после воспоминаний его отца не случайно: цель их в том, чтобы развить и углубить те разделы мемуаров фельдмаршала Миниха, которые могли вызвать при чтении массу вопросов. Автор мемуаров, сидевший в момент их написания в Вологде, в ссылке, добросовестно и уныло «ассистировал» своему отцу, пытается многословием

скрыть ненасытность честолюбия, властолюбия своего великого батюшки, не касаясь при этом истинных и весьма неприглядных мотивов поведения этого временщика. Типичность приемов Миниха-сына прослеживается в подробном описании обстоятельств свержения Миниха в 1740 году. И Миних-отец, и Миних-сын изображают это как следствие не ожесточенной придворной борьбы, а особой принципиальности фельдмаршала в отношении русско-австрийского альянса.

Ценность мемуаров младшего Миниха, известного лишь тем, что он был сыном знаменитого фельдмаршала, в другом: в множестве интересных, неизвестных из других источников эпизодов, черточек, ситуаций. Все они добавляют яркости живописной картине прошлого.

Большой интерес составляют и письма леди Рондо — жены дипломатического представителя Великобритании в России. Второй муж леди Клавдий Рондо находился в России фактически все царствование Анны Ивановны (с конца 1731 по октябрь 1739 года) и оставил после себя не только целый корпус дипломатической переписки, но и интересные характеристики многих русских вельмож двадцатых — тридцатых годов XVIII века. Но его эпистолярное наследие не может сравниться с наследием его жены. Молодая образованная женщина, леди Рондо на протяжении целого десятилетия вела переписку с некоей дамой, жившей в Англии, посылая ей, впрочем крайне нерегулярно, письма из России. И хотя литературный жанр дружественной переписки двух друзей (или подруг) был, как известно, весьма распространен в Европе, письма леди Рондо все же несомненно подлинны. Об этом свидетельствуют некоторые глухие, то есть известные только корреспондентам, эпизоды; многие письма Рондо построены как ответы на конкретные вопросы, заданные любопытствующей дамой из Англии, причем леди Рондо — женщина с юмором — вкладывает в свои ответы немало тонкой язвительности и скрытой издевки по поводу характера и поведения своей далекой от радостей и печалей семейной жизни подруги.

Письма леди Рондо ценны для нас не только как свидетельство навсегда утраченного искусства выражать свои чувства и мысли в форме писем, но и конкретной информацией о жизни России и русского двора в конце двадцатых — тридцатых годов XVIII века. Симпатичная, общительная англичанка довольно быстро вошла в петербургский высший свет и заняла там весьма видное положение, пользуясь вниманием императрицы и ее окружения. Обладая точным и образным мышлением, она отразила в своих письмах облик многих вельмож анненского двора, передала атмосферу придворных празднеств и церемоний,

на которых она, как жена английского дипломата, присутствовала.

Итак, письма леди Рондо — это письма не дипломата, не ученого-этнографа, но вместе с тем это письма не «синего чулка», не педанта или исполненного презрения к «дикой» России наблюдателя. Это письма светской женщины, умной и наблюдательной, остроумной и доброй.

Покинув в 1739 году Россию, леди Рондо овдовела и вскоре вновь вышла замуж. Книга, составленная из ее писем, появилась на свет в 1775 году в Лондоне. Умерла она в 1783 году, намного пережив другую женщину, чьи воспоминания помещены сразу же после писем Рондо.

Речь идет о «своеручных записках» княгини Натальи Борисовны Долгорукой, написанных ею в 1767 году и впервые опубликованных в 1810-м ее внуком князем Иваном Долгоруким. В историческом наследии XVIII века вряд ли найдется другой такой искренний, безыскусный документ. В сущности, эти записки — даже не мемуары в принятом смысле слова, это исповедь человека, подошедшего к границе бытия, принявшего монашеский обет и все связанные с этим нравственные обязательства. История, которую рассказывает Наталья Борисовна Долгорукая, — подлинная драма, достойная пера Шекспира. Начало этой истории было поистине лучезарно. В 1729 году к пятнадцатилетней Наталье Борисовне Шереметевой, дочери покойного петровского фельдмаршала, посватался Иван Алексеевич Долгорукий — всесильный фаворит императора Петра II, полностью подчинивший себе четырнадцатилетнего царя. Брак с Шереметевой — круглой сиротой был весьма выгоден Долгорукому. Он должен был принести редкостное приданое — Шереметевы были страшно богаты, а кроме того, поднимал престиж рода Долгоруких, собравшихся породниться с династией Романовых: Петр II был обручен с сестрой фаворита — княжной Екатериной Долгорукой.

Как бы то ни было, предложение Ивана Долгорукого было с радостью встречено родственниками Натальи Борисовны, мечтавшими упрочить свое положение близостью с кланом могущественных Долгоруких. С радостью согласилась пойти замуж за Ивана и Наталья — хорошенькая девочка (родилась она 17 января 1714 года), тяжело пережившая летом 1728 года смерть любимой матери, остро нуждалась в заботе и внимании близкого человека. Да и было от чего закружиться голове — к ее ножкам вдруг, как с облака, пал любимец и друг царя, ловкий, знатный красавец в мундире гвардейца, в любви ей признался изящный неотразимый ловелас, молва о победах которого вызывала как восторг всех светских женщин, так и ужас их мужей.

Накануне Рождества 1729 года во дворце Шереметевых состоялся торжественный обряд обручения Ивана и Натальи в присутствии царя, его невесты, двора и многочисленных родственников с обеих сторон.

Что было потом — читатель более подробно узнает из записок самой Долгорукой. Вкратце скажем — неожиданная для всех смерть Петра II 18 января 1730 года означала крушение фавора Ивана и всех Долгоруких. Их ждала опала и ссылка. После приезда Анны Ивановны и поражения верховников — родственников Ивана для Натальи стало ясно — связывать свою жизнь с Иваном Долгоруким опасно. Родственники невесты настоятельно советовали Наташе отказать жениху. Но она этого не сделала и тем самым выбрала тяжкий путь, который прошла до конца: в начале апреля 1730 года в Горенках состоялась более чем скромная свадьба, а через три дня Долгоруких выслали в пензенские деревни, публично опозорив в указе, изданном по этому случаю. Отныне Иван и Алексей лишались всех наград, должностей и почестей. В сентябре семья Долгоруких оказалась уже в Березове — глухом сибирском углу, недалеко от современного Сургута...

Остановимся ненадолго. Постараемся понять, что же двигало этой девочкой, решившейся на такой серьезный поступок — пойти без оглядки за своим женихом в ссылку, а возможно, и на смерть? Что тут гадать! Конечно, любовь, Амур, так внезапно поразивший своей золотой стрелой сердце графини Шереметевой. Но, наверное, одного этого для объяснения поступка девушки мало.

Окидывая взглядом отечественную историю, мы видим как бы два типа женщин. Один — это женщины-воительницы, амазонки российской жизни. Имя им — легион. Тип этот столь известен, что только перечень наиболее знаменитых имен сразу же рождает образ: княгиня Ольга, царица Софья, Надежда Дурова, Софья Перовская... А позже женщины-комиссары в кожанках, как бы стремившиеся своим поведением и одеждой уничтожить в себе женственность, победить природу во имя грядущей социальной победы. К сожалению, освященный официальной идеологией тип этот стал господствующим в общественном сознании, привел к существенным деформациям в жизни народа. «Раскрепощение женщины», официальное равенство во многом оказалось фикцией и лишь дополнило тот круг обязанностей перед обществом, которые всегда исполняла женщина — мать, жена, хозяйка дома.

Но все-таки на протяжении всей российской истории сохранялся и другой тип женщин, который можно условно назвать «женщиной страдающей». Ею двигала не только любовь как

сердечная привязанность, страсть, но любовь как жалость, потребность и обязанность жертвовать собой ради ближнего. За этим стояли и традиции русской жизни, когда женщина, оставшаяся без мужа, оказывалась никому не нужной, и непреложные святые законы веры и нравственности, между которыми не было разрыва. Все это и многое другое вместе взятое сделало обычным явлением русской жизни толпы женщин, бредущих по Владимирке вслед за партиями закованных в железа мужей. Они шли, чтобы разделить с ними ужасы этапов, ссылок и поселений. «Пять недель,— пишет знаменитый протопоп Аввакум,— по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухледишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающесея о лед. Страна варварская, иноземцы немирные, отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет да и повалится — кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «Матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «Что ты, батько, меня задавил?» Я пришел,— на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самая смерти!» Она же, вздохня, отвечала: „Добро, Петрович, ино еще побредем“».

«Ино еще побредем»,— говорили бесчисленное число раз женщины — жены и матери каторжников и ссыльных в разные столетия русской истории.

Все это мы должны помнить, размышляя о мотивах, которыми руководствовалась юная Наталья Борисовна, испившая горькую чашу страдания.

Остановимся напоследок на том, что произошло с семьей Долгоруких в тридцатые годы XVIII века, о чем Наталья Борисовна практически не пишет.

Ссылка в Березов была тяжким испытанием для вчерашних властителей России. И дело не только в бедности, к которой они привыкали с трудом, может быть впервые взяв в руки деревянные ложки и глиняные чашки. Семья была большая и, как я уже говорил, недружная. Ее глава А. Г. Долгорукий часто ссорился со старшей дочерью — «порушенной невестой» Екатериной, приходившей в отчаяние при виде тех же убогих нар, на которых незадолго перед приездом Долгоруких умерла ее «предшественница» — «порушенная невеста» Мария Александровна Меншикова. Березов был краем света, и жилось там тяжело как узникам, так и их тюремщикам. Почти непрерывная зимняя ночь сменялась долгим днем короткого лета, чтобы следом за ним вновь пришла ночь. И люди — как ссыльные, так

и охрана и местные жители, отрезанные от России тысячами верст пустынного заснеженного пространства или болот, — нуждаясь в общении, собирались нередко за общим столом. В этом застолье было спасение от тяжести убогой жизни, но была и опасность: Долгорукие, не сдержанные на язык, во взаимных ссорах, уж конечно, не щадили власть предержавших, кляня Анну Ивановну и Бирона как главных виновников своих несчастий.

Российская жизнь без доносов ненормальна, и вскоре в Тобольск — сибирскую столицу, а потом и в Петербург полетели доносы. Поначалу власти ограничивались предупреждениями, а затем — это было уже в 1738 году — в ответ на донос таможенного подьячего Тишина прислали фискала, который, пожив некоторое время в Березове и даже подружившись с Иваном Долгоруким, вернулся в Тобольск. Вскоре оттуда — как следствие его доклада — в Березов был прислан указ отделить Ивана Долгорукого как главу семейства (его отец Алексей Григорьевич умер в 1734 году) от прочих Долгоруких и заточить в земляную тюрьму. В августе того же года Иван, двое его братьев — Николай и Александр, а также шестьдесят жителей Березова, имевших общение со ссыльными, были арестованы и вывезены под караулом в Тобольск. Начался сыск Долгоруких ждала дыба. Показания, данные Иваном под пыткой, были столь серьезны, что по указу правительства его доставили в Шлиссельбург, куда в январе 1739 года стали свозить оговоренных им родственников — участников, а теперь — по сыскной терминологии — соучастников, знаменитых событий начала 1730 года.

31 октября 1739 года в Петербурге «Генеральное собрание» из высших сановников государства, рассмотрев в течение одного дня дело, которое велось целый год, приговорило Ивана Долгорукого к колесованию, Василия Лукича, Сергея и Ивана Григорьевичей — к отсечению головы, другие Долгорукие наказывались тюремными заключениями неограниченных сроков. 8 ноября 1739 года под Новгородом, при большом стечении народа, князя Долгорукие были казнены. Ивана «помиловали» — колесование заменили четвертованием. Его младшие братья — Николай и Александр — были отвезены в Тобольск, где им вырезали языки и наказали кнутом. Правда, Бирон, ставший регентом после смерти Анны осенью 1740 года, распорядился отменить казнь молодых людей, но сибирское начальство сообщило, что указ о помиловании опоздал, преступники уже наказаны и сосланы соответственно в Охотск и на Камчатку. Третий их брат — юный Алексей был приписан матросом в экспедицию Беринга. Суровая судьба ждала и сестер Ивана:

бывшая «государыня-невеста» Екатерина была насильно пострижена в Томске, ее сестры Елена и Анна — соответственно в Тюмени и Верхотурье. Главный доносчик, чье писание дало ход всему делу, — таможенный подьячий Тишин получил повышение — стал в Москве секретарем, а также удостоился премии в шестьсот рублей, которую ему, согласно указу, было предписано выдавать в течение шести лет, так как «он к пьянству и мотовству склонен». Государство всегда трогательно заботилось о своих доносчиках.

Лишь в начале 1740 года Наталья Борисовна Долгорукая, оставленная на время следствия в Березове, узнала наконец о страшной судьбе своего мужа и его родственников. Ей позволили вернуться в Россию, куда она и отправилась вместе с детьми, родившимися в Березове: старшему — Михаилу — было восемь лет, а младшему — Дмитрию — полтора года. В день смерти Анны Ивановны — 17 октября 1740 года — она въехала в Москву, где ее крайне неприветливо встретили Шереметевы, и особенно брат, знаменитый богач Петр Борисович, унаследовавший практически все состояние отца.

Наталья Борисовна Долгорукая с огромными трудами поставила на ноги старшего сына Михаила и в 1758 году постриглась в одном из киевских монастырей. Там и жила она, известная как старица Нектария, вместе с младшим психически больным сыном Дмитрием, который в 1769 году умер на руках матери. Там она и написала «Своеручные записки» и там же 3 июля 1771 года пятидесятисемилетняя Наталья Борисовна Долгорукая закончила наконец свой тяжкий земной путь.

Семейство же Долгоруких было возвращено из ссылки тридцатью годами ранее, когда к власти в конце 1741 года пришла Елизавета Петровна. А в ссылку теперь отправили их гонителей — Бирона, Остермана, Миниха. Вместе с сосланным в зимовье за Якутск бироновским сподвижником вице-канцлером М. Г. Головкиным добровольно отправилась его жена графиня Екатерина Ивановна Головкина, которая на уговоры императрицы Елизаветы Петровны остаться при дворе — Головкина была статс-дамой — якобы отвечала: «На что мне почести и богатство, когда не могу разделить с другом моим. Любила мужа в счастья, люблю его и в несчастья, и одной милости прошу, чтобы с ним быть неразлучно». Новая императрица не возражала.

Все повторялось, и уже другие женщины брели по Владимирскому тракту вслед за своими мужьями.

Иная судьба и иные мемуары оставил после себя следующий наш автор — артиллерии майор М. В. Данилов. Читая их, мы видим мир XVIII века уже с иной, чем у предшествующих

авторов, жизненной и социальной позиции. Это взгляд солдата, честно прослужившего Отечеству всю свою жизнь, гордого сделанным им. На покое, в деревенской тиши он вспоминает прошлое, чтобы его потомки знали славные дела предка и не забывали его. Записки свои майор Данилов сочинял с любовью, основательностью и «расстановкой». Они начинаются с пространного генеалогического экскурса в прошлое рода Даниловых — дворян, ничем особенным себя не прославивших. Исторические изыскания мемуаристов, наполненные колоритными зарисовками быта помещиков, незаметно переходят к воспоминаниям самого автора, прожившего нелегкую жизнь рядового дворянина. Неспешное, хотя и не особенно детализированное, изложение материала не оставляет нас равнодушными. Старинный стиль его мемуаров необычайно прост, выразителен и безыскусен. Перед нами не столько источник, дающий какую-то дополнительную информацию об эпохе (из иных источников мы знаем о ней гораздо больше), сколько целостное произведение, отражающее строй мысли человека XVIII века, взявшегося за перо совсем не потому, что ему было нужно в чем-то оправдаться перед современниками и потомками или выплакать на страницах мемуаров свою незатихающую душевную боль, а потому, что ему, прожившему пусть не блистательную жизнь, было не все равно, что будут о нем думать его дети и внуки. Он берется за перо, чтобы подвести итоги достойного существования на земле и тем самым дать пример другим. Из мемуаров Данилова видно, чем силен этот человек: любовью к своему делу, живым созидающим умом, честностью, исполнительностью, умением наблюдать и — самое главное — достоинством самой высокой пробы, достоинством, идущим от надежной уверенности человека в своем праве и готовности защитить себя. И корни его рода, уходящие в глубь веков, дают основания для такой уверенности. Читая записки майора Данилова, мы можем лишь сожалеть, что не написано и не дошло до нас столько подобных воспоминаний. Тем ценны эти записки, по праву стоящие в ряду с другими источниками «эпохи дворцовых переворотов».

Все они — такие разные — создают достаточно целостную картину этого времени, переносят нас, как машина времени, в прошедшую эпоху, позволяют ощутить жизнь ее героев, уже скрывшихся от наших глаз за поворотом истории.

Е. Анисимов

БУРХАРД ХРИСТОФОР
МИНИХ

ОЧЕРК, ДАЮЩИЙ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ОБ ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

1

Здесь не пойдет речь ни о царствовании Федора Алексеевича, ни о совместном царствовании двух его младших братьев, Ивана и Петра Алексеевичей, когда они царствовали с 1682 по 1690 год ¹, ни о царствовании их отца Алексея Михайловича и его предшественников, ни о царе Иване Васильевиче, завоевателе царств Казанского и Астраханского, некоторых областей Сибири и пятигорских черкесов, или Верхней Кабарды.

2

В те времена русская нация была известна в Европе только под именем московитов, Российская империя — под именем Москвы, а ее государь — под именем великого князя или царя московского, то есть короля.

3

Россия не знала тогда ни военных кораблей, ни галер, ни регулярных войск. Однако она имела некоторую артиллерию и большие армии начиная с царствования великого царя Ивана Васильевича, который вторгался со своими многочисленными армиями в Литву, Польшу и Ливонию; численность армий (включая казаков под командованием генерала Хмельницкого, подчинившего в 1654 году Украину России) могла достигать двухсот-трехсот тысяч человек, которые в царствование Алексея Михайловича завоевали Смоленск, Домбровно и др. и дошли до Вильны. После отречения в 1668 году польского короля Яна Казимира, в 1669-м сейму был даже предложен в преемники русский князь Алексей Алексеевич, сын царя Алексея Михайловича. Именно эти завоевания в

Польше и в Литве, а также на Борисфене и Азовском море обеспечили России участие во всеобщем мирном договоре в Карловице в 1699 году, где было заключено с турками двухлетнее перемирие, которое было заменено в 1700 году миром на тридцать лет.

4

Уже в 1683 году римский император начал войну с Портой и послал в Москву своих послов, чтобы предложить царям Ивану и Петру Алексеевичам вступить с ним в союз против турок и татар, на который они согласились только при условии, что Польская республика уступит России провинции, завоеванные царем Алексеем Михайловичем, а именно: Смоленск, Северск, Киев и Украину, на что Польша согласилась в 1684 году, потребовав сумму в полтора миллиона польских ливров, что составляло более ста восьмидесяти тысяч рублей, которые Россия и уплатила республике, заключившей при этом в 1686 году с Россией наступательный и оборонительный альянс против Порты в пользу Австрийского дома *.

5

Военные действия против татар начались в 1687 году, а в 1689-м русская армия под командованием генерала князя Голицына численностью, как гласит история, в четыре тысячи человек выступила в поход с целью осадить Перекоп и проникнуть в Крым; но эта многочисленная армия была разбита татарами, которые забрали у нее большую часть лошадей. Я знал одного старика по фамилии Васильчиков, участника похода, который рассказывал мне: «Дворяне, составлявшие эту армию, были все настоящими орлами, каждого сопровождали десять, двадцать и тридцать слуг, боярские люди, все хорошо снаряженные и вооруженные саблями, нарезными аркебу-

* Турки начали войну против римского императора в 1683 году. В этом же году посольство римского императора отправилось в Россию, но прибыло в Москву только в мае 1684 года. Вечный мир с Польшей, о котором здесь упоминается, заключен в 1686 году. (Примеч. М. Б.)

зами, луками, стрелами и копьями, и были полки численностью в двадцать — двадцать пять тысяч отборных людей каждый» *.

6

Такие силы и такие походы в Ливонию против шведов, в Литву и Польшу, когда войска московитов достигли Варшавы, сделали государство столь грозным, что историки тех далеких времен называли его империей, что сделал даже и венский двор.

7

Мы умолчим о предшествующих царствованиях и отнесем возникновение империи на Руси к 1690 году, когда после смерти Федора Алексеевича, случившейся 27 апреля 1682 года, и после того, как царь Иван Алексеевич, близнец Федора, уступил правление своему младшему брату Петру Алексеевичу, завоевателю, основателю империи и несравненному законодателю.

8

Русские войска состояли тогда из стрельцов, или аркебузирова, в количестве пятнадцати тысяч под командованием своих генералов. Эти войска составляли царскую стражу, и их можно было сравнить с турецкими янычарами; свидетельство — восстание в 1682 году в пользу юного монарха Петра Алексеевича, которому было только десять лет, против царя Ивана Алексеевича, чья сестра княжна Софья вступила в союз с генералом Голицыным и с Хованским, чтобы править империей во время малолетства юного монарха Петра Алексеевича. Стрельцы, бывшие на стороне царя Ивана, восстали, в бешенстве ворвались в царский дворец и побросали в окна многих

* Генерал Гордон объясняет неудачу как этого похода против татар, так и всех предшествующих, разногласиями, которые царили при московском дворе, и говорит, что юный царь Петр был очень этим рассержен. Сведения об этом помещены в «Сборнике русской истории» профессора Байера, который взял их из записок Гордона. (Примеч. М. Б.)

вельмож из партии княжны Софьи ²; при этом погибли два генерала — Долгоруков и Ромодановский, а также врачи покойного царя Федора и другие вельможи, чьи дома были разграблены. Вот почему цари Иван и Петр царствовали вместе до 1690 года. 20 мая 1684 года они заключили мир со Швецией *.

Были еще однодворцы, подданные, независимые от дворянства и обязанные носить оружие, их число могло достигать тридцати-сорока тысяч человек. Именно из этих однодворцев ³ был сформирован впоследствии Украинский корпус, так называемая ландмилиция, гвардейский Измайловский и первый Кирасирский полки.

Остальная часть огромной русской армии, как мы уже сказали выше, состояла из дворян и их вооруженных слуг, а также казаков.

9

Цари почти не общались [с народом] и совсем не пользовались народной любовью. Народ им поклонялся, и когда они проезжали верхом по улицам, все падали перед ними ниц. В то время Россия не знала карет, и царь их не имел.

10

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ЭТИХ МОНАРХАХ

Бояре, столбовые бояре, из высшей знати были государственными министрами или сенаторами.

Окольничие, окольничие бояре, камергеры, или придворные, были тайными советниками.

Думные дворяне были государственными советниками.

Думные дьяки выполняли функции первых секретарей **.

* Цари Иван и Петр возобновили и подтвердили в 1684 году Кардисский мир, заключенный со Швецией в 1661 году, а также все другие договоры. Петр сделал то же самое в 1699 году. (Примеч. М. Б.)

** Профессор Миллер ⁴ сравнивает бояр с нынешними действительными тайными советниками, окольничих — с тайными советниками, думных дворян — с действительными статскими советниками, а думных дьяков — с тайными секретарями. (Примеч. М. Б.)

Этот совет министров⁵ занимался всеми государственными делами через различные департаменты, именовавшиеся приказами, как, например:

Преображенский приказ, где рассматривались секретные дела,

Судный приказ — высшее судебное учреждение,

Поместный приказ, который ведал всеми землями духовенства и дворянства, и другие.

Но когда речь шла о каком-нибудь важном деле, как, например, заключение мирного договора или объявление войны, царь лично отправлялся к патриарху за советом и обычно следовал его мнению.

Патриархи были так почитаемы, что во время больших церемоний или процессий, когда патриарх ехал верхом, царствующий государь держал ему стремя.

11

Следует заметить, что татары после многочисленных набегов во многие области России и захвата Киева вынудили царей в силу договоров платить дань крымским ханам наличными деньгами и соколами. Линия укреплений и крепость Перекоп (Ор-Капи) назывались воротами Оттоманской империи; Крым был захвачен только в 1736 году, когда я овладел этими знаменитыми укреплениями, защищавшимися 180 тысячами татар, а также крепостью Перекоп, охраняемой четырьмя тысячами янычар; не потеряв при этом ни одного человека, взял город Козлов*, где великий князь Владимир женился на византийской царевне Анне, благодаря которой греческая религия была введена в обширной русской империи. Наши же казаки, дойдя до Бахчисарая, сожгли ханский дворец.

12

Таким образом, в 1690 году юный государь Петр Алексеевич взял в свои руки бразды правления и стал царствовать один. Вскоре он почувствовал свою силу и, рожденный завоевателем, бесстрашно напал на Оттоман-

* Некоторые считают, что город Корсунь, или Херсу, где принял крещение Владимир⁶, стоял на месте города Козлова; но другие полагают, что он находится на месте нынешнего города Керчь. (Примеч. М. Б.)

скую Порту: в 1695 году с многочисленной армией под командованием генерала Шереметева и гетмана казаков Мазепы он предпринял осаду Азова, но, поскольку в России не знали тогда искусства атаковать крепости, юный герой был вынужден снять осаду и заменить ее блокадой.

Государь не потерял присутствия духа и благодаря твердости и врожденной настойчивости, признаки которых он блестяще проявлял на протяжении всего своего царствования, он предпринял в следующем 1696 году во второй раз такую же осаду. На этот раз ею руководили инженеры и офицеры-артиллеристы из Австрии, Бранденбурга и Голландии *. Таким образом он овладел этой важной крепостью и с триумфом вернулся в Москву.

13

Необыкновенный ум молодого монарха вскоре обратил его внимание на то, что нужно изменить образ правления и в то же время все внутреннее устройство государства. Именно с этой благотворной целью он решил лично отправиться за границу, чтобы самому познакомиться с различными принципами государственного устройства. В 1697 году он предпринял путешествие, почти инкогнито, в свите посольства, главой которого был первый фаворит господин Франц Лефорт, получивший звание генерал-адмирала.

14

Сначала он отправился в Ригу, где шведский комендант принял его невежливо и не позволил подняться на городской вал, чтобы осмотреть укрепления; это рассердило молодого монарха и, как подозревают, было одной из причин, в силу которой он решил впоследствии вести войну со Швецией. Из Риги он отправился в 1698 году в Кенигсберг, где он увиделся с курфюрстом Фридрихом, ставшим впоследствии первым королем Пруссии, с которым у него завязалась тесная дружба, продолжавшаяся всю их жизнь.

* Имена всех этих людей сохранены для потомства в «Сборнике русской истории». (Примеч. М. Б.)

Юный герой продолжил свое путешествие через Ганновер, где ему не оказали приема, соответствовавшего его сану: первая причина того, что этот государь никогда не был другом Георгу I, королю Англии, бывшему в то время курфюрстом ганноверским, хотя Петр I всегда выказывал особое расположение к английской нации. Из Ганновера он проехал через Голландию в Англию, чтобы учиться кораблестроению. На обратном пути он заехал в Вену, где был принят с большим почетом. Оттуда он хотел проехать в Венецию, но вскоре в Вене он получил известие о восстании стрельцов в Москве, что ускорило его возвращение в Москву. Проезжая через Польшу, он завязал дружбу с Августом II, польским королем и курфюрстом саксонским. Всюду, где только останавливался молодой монарх, восхищались его умом, проницательностью и доступностью этого великого государя. Вернувшись в Москву, он своим присутствием усмирил мятежных стрельцов, большое число которых было казнено.

В 1699 году Петр Алексеевич заключил с Портой перемирие на два года, сохранив за собой крепость Азов, и начал строить Таганрог, или крепость Св. Троицы, на берегах Азовского моря, а вместе с тем и военные корабли. Оттуда он отправил в Константинополь посла на вновь построенном фрегате, из пушки которого был произведен выстрел при подходе к резиденции великого властителя, что крайне изумило турок и способствовало соглашению, предполагавшему определение числа и рода кораблей, которые Россия могла бы в будущем иметь на Азовском море; а турки выстроили в Крыму новую крепость, названную Еникале, чтобы господствовать над проливом, отделяющим Крым от Кубани.

В 1700 году Петр отправил в Стокгольм посла, чтобы уладить разногласия, возникшие между двумя дворами; однако его союз с польским королем Августом II, курфюрстом саксонским, был заключен с целью ведения

войны против Швеции, так как Август хотел вернуть себе Ригу и Ливонию, некогда принадлежавшие Польше. Уладив свои дела с Портой, царь сначала послал казаков в помощь польскому королю, а потом сам во главе грозной армии и многочисленной артиллерии двинулся на Нарву, чтобы захватить этот город, напротив которого еще царь Иван Васильевич построил прекрасную крепость Ивангород; но молодой король Швеции Карл XII пришел на помощь Нарве; с горстью солдат атаковал русскую армию, разбил ее, вынудил снять осаду и отступить.

18

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ АРМИИ ПРИ ПЕТРЕ I

Мы уже видели, что царям не составляло труда поставить под ружье войска численностью от двухсот до трехсот тысяч человек, но это были нерегулярные и беспорядочные войска, состоявшие в большинстве своем из дворянских слуг; стрельцы вследствие их восстаний были почти уничтожены⁷; но юный монарх с детства имел в Москве две роты из молодых людей, иначе говоря — кадетов, для потехи; одна из этих рот размещалась в Преображенском предместье, а другая — в Семеновском, названных так по имени приходских церквей. Молодой государь сформировал из них сначала два гвардейских полка: Преображенский и Семеновский, которые составляют сегодня первые и образцовые части пехоты Российской империи. В то же время государь сформировал ряд пехотных полков, куда солдат набирали из народа посредством рекрутского набора, а в 1704 году создал сразу тридцать четыре драгунских полка. Рассказывают, впрочем, что эти тридцать четыре полка формировались постепенно с 1701-го по 1709 год, каждый полк из тысячи человек, то есть всего тридцать четыре тысячи драгун, все из дворян. Государь пригласил на службу изрядное число иностранных генералов и офицеров для обучения и командования этими войсками и за короткое время создал сильную регулярную армию, которую сам повел к победам и с которой он стремительно завоевал Ингрию, Карелию, Финляндию, Эстонию и Ливонию со всеми их крепостями. Он построил сначала два многочисленных флота из военных кораблей и галер⁸. Старани-

ями генерал-фельдцейхмейстера графа Брюса он значительно увеличил осадную, полевую, полковую и гарнизонную артиллерию, а также морскую. С этими регулярными сухопутными и морскими силами он разбил в 1709 году Карла XII под Полтавой, углубился в Швецию, не дойдя четырех лье до Стокгольма, и заключил в 1721 году знаменитый мир⁹, который позволил ему сохранить за собой все завоеванные области, упомянутые выше.

Что касается порядка, в который этот великий и мудрый государь привел свои финансы, то об этом можно судить по тем словам, которыми он меня удостоил в том же 1721 году в Шлиссельбурге. Взятие этой крепости было его первой победой, которую он одержал над шведами 11 октября 1703 года¹⁰. Он имел обыкновение ездить туда в этот день, если находился в России, на борту флотилии в сопровождении сенаторов, министров и генералов, чтобы там праздновать годовщину взятия этой крепости, штурм которой, как говорил император, сопровождался большими потерями, так как под брешью в стене совсем не было пространства, чтобы войска могли собраться для начала приступа, а тем временем шведский гарнизон истреблял их гранатами и камнями; князь Михаил Михайлович Голицын, впоследствии подполковник гвардии и фельдмаршал русской армии, провел в такой обстановке более двадцати четырех часов у подножия бреши; кроме того, нужно было перевезти на лодках все эти войска, идущие на штурм, под артиллерийским и ружейным огнем крепости. Император сказал мне по этому случаю, что он только что закончил войну, которая длилась более двадцати лет, не сделав долгов, и что, если бы по воле божьей ему пришлось вести еще одну двадцатилетнюю войну, он смог бы выдержать ее, не входя в долги*.

Доказательством справедливости этого может служить то обстоятельство, что после заключения мира

* Это тем более замечательно, что, как доказано, доходы Российской империи до Петра Великого не превышали пяти миллионов рублей в год. Следовательно, Петр не мог иметь более того в начале своего царствования. (Примеч. М. Б.)

император заплатил Швеции два миллиона рублей за Ливонию, на которую могла претендовать и Польская республика, так как по договору, заключенному с польским королем, император обязался в случае завоевания Ливонии оставить эту область за Польшей, а перед заключением Ништадтского мирного договора император решил было отдать Ливонию Швеции, если бы шведские министры на конгрессе в Ништадте не были подкуплены бароном Остерманом, впоследствии министром; еще большим доказательством, что император не нуждался в деньгах ¹¹, служит предпринятая им в следующем, 1722 году война против Персии, которая обошлась ему в огромную сумму, так как нужно было перевозить через Каспийское море продовольствие и все необходимое для армии; император сам вел до Дербента армию, состоящую из лучших русских войск. Можно ли не восхищаться такой бережливости монарха!

20

Ни у одного завоевателя не было более определенного взгляда и большей уверенности в отношении своих завоеваний, чем у Петра Великого; он потратил огромные суммы на строительство городов и крепостей Петербурга и Кронштадта, а также портов на шведской территории, прежде чем приобрел уверенность в условиях мира, казавшегося тогда еще очень отдаленным и сомнительным.

Наконец, находчивость его гения возростала по мере того, как умножались препятствия перед ним; по своим ослепительным деяниям он настолько превзошел своих соседей, что вся Европа единогласно дала этому несравненному государю имя «Великого».

В том же 1721 году во время торжества по случаю заключения мира со Швецией Петр Великий был признан и провозглашен императором в Троицкой церкви на Петербургской стороне. Великий канцлер граф Головкин произнес патетическую речь и просил монарха от имени всей нации принять титул императора, который он заслужил тем, что водил армии против врагов государства, своими важными завоеваниями, а также отеческими заботами о своем государстве. Император ответил: «Неистощима благодарность создателю за выгодный мир, ныне заключенный, и лишь милостью и милосердием к подданным может быть она отмечена».

И действительно, император велел освободить всех ссыльных и множество людей, находившихся под стражей.

21

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

В 1709 году после поражения в битве при Полтаве гетмана Украины Мазепы, который перешел на сторону шведов и врагов государства, государь уничтожил гетманский сан и чин и учредил вместо этого в Глухове палату-управление, названную «Министерская канцелярия», состоявшую частично из русских генералов, а частично из старшин, или казацких офицеров¹².

20 марта 1711 года Петр учредил правительствующий Сенат, наделенный почти абсолютной властью, особенно на время своего отсутствия из империи.

В 1717 году, по возвращении государя из Парижа, он учредил Главную полицию в Петербурге и во всех губерниях России; он учредил также должность генерал-прокурора и обер-прокурора в Сенате и прокуроров в коллегиях и губерниях.

1 января 1719 года он учредил коллегии: иностранных дел, военную, адмиралтейскую, юстиции, счетную палату и все прочие коллегии, а также множество канцелярий и палат, в том числе: артиллерии и фортификации, строительную, придворную и другие, а также очень важные приказы, как, например, Сибирский, и т. д.¹³.

Мудрость монарха побудила его упразднить сан и высшую власть патриархов, и 21 января 1721 года он учредил вместо этого первосвященника Синод, для коего он сам назначил и выбрал президента и членов из ученейших епископов и архимандритов. Он снабдил эту святую коллегию наставлениями и Духовным регламентом, заслуживающим восхищения*, и сам государь был ее первым президентом.

22

Такими великими и мудрыми установлениями управлялась под счастливой звездой Петра Великого

* Духовный регламент написал не сам император, а архиепископ Феофан Прокопович, сделавший это в 1719 году. В 1721 году он был напечатан от имени императора. (Примеч. М. Б.)

обширная Российская империя, процветающая и ныне.

Государь снабдил все различные департаменты регламентами, из коих данные Адмиралтейству и Военной коллегии восхищают своей чрезвычайной обширностью и свидетельствуют о великом гении и невероятном трудолюбии монарха.

Я не ставил здесь своей задачей входить в детали всех благотворных установлений Петра Великого. Они бесчисленны и непостижимы, и описание их составило бы объемистую книгу; я скажу лишь в немногих словах, что он преобразовал нравы и обычаи нации: люди, не принадлежащие к простонародью, перестали носить бороды, длинные одежды, сабли, персидские сапоги и русские шапки, и оба пола стали одеваться по французской моде. Он завел ассамблеи, и благодаря ему прекрасный пол стал появляться в обществе.

Он устроил мануфактуры, поощрял промышленность и пригласил архитекторов и ремесленников из Италии и Франции и корабельных мастеров из Англии. Он покровительствовал многим иностранцам, и если случалось ему встретить среди них недостойных, то говорил, что он был бы удовлетворен, если бы, по примеру апостолов, на одиннадцать хороших приходился один негодяй.

Он строго наказывал преступление, невзирая на звание лиц, и щедро вознаграждал заслуги.

Небо создало этого великого мужа, чтобы посредством его деятельности и его высокого гения учредить порядок, ввести промышленность и науки в государстве, почти неизвестном соседям; во время своего правления он проявил все добродетели души героической и государя совершенного, всех превосходящего.

Он все делал для своих подданных и ничего для самого себя; одевался он просто, и расходы всего его двора не превышали шестидесяти тысяч рублей в год. У него не было ни камергеров, ни камер-юнкеров, ни пажей; не было и серебряной посуды. Десять или двенадцать молодых дворян, называемых денщиками, и столько же гвардейских гренадер составляли его двор; там не было обычая носить ливреи, а шитья на мужском платье в России вообще не знали.

Он заключил союз с королями датским, прусским и польским с целью ослабить Швецию, очень грозную до 1709 года. Он низложил короля Станислава — креатуру

шведского короля и восстановил на престоле Августа II, короля польского. Он разбил Карла XII под Полтавой и довел Швецию до того состояния, в котором она пребывает и ныне. Он командовал одновременно русским флотом и английской, голландской и датской эскадрами, он испытывал такое пристрастие к английскому флоту, что сказал однажды: «Если бы я не был русским царем, я хотел бы стать английским адмиралом».

23

Весьма примечательно, что этот великий государь, чья проницательность и политические принципы не имели себе равных, никогда не упускал из виду пустоту, которая существовала между неограниченной верховной властью российского монарха и властью Сената, и по этой причине он всегда выбирал лицо, способное руководить Сенатом, а в отсутствие государя и всей империей.

Примечательно, что князь Меншиков, не будучи рожден дворянином, не умея даже ни читать, ни писать, пользовался, благодаря своей деятельности, таким доверием своего господина, что мог на протяжении многих лет подряд управлять столь обширной империей, но наконец в 1722 году, навлекши на себя неудовольствие императора, был заменен Павлом Ивановичем Ягужинским, бывшим тогда генерал-прокурором Сената. Перед своим отъездом из Москвы в Персию император представил его сенаторам, которыми в то время были: фельдмаршал князь Меншиков, генерал-адмирал граф Апраксин, великий канцлер граф Головкин, вице-канцлер барон Шафиров, президент камер-коллегии князь Дмитрий Михайлович Голицын, тайный советник Толстой — любимый министр Петра Великого — и гвардии майоры Ушаков и Юсупов, — все люди заслуженные и пользовавшиеся авторитетом, тогда как Ягужинский был еще молодым человеком, сыном совсем незнатного иностранца. Представляя его сенаторам, Петр сказал: «Вот мое всевидящее око, ему известны мои взгляды и намерения; то, что он признает за благо, то вы и делайте; если же вам покажется, что это против интересов моих и империи, то все равно выполняйте, но доложите мне об этом, дабы послушать на этот счет мои приказания».

Каково правило: подчинить голоса первых лиц в государстве голосу молодого иностранца!

Но Ягужинский нагло злоупотреблял доверием и властью, полученными от своего господина; он дурно обращался с сенаторами, и никто не был вхож к нему ¹¹.

Петр I, чтобы скорее все устроить согласно своим взглядам, придерживался того правила, что первые должности во всех департаментах должны предоставляться сановникам и другим русским людям, а второстепенные посты — иностранцам; таким образом, князь Меншиков был командующим армией и президентом Военной коллегии, а часть генералов и членов коллегии были иностранцами; граф Апраксин был адмиралом, а вице-адмиралами были иностранцы; и так было во всех коллегиях и управлениях.

Государь постоянно присутствовал в Сенате, часто даже по два раза в день, до самой ночи. Не было ни одной коллегии, которую он не посещал бы с изумительным постоянством. Ни один государь не был более трудолюбив, не осознавал лучше интересов и блага своего народа. Будучи человеком высокого ума и духа, он разрешал быстро и точно дела, затруднявшие сенаторов и коллегии, выражая при этом в немногих словах свои чувства и свою волю на листке бумаги.

С помощью такого образа правления Петр царствовал до конца своих дней. Он заставил трепетать своих врагов, был почитаем союзниками, любим и уважаем своими подданными; им восхищались все нации Европы и Азии.

За три месяца до смерти он совершил еще поездку в Старую Руссу на озеро Ильмень, чтобы распорядиться об устройстве там бассейна с тамошними соляными источниками и о сохранении дубовых лесов, предназначенных для строительства флота до тех пор, пока они понадобятся Адмиралтейству. По дороге в Старую Руссу и на обратном пути он заехал на Ладожский канал, управление которым было вверено им мне; это сооружение пользовалось особой его любовью, так как, по его выражению, «этот канал должен был питать города Петербург и Кронштадт, доставлять материалы для их строительства, по нему Петр хотел направить поток всех товаров и промышленных изделий, составляющих предметы торговли России с остальной Европой и, наконец, материалы, необходимые для создания и содержания флота».

Никогда этот государь не выказывал большего удовлетворения, чем при виде моих успехов по устройству канала; по этому поводу он собственноручно написал мне очень милостивое и лестное письмо и вручил его мне собственными руками.

Еще до отъезда из Петербурга в Старую Руссу он уже чувствовал болезнь, от которой потом и умер, а по возвращении сказал императрице: «Работы моего Миниха меня вылечили; я рассчитываю взойти когда-нибудь с ним на судно здесь в Петербурге и сойти на берег в саду Головина в Москве».

На следующий день он отвез меня в Сенат и сказал сенаторам: «Я нашел человека, который скоро закончит Ладожский канал; у меня на службе не было еще иностранца, который мог бы проектировать и выполнять такие большие работы, как он. Делайте все, что он потребует!»

По выходе из Сената генерал-прокурор Ягужинский сказал мне: «Господин генерал, теперь мы в вашем распоряжении: император приказал отправить двадцать пять тысяч солдат для работ на этом канале», что доказывает, как близко к сердцу принимал государь все, что представляло интерес для государства и его подданных.

Но этот истинный Отец Отечества умер несколько недель спустя, 28 января 1725 года.

Лишь за несколько дней до своей кончины он согласился на брак герцога Голштинского со старшей дочерью, цесаревной Анной Петровной, чье обручение состоялось в присутствии его, императрицы и всего двора.

После смерти этого великого государя все сенаторы и сановники империи согласились возвести на престол юного великого князя Петра Алексеевича, внука императора; они собрались на другой день рано утром в императорском дворце прежде, чем туда прибыл князь Меншиков. Все они ненавидели этого князя, особенно генерал-прокурор Ягужинский: перед дверями апартаментов, где собрались сенаторы, поставили стражу; князь Меншиков явился туда — его не пустили; не поднимая шума, он вернулся в свой дворец, где ныне кадетский корпус, пригласил к себе Ивана Ивановича Бутурлина, подполковника гвардейского Преображенского полка, и попросил

привести ему как можно скорее роту гвардейцев; когда это было исполнено, князь Меншиков отправился с этой ротой прямо в императорский дворец, выломал дверь залы, где заседали сенаторы и генералы, и объявил Екатерину, которую покойный император короновал в Москве в мае предшествующего года, императрицей и законной государыней России¹⁵. Никто не ожидал такого смелого поступка от князя Меншикова, и никто не воспротивился объявлению Екатерины императрицей, которой в тот же день принесли присягу на верность гвардия, полевые полки и гарнизон, а также сенаторы, министры, высшее дворянство, а затем коллегии и прочие.

26

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ

Эта государыня была любима и обожаема всей нацией, благодаря своей врожденной душевной доброте, которая проявлялась всякий раз, когда она могла принять участие в лицах, попавших в опалу и заслуживших немилость императора, к которому она питала любовь и безграничную привязанность, не расставаясь с ним ни в путешествиях, ни в самых суровых походах, ни даже в сражениях и битвах, как, например, в Персии и на Пруте. Она была поистине посредницей между государем и его подданными.

Причины, по которым сенаторы, министры и генералы предпочли ей молодого великого князя Петра Алексеича, внука Петра Великого, могли быть следующими:

1. Эти сановники хотели управлять государством во время малолетства Петра II;

2. В последние дни жизни Петра Великого было замечено некоторое охлаждение государя к императрице по тайным причинам¹⁶;

3. Министры предвидели, что императрица оставит управление государством князю Меншикову, ввиду влияния, какое он имел на нее.

27

Императрица, прежде чем государь почувствовал к ней привязанность, содержалась несколько лет в доме князя Меншикова; таким образом, движимая признатель-

ностью за его благодеяния и, в особенности, за блестящую услугу, которую он оказал ей, возведя на престол, она предоставила ему полную власть, так что Сенат и коллегия действовали лишь в соответствии с волей этого князя.

28

Герцог Голштинский, вскоре после смерти Петра Великого женившийся на великой княжне Анне Петровне, мог бы уравновесить влияние князя Меншикова, тем более что императрица нежно любила герцогиню Анну, свою старшую дочь, но насколько князь Меншиков был бдителен и настойчив, настолько герцог был высокомерен и медлителен: Меншиков являлся к императрице рано утром, и тогда герцогу и герцогине доступ к ней был запрещен.

29

Князь Меншиков был одним из богатейших частных лиц в Европе; у него насчитывалось до ста тысяч душ подданных в России, кроме того, он имел значительные земли в Ингрии, Ливонии и Польше; прусский король пожаловал ему округ Рюген, а император Карл VI — княжество Козельское в Силезии*.

Его единственный сын, в настоящее время премьер-майор гвардейского Преображенского полка, еще будучи в школе, был произведен в камергеры императрицы и пожалован орденом Св. Екатерины и прусского Черного Ора; таким образом, все было сделано для упрочения положения молодого князя, и его заранее видели будущим обер-камергером императрицы и во главе гвардии, как только он достигнет совершеннолетия.

Князь, его отец, думал об устройстве судьбы княжон, двух своих дочерей, старшая из которых была предназначена в супруги молодому графу Сапеге, которого князь Меншиков пригласил приехать из Польши, чтобы тот осел в России; этот молодой вельможа был тотчас сделан камергером императрицы, а его отец — генерал-фельдмаршалом русской армии.

* Замок Козель с принадлежащими ему землями находится ныне во владении графа Плеттенберга на тех же основаниях, на каких владел им князь Меншиков. (Примеч. М. Б.)

Этот план был вскоре изменен, и молодой граф Сапега, с соизволения императрицы, женился на ее племяннице графине Софье Карловне Скавронской, а старшая дочь князя Меншикова была предназначена великому князю, законному наследнику российского престола.

Именно это стало явной причиной необыкновенного возвышения и падения князя Меншикова; проект женить великого князя на княжне Меншиковой и сделать ее русской императрицей был одобрен государыней, а затем подтвержден ее завещанием, составленным графом Бассевичем, министром герцога Голштинского, и подписанным великой княжной Елизаветой от имени императрицы. В силу этого завещания герцог Голштинский должен был получить два миллиона рублей в приданое за княжной Анной Петровной, и такая же сумма назначалась за княжной Елизаветой, обрученной с братом герцога Голштинского, епископом Любекским, который умер здесь, в Петербурге, от оспы до вступления в брак. По этому же завещанию герцог и герцогиня Голштинские и княжна Елизавета назначались первыми членами регентства на время малолетства императора, а князь Меншиков, министры и сенаторы — вторыми членами.

Венский двор воспользовался этой ситуацией, чтобы внушить князю Меншикову, что поскольку юный государь Петр II приходится племянником, а следовательно, близким родственником римского императора¹⁷, то император и императрица одобряют брак его с княжной Меншиковой и окажут поддержку при любом стечении обстоятельств. Обручение молодого императора с княжной Меншиковой состоялось в особняке этого вельможи в присутствии всего двора и с большой пышностью; однако было замечено, что во время церемонии государь ни разу не взглянул на княжну, свою невесту.

С помощью этих лестных обещаний графу Рабутину, министру венского двора, удалось 6 августа 1726 года заключить столь невыгодный для России союзный договор, по которому обе стороны в случае войны обязались предоставить тридцать тысяч человек той стране, на которую будет совершено нападение, — союз пагубный,

потому что Австрийский дом мог им воспользоваться в своих интересах десять раз, тогда как Россия — один. Так устройство судьбы одной из дочерей Меншикова послужило основой этому союзному договору, последствия коего стоили России столько крови и денег во время последней войны.

Венский двор настойчиво добивался подобного договора с Петром I, но он никогда не хотел заключать подобный договор против какого-либо государства Европы, а только против Османской Порты. Этот государь сказал мне о европейских державах, что не он нуждается в союзе с ними, а они нуждаются в союзе с ним¹⁸.

Императрица Екатерина скончалась от сильного приступа ревматизма 6 мая 1727 года *, и на следующий день великий князь Петр Алексеевич единогласно и с одобрения всей нации был объявлен императором.

32

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ

Управление империей в то время было не что иное, как деспотический произвол князя Меншикова.

Но скоро он стал злоупотреблять своей властью и, среди прочего, убедил императрицу подписать приговор Девьеру — генерал-полицеймейстеру **, заслуженному офицеру, бывшему в большой милости у Петра Великого и даже у самой императрицы, доверивших ему обязанности воспитателя обеих великих княжон Анны и Елизаветы Петровны. Девьер был женат на сестре Меншикова, который, однако, посадил его в крепость, безжалостно обращался с ним и отправил его в ссылку. Меншиков надменно обращался со всеми сановниками империи и только и думал о том, как удалить герцога и герцогиню Голштинских. Он воспротивился завершению строительства Ладожского канала и другого, в устье Невы, который Петр Великий велел мне построить. В лице казацкого полковника Апостола он восстановил должность украинского гетмана и вообще действовал только в своих личных интересах.

* Уверяют, что она умерла от отравленной засахаренной груши, которую ей преподнес граф Девьер¹⁹. (Примеч. М. Б.)

** Девьер был осужден только после смерти Екатерины. (Примеч. М. Б.)

ЦАРСТВОВАНИЕ ЮНОГО ИМПЕРАТОРА ПЕТРА II

Петр Алексеевич был провозглашен императором 7 мая 1727 года под именем Петра II; князь Меншиков увез его из императорского дворца и поселил молодого государя в своем доме, чтобы всегда иметь его под рукой; таким образом, его влияние и власть возрастали с каждым днем, и все преклонялись перед ним; его младшая дочь была всенародно объявлена невестой Петра II 6 июня 1727 года.

Вскоре он злоупотребил этой властью, удалил воспитателя молодого государя Маврина, сослав его в Сибирь, и Зейкина, его предшественника, выслав его за пределы империи, а также всех, к кому юный государь выказывал свою благосклонность и расположение; он удалил из Петербурга, чтобы отправить в ссылку, генерал-прокурора Ягужинского — зятя великого канцлера графа Головкина, а так как этот министр вступился за него, то князь ему сказал: «Вы хотите, чтобы я отправил вас вместо него?» Уже был подписан приказ об отправлении генерал-адмирала графа Апраксина в Архангельск для строительства там фрегатов; Толстой был сослан, и все сенаторы, таким образом, были разогнаны; подполковник гвардейского Преображенского полка Иван Иванович Бутурлин был сослан в свое поместье, а Остермана, стоявшего во главе иностранных дел, он оскорблял словесно.

Когда он писал молодому императору, то обращался с ним, как с сыном, и подписывал письма: «Отец ваш Меншиков»

В церквях он становился на царское место. Эта чрезмерная гордость и тиранические поступки открыли глаза министрам и сановникам империи, которые через молодого князя Ивана Долгорукого — любимца молодого императора, нарочно увозившего последнего каждый день на охоту, куда князь Меншиков не мог за ним последовать, — нашли способ восстановить государя против Меншикова.

В июле месяце двор находился, по обыкновению, в Петергофе и собирался уже возвращаться в Петербург; князь Меншиков ни о чем не подозревал и отправился вперед, чтобы принять молодого государя в своем доме,

но по прибытии придворные ему сказали, что его величество приказал приготовить для своего пребывания летний императорский дворец. Князь им ответил, что он также в нем поселится, но придворные офицеры возразили, что император запретил это. Тогда он возвратился к себе, а император по прибытии в Петербург послал к нему генерала Салтыкова, гвардии майора, чтобы объявить об аресте, и на следующий день Меншиков со всей своей семьей был отправлен в Сибирь, в Березов ²⁰.

35

После таких перемен император оказался в руках Долгоруковых, которые ежедневно увозили его на охоту, не оставляя ему времени для занятия делами, и вместо дочери Меншикова ему вскоре выбрали другую княжну, которая приходилась сестрой молодому любимцу князю Ивану Долгорукому.

Министр иностранных дел барон Остерман был назначен воспитателем молодого государя, но он виделся с ним лишь во время утреннего туалета, когда тот вставал, и по вечерам, после возвращения с охоты; однажды Остерман сказал мне со слезами на глазах: молодого государя принуждают вести такой образ жизни, который приведет его к гибели.

Коронование императора должно было состояться в Москве в 1728 году, все готовилось, чтобы отправиться туда в ноябре 1727 года, но снег выпал только 9 января 1728 года, и в тот же день император выехал из Петербурга.

По прибытии в Москву княжна Наталия Алексеевна, сестра императора, одаренная самыми превосходными качествами, заболела в селе Всесвятском корью, от которой и умерла, ко всеобщему великому сожалению, потому что княжна имела большое влияние на ум государя, которому она могла бы и наследовать [в случае его смерти]. 25 февраля император был коронован.

36

В Москве был изменен образ правления; сановники империи создали там орган, именуемый Верховным тайным советом, состоявший из восьми членов знатнейших фамилий. Сенат и все коллегии зависели от этого Совета.

18 января 1730 года было днем, назначенным для объявления совершеннолетия юного государя, который должен был царствовать под именем Петра II, и в этот же день предполагалось совершить и бракосочетание его с княжной Долгоруковой; но так как за десять дней до этого он заболел оспой, то от нее и умер 19 января, к великому сожалению всей нации, которая его обожала, оставив управление империей на благоусмотрение сановников, составлявших Верховный тайный совет. Этот Совет вызвал всеобщий ропот, недовольные громко заявляли, что русские издавна привыкли, чтобы ими правил суверенный государь, от которого зависела их жизнь и имущество, а не восемь человек — их собратьев, и что не знаешь, к кому обратиться, так как если выкажешь привязанность к одному из них, то семь других могут стать врагами, а потому они хотят, по старинному обычаю, зависеть и быть подданными одного неограниченного монарха.

37

Верховный тайный совет составил сначала план упразднения и полного уничтожения самодержавия, государь же должен был довольствоваться определенным содержанием, и не только лишался права награждать или назначать на должность, но не мог даже производить кого-либо в прапорщики гвардии, поскольку все зависело от Верховного [тайного] совета.

Однако члены этого Тайного совета после нескольких совещаний пришли к общему соглашению призвать на императорский престол Анну Ивановну, вдовствующую герцогиню Курляндскую и вторую дочь царя Ивана Алексеевича, брата Петра Великого.

У Анны Ивановны была старшая сестра Екатерина, но так как ее муж, герцог Мекленбургский, был человеком беспокойного и странного характера, она не получила приглашения на русский престол.

38

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИВАНОВНЫ

Верховный и, можно сказать, самодержавный тайный совет отправил для сопровождения вдовствующей герцогини Курляндской Анны Ивановны из Митавы в Москву

от Сената Василия Лукича Долгорукова, вельможу с выдающимися заслугами, от военных — генерал-лейтенанта Леонтьева и от двора — камергера князя Черкасского.

Эта депутация по прибытии в Митаву заставила герцогиню Анну подписать «кондиции», по которым она отказывалась от самодержавия, оставляя всю полноту власти членам Верховного тайного совета; после чего она была признана императрицей.

По прибытии в Москву тринадцатого февраля никому не позволили приближаться к ее величеству иначе как в присутствии или с согласия Василия Лукича Долгорукова так, что она решительно не могла ничем распорядиться.

Так как эта великая государыня сознавала свою силу и не могла согласиться с действиями Верховного тайного совета, она вскоре составила себе партию, во главе которой стояли: князь Алексей Михайлович Черкасский и князь Иван Юрьевич Трубецкой, генерал, хотя последний и подписал документ об отмене самодержавия.

Так как гвардия и армия находились в распоряжении противной партии и под командованием Долгоруковых и Голицыных, то оба вельможи, Черкасский и Трубецкой, рискуя своей жизнью, представили императрице записку, в которой говорилось, что депутаты Верховного [тайного] совета, которые вынудили ее величество подписать в Митаве акт об отречении от самодержавия, заверили ее при этом в том, что это делается при всеобщем согласии дворянства, но они повергаются к стопам ее императорского величества, дабы уверить ее в том, что они не были согласны с членами Совета и что вообще дворянство, духовенство и нация желают и умоляют ее величество соизволить царствовать неограниченно и самодержавно, как и ее предшественники.

Императрица приняла необходимые меры предосторожности для безопасности своей особы, удвоив стражу и убедившись в преданности своих офицеров; Альбрехт, служивший тогда в гвардии в чине капитана, сделал на этом свою карьеру. После этого ее величество велела пригласить во дворец членов Верховного [тайного] совета с приказанием передать ей акт отречения, который ее вынудили подписать в Митаве.

Когда все собрались во дворце, императрица кротко, но твердо объявила, что «ее вынудили подписать в Митаве акт об отречении от самодержавия, уверив ее, что это

отвечает единодушным желанием дворянства и ее верно-подданных, но, узнав недавно о противном, она считает себя обязанной отменить этот акт; она прощает всех тех, кто в этом принимал участие, и будет править самодержавно и по справедливости над своими подданными, как и ее предшественники.

Сказав это, она разорвала вышеупомянутый акт в присутствии членов Верховного [тайного] совета, министров и генералов, которые после этого разошлись, и все обошлось без волнений.

Императрица короновалась в Москве 28 апреля 1730 года. Я убедил ее перенести свою резиденцию в Петербург, куда она и прибыла 15 января 1732 года.

Остерман, который после возвращения Петра Великого из Персии в Москву в 1723 году, когда пал вице-канцлер барон Шафиров, был назначен на место этого министра и, таким образом, при Петре Великом занимался важнейшими государственными делами, имел заклятым врагом генерал-прокурора Ягужинского, и так как не осталось никакой надежды на их примирение, императрица попросила совета у обер-гофмаршала графа Левенвольде и его брата, бывшего тогда обер-шталмейстером, у Бирона, обер-камергера, и у меня, кого из двух — Ягужинского или Остермана — следует оставить для участия в Совете; и так как первый был от природы вспыльчив, а Остерман более трудолюбив, мы пришли к мнению, что нужно оставить сего последнего, Ягужинский же был отправлен посланником к берлинскому двору²¹.

39

Остерман, оказавшись, таким образом, во главе всех дел, прекрасно понял, что нужно заполнить ту пустоту, о которой шла речь, и так как императрица питала ко мне большое доверие, Остерман попросил меня предложить ее величеству сформировать Кабинет, который мог бы заниматься важнейшими государственными делами и посылать указы ее величества в Сенат и другие присутственные места, а назначить туда кроме Остермана только князя Алексея Михайловича Черкасского, которым он надеялся руководить. Я взял на себя это поручение. Ее величество одобрила предложение с условием, как она сказала, что я тоже стану членом Кабинета.

Именно таким образом в Москве в 1730 году²² сразу после восшествия на престол императрицы Анны был сформирован Кабинет, который и просуществовал до конца ее дней, то есть до 1741 года.

Так как вскоре императрица назначила меня генерал-фельдцейхмейстером и президентом Военной коллегии, каковую должность я исполнял уже несколько лет, она дала мне еще важное поручение составить новые военные штаты как для гвардии, так и для полевых полков, гарнизонов и украинской милиции, а чтобы ободрить меня, эта великая государыня пожаловала меня вслед за тем генерал-фельдмаршалом своих войск и поручила мне главное командование в Петербурге и в Ингрии.

В то же время я основал по ее приказанию Кадетский корпус и сформировал первый кирасирский полк, а также инженерные войска.

Я был настолько занят всеми этими поручениями, что, дабы ничего не упустить, отправился в Петербург, где находилась Военная коллегия, Канцелярия артиллерии и фортификаций и где также должно было быть мое местопребывание как командующего, так что только Остерман и Черкасский остались в Кабинете, на что я согласился, тем более охотно, что не был сведущ в иностранных делах и делах, касающихся внутреннего управления империи²³.

Однако императрица, после переезда в Петербург 15 января 1732 года, требовала меня к себе всякий раз, когда рассматривались важнейшие дела, как, например, война в Польше против короля Станислава, начавшаяся в 1733 году.

Учреждение Кабинета было чем-то новым в России и не всем было по вкусу, тем более что Остерман считался человеком двоедушным, а Черкасский очень ленивым; тогда говорили, что «в этом кабинете Черкасский был телом, а Остерман душой, не слишком честной».

Сенат был, таким образом, почти сведен на нет: старые сенаторы, такие, как князь Дмитрий Михайлович Голицын и другие недовольные Кабинетом, не ездили в Сенат, отговариваясь болезнью; граф же Головкин на протяжении всего царствования императрицы, то есть девять-десять лет, не покидал постели, пока я не нашел средства поднять его, как мы увидим дальше.

В 1734 году я был послан осадить Данциг и изгнать оттуда короля Станислава, удалившегося из Варшавы за год до этого, когда генерал Ласси, с помощью прусского оружия, объявил польским королем курфюрста Саксонского под именем Августа III.

В городе вместе с королем Станиславом находились примас королевства Потоцкий, князья Чарторыйские, кастелян Вильны и русский наместник с их семействами, граф Понятовский — воевода Мазовии и графиня — его супруга, сестра русского наместника, и трое их сыновей; Залусский, епископ Плоцкий, государственный казначей граф Оссолинский, многие сенаторы, французский посланник маркиз де Монти и три французских батальона, расположенные в Вейксельмюнде.

Известно, как я вынудил короля Станислава, переодетого крестьянином, удалиться в Кенигсберг и, таким образом, покинуть Польшу²⁴ После этого примас, все сенаторы — сторонники Станислава, маркиз де Монти и сформированный им полк драгун, коронная гвардия, множество офицеров, шведские артиллеристы и бомбардиры и три французских батальона были взяты в плен, а город Данциг выплатил миллион за сопротивление русскому оружию и послал в Петербург депутацию от магистрата, чтобы у подножия престола ее величества испросить прощение за то, что посмели поднять оружие против русской армии.

Следует отметить, что Данциг сдался прежде, чем подошла из Петербурга осадная артиллерия, и что я взял этот город, Вейксельмюнде, укрепления в предместье Ора и много редутов с тремя восемнадцатифунтовыми пушками и пятью пятифунтовыми мортирами, из которых одну разорвало. Примечательно также то, что, когда я давал двадцать пушечных выстрелов, из города давали в ответ двести и против двадцати бомб, выпущенных с моих батарей, осажденные отвечали в течение суток четырьмястами. В Данциге было тридцать тысяч вооруженных войск, я же не располагал и двадцатью тысячами, чтобы вести осаду, а между тем линия окружения крепости простиралась на девять немецких миль.

Когда город сдался, король Август приехал из Дрездена в Оливский монастырь, куда я привез польских

сенаторов, моих пленников, которые покорились и признали Августа III своим королем, оттуда он вернулся в Дрезден.

В 1735 году король приехал в Варшаву, куда по приказу императрицы отправился и я, чтобы принять командование армией, которая в количестве девяноста тысяч человек, включая и нерегулярные войска, была рассредоточена по всей Польше и Литве.

Таким образом партия короля Станислава была уничтожена, республика признала Августа королем и в Польше все успокоилось.

Я рассчитывал возвратиться в Петербург, но получил в Варшаве приказ ее величества императрицы немедленно отправиться в Павловскую на Дону, чтобы подготовиться к осаде Азова и начать войну против турок и татар.

Первым делом я испросил прощальную аудиенцию у короля и королевы польских и, сдав командование войсками, находившимися в Польше, принцу Гессен-Гомбургскому, тотчас же отправился в Киев. Из Киева я поехал на украинскую линию, которую тщательно осмотрел от Орлика на Днепре до Изюма, где грузили продовольствие для войск, которые должны были вести осаду Азова, а оттуда я поехал в Павловскую, где приказал погрузить всю артиллерию и припасы, необходимые для осады.

Двор послал приказ генералу графу Вейсбаху идти с отрядом войска к Перекопу, чтобы войти в Крым, но этот генерал, вернувшийся из Польши, где он командовал частью армии, умер около Переволочны от воспаления в желудке; тогда крымская экспедиция была поручена генерал-лейтенанту Леонтьеву, который выступил в поход в прекрасные осенние дни, но он дошел только до Мертвых вод, даже не увидел Перекопа и был застигнут гололедицей, которая покрыла все луга, так что лошадям этого корпуса недоставало корма, и такое большое число их пало, что почти все офицеры и драгуны вернулись оттуда пешком.

13 марта 1736 года я отправился в крепость Св. Анны, откуда послал лазутчиков разведать азовские каланчи; шестнадцатого, переправившись через Дон с небольшим числом пехотинцев и отрядом донских казаков, я осадил азовскую крепость с этой горсткой людей; благодаря

внезапности не потеряв ни единого человека, я овладел каланчами, которые преграждали доступ к Азову по воде; в то же время я послал генерал-майора Спаррейтера с двумястами пехотинцев на лодках атаковать Лютик. Застигнутые врасплох янычары без сопротивления оставили эту крепость, вследствие чего город Азов был окружен со всех сторон; я укрепил позиции, занятые моей малочисленной пехотой, окопами и, отрыв тотчас же траншею, начал бомбардировать город, чем и началась осада.

Когда генерал Ласси вернулся с Рейна, где он командовал корпусом войска, я предоставил ему продолжать осаду, но так как при нем не было хороших инженеров, то он овладел Азовом лишь после больших усилий, при этом этот храбрый генерал был ранен в ногу.

Сам я с частью армии пошел в Крым, и известно, с каким счастливым успехом закончил я эту экспедицию, также как и всю войну, описанию обстоятельств которой здесь не место. Русский народ дал мне два титула: «столпа Российской империи» и «сокола» со всевидящим оком. Во время этой кампании я далеко продвигался в турецкие провинции, а все зимы проводил в Петербурге. Эта война закончилась битвой, увенчавшейся изумительной победой при Ставучанах, взятием Хотина и покорением Молдавии. Когда я двигался к Бендерам, чтобы овладеть этим городом, белгородские татары получили от меня приказание покориться, армия росла день ото дня за счет молдавских и валашских войск, и части мои дошли до Браилова на Дунае и проникли в Валахию.

Невыгодный Белградский мир, заключенный имперцами, внезапно остановил быстрые победы русского оружия, ведомого фельдмаршалом графом Ласси и мною.

В 1739 году генерал Нейперг, который командовал австрийской армией в Венгрии, был одновременно назначен полномочным министром для ведения переговоров о мире с великим визирем и заключил мир, позорно и без всякой необходимости сдав город Белград с крепостью, которая служила оплотом христианским государствам против неверных, тем более что оттоманская армия за недостатком продовольствия сняла бы осаду этой важной крепости, если бы Нейперг сумел протянуть переговоры

еще пять или шесть дней; но его торопили господин де Вильнев и само венское министерство.

Относительно белградской победы турки говорили, что не они взяли Белград, а Магомет им его отдал.

Вильнев хвастал, что, заключая этот мир, он оказал Франции гораздо большую услугу, чем если бы выиграл сражение.

Так как Нейперг заключил мир без участия России, то, когда полковник Броун, по приказу императрицы Анны находившийся в австрийской армии, дабы сообщать обо всем, что там происходит, спросил его, не содержит ли договор каких-либо условий, касающихся России, он поспешил ответить, что для России и без того слишком много сделали, втянувшись в эту роковую войну,— обычная увертка министерства австрийского двора.

Император Карл VI сам писал императрице Анне, что он «со слезами на глазах сообщает ее величеству о том, что его министерство заключило невыгодный мир с Великим Визирем, сдав Белград, но что тем не менее нужно сдержать слово, данное туркам».

Нейперг имел секретные инструкции от герцога Лотарингского, впоследствии императора, и Цинцендорфа, и после заключения невыгодного мира он сказал: «Многие думают, что по возвращении в Вену мне не сносить головы, но мне нечего бояться».

Мирный договор с Австрийским двором был заключен 1/12 сентября, а с Россией — 7/18 того же месяца 1739 года.

Этот мир был со стороны австрийцев тем более позорным, что в то же самое время император получил с курьером известие о победе при Ставучанах, взятии Хотина и об успехах русского оружия в Молдавии. Император во всеуслышание сказал, что «если бы во главе его войска стоял фельдмаршал Миних, то он мог бы продолжать войну...».

Следует заметить, что Вильнев был полномочным и аккредитованным министром одновременно французского, венского и петербургского дворов и давно уже пользовался большим доверием со стороны Оттоманской Порты, так что в данном случае он руководил всем.

Хотя Франция находилась в то время во враждебных отношениях с Россией из-за изгнания короля Станислава за пределы Польского королевства, Остерману не удалось помешать императрице Анне наделить Вильнева полномочиями, так как ее побуждало к этому австрийское

министерство; был найден способ подкупить Вильнева, тайно послав ему через Каньони, советника коммерц-коллегии, знаки ордена Св. Андрея, украшенные бриллиантами большой цены, а госпоже де Вильнев — драгоценности и внушительный вексель, который Вильнев, однако, не принял, а когда Каньони стал торопить его уладить поскорее с Великим Визирем статьи мирного договора с Россией, Вильнев ответил: «С вашим делом все будет в порядке».

Эти статьи были наконец улажены, и мир был заключен согласно проекту, присланному Остерманом Вильневу, по которому:

1. Границы Украины были значительно расширены со стороны Крыма, так что:

2. Запорожские казаки остались под владычеством России.

3. Азов не возвращался Порте, а должен был быть снесен, а линия новой границы должна была пройти через центр Азова.

4. Порта могла строить новую крепость только в тридцати верстах от Азова в сторону моря, а Россия в тридцати верстах от крепости Св. Анны.

[Сначала полагали, что выполнение этой статьи всегда будет вызывать какие-нибудь затруднения.]

5. Вопрос о Таганроге и русском флоте на Черном море был так искусно обойден, что Россия получала право вновь построить там, когда найдет это нужным, крепость и флот по примеру Петра Великого.

6. Границы за Днепром вовсе не были определены, так что Россия получила право там находиться, и именно там находятся теперь новые сербские колонии, крепость Св. Елизаветы и другие укрепления и редуты, к большому ущербу для Польши, которой принадлежат эти земли и которая оказывается, таким образом, окруженной.

7. По договору 1711 года времен Прутской кампании против Порты император Петр Великий обязался не вмешиваться в дела Польши; в Белградском договоре эта статья не была затронута, а потому Порта не могла бы выражать недовольство, если Россия вмешается в польские дела, чтобы обеспечить спокойство в государстве, пограничном с этой империей.

Вот приблизительно сущность мирного договора России с Портой, на основании которого был снесен Азов и определены новые границы, что давало России право провести новую линию за рекой Самарой, гораздо более выгодную и короткую, чем существовавшая, чтобы прикрыть Украину от татарских набегов, и более удобную, чтобы предпринять завоевание Крыма, напасть на Очаков и действовать на Черном море.

Со времен этой войны турки и татары стали уважать и почитать российские войска и хорошо обращаться с пленными, которых, впрочем, было мало. Татары говорили, что русские теперь не то, что прежде: если раньше десять татар обращали в бегство сто русских, то теперь сто татар отступают при виде десяти русских.

Турки признавались, что они не выдерживали атаки и огня российских войск ни в поле, ни в своих крепостях. Они говорили также, что австрийские войска годятся только на то, чтобы их изрубить на куски, но что они боятся и уважают русских, и что, если бы я был у них предводителем, они отдали бы мне половину Оттоманской империи²⁵.

Во время этой войны с Портой следовало ладить со всеми соседями, которые могли доставить какое-либо беспокойство и вызвать опасение, среди которых были калмыки под начальством хана или князя Дондук-Омбо.

44

Эта война была одной из самых славных для российской армии, которая далеко проникла во владения Порты и нисколько не расстроила финансы императрицы Анны. Эта государыня умерла 17 октября 1740 года от почечной болезни или же от большого камня, который образовался в почках и который она ощущала на протяжении десяти лет, тогда как ни один из ее врачей не признавал болезни и не лечил ее от этого. Она умерла в полном сознании, не веря, что ее жизнь в опасности. Последние слова, которые она произнесла, были: «Прощай, фельдмаршал».

Она придала пышность своему двору, построила императорский дворец, увеличила гвардию за счет Измайловского и конногвардейских полков, значительно увеличила артиллерию, содержала армию и флот в превосходном состоянии, основала Кадетский корпус и, умирая, оставила в казне два миллиона наличными деньгами.

Герцог Курляндский, граф Остерман и князь Алексей Михайлович Черкасский составили от имени императрицы завещание.

Остерман, который уже несколько лет не выходил из дома под тем предлогом, что боли в ногах мешают ему ходить, велел отнести себя в кресле во дворец к изголовью императрицы за несколько часов до ее кончины; там он вынул из кармана бумагу и спросил императрицу, не позволит ли она ему прочесть ее завещание. Императрица ответила: «Кто писал это завещание?» (Свидетельство того, что государыня не приказывала этого и что завещание было составлено без ее ведома.)

Остерман поднялся с кресел и, поклонившись, ответил: «Ваш нижайший раб».

Затем он начал читать завещание, и, когда он дошел до статьи, по которой герцог Курляндский назначался регентом на шестнадцать лет, то есть на период малолетства юного государя Ивана Антоновича, императрица спросила герцога Бирона: «Надобно ли это тебе?» (Доказательство тому, что императрица ничего не подозревала о такой будущности герцога.) Полагают, что императрица, будучи очень слаба, подписала это завещание и герцогиня Курляндская заперла его в шкаф, где хранились драгоценности государыни.

Остерман велел отнести себя в креслах в приемную императрицы, где уже собрались все вельможи империи, предупрежденные врачами о том, что императрица находится при смерти; адмирал граф Головкин и обершталмейстер князь Куракин сказали Остерману: «Мы желали бы знать, кто наследует императрице». Остерман ответил: «Юный принц Иван Антонович». Но он и словом не обмолвился ни о завещании, ни о назначении герцога Курляндского регентом империи, а потому все ожидали, что императрица назначит наследницей свою племянницу принцессу Анну Мекленбургскую; но это никак не соответствовало намерениям Бирона, который, не довольствуясь тем, что его сделали герцогом Курляндским, желал править Российской империей, а Остерман и Черкасский рассчитывали таким образом устроить свое благосостояние*.

* Необходимо, чтобы его превосходительство генерал-фельдмаршал взял на себя труд ответить на то, что рассказывает герцог Курляндский об этом важном событии в своих записках о причинах своей опалы, потому что этот рассказ весьма правдоподобен в деталях, но совершенно

На следующий день, 18 октября 1740 года, когда все сановники собрались во дворце, Остерман в своей речи по своему объявил о смерти императрицы; зачитали вышеупомянутое завещание; гвардейские полки стояли под ружьем; герцог Курляндский был признан регентом России, а принц Иван — императором. Все сановники подписали присягу на верность, к которой затем были приведены гвардия, армия, коллегии и прочие, в соответствии с обычаем, принятым в России.

ХАРАКТЕР ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ

Эта великая государыня обладала от природы большими достоинствами. Она имела ясный и пронизательный ум, знала характер всех, кто ее окружал, любила порядок и великолепие, и никогда двор не управлялся так хорошо, как в ее царствование; она была великодушна

не соответствует тому, что пишет его превосходительство генерал-фельдмаршал. Основные положения повествования герцога следующие:

1. Императрица Анна в начале своей болезни послала графа Левенвольде к графу Остерману узнать его мнение о том, что надлежало сделать.

2. Граф Остерман счел необходимым объявить принца Иоанна наследником престола.

3. Но императрица и министры опасались, как бы дед принца, герцог Мекленбургский, не произвел в Российской империи большого беспорядка.

4. По этой причине генерал-фельдмаршал граф Миних и некоторые вельможи отправились к герцогу Курляндскому и заявили, что они считают самым выгодным для империи, чтобы герцог взял на себя бразды правления государством на время малолетства юного принца. Они отстаивали свое мнение, несмотря на замечания и опасения, высказываемые герцогом.

5. Несколько дней спустя граф Миних и некоторые другие вельможи отправились к императрице и не только просили ее подписать проект присяги на верность, которую они должны будут принести принцу Иоанну, но и в то же время просили ее объявить герцога Курляндского регентом империи.

6. Правда, императрица не дала никакого ответа на эту последнюю статью господину Миниху, но говорила об этом с герцогом.

7. Два дня спустя граф Остерман и некоторые другие вельможи пришли в апартаменты императрицы, очень пылко просили герцога принять на себя регентство и прочитали ему просьбу, поданную ими императрице касательно этой статьи. Он наконец согласился на их просьбу с условием, что он откажется от регентства, когда того пожелает.

и находила удовольствие в том, чтобы творить добро и щедро вознаграждать за заслуги; но недостаток ее заключался в том, что она любила покой и почти не занималась делами, предоставляя министрам делать все, что им заблагорассудится, чем и объясняются несчастья, постигшие семьи Долгоруковых и Голицыных, ставшие жертвами Остермана и Черкасского, опасавшихся их превосходства по уму и заслугам. Волынский, Еропкин и их друзья были жертвами Бирона, потому что Волынский подал императрице записку, в которой склонял ее к удалению и низведению Бирона²⁶. Я сам был свидетелем того, как императрица плакала горькими слезами, когда Бирон метал громы и молнии и угрожал нежеланием больше служить, если императрица не пожертвует Волынским, а также другими.

47

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИВАНОВНЕ

Мы видели, что разрыв, существовавший между самодержавной властью государыни и властью Сената, был восполнен кабинет-министрами графом Остерманом и князем Черкасским, но этого было недостаточно, так как эти два министра были полностью подчинены великому канцлеру герцогу Бирону и не делали ничего, что не нравилось бы этому фавориту. Именно так из империи

8. Затем бумага (по-видимому, завещание) была представлена императрице, которая пожелала ее немедленно подписать, но сам герцог помешал ей это сделать. Тогда императрица положила эту неподписанную бумагу под свое изголовье.

9. Дело оставалось в таком положении в течение нескольких дней. За это время сановники империи решили признать герцога регентом даже в том случае, если императрица умрет, не подписав вышеупомянутый документ. Те же сановники созвали во дворец всех знатных лиц и сочинили просьбу императрице, в которой они просили ее объявить герцога Курляндского регентом на время малолетства принца. Эта просьба была подписана господином генерал-фельдмаршалом графом Минихом и двенадцатью другими вельможами.

10. Императрица пригласила к себе Остермана, подписала этот документ и попросила его пойти успокоить указанных вельмож, объявив им, что она согласна на их просьбу.

11. Граф Остерман тотчас же запечатал бумагу, подписанную императрицей, затем императрица отдала ее супруге генерал-лейтенанта Юшкова, которая положила ее в шкатулку с драгоценностями императрицы.

12. Императрица прожила после этого еще несколько дней, и после ее кончины завещание было публично вскрыто и прочитано князем Трубецким. (Примеч. М. Б.)

были вывезены огромные суммы на покупку земель в Курляндии, на строительство там двух дворцов, не герцогских, а скорее королевских, и на приобретение герцогу друзей в Польше, сверх тех нескольких миллионов, которые были истрачены на покупку драгоценностей и жемчугов для семейства Бирона, и не было в Европе королевы, которая имела бы их столько, сколько герцогиня Курляндская; и не злое сердце государыни, а ее стремление к покою, дававшее министрам возможность удовлетворять свои амбиции и действовать в своих интересах, явилось причиною пролития крови Долгоруковых и Волынского и дало возможность при иностранных дворах говорить о том, что императрица Анна велела отрубить головы тем, кто возвел ее на престол.

В Сенате в ее царствование присутствовали только два лица: кригс-комиссар Новосильцев и Сукин, который был обвинен в лихоимстве за то, что взял десять тысяч рублей с поставщиков провианта для персидского похода. Если фельдмаршал Трубецкой время от времени и приезжал в Сенат, то лишь по своим личным делам или чтобы выказать свое полное ничтожество; другие сенаторы, недовольные Кабинетом, вовсе не ездили в Сенат. Остермана же и Черкасского устраивало то, что в Сенате присутствовали лишь лица, не имевшие веса.

Поэтому легко можно судить о том, насколько образ правления и Кабинет императрицы Анны были не только не совершенны, но даже вредны для государства.

48

ПРАВЛЕНИЕ РЕГЕНТА ГЕРЦОГА КУРЛЯНДСКОГО

Как мы видели выше, 18 октября 1740 года этот вельможа был признан и провозглашен регентом Российской империи в силу завещания императрицы Анны. Он принес присягу в качестве регента перед фельдмаршалом графом Минихом.

Он сам председательствовал в Кабинете, членами которого были в то время граф Остерман, князь Черкасский и Алексей Петрович Бестужев, которого герцог привлек на свою сторону и которого, по его рекомендации, императрица назначила членом Кабинета, чтобы уравновесить власть Остермана, о котором ее величество всегда говорила, что он вероломен и никого не может терпеть около себя.

В одном из пунктов завещания императрицы было сказано, чтобы герцог-регент почтительно и сообразно их положению обходился с ее племянницей принцессой Анной и принцем ее супругом; но герцог поступал совершенно наоборот: с его стороны имели место лишь надменность и угрозы: я сам видел, как трепетала принцесса, когда он входил к ней. Так как герцог уже обошелся империи в несколько миллионов рублей еще в бытность свою только обер-камергером, сановники внушили принцессе: весьма вероятно, что за шестнадцать лет, пока он будет регентом и один будет располагать всею властью в управлении империей, он вытянет еще по крайней мере шестнадцать миллионов, если не больше, из России.

Так как другим пунктом того же завещания герцог и государственные министры уполномочивались, по достижении молодым принцем Иоанном семнадцатилетнего возраста испытать его и вынести суждение о том, в состоянии ли он управлять государством, то никто не сомневался, что герцог найдет способ представить молодого принца слабоумным и своей властью возвести на престол своего сына принца Петра, который должен был, как говорили за два года до этого, жениться на принцессе Анне. Итак, принцессу убедили в том, что для блага государства нужно арестовать регента Бирона, отправить его с семьей в ссылку, а вместо него сделать герцогом Курляндским принца Людвига Брауншвейгского.

Как мы увидим ниже, регент был арестован в ночь с 7 на 8 ноября.

49

ХАРАКТЕР РЕГЕНТА ГЕРЦОГА КУРЛЯНДСКОГО БИРОНА

Этот человек, сделавший столь удивительную карьеру, совсем не имел образования, говорил только по-немецки и на своем родном курляндском диалекте. Он даже довольно плохо читал по-немецки, особенно если попадались латинские или французские слова, и не стыдился публично признаваться при жизни императрицы Анны, что не хочет учиться читать и писать по-русски, чтобы не быть вынужденным читать ее величеству прошения, донесения и другие бумаги, которые ему присылали ежедневно.

У него были две страсти: первая, весьма благород-

ная, — любовь к лошадям и к выезде. Будучи обер-камергером в Петербурге, он выучился отлично выезжать себе лошадей и почти каждый день упражнялся в верховой езде в манеже, куда ее величество императрица очень часто приезжала и куда, по ее приказанию, министры приносили ей на подпись государственные бумаги, составленные в Кабинете. Герцог убедил ее величество произвести большие расходы на устройство конных заводов в России, где не хватало лошадей. Племенные жеребцы для заводов были доставлены из Испании, Англии, Неаполя, Германии, Персии, Турции и Аравии; было бы желательно, чтобы эти великолепные заводы поддерживались и после него.

Его второй страстью была игра: он не мог провести ни одного вечера без карт и вел крупную игру, а так как он часто выигрывал, это ставило в затруднительное положение тех, кого он выбирал себе в партнеры.

У него была довольно красивая наружность, он был вкрадчив и очень предан императрице, которую никогда не покидал, не оставив вместо себя своей жены. Государыня вовсе не имела своего стола, а обедала и ужинала только с семьей Бирона и даже в апартаментах своего фаворита. Он был великолепен, но при этом бережлив, очень коварен и чрезвычайно мстителен, свидетельством чему является жестокость в отношении к кабинет-министру Волынскому и его доверенным лицам, чьи намерения заключались лишь в том, чтобы удалить Бирона от двора.

50

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ РЕГЕНТЕ БИРОНЕ

Регент, как мы уже сказали выше, ежедневно появлялся в Кабинете. Его министрами были те же лица, что и в царствование императрицы Анны, то есть граф Остерман, Черкасский и Бестужев.

Бирон был уверен, как он полагал, в преданности гвардии; я командовал Преображенским полком, а под моим началом находился майор Альбрехт, его ставленник и шпион; Семеновский полк был под начальством генерала Ушакова, весьма преданного Бирону; Измайловским полком командовал Густав Бирон, брат герцога, а конно-гвардейским — его сын принц Петр, а так как он был еще слишком молод, то Ливен, курляндец, впоследствии фельдмаршал.

Однако в самом начале против Бирона был составлен заговор, в котором участвовал секретарь принца Брауншвейгского, по имени Граматин, что явилось одной из причин, по которой герцог так сурово обращался с принцем и принцессой Анной. Секретарь и его сообщники были подвергнуты допросу и пытке и во всем сознались; этим началось регентство Бирона.

Будучи врагом прусского короля, он вступил в новые сделки с Венским двором, но это не могло иметь никаких последствий, так как его регентство длилось всего двадцать дней, с 18 октября по 7 ноября, когда он был арестован и на следующий день отправлен в Шлиссельбург, а оттуда в Пелым, в Сибири, место его заключения, выбранное его так называемым другом князем Черкасским, который прежде был губернатором в Тобольске и знал места, где обычно содержались лица, впавшие в немилость.

51

ПРАВЛЕНИЕ ПРИНЦЕССЫ АННЫ МЕКЛЕНБУРГСКОЙ

Мы уже видели выше, что поведение регента, герцога Бирона, побудило благонамеренных лиц предложить принцессе Анне, матери юного императора, дело таким образом: для спасения государства следует удалить Бирона и его семью.

Поскольку Бирон дурно обращался с принцессой и принцем, ее супругом, предложение ей понравилось, а так как регент жил в Летнем дворце и имел при себе караул от Преображенского полка, которым я командовал, она поручила мне в ночь с 7 на 8 ноября арестовать его, что и было исполнено в полночь; его привезли в Зимний дворец, где жила принцесса, а на следующий день отправили в Шлиссельбург*.

В тот же день, 8 ноября, когда все сановники собрались при дворе, принцесса Анна, племянница императрицы Анны Ивановны, была провозглашена великой княгиней и правительницей Российской империи, все сословия государства принесли ей, а также юному государю Ивану Антоновичу, императору, присягу на верность; когда

* История ареста герцога была рассказана в «Жизни г. Манштейна, прусского генерал-майора», написанной профессором Паули, который слышал ее из уст самого господина Манштейна. Гершельман списал ее у Паули, и я читал это в его жалкой так называемой «Прагматической истории Российской империи» (Примеч. М. Б.)

гвардия выполнила этот первый долг, ей показали в окно юного принца.

Великая княгиня и правительница принцесса Анна начала свое правление щедрыми наградами. Она назначила:

принца Брауншвейгского, супруга своего, генералиссимусом русской армии;

генерала графа Миниха — главой Совета и первым министром;

графа Остермана — генерал-адмиралом, министром иностранных дел и членом Кабинета;

князя Черкасского — великим канцлером и членом Кабинета;

графа Головкина — вице-канцлером и членом Кабинета;

адмиралу графу Головину был пожалован орден Св. Андрея, также как и обер-шталмейстеру князю Курякину;

генералу Ушакову, подполковнику гвардейского Семеновского полка, был пожалован тот же орден;

гофмейстеру Шепелеву были пожалованы значительные земли;

генерал-майор Апраксин, премьер-майор гвардейского Семеновского полка также получил обширные поместья. Другие награды следовали одна за другой.

Все выражали удовлетворение удалением герцога Курляндского и провозглашением великой княгини Анны правительницей империи.

Принц Людвиг Брауншвейгский был вызван в Петербург, и во время проезда через Курляндию тамошние министры и дворянство единодушно избрали и утвердили его герцогом Курляндским и Семигальским. По приезде в Петербург он был принят с большим почетом, получил орден Св. Андрея и был помещен в императорском дворце на всем готовом.

ХАРАКТЕР ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ И ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ ПРИНЦЕССЫ АННЫ

Эта принцесса, воспитанная под присмотром своей матери, цесаревны Екатерины Ивановны, герцогини Мекленбургской, с ранней юности усвоила дурные привычки.

Императрица Анна, нежно ее любившая, взяла ее к себе, поместила в императорский дворец, учредила при ней особый штат и приставила к ней гувернантку, госпожу Адеркас, но эта дама, совершенно непригодная выполнять обязанности, связанные с этой должностью, была внезапно выслана через Кронштадт из страны с приказанием никогда туда больше не возвращаться, не будучи допущена проститься с ее императорским величеством.

Характер принцессы раскрылся вполне после того, как она стала великой княгиней и правительницей. По природе своей она была ленива и никогда не появлялась в Кабинете; когда я приходил к ней утром с бумагами, составленными в Кабинете или теми, которые требовали какой-либо резолюции, она, чувствуя свою неспособность, часто мне говорила: «Я хотела бы, чтобы мой сын был в таком возрасте, когда мог бы царствовать сам». Я ей всегда отвечал, что, будучи величайшей государыней в Европе, ей достаточно лишь сказать мне, если она чего-либо желает, и все исполнится, не доставив ей ни малейшего беспокойства.

Она была от природы неряшлива, повязывала голову белым платком, идучи к обеду, не носила фижм и в таком виде появлялась публично за столом и после полудня за игрой в карты с избранными ею партнерами, которыми были принц ее супруг, граф Линар, министр польского короля и фаворит великой княгини, маркиз де Ботта, министр Венского двора, ее доверенное лицо, оба враги прусского короля, господин Финч, английский посланник, и мой брат; другие иностранные посланники и придворные сановники никогда не допускались к этим партиям, которые собирались в апартаментах фрейлины Юлии Менгден, наперсницы великой княгини и в то же время графа Линара, которому великая княгиня собственноручно пожаловала орден Св. Андрея, при этом наградила его поцелуем, находясь еще в постели, хотя и была совершенно здорова.

Она не ладила с принцем, своим супругом, и спала отдельно от него; когда же утром он желал войти к ней, то обычно находил двери запертыми. Она часто имела свидания в третьем дворцовом саду со своим фаворитом графом Линаром, куда отправлялась всегда в сопровождении фрейлины Юлии, принимавшей там минеральные воды, и когда принц Брауншвейгский хотел войти в этот же сад, он находил ворота запертыми, а часовые имели приказ

никого туда не впускать. Поскольку граф Линар жил у входа в этот сад в доме Румянцева, великая княгиня приказала выстроить поблизости загородный дом — ныне Летний дворец.

Летом она приказывала ставить свое ложе на балкон Зимнего дворца со стороны реки; и хотя при этом ставились ширмы, чтобы скрыть кровать, однако со второго этажа домов соседних с дворцом можно было все видеть.

В то время я заболел коликой столь жестокой, что, не испытывавший до тех пор никогда ничего подобного, я думал, что умру в тот же день; врачи, а с ними и все остальные полагали, что я был отравлен; однако через три недели я оправился от болезни, а за это время в Кабинете ничего не делалось.

Прежде всего я позаботился о возобновлении оборонительного союза с прусским королем, и вместо взаимной помощи шестью тысячами человек, как было условлено в предыдущих договорах, моими заботами было предусмотрено двенадцать тысяч.

Но этот договор, хотя и был ратифицирован и министры обоих дворов обменялись им, просуществовал недолго; вскоре в Дрездене был составлен другой договор, по которому Венский и Саксонский дворы брали на себя обязательство объявить войну королю Пруссии, лишить его владений и отобрать Силезию; маркграфство Бранденбургское должно было отойти римско-католическому курфюрсту Саксонскому и т. д.

Этот договор был подписан в Дрездене графом Братиславом, министром Венского двора и гофмейстером двора польской королевы, посредником весьма проницательным, одним иезуитом, аккредитованным на эти переговоры Венским двором и графом Брюлем, министром польского короля.

Копия этого договора была отправлена русским посланником при дворе польского короля бароном Кайзерлингом великой княгине, и эта государыня приглашалась принять в нем участие и объявить войну прусскому королю, своему союзнику.

Принц Брауншвейгский, граф Остерман, канцлер князь Черкасский и вице-канцлер граф Головкин, все находившиеся под влиянием маркиза де Ботта и графа Линара, не только не нашли никаких возражений, но убедили великую княгиню-правительницу принять его, и в сторону Риги были двинуты российские войска, чтобы

атаковать прусского короля на территории королевской Пруссии.

Так как этот договор сначала был передан мне и два дня находился в моих руках, я объявил великой княгине, что «меня приводит в ужас этот договор, направленный на то, чтобы лишить престола и владений монарха, который, как и его предшественники, с начала этого столетия был самым верным союзником России и особенно Петра Великого, что Российская империя на протяжении более сорока лет ведет обременительные войны, что ей нужен мир, чтобы привести в порядок внутренние дела государства, и что я и министерство ее императорского высочества будем нести ответственность за это перед юным монархом ее сыном, когда он начнет царствовать, если будет начата новая война в Германии в то время, когда та, которую мы ведем со Швецией, еще не закончена, и что ее императорское высочество только что заключила союзный договор с королем Пруссии».

Великая княгиня, находясь в полном подчинении у графа Линара и маркиза де Ботта, не встретила никаких возражений ни от кого из своих министров, за исключением меня; она рассердилась на меня и сказала мне с запальчивостью: «Вы всегда за короля Пруссии; я уверена, что, как только мы двинем наши войска, прусский король выведет свои из Силезии».

С этого дня великая княгиня стала оказывать мне дурной прием, и так как я не мог помешать тому, чтобы двинуть войска в сторону Риги, то попросил отставку, которая была мне дана сначала немилостиво, и я удалился в Гостилицы. Через несколько дней ее дурное расположение духа прошло, и она пожаловала мне пенсию в пятнадцать тысяч рублей в год и караул от Преображенского полка к моему дому.

Доказательством непростительной небрежности великой княгини служит то, что она была за несколько дней предупреждена английским посланником господином Финчем, что будет низвергнута, если не примет мер предосторожности; но она не только не приняла никаких мер, но имела даже слабость говорить об этом с принцессой Елизаветой, что и ускорило выполнение великого плана этой государыни самой возвести себя на престол.

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ ПРАВИТЕЛЬНИЦЕ ПРИНЦЕССЕ АННЕ

Мы видели, что огромная пустота и пространство между верховной властью и Сенатом были совершенно заполнены Советом или Кабинетом этой принцессы, где вместе со мной, как первым министром, были граф Остерман, канцлер князь Черкасский и вице-канцлер граф Головкин. Мы сказали выше, что граф Головкин, недовольный тем, что не был назначен членом Кабинета при императрице Анне, оставался в постели на протяжении девяти или десяти лет, но как только, по моему предложению, он был назначен вице-канцлером и кабинет-министром, он встал с постели, явился во дворец и сказал: «Я в состоянии работать». Затем я позаботился о распределении дел Кабинета между различными департаментами.

Военный департамент был моим.

Департаменты морской и иностранных дел были графа Остермана.

Внутренние дела империи находились в ведении департамента канцлера князя Черкасского и вице-канцлера графа Головкина.

То, что каждый определял и решал в своем департаменте, выносилось в Кабинет на всеобщее рассмотрение и отдавание соответствующих приказов. Этот порядок был исключительно делом моих рук. Было увеличено также число сенаторов господином Брылкиным и др.

Сенат также был разделен на несколько департаментов; но моя отставка от службы помешала мне устроить все согласно общему плану, над которым я работал.

Регентство великой княгини Анны продолжалось всего год и шестнадцать дней, а именно с 8 ноября 1740 года до ночи с 24 на 25 ноября 1741 года, когда она была арестована в своей постели самой принцессой Елизаветой, сопровождаемой преображенскими гвардейцами.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

Эта великая государыня сознавала, что она дочь и единственная наследница Петра Великого и императрицы Екатерины, так что она лишь с чувствительным

прискорбием могла выносить, что по отстранении ее от престола российская корона была предназначена юному принцу Ивану, находившемуся еще в колыбели, а регентство империи на время малолетства этого ребенка было вручено сначала герцогу Курляндскому Бирону, иностранцу, а не русскому и не связанному родством ни с императорским домом, ни с какой-либо другой знатной фамилией России, а затем принцессе Анне Мекленбургской.

Елизавета Петровна была воспитана в окружении офицеров и солдат гвардии, и во время регентства Бирона и принцессы Анны с особым вниманием относилась ко всему, что имело отношение к гвардии, и не проходило дня, чтобы она не держала над купелью ребенка, рожденного в среде этих первейших частей империи, или не угощала щедро родителей, или не оказывала милость какому-нибудь солдату гвардии, которые называли ее всегда матушкой («матюшка»).

Таким образом, в гвардии составила партия ее горячих сторонников, и ей не трудно было воспользоваться этим для восшествия на престол. Гвардейцы размещались в выстроенных мною казармах. У принцессы Елизаветы был совсем рядом с преображенскими казармами дом, известный под названием Смольного, где она часто ночевала и именно там виделась с офицерами и солдатами Преображенского полка.

Правительница принцесса Анна была предупреждена об этом, но сочла это малозначащим пустяком, и при дворе говорили с насмешкой: у принцессы Елизаветы ассамблеи с преображенскими гренадерами.

Но в ночь с 24 на 25 ноября 1741 года эта великая государыня сама отправилась в казармы этого полка и собрала там тех, кто был ей предан, со словами: «Дети мои, вы знаете, чья я дочь, идите со мною!» («Робята, вы знаете, чья я дочь, подите со мною!»)

О деле было условлено, и офицеры и солдаты, предупрежденные, о чем идет речь, ответили: «Мы все готовы, мы их всех убьем».

Принцесса весьма великодушно возразила: «Если вы хотите поступать так, то я не пойду с вами».

Она повела этот отряд прямо в Зимний дворец, вошла в апартаменты великой княгини, которую нашла в постели, и сказала ей: «Сестрица, пора вставать».

Приставив свой караул к великой княгине, ее супругу принцу Брауншвейгскому и ее сыну принцу Ивану, она

вернулась в свой дом около сада Летнего дворца и в ту же ночь велела арестовать меня, моего сына, графа Остермана, вице-канцлера графа Головкина, обер-фельдмаршала графа Левенвольде, президента коммерц-коллегии барона Менгдена, действительного статского советника Темирезова и некоторых других лиц, и все мы были отправлены в крепость.

В ту же ночь принцесса Елизавета была признана императрицей и государыней России вельможами, собравшимися в ее дворце, перед которым по ту сторону канала столпилось много народу, гвардейцы же, заняв улицу, кричали «виват».

Наутро Елизавета в портшезе отправилась в Зимний дворец, где была провозглашена императрицей, и все принесли ей присягу на верность*. Все произошло спокойно, и ни одной капли крови не было пролито, только

* История восшествия принцессы Елизаветы на российский престол.

У Елизаветы было два плана, чтобы взойти на российский престол. Первый заключался в том, чтобы достигнуть его с помощью Швеции, которой за такую помощь были поданы большие надежды, интерпретируемые шведами в том смысле, будто Елизавета после восшествия на престол хотела отдать Швеции все завоевания ее отца; но принцесса понимала это совсем не так. Другой ее план состоял в том, чтобы привлечь на свою сторону гвардию раздачей крупной суммы денег в день крещения и водосвятия 6 января 1742 года, день, когда, по обыкновению, собиралась гвардия Санкт-Петербурга. Эти проекты были известны французскому посланнику господину де ла Шетарди, снабдившему принцессу значительными суммами. Но когда правительница Анне было сообщено об этом заговоре письмом, переданным ей 20 ноября 1741 года, где ей советовали присматривать за принцессой Елизаветой и арестовать Лестока, и когда в день приема 23 ноября правительница имела неосторожность поделиться этими уведомлениями с принцессой Елизаветой, Лесток стал убеждать принцессу не откладывать более исполнение своего плана, чтобы оградить личную свободу и жизнь своих верных слуг. Приказ, изданный в то время, по которому большая часть гвардии должна была быть готова выступить в Финляндию, явился благоприятной оказией для выполнения этого проекта. По правде говоря, Лесток не мог привлечь на сторону принцессы ни одного офицера, но многие солдаты гвардейского Преображенского полка были на ее стороне, и у Лестока было несколько шпионов, информировавших его обо всем, что происходило при дворе. Он убедил принцессу осуществить свой план в ночь с 24 на 25 ноября. В одиннадцать часов вечера он пошел к маркизу де ла Шетарди, чтобы получить у него деньги, но не открыл ему своих истинных намерений. Через своих шпионов он узнал в полночь, что во дворце все тихо и спокойно и что там находится только обыкновенный караул. Принцессе не хватало мужества, и Лестоку стоило немалых трудов вдохновить ее. Наконец она воодушевилась и, совершив горячую молитву и принеся обеты перед образом Святой Девы и надев, по настоянию Лестока, орден Св. Екатерины, села в сани, на запятки которых встали Воронцов и Лесток. Уже бывшие на ее стороне солдаты были

профессор академии господин Гросс, услугами которого граф Остерман пользовался в своей канцелярии, будучи арестован, застрелился из пистолета.

Подробности царствования этой великой государыни не найдут здесь места, а славные обстоятельства его общеизвестны.

ХАРАКТЕР ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

Она родилась 5 сентября 1709 года, памятного Полтавской битвой, поражением Карла XII и в то же время общим ослаблением шведского королевства.

Но так как в это военное время император Петр I часто бывал за пределами страны, а императрица Екатерина повсюду следовала за ним в чужие страны, обе принцессы, Анна и Елизавета Петровны, не имели никакого двора и находились под надзором только двух женщин: одной русской по имени Ильинишна и другой из Карелии, звавшейся Елизавета Андреевна, таким образом их вос-

посланы в канцелярию Преображенского полка, чтобы склонить там караул на сторону принцессы и объявить им о ее прибытии. Когда она приехала, все солдаты принесли ей присягу на верность и затем в количестве двухсот-трехсот человек проводили ее в императорский дворец. Когда она была недалеко от дворца, Лесток отделил три отряда по двадцать пять человек, чтобы схватить господина фельдмаршала графа Миниха, графа Остермана и вице-канцлера Головкина. С другими солдатами принцесса отправилась прямо во дворец. Во дворце Лесток распределил гвардейцев так, чтобы занять все входы, в чем караул ему не воспрепятствовал. Принцесса Елизавета отправилась на дворцовую караульную, где гвардейцы на коленях принесли ей клятву на верность, при этом господа Воронцов и Лесток оставались при ней. Тридцать гренадер получили приказ проникнуть в покои, где правительница спала в одной постели со своим мужем. Оба были схвачены и перевезены во дворец принцессы Елизаветы, в котором было собрано все семейство правительницы и перед которым выстроились полки гвардии, чтобы принести присягу. Незадолго до этого Лесток в сопровождении нескольких солдат отправился к принцу Гессен-Гомбургскому, ничего не знавшему о случившемся, и к фельдмаршалу графу Ласси, которому не доверяли, чтобы известить их об этом перевороте. Несколько дней спустя вся герцогская Брауншвейгская фамилия вместе с фрейлиной Юлией Менгден была перевезена в Ригу, где провела полтора года в крепости, а оттуда в крепость Динамюнде, где также оставалась полтора года. Оттуда они были перевезены в Холмогоры, где находились все вместе до смерти принцессы Анны, после чего принц Иван был переведен в Шлиссельбург, где в марте 1762 года его увидел и говорил с ним император Петр III. Императрица Елизавета виделась и разговаривала с принцем Иваном несколько ранее в Петербурге в доме графа Шувалова. (Примеч. М. Б.)

питание не соответствовало тому, чего требовало их рождение, и только после смерти Петра Великого к ним была приставлена французенка, мадемуазель Лонуа, чтобы обучать их французскому языку; но эта дама не жила при дворе и виделась с принцессами только в часы занятий.

Как мы сказали выше, генерал Девьер, обер-полицеймейстер, исполнял обязанности воспитателя этих принцесс до тех пор, пока в 1725 году не был арестован и отправлен в ссылку князем Меншиковым.

В том же году, первом в царствовании императрицы Екатерины, цесаревна Анна Петровна была выдана замуж за герцога Голштинского и, вследствие честолюбия и стремления властвовать князя Меншикова, была отправлена в 1727 году в Киль, где и умерла.

Таким образом, принцесса Елизавета осталась одна, и императрица Екатерина приставила к ней воспитательницей мою жену, в то время вдову Михаила Алексеевича Салтыкова, родственника матери императрицы Анны, Прасковьи Федоровны, а наши две старшие дочери, Юлия Салтыкова и Софья Миних, и фрейлина Мавра Шепелева, вышедшая впоследствии замуж за Петра Ивановича Шувалова, стали фрейлинами; Мавра давно уже была посвящена в самое тайное.

Императрица Елизавета была от природы одарена самыми выдающимися качествами, как телесными, так и душевными. Еще в самой нежной юности, в возрасте двенадцати лет, когда я имел честь ее увидеть, она была хорошо сложена и очень красива, но весьма дородна, полна здоровья и живости, и ходила так проворно, что все, особенно дамы, с трудом за ней поспевали, уверенно чувствуя себя на прогулках верхом и на борту корабля.

У нее был живой, проницательный, веселый и очень вкрадчивый ум, обладающий большими способностями. Кроме русского, она превосходно выучила французский, немецкий, финский и шведский языки, писала красивым почерком; она любила пышность и порядок и от рождения питала страсть к строительству великолепных дворцов и церквей. Она любила все военное, и именно благодаря ей армия славно сражалась и победила столь хваленые тогда прусские войска, а российский двор стал самым блестящим в Европе, так как она ввела там французский язык и вкусы и манеры высшего общества. Она была очень обходительна, умела скрывать свои чувства и была

настолько далека от жестокости и настолько человеколюбива, что, не желая проливать крови, не наказывала смертью ни убийцу, ни разбойников с большой дороги, ни других преступников. Именно таким образом чрезмерная доброта государей становится слабостью.

Однако она была непримирима, не столько по врожденной склонности сердца, сколько по внушению лиц, ее окружавших, потому что никогда не хотела простить ни графа Остермана, ни графа Левенвольде, ни Головкина, ни Менгдена, ни меня, ни моего сына, который никак не участвовал в моих ошибках, если можно назвать ошибками повиновение приказам императрицы Анны, моей государыни.

Она была чрезмерно сладострастна и была порождена в сладострастии, и часто говорила своим наперсникам, что она довольна только тогда, когда влюблена; но вместе с тем она была весьма непостоянна и часто меняла фаворитов, а так как эта слабость сопровождается обычно снисходительностью, то она позволяла своим фаворитам делать, что им хотелось, отсюда и полное расстройство финансов, которое произвел Петр Иванович Шувалов, отсюда и столько частных лиц, обогатившихся в то время, когда корона так нуждалась в деньгах; отсюда разорительные монополии и ужасный таможенный сбор; плохое состояние флота и полное уничтожение брянской и воронежской флотилий, о которых так много заботился Петр Великий; отсюда плохое состояние Ладожского канала, упадок города Кронштадта и столь вредные беспорядки по управлению рудниками Сибири; отсюда огромная цена, по которой продают водку, соль и табак, без чего нация не могла бы обойтись и из-за чего столько тысяч людей перенесли пытку и были вынуждены пойти с сумой по миру; отсюда эта жестокая и разрушительная война с королем Пруссии, в течение которой были пролиты потоки христианской крови, разорены и опустошены целые области, вывезены из России несметные суммы, при этом империя не получила никакой выгоды. Эта великая государыня скончалась оттого, что сильно сокрушалась об этом; рассказывали, хотя это и кажется невероятным, что всякий раз, когда она получала известие о победе, она пролила горячие слезы при сообщении о том, что было много убитых и раненых.

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИЗАВЕТЕ

Первое время после своего восшествия на престол она собиралась вести дела так, как это было во время Петра Великого, ее несравненного отца; так, она уничтожила Кабинет и передала все дела в Сенат.

Но так как с 1756 года она ощущала, что ее здоровье и физические и душевные силы угасают, в том же году она учредила Совет, названный Конференцией, учреждение, которое по инструкциям и предписаниям стояло выше Сената, что, казалось, должно было снова заполнить пустоту, существовавшую во вред государству между самодержавной властью и властью Сената.

Но это новое учреждение, Конференция, было недостаточно, и большинство важных дел, касающихся союзов, дела военные и финансовые зависели от расположения и таланта лиц, бывших в фаворе; таким образом императрица больше не управляла, и произвол фаворитов составлял образ правления в царствование императрицы Елизаветы.

Она умерла 25 декабря 1761 года от мучительной и тяжелой болезни.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III

Петр Федорович, известный и почитаемый с 1741 года как внук Петра Великого, был провозглашен императором сразу после смерти императрицы Елизаветы, 26 декабря 1761 года.

Прежде всего он возвратил свободу государственным узникам, а именно: герцогу Курляндскому Бирону и его семье, мне и моему сыну с семьей, графу и графине Лесток. Другие же лица, сосланные в предшествовавшее царствование, как-то: граф Остерман, граф Головкин, граф Левенвольде и барон Менгден, — умерли в месте ссылки.

Император имел сердечное желание вернуть герцогство Шлезвиг-Голштинское; вероятно, именно в этих целях торопился заключить мир с королем Пруссии, чтобы иметь возможность использовать армию против короля Дании; но, не успев предпринять этот поход, он умер 6 июля 1762 года.

ХАРАКТЕР ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III

Этот государь был от природы горяч, деятелен, быстр, неутомим, гневлив, вспыльчив и неукротим.

Он очень любил военное дело и не носил другой одежды, кроме мундира; но он с каким-то энтузиазмом хотел подражать во всем королю Пруссии, как его личности, так и в военном деле; он был полковником прусского пехотного полка и носил его мундир, что, казалось, вовсе не соотносилось с его саном; точно так же король Пруссии был полковником российского второго Московского пехотного полка.

Император, по крайней мере некоторое время, снял орден Св. Андрея и носил прусский орден Черного Орла.

Неизвестны религиозные убеждения императора, но примечательно, что во время богослужения он был крайне невнимателен, вызывал возмущение тем, что ходил туда-сюда, чтобы поболтать с дамами.

Было также и нечто восторженное и в той поспешности, с которой он хотел выступить с российской армией, чтобы возвратить герцогство Шлезвигское и начать войну с королем Дании, которого нужно было, как он говорил, низложить и сослать в Малабар.

Напрасно ему представляли, что экспедиция опасна, потому что нужно было действовать в стране, где не было ни продовольствия, ни фуража, ни магазинов, что датский король опустошит герцогство Мекленбургское, через которое нужно будет проходить, и займет такую позицию, что атаковать его армии будет невыгодно; что датская армия, имеющая свободный тыл, не будет иметь нужды ни в чем, а русская — во всем, что император рискует, таким образом, потерпеть поражение в этом походе и потерять армию в самом начале своего царствования.

Через Волкова он приказал сказать Совету, что не желает слушать никаких предложений на этот счет. Принц Георг уже готовился выехать принимать командование армией, авангард которой уже выступил в поход, чтобы войти в герцогство Мекленбургское, а император хотел вскоре последовать за ним, чтобы лично переговорить с королем Пруссии и самому стать во главе армии.

Он был вспыльчив и горяч до такой степени, что дурно обращался со своими фаворитами, ему не могли простить

его дебоши и то, что он нисколько не щадил ее величество императрицу, которая только одна и могла сделать его царствование счастливым и славным.

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ ПЕТРЕ III

Вместо Кабинета он учредил Комиссию, членами которой были оба принца Голштинских Георг и Петер-Август, я, канцлер граф Воронцов, генерал от кавалерии граф Волконский, генерал-фельдцейхмейстер Вильбуа, генерал-лейтенант Мельгунов и, наконец, действительный статский советник Волков.

Эта Комиссия, в которой император лично председательствовал, сначала занималась только военными делами, и появился новый регламент его величества, названный «Строевой Устав», но в конце концов туда стали посылать дела государственные, и казалось, что эта Комиссия должна была стать выше Сената и заполнить таким образом многократно упоминавшуюся пустоту, существовавшую между верховной властью и Сенатом. Однако лица, находившиеся в милости: Мельгунов, Гудович и в особенности Волков, исполнявший должность тайного секретаря, который водил рукой и был ушами государя, имели значительное преимущество перед мнениями тех, кто были членами Комиссии, так что то, что Волков находил приемлемым, и составляло образ правления при императоре Петре III.

Из всего того, что в немногих словах здесь было сказано, явствует, что в предшествующие царствования образ правления Российской империей не был определен и что разрыв между верховной властью и властью Сената был восполнен недостаточно и притом лицами, чьи наибольшие заслуги заключались в благоволении со стороны царствующей особы, которым они злоупотребляли в ущерб государству.

Этот великий труд предназначен ее величеству нашей всемилостивой императрице, самой мужественной, самой ученой и самой прилежной из государынь и являющей

образец для всех тех, кого Провидение избрало для управления государством.

Один из просвещеннейших министров ее величества оказал мне честь, сказав: «Существует слишком большая дистанция между верховной властью и Сенатом».

Именно эту дистанцию я называю пустотой, подлежащей заполнению.

Вместе с тем он сказал мне: «Полагают, что славной памяти император Петр Великий сделал и устроил все, что касается блага государства и что остается только ему следовать», но он считает, что, хотя этот монарх сделал более, чем думают, и что даже непостижимо, чтобы один человек мог создать все те громадные учреждения и предприятия Петра Великого, которые мы видим, однако многое еще осталось устроить, чтобы довести до совершенства, еще многое крайней важности нужно сделать, чтобы завершить то, что этот великий государь лишь намечил, так как кончина его была преждевременна.

61

Итак, очевидно, что благо государства требует, чтобы огромная дистанция, существующая между верховной властью и властью Сената была восполнена Советом, состоящим из нескольких человек, которые встали бы у кормила, чтобы искусно вести лодку и управлять всеми делами государства, чтобы облегчить бремя ее величества императрицы и избавить ее от необходимости вникать в подробности дел, не представляющих крайней важности, для которых не хватит ее материнской заботы без вреда для ее драгоценного здоровья.

Следует еще распределить дела государства между различными департаментами, как-то: иностранных дел, военным, морским, финансов и торговли, внутренних дел империи и другими.

Главнейшее искусство государей состоит в умении выбирать лиц, годных и способных выполнять обязанности на тех должностях, которые им доверяют, коих чистота, неподкупность, честность, прилежание в делах, усердие и благочестие испытаны и известны. Народ, слава Провидению, не испытывает сегодня недостатка в хороших подданных, а равно и ее величество императрица не испытывает недостатка в пронизательности, чтобы сделать из них лучший выбор.

Итак, одно из этих лиц нужно поставить во главе департамента иностранных дел;
второго — во главе военного;
третьего — во главе морского;
четвертого — финансов и торговли;
пятого — внутренних дел империи и т. д.

Эти пять человек составили бы Совет ее величества, который представлял бы ей сущность дел и изготовлял, руководствуясь мудрыми решениями государыни, необходимые указы Сенату и присутственным местам, не находящимся от него в прямой зависимости.

В каждом департаменте следовало бы иметь канцелярию, секретарей и способных и честных чиновников.

Такой образ правления, единожды учрежденный, избавил бы от трудов и сберег бы драгоценное здоровье несравненной государыни, которая удостоила меня чести сказать, что было время, когда она работала по шестнадцать часов в сутки.

На это я имел смелость ответить, что не следует работать до усталости, напомнив ей при этом изречение Грациана об одном государственном человеке: «Кого может хватить на столько дел?»

Такой образ правления, говорю я, единожды учрежденный, установил бы в счастливое царствование ее величества порядок в управлении делами и даровал бы золотой век ее народу.

К о н е ц

ПРИМЕЧАНИЕ *

Последний патриарх в России, по имени Адриан, умер в 1701 году.

Святейший Синод был учрежден 25 января 1721 года.

Лица, назначенные тогда составлять Синод, были:

президент,
два вице-президента,
четыре советника,
четыре ассессора.

Всего одиннадцать человек.

* *Примечание Миниха.*

По новому положению 1762 года под счастливой звездой императрицы Екатерины II, ныне славно царствующей, святейший и правящий, Синод состоит из:

1. Духовные лица:
три архиерея,
два архимандрита
один протопоп.
2. Светские лица:
обер-прокурор.

ГУБЕРНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ГУБЕРНАТОРЫ В 1773 ГОДУ

Москва. г. Юшков, тайный советник
С.-Петербург. г. Ушаков, тайный советник
Новгород. г. Сиверс, генерал-лейтенант
Архангельск. г. Головцын, генерал-лейтенант
Смоленск. г. Текутьев, генерал-майор
Киев. г. Воейков, генерал-аншеф
Белгород. г. Давыдов, генерал-майор
Воронеж. г. Маслов, генерал-лейтенант
Нижний Новгород. г. Квашнин-Самарин, действительный статский советник
Казань. г. Брандт, генерал-лейтенант
Астрахань. г. Бекетов, генерал-лейтенант
Оренбург. г. Рейнсторп, генерал-лейтенант
Сибирь. г. Чичерин, генерал-майор
Иркутск. г. Брюль, генерал-лейтенант
Малороссия. г. граф Румянцев, генерал-фельдмаршал
Новороссия. г. Воейков, генерал-аншеф
Слободская Украина. г. Щербинин, генерал-лейтенант
Ливония. г. Броун, генерал-аншеф
Эстония. Принц Голштейн-Бек, генерал-фельдмаршал
Выборг. Вакансия
Белоруссия. г. граф Чернышев, генерал-аншеф
Плесков (Псков). г. Кречетников, генерал-майор
Могилев. г. Каховский, генерал-майор

ЭРНСТ МИНИХ
ЗАПИСКИ

Бурхард Христофор граф Миних и Христина Лукреция Вицлебена суть родители, которым я одолжен жизни. Я родился в 1708 году генваря десятого дня нового штиля неподалеку от Эттингена в Швабской деревне, именуемой Гейнсфурт. Отец мой, которого покойная мать моя, по обыкновению тогдашних времен, всегда на походах сопровождала, состоял в гессен-кассельской службе майором и находился в походе с корпусом гессен-кассельских войск, состоящим на жаловании Англинской и Голландской держав и выступившим тогда из Италии в Брабандию.

Мать моя, не желая остаться одна, принуждена была на другой день по разрешении мною от бремени ехать далее, что и позволяли ей ее силы.

В малолетстве моем и по самый Утрехтский мир¹ отец мой не только имел случай военному искусству в наилучшей школе обучиться, но также счастье во многих походах, учиненных им под предводительством двух знаменитейших полководцев, а именно принца Евгения Савойского и герцога Марльбургского, приобрести славу храброго и искусного офицера.

При сем примечательно, что он на многих в сию войну происходивших сражениях не больше одного раза был ранен. Сие воспоследовало под Дененом, где один французской драгун, которому он тотчас сдаться не хотел, ранил его кинжалом в грудь и потом отвел пленником в Камбрай. В сем городе имел он благоприятный случай, как о том сам по свидетельству многих отзывался, не токмо познакомиться с тогдашним архиепископом — славным Фенелоном, но также принятым быть от него с великим снисхождением и с особенным уважением.

По заключении мира остался он полковником по 1717 год в гессенской службе, и в сие время, по опытности его в инженерной науке, препоручено ему от ландграфа гессен-кассельского построить канал, соединяющий близ

местечка Сибурга, ныне Карлсгауеном именуемого, реку Димель с Везером. Сию работу привел он большею частью к окончанию, как после, в уважение медлительного производства в службе незнатных владельцев, принял он намерение вступить в службу которой-либо высокой державы для показания своих заслуг и способностей, а сие надеялся он тогда обрести в Польше.

Здесь король Август после сражения под Полтавою, решившегося к несчастью Карла XII, хотя и сидел паки на престоле, однако колебался на оном, доколе не был подтвержден по силе мирного трактата между шведами и россиянами. Невзирая на худое положение дел в Швеции, поляки не хотели еще настоящему подвергнуть себя воинственному, и их так называемая конфедерация немало наносила королю беспокойства: конфедераты настояли особенно на том, чтобы саксонские войска из государства вышли, ибо король принужден был держать их в Польше как для собственной безопасности своей, так и для прекращения великих, происходивших в то время беспокойств; но как сии войска большею частью содержались на иждивении поляков, то общественно взирали на них как на неприятных и крайне обременительных гостей. Наконец чрез посредство России заключен мир, и между прочих статей мирного постановления договорено саксонские войска вывезть из Польши и для защищения ее учредить корпус войска из двенадцати тысяч человек пехоты и драгунов, который в мирное и военное время содержать на иждивении республики.

При таковых обстоятельствах дел в Польше отец мой предложил королю Августу свои услуги, которые приняты весьма благосклонно, так что он в том же 1717 году произведен генерал-майором польской и саксонской армии и вскоре потом получил препоручение учредить новый пехотный полк из четырех батальонов, который по днесь известен под именем польской коронной гвардии.

В корпусе сем должен был состоять фельдмаршал граф Флеминг действительным, а мой отец командующим полковником. Причем сделано условие, чтобы отец мой сперва один несколько лет пользовался всеми полковничьими доходами и рационами, которые по нынешнее время на весьма знатную простираются сумму, а после разделял бы их с фельдмаршалом графом Флемингом или по крайней мере предоставлял для него известную часть от оных ежегодно.

Коль скоро означенное распоряжение сделано, прика-

зал отец мой оставшейся в Гессен-Кассель фамилии своей приехать в Варшаву, где я по приезде моем на девятом году возраста своего определен прапорщиком в упомянутую гвардию, ибо доселе я состоял в том же звании в гессенской службе в Кетлерском пехотном полку.

Хотя по восстановлении мира в Польше отец мой не имел случая оказать свои таланты на войне, однако же другие его знания и способности в короткое время снискали ему уважение и благосклонность от короля. Он имел пребывание свое всегда в Варшаве и жил в доме, нанятом у епископа Плоцкого. В контракте с хозяином договорились они, чтобы епископ, на случай приезда его по некоторым делам в город, имел несколько покоев в том же доме для своего жительства. Между тем случилось в 1718 году, когда означенный епископ стоял у нас на квартире, что его люди в кухне, где также и наши работали, разложили на очаге весьма сильный огонь, отчего в трубу выкинуло, и после целый флигель дома выгорел. Епископ, под предлогом, будто бы пожар произошел от неосторожности наших людей, требовал, чтобы отец мой за причиненный убыток заплатил, и по полученному отказу просил на него о том в суде. Сие тяжebное дело продолжалось нарочито долго; наконец епископ перенес дело в Рим, и отец мой получил от папы, который, без сомнения, не ведал, что писал к еретику, грамоту, в которой его святейшество увещевал епископа удовлетворить. Невзирая на сие, спор между ними долгое время без решения оставался, как напоследок сам король вошел в посредство и епископа удовлетворил, обещав его племяннику аббату Салуцкому, нынешнему гросс-канцлеру польскому, знатное пожаловать епископство.

В том же году проезжал чрез Варшаву славный и несчастный муж барон Герц. По старинному знакомству, пристал он в нашем доме, и дружба его к отцу моему, равно как, может быть, и желание сманить от короля Августа искусного генерала, простирались до того, что он не токмо предлагал отцу моему генерал-поручичье место в шведской армии, но также по силе данной ему полной мочи вручил на показанный чин патент собственноручно, но дело сие осталось без дальнейшего успеха, ибо Карл XII в том же году под Фридрихсгамом застрелен, а сожаления достойному барону Герцу отсечена голова в Стокгольме.

В 1719 году курфиршеский саксонский принц, после бывший король польский, сочетался браком с герцогинею

Марию-Иозефою в Вене. Король, один из великолепнейших владельцев тогдашних времен, вознамерился принять свою невесту с величайшею пышностью и с редчайшими увеселениями и празднествами. Все первейшие чиновники были туда отозваны, а равно и отец мой получил повеление приехать в Саксонию. Он взял с собою всю фамилию свою, и мы приехали в половине июля месяца в Дрезден. Празднества открылись в августе месяце великолепным выездом, причем саксонский генералитет составлял особенный конный корпус, который вел отец мой как младший тогда генерал, а фельдмаршал граф Флеминг оный корпус замыкал. Какие в прочем при сем случае в течение шести недель происходили увеселения, об оном можно видеть во многих печатных сочинениях. Самое редкое, по мнению моему, зрелище притом было возобновление старинного и столь славного каруселя, где все прежние употребительные законы и правила соблюдаемы были наиточнейше.

По окончании сих увеселений возвратились мы в Польшу и приехали в конце того года в Варшаву. Немного спустя отец мой пришел в несогласие с фельдмаршалом графом Флемингом. Сему не хотелось долее соблюдать вышеизображенного условия, постановленного при учреждении гвардейского полка. И когда отец мой не намерен был ему уступить, то граф Флеминг подучил некоторых офицеров сделать донос, что они распоряжением и управлением отца моего при полку недовольны. При сем случае дошли также до сведения отца моего некоторые оскорбительные речи от одного штаб-офицера по прозванию Бонафу, которого он по поводу сего вызвал на поединок и ранил пулею в грудь. Опасаясь худых следствий, когда раненый умрет, отец мой за благо рассудил скрыться в монастыре, где и пребывал несколько недель, пока Бонафу из всей опасности вышел.

В сие время король возымел желание обозреть канал, строившийся по его повелению в увеселительном замке Уяздов под главным надзиранием отца моего. Королю надлежало ехать мимо того монастыря, где отец мой укрывался. Приехав к оному, приказал он остановиться и вызвать моего отца, которого посадив в свою карету, поехал в вышеозначенный замок Уяздов. Проведя несколько часов на обозрении канала и изъяв на то свое удовольствие, возвратился он в город и высадил моего отца из кареты в том самом месте, где его взял. Между тем вражда фельдмаршала графа Флеминга от часу более

возрастала. И хотя король внутренне любил отца моего, однако же власть графа Флеминга над распоряжениями мыслей государя его не допустила следовать его склонностям, чтобы отца моего от пронырств упомянутого фельдмаршала защитить. Даже дошло до того, что фельдмаршал граф Флеминг приказал отцу моему объявить домовый арест. Когда же он собственно был саксонский фельдмаршал, а в Польше, и именно при коронной гвардии, не другое что, как полковник, напротив чего отец мой был и польский генерал-майор, и вице-полковник в коронной гвардии и собственно состоял под командою гросс-фельдъегеря Синявского, то сей почел поступок графа Флеминга предосудительным правом и власти своей, приказал того же дня отца моего известить, что он дарует ему свободу и не имеет уважать объявленного ему от фельдмаршала графа Флеминга ареста, а в прочем может полагаться на его покровительство. Граф Флеминг принужден был гнев свой смирить, но после по сему делу никаких уже дальнейших следствий не оказалось.

Во время сих раздоров князь Григорий Федорович Долгорукой находился российским посланником при дворе польском; неудовольствие отца моего известно ему было, почему он и воспользовался сим случаем уговорить его с обещанием величайших выгод в российскую вступить службу.

В исходе 1720 года умер мой покойный дед Антон Гинтер Миних, постановя по силе духовной отца моего единственным наследником родового и благоприобретенного имения его. По полученному известию о кончине его, просил отец мой у короля позволение съездить в свою родину, что и получил неукоснительно с награждением пятисот червонных на путевые расходы.

Вместо чтоб ехать в Ольденбург, отправился он в начале 1721 года под чужим именем в Санкт-Петербург, но не далее доехал, как до Риги, потому что здесь встретил уже императора Петра Великого. Тут сделал он на шесть лет договор с таким условием, чтобы не прежде как по прошествии первого года получить чин генерал-поручика. В прочем, как уже около сего времени, а именно в мае месяце 1721 года, война со шведами прекратилась, то он должен был довольствоваться меньшим, нежели что князь Долгоруков в Варшаве обещал; так что вместо восьми тысяч курантных талеров ежегодного дохода, в Польше получаемого, имел он теперь не больше как две тысячи четыреста рублей.

Из Риги отправился он в свои вотчины для принятия их в свое владение и для окончания расчетов с братьями и сестрами об оставшемся наследстве.

Между тем просил он короля об увольнении от службы, которое получив, отписал к моей покойной матери, дабы она в Гданьск приехала и там дожидала его. И так мы все пустились из Варшавы водою и по десятидневном путешествии приехали в Гданьск благополучно. Чрез несколько недель прибыл к нам отец мой, и потом все вместе предприняли мы путь чрез Кенигсберг, Пруссию и Курляндию в Россию.

В сентябре месяце 1721 года приехали мы в Ригу. Сей город по силе заключенного между Россиею и Швециею мирного трактата сделался в сем году новою пограничною крепостию Российской империи. Отсюда отец мой поехал один в Санкт-Петербург, распорядил там все нужное для своего домоводства и по прошествии двух месяцев возвратился опять в Ригу, дабы с собою взять всю фамилию свою.

Я оставлен один в Риге обучаться в тамошней городской школе и отдан в пансион к ректору означенной школы — весьма ученому мужу, по прозванию Горнику. От роду было мне тогда около четырнадцати лет, и великую имел я охоту к учению; но, к сожалению моему, кроме латинского и частию греческого языка, другому в сей школе весьма мало научиться мог.

По прошествии двух лет отец мой за благо рассудил послать меня в Женеву, но наперед приказал явиться в Петербург, куда я и приехал в феврале месяце 1723 года. По приезде моем предложил мне отец мой на выбор, желаю ли я быть ученым или военным человеком; я решился на первое.

В оное время Петр Великий имел помышление Ладожский канал, необходимо нужный к облегчению торговли и промыслов жителей в Санкт-Петербурге, привести к совершенному окончанию. Хотя посредством небольшого канала, соединяющего реку Тверцу и Мсту неподалеку от Вышнего Волочка, водяная коммуникация была уже свободна от Каспийского моря даже до Санкт-Петербурга, однако же, как все припасы надлежало провозить по Ладожскому озеру, на котором плавание во время сильных ветров и бурей столько опасно было для плоскодонных барок, употребляемых обыкновенно для провоза российских продуктов, что ни одного почти не проходило года без знатного урону и гибели людям и товарам, то,

дабы отвратить таковую неудобность в перевозе припасов, император Петр Великий предпринял реку Волхов, впадающую в Ладожское озеро, и реку Неву, из одного вытекающую, соединить посредством канала, чрез что озеро оставалось в стороне и судоходство никакой опасности не подвергалось.

Сей канал, простирающийся вдоль берега Ладожского озера, приемлет свое начало у Новой Ладогы и кончится у Шлиссельбурга; длина одного содержит сто четыре версты или пятнадцать немецких миль, ширина семьдесят, а глубина под водою десять английских футов. Он составлен большею частию из одних прямых линий в две, три и четыре версты и не делает больших углов, кроме что в одном месте находится кривизна, произошедшая от оплошности прежнего к строению сего канала употребленного инженера, но отец мой исправил сей недостаток, сколько возможно было. Берега одного канала были сначала деревянные, но после сделаны каменные. И как многие небольшие ручьи, разливающиеся на обширное пространство весною, когда снег начнет таять и сходить, протекают сквозь сей канал, то с обеих сторон при впадении и выходе оных поделаны прочные шлюзы, частию дабы управлять водою сих ручьев и частию дабы удерживать и не впускать песку и илу, которые они с собою наносят. Начало канала при Новой Ладоге на несколько футов выше, нежели конец при Шлиссельбурге, почему течение воды в нем весьма приметно бывает, однако же дабы в весьма сухие годы не происходило никакой остановки в судоходстве, то построены по обоим концам два большие и главные шлюза, посредством которых воду в целом канале останавливать и в случае нужды на несколько футов возвышать можно.

Хотя на построение вышеописанного канала с лишком до миллиона рублей потрачено, однако все, что ни было изготовлено, оказалось в такой неисправности, что император намерен был прежнего директора отпустить; почему поехал он туда вдругорядь обще с моим отцом, который, изъяснив ему подробно все учиненные погрешности, представил новый проект, по которому и препоручено ему от императора важное сие строение продолжать. Отец мой действительно приступил к произведению работы, но не получил ни того числа денег, ниже людей, сколько сперва ему обещано.

Петр Великий, по короновании супруги своей в Москве в 1724 году, предпринял возвратный путь в Санкт-

Петербург и мимоездом хотел обозреть новопроизводимую отцом моим работу. Он приехал на канал осенью того же года. Отец мой показывал ему часть канала, простирающуюся на десять или двенадцать верст, что делает полторы мили, в совершенной отделке, но только воды еще не впущено, дабы доставить императору удовольствие лично видеть впуск оной. Как скоро он работу в означенном положении осмотрел, то пошел к плотине, которая воду удерживала, и приказал ее проломить. Позади плотины стоял небольшой бот, которого император едва лишь увидел, в то же мгновение возымел охоту в него сесть и спуститься в канал с быстростремящеюся водою. Сопутниками его были мой отец и еще один унтер-офицер вместо штурмана. Бот плыл по каналу с несказанною быстротою, причем император не мог от радости воздержаться, снимал неоднократно с себя шляпу и, махая оною над головою, кричал «ура!». Удовольствие его было столь чрезвычайное, что он, стоя в боте, обнимал, целовал и благодарил отца моего за исправное совершение сей работы. После сего император зашел в дом отца моего, и, отужинав и переночевав, продолжал на другое утро свой путь в Санкт-Петербург, наказав отцу моему туда же приехать, дабы рассудить и переговорить о средствах к скорейшему окончанию канала. Когда сей монарх прибыл в вышеупомянутую столицу, то в первом присутствии своем в Сенате представил, в каком состоянии нашел он новую работу, выхвалял отца моего и объявил, что он по совершении оной знатного заслуживает награждения. Но что касается до сего последнего, то император собственно от своей особы ничего более сделать не мог, поелику он спустя несколько месяцев скончался.

Отец мой, желая доставить мне лучшее воспитание, нежели как я в ту пору в России иметь мог, отправил меня в Женеву в исходе ноября того же года. Покойная мать моя проводила меня с Ладожского канала даже до Санкт-Петербурга. В декабре месяце свершилось обручение великой княжны Анны Петровны с его высочеством герцогом Голштейн-Готторпским, и на сем торжестве имел я честь в последний раз видеть Петра Великого.

Несколько дней после сего торжества предпринял я свой путь чрез Ригу, Кенигсберг и Гданьск в Берлин, где имел честь представленным быть покойному королю прусскому Фридриху Вильгельму на так называемой парадной площади. Его величество всемилостивейше на-

ведывался у меня об обстоятельствах отца моего, который ему был известен. Здесь получил я от родственника нашего, саксонского министра господина Сума, которой из учтивства принял меня в свой дом, многие рекомендательные письма в Женеву. По приезде в Аншпах имел я удовольствие увидеться с моею теткою с матерней стороны супругою тамошнего обер-гофмаршала господина Кинсберга, а равно и честь быть представленным вдовствующей маркграфине и малолетнему ее сыну, которые к столу своему меня пригласили. После сего был я на посещении у другой тетки моей, которая была в замужестве за эттингенским обер-егермейстером господином Ласпергом. В доме сей тетки жила покойная бабушка моя госпожа Анна Дебора Себах, вдовствующая Вицлебена, для сей последней, как легко догадаться можно, был я не неприятный гость. По несколькодневном пребывании отправился я далее и, проездом обозрев в Ульме, Шафгаузене, Солотурне и Лозанне все библиотеки, церкви и надгробные по старинному немецкому обряду обстоятельнейше, приехал в исходе марта в Женеву благополучно и в добром здравье.

Здесь услышал я, что император Петр Великий в двадцать восьмой день генваря 1725 года скончался, и супруга его императрица Екатерина приняла престол российский.

В Женеве первая моя забота была, чтобы отыскать хороший пансион. Между многих предложенных мне еще в Берлине выбор мой пал преимущественно на дом господина пастора и профессора философии Езекииля Галлатина, прелюбезного и ученейшего мужа, которого память за его любовь и дружбу, равно как и всего семейства его, ко мне по сей час для меня приятна и драгоценна. Я посоветовался с ним, каким образом наиболее распорядить мое учение и упражнение в науках, и расчел, сколько все оное будет мне ежегодно стоить. Нашед, что мои расходы по крайней мере на тысячу специев талеров простираться имеют, отписал я об оном к отцу моему, который и согласился отпускать означенную сумму, невзирая на малые тогдашние его доходы. В первом году слушал я приватные лекции философические о естественном и народном праве и об институциях, причем обучался также танцеванию, фехтованию и музыке. В следующем году ходил я к новоприехавшему профессору Неккеру на лекции о немецком общественном праве вместе с принцом Кульмбахским, после бывшим маркгра-

фом Барейтским, двумя принцами Саксен-Гильдбурггаузенскими и с принцем Шварцбург-Рудольстатским; далее обучался я верховой езде, держал учителя для италийского языка, упражнялся в истории и во французском штиле, учился рисовать и сделал начало в алгебре; но в сей последней науке успел столь мало, что вскоре потом забыл даже первые начальные основания. К математике с малолетства моего не имел я никакой склонности, хотя отец мой и понуждал меня к тому. Я, к сожалению моему, не мог преодолеть своего к ней отвращения, о чем теперь, как обретаясь в ссылке сие пишу, соболезную тем более, что при самом приезде моем в заточение восчувствовал я к означенной науке чрезобычайное желание, почитая ее неисчерпаемым источником к разогнанию докучливых мыслей; но к изучению ее снабжен токмо некоторыми недостаточными книгами, над которыми должен ныне ломать мою голову.

Кроме сей внутренней укоризны, которую я сам себе делаю, намерен я привести еще некоторые обстоятельства касательно поведения моего в Женеве с тем единственно намерением, дабы мои дети пример из того взяли и старались подобного избегать и уклоняться.

В том же доме в Женеве, где я жил, стояли сверх немцев многие молодые англичане, и между ними двое братьев по прозванию Спенцеры, из которых старший наследовал потом титул и знатное имение своего деда, славного полководца герцога Марлбургского. С младшим братом, который был тогда весьма острый и к роскоши склонный человек, жил я с лишком год в тесном союзе дружбы, и в его беседе многие в молодых моих летах шалости наделал.

Между других рекомендательных писем было при мне одно к находившемуся тогда в Женеве французскому резиденту господину де-ла-Клозюру, что всеконечно к великой моей пользе служить могло, если б я прилежнее стал искать обхождения с сим тонким, благонравным и разумным мужем; но стыдливое свойство, принятое мною в рижской школе, где все мои товарищи вообще низкого происхождения были, произвело, что я сделался застенчив и некоторым образом убегал людей меня постарее или таких мужей, которых считал несравненно разумнее себя. Ежедневное обращение с большою частью, так сказать, невышлифованных англичан и других подобных им молодых людей, в коих обществе в праздные часы учился я чрез кусты и рвы скакать, отвлекло меня от

беседы с мужами превосходных качеств и от обхождения с благонравными женщинами совершенно, так что я оттого нерадиво стал посещать школы и мало успевал в светском обращении, и потому самому, спустя много времени, принужден был в обществах между открытых и оживленных людей играть прежалкую роль немого.

Осенью 1727 года получил я печальное известие о скоропостижной кончине моей матери, которая за добродетель и за похвальные качества свои общественно была почитаема.

Вскоре потом прислал ко мне отец мой радостное известие, что императрица Екатерина пожаловала ему новоустановленный орден Св. Александра Невского и сверх того в подарок несколько тысяч рублей.

В апреле того же года получил я от отца моего приказание поехать в Италию. И так в начале мая отправился я в сообществе двух англичан и одного немца из Женевы в Турин.

Здесь в короткое пребывание мое успел я познакомиться токмо с фельдмаршалом Ребиндером, который был урожденный лифляндец, с французским посланником господином Камбизом и с английским министром господином Геджесом.

Не прожил я в Турине и одного месяца, как пришло туда известие, что императрица Екатерина скончалась и Петр Второй вступил на престол. Между тем как я обольщался приятными мыслями обозреть достопамятности в Италии, отписал ко мне отец мой, чтобы я как можно скорее поспешил в Санкт-Петербург.

Но когда он позабыл прислать ко мне вексель и у меня для толь дальнего пути денег не доставало, то я нашелся принужденным с остальными червонцами возвратиться в Женеву и там занять потребную сумму за поручительством бывшего моего хозяина господина Галлатина; он склонился охотно к сему, и как я предложил о том прежнему моему банкиру, то сей отвечал, что ему не надобен упомянутый поручитель, который хотя и честный человек, но долгов больше, нежели достатка имеет, и для того лучше верить моему честному лицу, и даст сколько нужно мне денег для продолжения пути моего, почему и отпустил он мне на месте триста талеров испанскими пистолями.

И так поехал я чрез Берн и Вазель в Страсбург и оттуда чрез Баден в Эттинген, посетил там вдругорядь покойную мою бабушку и тетку госпожу Ласперг; имел

также честь свидетельствовать мое почтение князю Эттингемскому и у него обедать. Я показывал ему разные рисунки, сделанные мною в Женеве. Напротив чего он приказал принести свой план крепости Филиппсбургской, где он был губернатором, и изъяснял все свои проекты относительно поправления укреплений оной, а произведение сей работы остановилось единственно за неотпуском денег из имперской казны. Из Эттингена отправился я к моей тетке госпоже Уинсберг, которая тогда в деревне жила, а от нее в Анспах, где госпоже маркграфине и ее сыну вторично засвидетельствовав мое почтение, продолжал свой путь далее.

По приезде в Берлин проведал я от российского министра графа Головкина, что отец мой пожалован генерал-поручиком и шефом инженерного корпуса и сверх того от императора Петра II даны ему земли в Лифляндии в потомственное владение. Королю был я вдругорядь представлен на парадной площади и имел тут честь в первый раз подведен быть к наследному принцу, ныне владеющему королю прусскому Фридриху II; отсюда поехал я далее чрез Гданьск и Кенигсберг в Ригу и прибыл в начале августа в Санкт-Петербург.

Отец мой находился в ту пору при Ладожском канале, так что из моих родных застал я в Петербурге одну токмо старшую сестру мою, которая была у ее высочества великой княжны Елисаветы Петровны фрейлиною. Однако же, коль скоро отец мой о моем приезде известился, приехал он тотчас в город.

Римско-императорский министр граф Рабутин, который с достославным успехом, незадолго до кончины императрицы Екатерины I, заключил в 1726 году между российским и венским дворами известный союзнический трактат, по силе которого Карл VI в случае нападения на него имеет получать от России тридцать тысяч человек вспомогательного войска, обретался тогда еще в Санкт-Петербурге и, будучи сопряжен узами искренней дружбы с моим отцем, согласился по прошению сего взять меня к себе и употреблять к посольским делам. Но по приезде моем лежал он при смерти болен и несколько дней спустя потом умер, и как чрез то означенное намерение испровергнулось, то отец мой вместе со мною возвратился к каналу, который нашел я больше нежели наполовину отделанным.

По прошествии нескольких недель получили мы известие, что князь Меншиков свержен и в ссылку сослан².

Сего человека блаженной памяти император Петр I из самого низкого состояния возвел на высочайшие степени чинов и достоинств не за отменные его дарования или знания, но за то, что он по нраву монарха во всех случаях умел угождать бесподобно и главнейше снискал его благоволение тем, что он часто брался за дела, которые императору от других невозможными представлены, и старался их произвести, чего бы они ему не стоили. Сверх того, в особе императрицы, которая одолжена ему за начало своего счастья, имел он мощную защитницу, и по восшествии ее на престол состоял в величайшей знати и силе. По кончине ее можно было почитать его регентом империи, особливо как он отправил герцога Голштинскаго и его супругу на фрегате в Киль, дабы свободнее и с неограниченною властью всеми управлять делами. Молодого императора взял он к себе в дом и уже обручил его с своею старшею дочерью. Он располагал, что когда будет тестем монарха, то власть его утвердится непоколебимо, а потому и начал пренебрегать всеми знатнейшими в империи чиновниками. Самому императору и его сестре великой княжне Наталии не давал он ни малейшей вольности даже в самых малозначащих делах, чрез что окружавшим молодым господам нетрудно было помрачить его в мыслях императора.

Фамилия Долгоруких, уповая скорее достигнуть выгод, ожидаемых от одного из своих, а именно князя Ивана Алексеевича, начинавшего входить в милость к императору, употребила наипаче сего своего родственника для низвержения князя Меншикова. Им удалось в деле сем успеть до того, что как однажды двор находился в Петергофе, а князь Меншиков в городе остался, то молодой император открылся некоторым находившимся там знатным особам в неудовольствии своем на поступки князя Меншикова и что он желает от него избавиться. По сем изъяснении положено было общественно ненавидимого князя от службы отставить, и тем же часом дан одному гвардейскому майору приказ объявить ему об оном и его самого арестовать.

Барон Остерман был тогда знаменитейший муж в империи и друг отца моего. Сей получил неукоснительно обще с известием о падении князя Меншикова повеление приехать в Санкт-Петербург для занятия президентского места в Военной коллегии; по приезде его сделано ему сие лестное приветствие, что кроме его нельзя иному лучшему надзирателю вверить армию.

Остерман имел большую фамилию, и, за множеством поручаемых ему дел, не доставало ему времени смотреть самому за своим домоводством. Сие побудило его помышлять о другом браке. Когда же старшая сестра моя находилась фрейлиною при ее высочестве великой княжне Елисавете Петровне, то сие самое и подало ему повод сей двор посещать нередко и познакомиться с гофмейстериною, вдовствующею графинею Салтыковою, урожденною Мальченою (фон Мальцан), и оба положили сочетаться браком.

Между тем барон Остерман предъявил новый довод добрых расположений своих к отцу моему тем, что предложил для меня выгодное место. Происходившие тогда между так называемыми венскими и ганноверскими союзниками споры положено было разрешить в назначенном конгрессе в Суассоне во Франции; когда же российский двор, как выше упомянуто, приступил к венскому союзу, то и намеревались отправить знатное посольство на означенный конгресс. Князь Борис Иванович Куракин, министр при французском дворе, и граф Александр Гаврилович Головкин, министр при берлинском дворе, были к тому назначены, но последний отправил один сие посольство, потому что князь Куракин вскоре после сего в Париже умер. Итак, барон Остерман доставил мне место при сем посольстве в звании дворянина посольства с жалованьем по пятьсот рублей в год и двести рублей на проезд в Берлин к графу Головкину.

Около сего времени вторая сестра моя Христина Елисавета сговорена была за лифляндского дворянина барона Иогана Генриха Менгдена, и отец мой обещал ей десять тысяч рублей в приданое.

В рассуждении старшей сестры казалось, будто бы также для нее жених сыскался. Новый императорский наперсник, князь Иван Алексеевич Долгорукий, возымел к ней столь великую склонность, что, по-видимому, намерен был на ней жениться. Но как наконец его родители и другие родственники не соглашались, то все дело и рушилось, к величайшему счастью для моей сестры.

В исходе января 1728 года император Петр II предпринял путешествие в Москву для коронования. Отцу моему препоручена была должность главнокомандующаго в Санкт-Петербурге, а я, спустя несколько дней, отправился в Берлин.

Благосклонный прием, каковой по приезде моем имел я от графа Головкина и от его супруги, урожденной графини-

ни фон Дона, был уже началом особенной любви и дружбы, коею четыре года непрерывно пользовался я в доме сей добродетельной четы. Мы отправились в Суассон не прежде как чрез два месяца. Между тем коронование императора Петра II совершено в Москве, и граф Головкин при известии об оном получил также повеление установить радостное на сей случай празднество. В сходстве чего граф Головкин дал великолепный обеденный стол, которого король удостоил своим присутствием, вечером бал и вечерний стол купно с иллюминациею. В прочем означенный день торжества для коронования достопамятен в нашей фамилии, потому что отец мой и его потомки в графское возвышены достоинство.

Наконец граф Головкин получил свои векселя, уполномочия и инструкции. Последние содержали главнейше ту силу, дабы он крайнее употребил домогательство исходатайствовать титул императорский от тех держав, которые не согласны еще были придавать оного российским государям. Сверх того препоручено также особенно пешись об интересе герцога Голштинского касательно возвращения шлезвигской земли³. Сколько он как в одном, так и в другом успел — об оном ниже упомянуто будет.

В конце мая отправились мы в Суассон. Но, отъехав недалеко, старшие два сына графа Головкина получили корь в местечке, именуемом Горнбург, не в дальности от брауншвейгской границы, и мы принуждены были тут недели на две остановиться. В соседстве на даче господина Миннгаузена, называемой Линден, имел тогда жительство старый герцог Антон-Ульрих Бланкенбургской общес со своею супругою. Граф Головкин, желая отдать свое почтение сему герцогу, деду нашего государя, поехал к нему, взявши меня с собою. Я имел честь у их светостей обедать, и герцогиня расспрашивала меня, как новоприезжаго из России, подробнееше обо всем, касающемся до молодого императора и его сестры. По окончании стола приехали туда же два старшие принца Бевернские, внуки упомянутого герцога, а именно вступивший вскоре потом в правление герцог Брауншвейгский и сочетавшийся после в России с принцессою Анною Мекленбургскою принц Антон-Ульрих. Под вечер сделали мы приятную прогулку в лесу до самых ворот города Вольфенбителя, и около ночи граф Головкин возвратился со мною опять в Горнбург.

Коль скоро больные наши оправались, поехали мы

далее. Не успели добраться до Гама в Вестфалии, как опять на другом дитяти и даже на самой графине корь высыпала. И так мы принуждены были снова простоять с лишком две недели. Из Гама продолжали мы наш путь беспрепятственно даже до Везеля; здесь графиня Головкина почувствовала тяжкую боль в груди, потому что она рано-рано в дорогу пустилась, но чрез двенадцать дней пришла опять в состояние сносить трясение от дороги. Из Везеля поехали мы чрез Мастрихт в Брюссель, где вскоре по приезде нашем герцог Арембергской посетил графа и графиню, и как граф в провожании одного меня взаимное отдал посещение упомянутому герцогу, то и пригласил он нас к вечернему столу, при котором находились еще состоявший во французской службе граф Деламарк и славный сочинитель Жан Батист Руссо. Присутствие сего последнего произвело, что разговор о важных материях не долго продолжался, но вскоре принял нарочито насмешливый тон.

Из Брюсселя отправились мы в Монс, оттуда поворотили в Лафер, и наконец при пушечной пальбе прибыли в Суассон благополучно; но поелику после первых до приезда нашего бывших двух или трех собраний, в которых кроме вымена некоторых уполномочий ничего другого не сделано⁴, все посланники поехали за кардиналом Флери в Париж, то графу Головкину невозможно было одному что-нибудь в рассуждении дел здесь произвести, и потому он, оставя всю фамилию свою в Суассоне, поехал обще со мною и с одним секретарем в упомянутую столицу.

В Париже застали мы князя Александра Борисовича Куракина, который по смерти отца своего оставлен во Франции для дел, до России касающихся, и ожидал токмо приезда графа Головкина, дабы самому отправиться в Москву.

Граф Головкин неукоснительно поехал в Версаль, имел свидание с кардиналом Флери, равно как и с хранителем печати господином Шовелином, тогдашним министром иностранных дел, и от первого представлен королю в качестве министра, на конгресс назначенного.

По прошествии одного месяца собрания в Суассоне опять открылись, почему и граф Головкин паки туда возвратился. Но как в его уполномочиях означен императорский титул, не от всех еще держав признанный, то многие не соглашались их принять и слушать. Римско-императорские посланники, невзирая на постановленный

между обоих дворов союз, были из числа первых, которые на то возражали наисильнейше. А шведы представляли, что от них признан сей титул для Петра I и после для императрицы Екатерины I единственно для особ, а отнюдь не для потомков их. После многих словопрений дело сие решилось тем, что упомянутые уполномочия приняты на сей раз, с торжественным, однакож, возражением на изображенный в оных титул⁵.

После двух собраний господа уполномоченные опять все разъехались, и в то уже время видно было, что в Суассоне не много надделано будет. Почему граф Головкин вознамерился со всею фамилиею своею поехать в Париж. Здесь проводили мы всю зиму, и я, получив опасную горячку, едва было не умер.

Еще в бытность нашу в Суассоне пришло ко мне от отца моего известие, что он сочетался браком с вдовствующею графинею Салтыковою. Вскоре после их брака мачеха моя предприняла путешествие в Мекленбург для свидания с родственниками своими, взявши с собою моих двух сестер Софию и Луизу: первую выдала она замуж за прусского полковника Мальцена, а другую отправила к старой госпоже герцогине в Бланкенбург, где была она не долее одного года придворною фрейлиною и после выдана сею герцогинею замуж за франконского дворянина обер-шталмейстера маркграфа Аншпахского барона Шаумберга.

По сие время находился я один дворянином посольства при графе Головкине, а тут получил я товарища в особе молодого ныне владеющего графа Несвидского, которого мать была графиня Дона и двоюродная сестра графини Головкиной.

В мае месяце 1729 года поехали мы опять, и притом в последний раз, в Суассон, ибо по прошествии нескольких месяцев, в которые никаких дел там производимо не было, не хотели больше и слышать о конгрессе, а казалось, что двор версальский учинился ныне средоточием переговоров. Итак, пред исходом лета возвратились мы обратно в Париж для непременного там пребывания.

Здесь проводили мы время весьма приятно. Граф Головкин был аккредитован посланником при французском дворе, получал по тридцати шести тысяч рублей годового жалованья и содержал великолепный дом. Похвальное свойство его души и приветливость произвели в короткое время в нации толикое к нему уважение, что знатнейшее дворянство не токмо его посещало, но со своей

стороны озабочено также было доставлять ему всякое невозможное увеселение.

Что до меня касается, то старался я совершенное снискать знание во французском языке, для изучения которого не думаю чтобы который-либо молодой человек из россиян наперед меня во Францию был послан, причем успел я в оном нарочито так, что когда граф Головкин в Петербург отозван и отправление дел мне вверено, то я был уже в состоянии донесения мои писать на французском языке.

Между тем фамилия Долгоруких почти всю власть в России в свои руки захватила. Молодой император принужден был обручиться с сестрою своего наперсника; но лишь токмо мы о сем известились, как граф Головкин через нарочного получил неожиданное известие, что Петр II в 19 день генваря 1730 года скончался и вдовствующая герцогиня Курляндская, вторая дочь царя Иоанна Алексеевича, приняла российский престол.

В правление покойнаго императора Петра II все дела государственные решались в так названном Верховном совете, состоявшем из пяти или шести особ и в котором князь Долгорукий больше всех голосу имел. Лишь токмо молодой император свой дух предал, то означенный Совет съехался на совещание о наследии империи. Кончиною Петра II пресеклось мужеское колено императорскаго дома, почему князь Долгорукий и его сообщники почли сие обстоятельство удобным случаем власть российских государей некоторым образом ограничить. Они не чаяли в том ошибиться, когда, невзирая на степень родства или на перворождение, поднесут престол российский такой государыне, которая будет им благодарна за оказанное ей преимущество и, следовательно, из признательности подтвердит все какие ни будут ей представлены условия.

И так выбор пал, как выше сказано, на вдовствующую герцогиню Курляндскую, и примечательнейшие предложенные ей статьи были следующие:

1) Без усмотрения и согласия Высокого совета никакого в делах государственных не подавать решения, следовательно:

2) не объявлять войны и не заключать мира;

3) никаких не налагать поборов или налогов;

4) никого за преступление в оскорблении величества не осуждать к смерти в одной Тайной канцелярии и ни у единого дворянина не конфисковать имения без ясного

доказательства на учиненное им вышеозначенное преступление;

5) беспрекословно довольствоваться определяемым на содержание ее особы и придворного штата годовым доходом;

6) казенных вотчин никому не дарить;

7) не вступать в брак и не назначать наследника престола.

После сего к новой императрице, обретавшейся в Митаве, отправлены депутаты, между коими предводителем был князь Василий Лукич Долгорукий, как возвестить ей о избрании ее, так и упомянутые статьи предложить на утверждение.

Сия до формы правления касающаяся перемена не могла быть столь скрытна, чтобы не споведал об оной камергер покойного императора граф Густав Рейнгольд Левенвольде, которого старший брат, после бывший обершталмейстер у императрицы Анны Иоанновны, жил тогда в отставке в своих деревнях в Лифляндии и с давнего уже времени предан был герцогине Курляндской. Дабы уведомить сего и чрез него императрицу об оном деле как можно скорее, не нашел камергер граф Левенвольде иного удобнейшего средства, кроме как послать своего скорохода в крестьянской одежде к нему с письмом в Лифляндию. Вестник, наняв сани, скоро поспел туда, так что старший граф Левенвольде успел отправиться в Митаву и приехать туда целыми сутками ранее, нежели депутаты. Он первый возвестил новоизбранной императрице о возвышении ее и уведомил о том, что брат к нему писал в рассуждении ограничения самодержавия. Причем он дал свой совет, дабы императрица на первый случай ту бумагу, которую после нетрудно разорвать, изволила подписать, уверяя, что нация не долго довольна быть может новым аристократическим правлением и что в Москве найдутся уже способы все дела в прежнее привести состояние. После сего, откланявшись, без замедления возвратился в свои деревни.

Депутаты приехали в Митаву спустя один день. Императрица беспрекословно подписала предложенные условия и неукоснительно предприняла свой путь в Москву.

Здесь обреталась она, так сказать, под опекою Долгоруких, и заимствовала от императорского достоинства одним токмо титулом; но, спустя несколько недель, многие дворяне и большою частию из офицеров гвардии под

предводительством фельдмаршала князя Трубецкого и князя Черкасского, кои были после кабинетскими министрами, поднесли императрице прошение, в котором содержалось, что как они между известных статей находят некоторые предосудительными для государства и монархическую власть полагают наиполезнейшею для своего отечества, то ее императорское величество просят всеподданнейше, дабы она благоволила нововведенный образ правления отрешить и управлять империею с неограниченною властью по примеру ее предков. Прошение, как легко представить себе можно, принято наиблагосклоннейше, гвардия собрана на площади пред дворцом, условленные статьи разорваны, и монархине новая учинена присяга в верности. Вскоре потом знаменитейшие из фамилии Долгоруких в домах их арестованы, обвинены в преступлении оскорбления величества, суждены и посланы в Сибирь в заточение.

Когда императрица усмотрела, что сим утвердилась она на престоле, то и совершенно коронование в двадцать восьмой день апреля старого стилиа и всем в иностранных государствах пребывающим министрам сообщено, дабы они в знак сей радости торжественные празднества установили, на что и потребные суммы денег к ним доставлены. Граф Головкин получил на сей конец шесть тысяч рублей и отправил празднество для коронации следующим образом: он пригласил к себе с лишком сто человек знатных особ обоего пола. Шевалье Орлеанский, побочный сын прежнего регента, гросс-приор мальтийского ордена во Франции, отдал на сей случай графу Головкину свой собственный дом, именуемый Летампль. Торжество открылось около шести часов вечера концертом. После того был великолепный ужин, во время которого как фасад дома, так и сад освещены были огнями. По окончании стола начался бал, и спустя два часа явились на оный несколько сот масок по билетам. Веселости продолжались во всю ночь и не прежде как в семь часов утра кончились.

В сем самом году императрица Анна Иоанновна умножила лейб-гвардию двумя новыми полками, из которых один состоял из тысячи двухсот человек рейтар, а другой из трех баталионов или двух тысяч восьмисот человек пехотных солдат. Учреждение последнего препоручено графу Левенвольду, тогдашнему генерал-адъютанту императрицы, который и пожалован подполковником того полка. При сем примечательно, что по сделанному проекту упомянутый пехотный полк не из настоящих

российских рекрут, но из так называемых однодворцев или украинцев набран, а офицеров определяли в оный не иных, кроме лифляндцев или других чужестранных. Наме- рение при сем было такое, чтобы древнюю толпу избало- ванных и необузданных людей содержать в руках, что кажется для тогдашних времен и небезнужно было; но как начали помалу от предположенных правил как в рассу- ждении рядовых, так и офицеров отступать, то в последую- щее время оказалось, что успеха другого при сем не было, кроме как что само по себе опасное уже воинство сделано многочисленнее.

Отец мой с 1728 года отправлял должность главноко- мандующего в Санкт-Петербурге, а летом жил он боль- шую часть при Ладожском канале и продолжал сию работу с крайним рачением. Императрица не токмо предо- ставила ему упомянутые упражнения, но также во изъ- явление своего удовольствия пожаловала ему орден Св. Андрея.

В 1731 году отправился он в Москву и снискал в короткое время благоволение монархини и дружбу тогдашнего обер-камергера Бирона.

Сей любимец счастья был человек благоприятного по наружности вида с здоровым рассудком и с острым прони- цанием. Хотя он ни одного языка по правилам говорить не умел, однако по природному красноречию своему в состо- янии был мысли свои ясно изображать и, какое бы ни случилось положение, защищать. Он был щедр и любил великолепие, но при всем том разумный домоводец и враг расточения. В обхождении своем мог он, когда желал, принимать весьма ласковый и учтивый вид; но большую часть казался по внешности величав и горд. Честолюбие его не имело никаких пределов; то недоверчивость, то легковерие причиняли ему нередко многое напрасное беспокойство. Он был чрезмерно вспыльчив и часто обижал из предускорения; если случалось иногда, что он погрешность свою усматривал, то хотя и старался опять примириться, однако же никогда не доводил до изустного изъяснения, но довольствовался тем, что обиженному доставлял стороною какую-нибудь приязнь или выгоду. Если ж кто, напротив того, сделал пред ним однажды проступок, тот не мог уже надеяться на его великодушие, ниже при искреннейшем принесенном своем раскаянии. Малейшее покушение вредить ему у императрицы было непростительное преступление, и его мщение простира- лось даже до жестокости. Основание к счастью своему

положил он еще в Курляндии, и влияние его на сердце тогдашней вдовствующей герцогини было при избрании ее столь известно, что отправленные в Митаву депутаты имели секретное приказание от сей государыни исходатайствовать обещание, чтобы Бирону не ехать в Москву, а остаться в Курляндии. Но сие продолжалось недолго, ибо когда самодержавие опять восстановлено и Долгорукие в ссылку сосланы, то упомянутый любимец явился паки в полном сиянии своем. Потом власть его возросла до такой степени высоты, что я, будучи девять лет очевидным свидетелем, нахожу мало примеров в истории, с которыми сравнить оную можно.

Кроме сего, так сказать, всемогущего любимца состоял также Карл-Густав старший граф Левенвольде в толь великой силе, что хотя и не занимал он никакой должности в министерстве, однако никакие дела не проходили без его ведома и соглашения; даже сам Бирон, который ни с кем другим не хотел делить власти своей у императрицы, не токмо сего мужа, доколе он жив был, при себе терпел, но также, чему дивиться должно, некоторым образом его боялся.

Личные свойства и качества графа Левенвольде действительно заслуживали почитания. Сверх острого и проницательного разума, имел он совершенно честное сердце, был великодушен, бескорыстен и охотно вспомоществовал всем, кои с правым делом или просьбою к нему прибегали. Он жил весьма умеренно и без великолепия. Вид его был важен, но не неприятен, и в домашнем обхождении находили его веселым и шутливым. Друзьям своим делал он добро, и кто однажды вошел к нему в любовь, тот чрез наговорки и клеветы не скоро лишался оных. Но буде он однажды кого возненавидел, то уже бывал вовсе непримирим.

Доброе согласие между двумя вышеименованными мужами и вице-канцлером графом Остерманом было в тогдашнее время наисовершеннейше. Последний сделался необходимо нужен своим искусством в политических делах, обширными познаниями внутреннего состояния империи и преизящным слогом в сочинениях. Отец мой с давнего времени пользовался его дружбою и рекомендован от него новому обер-камергеру с весьма хорошей стороны, почему не прошло еще и двух недель по приезде его в Москву, как он со всеми наивозможными знаками благоволения введен в общество сих триумвиров и вскоре потом за долговременные и обременительные труды свои

знатный получил подарок. Ибо когда незадолго пред сим судоходство по Ладожскому каналу открылось и сим самым выполнилось толь полезное для Петербурга намерение великого основателя сего града, то в награждение пожаловано ему сорок тысяч рублей, и почти в то же время упалое место фельдцейхмейстера.

Императрица для решения важнейших государственных дел учредила тайный совет или так называемый Кабинет ⁶, назначив членами оного канцлера графа Головкина, графа Остермана и князя Черкасского; отец мой был к ним приобщен.

Для исправления военного состояния подал он монархине разные начертания, которые одобрены и для исполнения ему препоручены.

При российской армии национальные офицеры получали доселе половину оклада против чужестранных того же чина, так что, например, иностранный капитан имел жалованья по пятнадцать рублей в месяц, а российский токмо по восемь рублей. Таковое отличие естественно производило больше зависти, нежели бодрости в последних. Отец мой изыскал способ отменением некоторых напрасных издержек при полках доставить из таковой сбереженной суммы для каждого класса офицеров единообразное жалование, и в сходствие сего нового учреждения национальный полковник получал триста рублей против прежнего.

Другой проект состоял в заведении Кадетского корпуса ⁷, дабы в нем от четырех до пяти сот молодых дворян и офицерских детей воспитывать и обучать как телесным и военным упражнениям, так и чужестранным языкам, художествам и наукам.

Третий проект относился до учреждения двенадцати кирасирских полков на немецком основании: таковое умножение войск почиталось нужным наиболее потому, что российская конница состояла из одних токмо весьма неисправных драгунов, с которыми против тяжелой конницы совсем никакого или весьма малого успеха ожидать было можно. Но дабы определенная на содержание армии сумма оставалась всегда в своем штате, намерены были известное число драгунских полков уничтожить и сначала учредить токмо три из вышепомянутых полков. Один из сих должен был иметь отца моего полковником и навсегда прозывается Миниховым полком.

В мае месяце сего 1731 года получил я известие, что императрица пожаловала меня камер-юнкером, и тогда же

прислан ко мне на сие звание патент, равно как и вексель для принятия годового по сему званию жалованья, ибо, по тогдашнему обыкновению, камергеры и камер-юнкеры получали жалованье свое вперед.

Вскоре потом, когда императрица вознамерилась вместо древнего разбитого и преогромного московского колокола, висевшего на Иване Великом, заказать вылить другой в девять тысяч пудов, или в три тысячи шесть сот центнеров голландского весу, то и препоручено мне отыскать в Париже искусного человека, дабы сделать план колоколу купно со всеми размерениями. По сей причине обратился я к королевскому золотых дел мастеру и члену Академии наук Жерменю, который в сей части преискуснейшим почитался механиком. Сей художник удивился, когда я объявил ему о весе колокола, и сначала думал, что я с ним шутил; но как после уверил я его, что имею высочайшее на то повеление, то он взялся сие исправить. Принесши ко мне план, вручил я его графу Головкину для отсылки. Но колокол после отлит не по назначенному сему плану, а по другому содержанию, еще в две тысячи пудов тяжелее вышепоказанного веса. Он вылился весьма красиво и удачно и стоял уже в готовности, чтобы поднять на колокольню, как, по несчастию, в бывший в 1737 году в Москве большой пожар от упавшего на него загоревшегося бревна расшибся и чрез то сделался неспособен для употребления.

В сентябре месяце 1731 года граф Головкин получил высочайший рескрипт: французский двор оставить и в звании посланника отправиться к Генеральным штатам в Гаагу; а я оставлен поверенным в делах во Франции. На сие определено мне по три тысячи рублей годового жалованья и еще по триста рублей на посылки курьеров, конвертов и прочего, и на мою собственную исправку прислана одна тысяча рублей. Граф Головкин вскоре потом имел отпускную аудиенцию и по окончании оной представил меня королю, которому при сем случае, сверх употребительного обыкновения, имел я честь подать вверяющую о себе грамоту.

Спустя две недели благодетель мой граф Головкин со всею фамилиею своею отправился в Гаагу. Прощание наше было пренежное, и мы не без слез расстались. Оба, как граф, так и графиня, изъявили особенную ко мне любовь, и я признаюсь, что они обходились со мною в своем доме не как с чужим, но как с родным своим сыном.

Таким образом, на двадцать третьем году возраста моего имел я уже публичное звание при одном из первых дворов европейских. Но не прошло еще и шести месяцев, как по желанию отца моего повелено мне указом возвратиться в Санкт-Петербург, где весь двор тогда обретался.

Отец мой не сообщил мне никакого уведомления о своем в рассуждении меня намерении; а в указе значилось, что отсутствие мое будет недолговременно. Почему откланялся я у кардинала де Флери и тогдашнего хранителя печати министра иностранных дел господина Шовелина с таким отзывом, что я вскоре назад возвратиться имею.

В исходе февраля 1733 года выехал я из Парижа и чрез Страсбург продолжал свой путь в Россию.

В Берлине проведал я от тогдашнего при прусском дворе российского министра графа Ягужинского, что отец мой недавно пожалован генерал-фельдмаршалом. Проездом чрез Пруссию посетил я старшую сестру мою в Ризенбурге, где ее муж подполковник барон Мальцан с несколькими эскадронами Буденброкского кирасирского полка стоял в гарнизоне. Сей приказал, дабы меня почестить, выступить одному эскадрону и в моем присутствии произвести все обыкновенные их экзерциции.

В пограничном городе Риге застал я сестру мою Менгден, с ее мужем, который тогда был лифляндским ландратом. Туда же незадолго предо мною прибыл старший граф Левенвольде, который ездил к венскому и берлинскому дворам за некоторыми препорученными ему важными делами. Едва лишь успел я посетить его, как он продолжал путь свой далее. Чрез два дни отправился и я оттуда, и как я догнал упомянутого графа в Дерпте, то он принудил меня перейти в свою коляску, дабы с ним вместе ехать до назначенного места.

В начале апреля приехали мы в Санкт-Петербург благополучно, и я имел удовольствие после пятилетнего почти отсутствия увидеть отца моего в добром здравии и в величайшем достоинстве.

Коль скоро я переоделся, то он повез меня с собою ко двору и представил императрице, обретавшейся тогда в покоях обер-камергера Бирона. Императрица удостоила меня всемилостивейшего принятия, равно как и от упомянутого любимца и его супруги, при том находившихся, принят я весьма учтиво и благосклонно. На другой день отец мой поехал со мною к трем императорским принцессам, а именно герцогине Мекленбургской, сестре

императрицы, великой княжне Елисавете Петровне, дочери Петра Великого, и к принцессе Анне, племяннице императрицы. Принцесса Анна не имела больше пребывания своего со своею теткою, а жительствовала в большом дворце, где пользовалась всем императорским придворным штатом. От всех вышеименованных принцесс принят я с отличною благосклонностью и удостоился такой почести, которая тогда одним знаменитейшим особам воздавалась, а именно, что они соблаговолили поцеловать меня в щеку.

По приезде моем открыл мне отец мой намерение свое женить меня на придворной фрейлине Трейден, родной сестре обер-камергерши Бирон. Я не успел лишь за два дня с нею познакомиться, как уже принужден был выступить с формальным изъяснением своей любви. Ответ ее содержал холодное благодарение за мое предложение купно с дружеским напоминанием, дабы я здраво рассудил сам в себе, что она всегда слаба и больна бывает. На такое откровенное объяснение почел я за лучшее отвечать, что я весьма охотно предлагаю мои услуги ходить за нею в ее болезнях. Непосредственно после сего приказано мне просить у обер-камергерши позволения и соглашения на сию женитьбу. От нее получил я следующий отзыв: что она умеет личные мои качества и честь, оказываемую мною сестре ее, ценить по достоинству и что готова способствовать моим намерениям, коль скоро уверена будет о взаимной склонности ее сестры. Но вскоре оказалось, что таковая ожидаемая склонность имела зависеть не от любви, но от устояния начинавшего уже колебаться благоволения императрицы к отцу моему.

Когда я приехал в Санкт-Петербург, то, как выше упомянуто, нашел отца моего в величайшей милости у императрицы и в наилучшем согласии с обер-камергером Бироном. Императрица незадолго пред тем пожаловала ему десять тысяч рублей в подарок, и сверх того куплен в казну собственный его недавно построенный дом, находившийся в отдаленной части города, за двадцать тысяч рублей с тем, чтобы он переехал в другой назначенный ему дом подле императорского дворца. Сего еще не довольно было, но приказано проломать в его доме стену, дабы он, не выходя на улицу, мог проходить из своих комнат в покои любимца.

Делами был он обременен до чрезвычайности, ибо в звании военной коллегии президента управлял он всю сухопутную силою; в Кабинете заседал он в звании гене-

рал-фельдцейхмейстера; инженерного корпуса был он главный начальник и над всеми крепостями главный надзиратель; в то же время занимался он учреждением Кадетского корпуса и новых кирасирских полков; смотрение за Ладожским каналом осталось за ним по-прежнему, и даже полиция, как в Санкт-Петербурге, так и в других городах, состояла в его ведении. Нельзя было большим доверием пользоваться, какое на него возлагали, и, словом сказать, ни единое дело мимо его рук не проходило. Но сие продолжалось недолго, и чрезвычайный его кредит начал помалу упадать для нижеследующих причин.

В гвардейских полках за благо рассуждено касательно состоящих в каждой роте капитан-поручиков сделать перемену и их всех оставить, поелику в напольных полках сих чинов не находилось, и, следовательно, почли их также ненужными в гвардии, почему и положено было всех их выпустить в армию и там определить каждого по чину, а именно: старших — премьер-майорами и младших — секунд-майорами. Сия толь неожиданная перемена была совсем не по вкусу означенных господ, которые большею частию были молодые люди из знатнейших домов и желали у мест своих оставаться до того, пока не поступят в капитаны, дабы после, при выпуске, в армию вступить полковниками или бригадирами. Отцу моему препоручено означенное перемещение произвести, и потому нельзя было миновать, чтобы по образу других не сделать показанной реформы и в Измайловском полку, в котором граф Левенвольде был подполковником. Сей находился в оное время в чужих краях и не прежде об оном узнал, как когда пособить не можно было. Чувствительность его по сей причине была столько тронута, что он от того же часа непримиримую к отцу моему возымел ненависть, почему лишь токмо он возвратился из своего путешествия, то и начал потрясать кредит и власть отца моего.

Граф Остерман, будучи недоволен, что отец мой не хотел почасту в Кабинете соглашаться с ним в мнении, а притом он умел своего брата, тогдашнего действительного тайного советника Миниха, как бы для надзирания над ним ввести в департамент иностранных дел, не упустил в сем случае вспомоществовать графу Левенвольду.

К сему присовокупилось еще, что он, не ведая тайного соглашения, состоявшегося уже между венским двором и обер-камергером, ввязался в одно такое дело, которое намерениям последнего совершенно было противно и уже

отвергнуто како неудобоприемлемое. Расстроенное здоровье короля Августа Второго и вскоре ожидаемая его кончина привели кардиналу де Флери на мысль опять посадить Станислава Лещинского на польский престол; почему находящийся в Санкт-Петербурге поверенный в делах по прозванию Магнан (Маньян) получил повеление сообщить об оном российскому двору и знатные предложить обещания, буде выбору означенного государя не будет препятствовано. Сии предлагаемые обещания состояли в нижеследующем: императорский титул признавать, известные ежегодные платить вспомогательные деньги и турков склонить, дабы они паки уступили Азовскую крепость, или буде она вооруженною рукою взята будет, то уговорить турков заключить мир неукоснительно.

С сими предложениями упомянутый поверенный в делах был у Остермана, но сей короткими словами ему отказал. После сего обратился он к отцу моему, которому вышеизображенные условия показались столь выгодны, что он, хотя дело сие и не принадлежало к его части, взялся представить об оных обер-камергеру. Сие он исполнил, но не с другим каким успехом, кроме что приобрел толь ненавистное тогда прозвание французского сообщника.

Вскоре после сего возвратившийся из Вены обер-штабмейстер граф Левенвольде, лишь токмо о вышеозначенном известился чрез обер-камергера, как употребил сей случай в свою пользу, начал на отца моего наговаривать, поступки его осуждать и изображать опаснейшим человеком.

При таковых обстоятельствах неминуемое следствие было, что о свадьбе моей совсем не стали помышлять, но старались совокупными силами разорвать с таким рвением, как будто бы она с государственною важностию сопряжена была. И так не замешкали произвести оное в действо. Генерал-майор Бисмарк, которого граф Левенвольде перевел из прусской в российскую службу, должен был посвататься и получил ее без дальних околичностей.

В начале 1733 года воспоследовавшая кончина короля польского потревожила вторично едва восстановившуюся тишину в Европе. Тут главнейшее зависело от удачи которой-либо из участвующих держав, дабы поставить в республике новую верховную главу. Венский двор состоял с российским в наилучшем согласии с того време-

ни, как император Римский прислал к обер-камергеру двести тысяч гульденов в подарок на покупку Шлезского господства Вартенбергского. Ни единый из сих двух дворов не желал видеть тестя короля французского⁸ на польском престоле, и Бирон, упоенный мыслями сделаться со временем герцогом Курляндским, искал склонить выбор на такого кандидата, который был бы ему одному за то обязан и из признательности способствовал его намерениям в рассуждении упомянутого герцогского достоинства.

Почему как скоро в Санкт-Петербурге о вышеозначенном приключении известно стало, то определено было выбор короля польского себе предоставить, восстановлению Станислава на престол всемерно препятствовать и доставить корону Пясту, то есть природному поляку. На сей конец обер-шталмейстер граф Левенвольде, будучи снабжен богатыми векселями, отправлен к республике чрезвычайным послом.

Но деньги французские предупредили российские, и Станислав склонил уже на свою сторону примаса государства и многих иных знатных особ. А которые держались еще российской стороны, те объявили, что они без подкрепления армиею ничего произвести не могут. Граф Левенвольде обещал им сию помощь и вскоре потом уехал. По возвращении своем в Петербург, лишь токмо представил он о состоянии дел в Польше, как неукоснительно послан к стоящим на границе войскам указ вступить в Литву и прямым путем поход свой направить в Польшу. Главная команда над сею армиею, естественно, долженствовала достаться отцу моему, поелику он был фельдмаршалом, но происходившее между им, обер-камергером, обер-шталмейстером и графом Остерманом несогласие было причиною, что его обошли, и во оскорбление его препоручена главная команда тогдашнему генерал-аншефу Лассию. Однако упомянутый корпус лишь токмо половину дороги к Варшаве совершил, как пришло известие, что Станислав от французской партии избран и объявлен королем.

В то же самое время спроведали, что при сем случае произошел раздор, и к российской стороне приверженные, по учиненном формальном на то возражении, перешли в Прагу на ту сторону Вислы, где ожидали прибытия российских войск, дабы под покровом их новый предпринять выбор короля.

Причем можно было предвидеть, что на сем сейме

больше согласия и меньше шуму, нежели на первом происходило, поелику не токмо при императорских дворах об избираемом кандидате условленность совершенно, но также толпа диссидентов давно склонна была тому же самому доставить корону. Сей кандидат был курфюрст саксонской, сын покойного короля, избранию которого император римский сначала прекословил потому токмо, что он дотоле не хотел признавать Прагматической санкции⁹, но как после он на то согласился и обещал оберкамергеру стараться препятствовать разделению Курляндии на воеводства, то сделался отныне единственным искателем, которого упомянутый двор желал видеть на польском троне.

Между тем приближение российских войск столько уже подействовало, что Станислав для избежания опасности принужден был обще с примасом, французским посланником и многими вельможами спастись в Гданьск, под прикрытием полка коронной гвардии. Из прочих его сообщников в Варшаве остались токмо Потоцкий, воевода Киевский; Тарло, воевода Люблинский и кастеллан Терский, коих вся сила состояла из некоторых так названных польских знамен, с коими разъезжали они около и внутри Варшавы.

Как скоро генерал Лассий достиг берегов Вислы, то явились к нему начальники противной Станиславу партии и объявили, что готовы выполнить по желанию российской императрицы в рассуждении выбора короля. Настоящее выборное место, называемое Вола, находилось на той стороне реки, где Варшава лежит. Но как другая партия вскоре после ухода Станислава все мосты сняла и времени терять не можно было, то обряд избрания совершен на том самом по сию сторону Вислы находящемся поле, на котором в шестнадцатом столетии Генрих де Валуа был избран, и тут в пятый день октября нового стиля единогласно утверждена за вышеупомянутым курфюрстом польская корона.

Во время сего происшествия оставшиеся в Варшаве конфедераты известили российского и саксонского министров, дабы они из города выехали, и как сии того не сделали, то по прошествии назначенного срока разграбили дом первого, а к квартире другого, подвезши пушки, стреляли ядрами. Но когда на сем приступе убито у них от тридцати до сорока человек, то ярость их укротилась и находящиеся в доме саксонского посланника люди истребовали капитуляцию, по силе которой предоставлена

им свобода перебраться в дом императорского посланника Вельцгега, где за несколько дней пред сим оба вышеупомянутые министры прибежище свое имели.

По объявлении королем польским Августа III и по построении новых мостов, приказал генерал Лассий армии своей переправиться чрез Вислу, оставя несколько полков в городе, из которого поляки в самой скорости убежали.

Дабы скорее восстановить тишину, императрица повелела, чтобы другой знатный корпус из Украины вступил в Польшу. С другой стороны вошла туда саксонская армия, и когда сия овладела Краковым, то новоизбранный король тамо и коронован.

При всем том состояние дел приходило час от часу в большее замешательство: неприятельская сторона все еще полагалась на помощь Франции и о другом короле, кроме Станислава, слышать не хотела. Причем весьма трудно было сию кочующую и все места опустошающую толпу усмирить, ибо она нигде на одном месте не останавливалась и прежде рассеяна, нежели побита быть могла.

Для лучшей в сем деле успешности необходимо требовалось, чтобы паче всего стеснить и заключить самого Станислава и его сообщников, почему к генералу Лассию прислан указ, оставя токмо гарнизон в Варшаве, приступить с остальными войсками к упомянутому городу. Он поспел туда уже поздно в осени, содержал его некоторым образом в блокаде, но, за недостатком в сильнейших понудительных пособиях, не мог ничего больше предпринять.

Между тем прошла зима и наступил уже февраль месяц 1734 года, а Гданьск ни на какие предложения не соглашался. Обер-камергеру показалось сие весьма медлительно. Он изведal расторопность и предприимчивость отца моего во многих случаях, и так ненависть принуждена была уступить необходимости и отец мой сверх ожидания получил главную команду над армиею в Польше, равно как и управление над осадю Гданьска. Он отправлен был весьма поспешно и скрытно, и в двенадцать дней приехал под прусским прикрытием в лагерь, расположенный под означенным городом. Тут нашел он корпус, состоящий из двенадцати тысяч человек регулярного войска, из которых, однакож, едва восемь тысяч человек в состоянии были службу свою нести. Потребной для осады тяжелой артиллерии совсем там не находилось,

а притом и нельзя было ожидать оной из российских гаваней прежде как в июне месяце.

Город Гданьск укреплен регулярно, снабжен хорошою внешнею фортификациею и многими вокруг лежащими шанцами, с одной стороны был он неприступен по причине потопленной земли; гарнизон в городе, к которому польская коронная гвардия и новоучрежденной маркизом де Монти драгунский полк принадлежали, состоял по крайней мере из десяти тысяч человек регулярного войска. Все укрепления прикрывались достаточным количеством исправных пушек. В военной амуниции не имелось никакого недостатка, а хлеба в купеческих анбарах находилось столько, что жители купно и с гарнизоном несколько лет продовольствие иметь могли. Если при сем взять еще во уважение присутствие короля, знатнейших особ государства и французскаго посланника, который именем своего государя обещивал городу не токмо скорую помощь, но также полное за убытки возмездие, то не может показаться странным, что магистрат и граждане расположены были охотнее все вытерпеть, нежели оставить дарованное покровительство от такого государя, который доверие свое возложил на их верность.

На другой день по приезде отца моего послал он во Гданьск письменное объяснение такого содержания, что он имеет повеление огнем и мечом разорить город, если обыватели оного чрез одни сутки не решатся признать Августа своим королем и Станислава купно с его сообщниками выдать. Но ответ на сие гласил, что они почитают Станислава законным королем своим и до последней крайности обороняться станут.

По получении сего отзыва неприятельские действия начались неукоснительно. Наступление сделано на первое предместье, Шотландом именуемое, где находились городские войска, и, по сильном сражении, на котором около ста человек с неприятельской стороны убито, россияне овладели оным. Очередь вскоре дошла потом до некоторых шанцев, которые тож российскими войсками заняты, но к городу еще нельзя было приступить формально, за недостатком в потребной для осады артиллерии.

Невеликий понесенный в людях урон при завладении упомянутых шанцев возбудил в отце моем желание отнять у неприятеля один известный укрепленный пригорок, с которого весь город под пушечным стоял выстрелом. Сей пригорок называется Ггельсберг, который имеет столь выгодное положение, что если б удалось его взять,

то бы всеконечно вскоре за сим и сдача Гданьска вос-
последовала. В ночи на 28 число апреля старого стиля все
нужные к тому приготовления были сделаны. План атаки
был такой, чтобы три тысячи человек, к которым в под-
крепление присоединены еще пять тысяч человек, насту-
пили на означенный пригорок со слабейшей стороны.
Назначенные для приступа войска скрытно и в наилуч-
шем порядке подведены уже были почти к подошве
укреплений, и нападение одной колонны с столь хорошим
произведено успехом, что некоторые гренадеры вошли
уже на вал и завладели одною батареею. Но как по не-
счастью предводители двух других колонн убиты непри-
телем, войска пришли в беспорядок и чрез то атаку по
предписанному плану произвести было невозможно, то по
сей причине предприятие сие не имело надлежащего
успеха, и с нашей стороны убито великое множество
людей потому наиболее, что ожесточенные солдаты лучше
желали погибнуть на месте, где сильнейший огонь про-
изводился, нежели отступить и жизнь свою спасти; даже
оставшиеся в живых послушались не прежде, пока по-
доспевший туда генерал Лассий их не уговорил.

Потеря от девятисот до тысячи человек не могла бы за
великое почестья при осаде, подобной производившейся
под Лилем во Фландрии, где в 1708 году безуспешный
приступ стоил шести тысяч человек гренадеров, но в толь
малочисленной армии, какая под Гданьском стояла, озна-
ченная потеря тем чувствительнее была при дворе, что тут
ни к каким неприятным известиям не приобыкли, и пото-
му уныние распростерлось столь великое, что думали,
будто отец мой со всем своим корпусом прогнан и разбит
гданьскими войсками. Напротив того, сей, будучи за-
труднениями больше раздражаем, нежели уstraшен, не
лишился бодрости своего духа, но начатые для осады
приготовления, как-то окопы и рвы, продолжал с обыкно-
венною прозорливостью своею безостановочно.

Обретающиеся в Гданьске войска вскоре после озна-
ченного происшествия многократные и сильные делали
вылазки, но по причине хороших к отражению их сде-
ланных распоряжений всегда возвращались обратно в го-
род без всякого успеха.

Столь же безуспешно было предприятие поляков
войти в Гданьск, а именно: корпус из восьми до десяти
тысяч конных поляков, преданных Станиславу, имея
помышление под предводительством кастеллана Терского
присоединиться к войскам в Гданьске, приблизился уже

на несколько миль к городу, и некоторые форпосты принуждены были назад отступить, но когда отец мой отрядил против них генерала Лассия, то упомянутый кастеллан возвратился вспять прежде, нежели Лассий навстречу им вышел.

Тотчас после неудачного наступления под Ггельсбергом отец мой искал силу свою увеличить частью многими назад возвращенными детаашементами и частью некоторыми из Варшавы по высочайшему повелению к нему присоединившимися полками. Також между сим временем получил он двести бомб купно с четырьмя мортирами, присланных к нему скрытно от короля Августа из Саксонии на почтовых колясках и под названием багажа герцога Вейссенфельского. Прибытие оных было для отца моего тем паче приятно, что он по необходимости принужден был приказать выстреленные из города ядра собирать и оными опять заряжать свои пушки.

Но в рассуждении осады, невзирая на показанное новое пособие, оставалось все в прежнем положении, и знатнейшими обещаниями непрестанно обольщаемые жители Гданьска меньше всего помышляли о том, чтобы сдаться; маркиз де Монти заступал там не токмо место посланника, но также и полководца и, следовательно, входил во все потребные к защищению города распоряжения. Он дал своему двору уверение, что если к нему не больше как две тысячи французских войск прислано будет, то он надеется с оными и с находящимся в городе гарнизоном принудить россиян осаду оставить. Почему французское министерство и отозвалось мнением своим, что нужно повелеть три баталиона в Дюнкирхене на суда посадить и отправить в Гданьск.

Коль скоро отец мой о сем известился, то предприял он сему вспомогательному войску пресечь путь к городу посредством сильного ретраншаментов. Упомянутые три баталиона вскоре потом приплыли в устье реки Вислы. Командующий ими бригадир де ла Мот, разведав положение мест, усмотрел невозможность овладеть ретраншаментом и сим путем пробраться в город, почему с своими войсками сел он опять на суда и отправился обратно в Зунд. Но французский посланник при датском дворе господин Плело, молодой и вспыльчивый человек, не хотел поверить донесению старого и опытного бригадира в рассуждении найденных им препятствий, а объявил ему, что оное предприятие, чего бы ни стоило, необходимо в действо произвести должно, на каковой конец он, по-

сланник, вознамерился сам принять команду над вышеизображенными тремя батальонами. Бригадир де ла Мот отвечал, что он в сем случае не отречется состоять под его командою и следовать за ним, куда он ни пожелает.

Между тем отец мой получил сверх вспомогательного войска от трех до четырех тысяч человек из Варшавы, еще несколько пушек с принадлежащим к тому припасом из Ревеля чрез Пилавский и Елбингский порты.

Немного спустя французы прибыли опять на Гданьскую рейду, вышли на берег и расположились лагерем под шанцем при устье реки Вислы. Новый полководец их граф Плело не терял ни мало времени, но на другой же день повел их прямо к ретраншаменту. Ретраншамент был вышиною в полтора человека и со внешней стороны выложен бревнами наподобие стены. Напереди его сделан засек из вырубленных деревьев и сучьев. Французы, несмотря на сильной против них производимой огонь, пробрались сквозь означенной засек с удивительною бодростию. Дошед до крутизны ретраншамента, господин Плело усмотрел поздно, что тут делать нечего, но, не имев еще времени раскаяться в своей предускорительности, убит пучешным ядром. После чего господин де ла Мот приказал бить тревогу для отступления и по потере около двух сот человек отошел опять к устью реки Вислы, где не долго мешкав перебрался на близлежащий песчаный остров и расположился тут лагерем.

Упомянутое наступление по сделанному условию должно было быть подкреплено сильным нападением из города, но последнее воспоследовало не прежде, как уже французы отступили, и, следовательно, тем легче оно отразить было можно.

Известие, полученное при дворе о сей одержанной над неприятелем победе, развеселило паки обер-камергера, опечаленного последнею неудачною под Гагелсбергом атакою. Он не мог воздержаться, чтобы не открыться мне искренно, что отец мой сим достохвальным подвигом приобрел паки всю его доверенность. Некоторые кресты ордена Св. Людовика, снятые с убитых офицеров и в Петербург присланные, показывали здесь за редкость с великим величанием каждому при дворе.

Два дня спустя после упомянутой небольшой победы прибыл в лагерь к отцу моему герцог Иоганн-Адольф Саксен-Вейсенфельский с корпусом, состоящим из десяти тысяч человек саксонского войска. В то же почти время явился наконец на Гданьской рейд и российский флот,

состоящий из семнадцати линейных кораблей, четырех фрегатов и двух бомбардирных галиотов с давно ожидаемою и для осады потребною артиллериею.

Напротив того, стоявшая в сих водах с нарочитого времени французская эскадра исчезла. Она состояла из трех военных кораблей под командою преискусного морского офицера, по прозванию Бараля. Сей, конечно, не мог бы столь легко убежать от российского флота, если бы о приближении оного не уведомился от одного по неведению вперед забежавшего фрегата, которым он овладел, не учинив ни единого выстрела. Капитан на упомянутом фрегате был один известный из французской в российскую службу вступивший офицер, по прозванию Фремери. Сей, не имея в своей инструкции ни малейшего извещения о разрыве мира с Франциею, был столь неосторожен, что по приглашению господина Бараля, старого своего знаконца, взошел на его корабль, и не успел лишь тут оглядеться, как его фрегат окружен тремя линейными кораблями и с угрозами потопления всех людей принужден был сдаться.

По прибытии флота бомбардирные галиоты расположились неукоснительно насупротив песчаного острова, где французы судьбины своей ожидали и вскоре принуждены были сдаться на следующей капитуляции, чтобы они из своего лагеря со всеми воинскими снарядами выступили и на российском флоте отправились в один на Восточном море лежащий, но неименованный порт; а после, коль скоро придут нужные для их переезда суда, во Францию обратно отпущены быть имеют. По подписании сей капитуляции, отец мой переправился на остров для обозрения оного, принял от них приличествующие фельд-маршалу почести присланием к нему знамен и после того дал приказ посадить их на суда.

По привезении тяжелой артиллерии, по прибытии саксонского корпуса, також по занятии устья реки Вислы и после неудачного покушения французов, равно как и после нескольких учиненных проб новопривезенными трехсотшестидесятифунтовыми бомбами, несчастные обыватели Гданьска начали напоследок к мирным склоняться расположениям.

Они просили перемирия на одну неделю, в чем, однакож, им отказано. Между тем двое прусских агентов работали (то в российском лагере, то опять в городе) открыть путь к примирению. Наконец магистрат получил также дозволение прислать нескольких депутатов в глав-

ную квартиру при Оре для переговоров. Предложенные от отца моего за основание оных условия были следующие: Станислава, примаса государства, маркиза де Монти, купно со всеми в городской службе состоящими войсками и чужестранными офицерами, выдать государственными военнопленниками; королю Августу III учинить в верности присягу; от императрицы российской, чрез отряженных из первых членов совета депутатов, испросить прощение в их непокорливости; за убытки заплатить один миллион двести тысяч рублей и сверх того выдать артиллерии выкупу — за звон в колокола во время осады — триста тысяч голландских червонных.

Во время сих переговоров случилось происшествие, которое понудило обременить обывателей Гданьска тяжчайшими условиями. Сие был побег Станислава. Сей, судьбою то возвышаемый, то паки низвергаемый государь, услыша, что требуют выдачи его особы, решился тайным образом убежать из города. На сей конец переоделся он в крестьянское одеяние и с одним провожатым генералом Штейнфлихтом, севши в рыбацью лодку, переехал чрез потопленную часть Гданьской области и по шестидневном странствовании, на котором его вольность и жизнь в непрерывной опасности находились, добрался наконец до прусского местечка Мариенвердера.

Магистрат не упустил, чтобы тем же часом не сообщить об оном происшествии к отцу моему известия и по чести и совести засвидетельствовать, что никто другой, кроме маркиза де Монти, не знал о побеге Станислава. Ответ отца моего гласил тако: «Буде бы оказалось, что магистрат самомалейшее в сем побеге принимал участие, то платежные штрафные деньги еще на один миллион рублей увеличены быть имеют».

Гданьск нарочитое время колебался сомнением, согласиться ли или нет на толь обременительные и поносные условия. Маркиз де Монти написал также к отцу моему письмо, в котором, упираясь на народное право, возражал он на требуемое задержание его особы; но напротив того в ответ ему сообщено, что привилегии его звания не могут больше быть совместны с его лицом потому, что он в продолжение осады вместо должности блюстителя мира отправлял должность неприятельского предводителя. Причем и магистрату обозначено, что буде маркиз де Монти тем же часом не сдастся, то неприятельские действия неукоснительно начаться имеют.

Большая часть польских знатных в городе находив-

шихся особ просили равномерно о даровании им вольности и обещали короля Августа признать законным государем своим. Им сказано в ответ, дабы они ожидали прибытия короля Августа.

Между тем от французского посланника получено другое письмо, в котором он всеми святыми заклинал, что магистрат ни малейшего сведения о побеге Станислава не имел, но что он один о том знал и все распоряжения к тому сделал, почему охотнее соглашается отдаться в суровейший плен, нежели допустить, чтобы для одной его персоны новая искра вражды вспалилась.

Когда затруднение сие прекратилось и город на все прочее согласился, то наконец в седьмой день июля 1734 года заключен договор и немедленно у одних городских ворот поставлен российский караул.

Первое всего к исполнению приведенные статьи были обезоружение набранных для Станислава войск и отправление взятого под арест маркиза де Монти. Двести тысяч рублей купно с тридцатью тысячами червонных за звон в колокола обязан был город заплатить на месте, а остальная сумма расположена на срок, и до совершенной уплаты всего долга устье реки Вислы, занятое саксонскими войсками, задержано вместо залога. В рассуждении же отпущения миллиона рублей за побег Станислава указано магистрату с просьбою своею отнестись прямо к российскому двору. Польским знатым особам дозволено до прибытия короля остаться в городе. Но как примас, несмотря на многообразные изъявленные ему и всему его дому знаки милости от императрицы, преимущественно способствовал к выбору Станислава, а притом и не хотел отнюдь признавать короля Августа, то он за сие, равно как и маркиз де Монти, арестован и впредь до указа отправлен в Елбинг.

После упомянутых распоряжений отец мой в провожании герцога Вейсенфельдского и всего российского и саксонского генералитета поехал в город, где после благодарственного молебствия учинена королю Августу в верности присяга.

Немного дней спустя прибыл король в находящийся в недалести от Гданьска монастырь Оливский и принимал тамо торжественные изъявления знаков приверженности как от города, так и от обретавшихся в нем во время осады польских вельмож. Последние представлены от отца моего, который, по благосклоннейшем от монарха приеме и по донесении ему обо всех доселе для приступа

к городу учиненных распоряжениях, имел честь угостить его в своей квартире обеденным столом, к которому с лишком сто человек приглашены были.

По недолговременном пребывании король отправился в Варшаву и, прощаясь с отцом моим, повторил уверения свои в признательности и пожаловал шпагу и трость, драгоценными камнями осыпанные, в подарок.

Сим образом кончилась четырехмесячная и судьбу двух королей разрешившая осада города Гданьска.

Российский флот с тремя французскими полками как бы с добычею возвратился обратно в Кронштадт. Тридцать или сорок человек шведских офицеров, находившихся при обороне города, несмотря что явного разрыва мира с их нациею еще не было, отправлены на галиоте в Стокгольм при письме, а отец мой, назначив места и порядок для отшествия состоящих под его командою войск, поехал сам прямо в Санкт-Петербург.

Тут, хотя он, по-видимому, принят благосклонно, однако в самой вещи не так, как ожидал и как оказанные им услуги требовали. Причиною тому было родившееся в обер-камергере подозрение, будто отец мой за знатную от французов полученную сумму денег потакнул побегу Станислава. Не что другое, как одно лживое письмо от легкомысленного офицера, посыланного для приема денег в Гданьск и утвердившегося на речах двух тамошних ремесленников, показалось подозрительному любимцу нарочито убедительным документом. Но за неимением ясных доказательств, оставил он все сие дело при одном подозрении, и никогда не имел бодрости об упомянутом обвинении объяснитья отцу моему, который, без сомнения, стал бы требовать удовлетворения за оскорбление своей чести.

Еще до возвращения его приехали гданьские депутаты в Санкт-Петербург и имели публичную при дворе аудиенцию, на которой бургомистр Вален приличную и весьма трогательную говорил речь. Они имели в просьбе своей такой успех, что другой наложенный на них миллион был им отпущен. Но остаток первого обязаны они были, в сходствие капитуляции, взнести в годовой срок.

В происходившее при дворе по сдаче Гданьска торжество явились ввечеру на бал господин де ла Мот с двумя полковниками маркизами де Беллефоном и де ла Люцерном. Причем имели они честь допущены быть к руке императрицы, которая также их приветствовать изволила.

Упомянув о сих французских чиновниках, не могу

оставить, чтобы не приобрести здесь еще следующего: когда они обще с своими войсками сдались на таком условии, что имеют быть отвезены в который-либо порт в Восточном море для отправления их оттуда на транспортных судах обратно во Францию, то вместо того, чтобы идти в Зунд, как они думали, повезены они прямо в Кронштадт. Причина сего поступка была тогда же объявлена бригадиру де ла Моту, дабы он сообщил о том к двору своему, и именно следующая: что императрица отнюдь не желает постановленной с ними капитуляции нарушить, но как французская эскадра без предварительного объявления войны взяла в плен один российский пакетбот купно с двумя галиотами и еще фрегат, «Митава» именуемый, и последний отвела даже во Францию, то ее величество за нужное находит равное употребить задержание, доколе с французской стороны упомянутый фрегат, купно с прочими судами, с полным их снарядом, не будут возвращены и сданы в котором-либо российском порте, и что между тем задержанные офицеры и войска имеют получать все потребное для своего содержания. В сходствие чего, коль скоро они на сухой путь высажены, то и отправили их в лежащее между Санкт-Петербургом и Нарвою местечко, где, будучи снабжены всеми съестными припасами изобильно, стояли в лагере до того, как требуемое возвращение воспоследовало и как пришли суда для отвезения их во Францию.

Между тем о Станиславе учинилось гласным, что он пребывание свое утвердил в Кенигсберге в Пруссии и обнародованным для поляков манифестом увещевал, дабы они не поколебались в верности к нему при обещании сильнейшего от французского двора вспоможения. Означенный манифест подействовал столько, что даже некоторые сенаторы, кои привергнулись к королю Августу в Гданьск, опять к нему обратились, а другие, как-то: воевода киевский Потоцкий и воевода люблинский Тарло, в различных местах продолжали свои грабительства и опустошения, но когда последние от россиян разбиты, а французского вспомогательного войска к ним не пришло, то как вышешпоименованные, так и другие непокорливые вельможи искали с королем по возможности своей примириться.

Весною 1735 года отец мой вторично послан в Польшу не столько для прекращения тамошних беспокойств, сколько для распоряжения войсками к выступлению из Польши, где пребывание их было уже не нужно, и для

приведения их в движение к новым военным операциям.

Император Карл VI ради Станислава навлек себе войну со стороны Франции и неукоснительно просил от российского двора обещанной по силе трактатов помощи. В сходстве чего генералу Лассию дан указ, дабы он выступил к Рейну с двенадцатью тысячами человек войска и соединился с армиею принца Евгения, но лишь токмо он в назначенное место пришел, то заключен мир между обеих держав, и, следовательно, принужден был со своим корпусом назад возвратиться.

Прежде нежели окончу я рассказывание мое о судьбе Станислава, за нужное нахожу упомянуть об одном происшествии, которое другой цены не имеет, кроме только что относится к одной из моих сестер. Когда Станислав, оставя всю надежду к получению польского престола, изданным от двенадцатого числа мая 1735 года манифестом предписал привязанным к его стороне польским подданным оружие низложить и его судьбу Провидению Божиему предоставить, то предпринял он возвратный путь свой чрез Берлин во Францию. На сем пути проезжал он чрез небольшое прусское местечко, Ризенбург именуемое, где мой зять, тогдашний подполковник Буденброкского кирасирского полка барон Малцан, стоял с одним эскадроном в гарнизоне. Как скоро он спроведал, что упомянутого подполковника жена была дочь фельд-маршала графа Миниха, то тем же часом приехал к ней на посещение и кофею откусать. Первый вопрос его был тот: какие она известия об отце своем имеет? И как она отвечала, что с нарочитого времени никаких сведений не получала да и не знает, где он ныне обретается, то он и предложил, что если она к нему писать хочет, то бы вверила ему свое письмо, а он надежно его доставит, потому что имеет еще весьма хорошее знакомство в Польше.

Отец мой, как выше сказано, отрядив корпус войска под командою генерал-аншефа Лассия к Рейну, пошел сам с остальными в Польше расположенными войсками в Украину, дабы там составить против турок и татар две армии, одну под собственною своею, и другую под командою упомянутого генерала.

Тогдашняя многочисленная и военными опытами искусившаяся российская армия привела императрицу в состояние ощутительным образом отмстить известным разбойническим соседям. Сии соседи были крымские и кубанские татары, которые, с некоторых лет частые на

пограничные провинции чиня нападения, множество тысяч людей увозили с собою в невольничество. Какие ни были на то деланы Порте Оттоманской представления, но всегда понапрасну, и непрестанный отзыв от нее гласил так: что она сама не в состоянии татар обуздывать. Когда же сия отговорка казалась нелепою потому наиболее, что доказательно было, что в лежащих при устьях Днепра и Дона крепостях Очаков и Азов непрестанно турецкие войска стояли и, следовательно, упомянутые татары без воли и ведома Порты насильствий в Россию производить не могли, то и положено обоим, укрывателей и воров, атаковать и главнейшим разбойническим гнездом, а именно Крымом, овладеть.

Для облегчения сего завладения за нужное почли начало сделать осадою Азова. К сему предприятию назначен был новопожалованный фельдмаршал и от римского императора в графское достоинство возведенный генерал Лассий. Но как он еще не возвратился, то между тем временем отец мой еще в марте месяце 1736 года, взявши несколько в окрестности Азова стоящих войск, напал с оными на турок нечаянно и в ночное время завладел на острове в Дону лежащим и город прикрывающим шанцем Литтиком. При сем, может статья, покажется некоторым примечательно, что в самый тот час, как он дал повеление к упомянутому нападению, случилось на небе лунное затмение. Но можно ли сие почитать каким-либо предзнаменованием, о том оставляю судить другим, только знаю я заподлинно, что в старину ни единый прорицатель не усумнился бы в подобном случае из такого явления заключить, что тому народу, который, как турки, в своем гербе луну имеют, несчастнейшая война предвещалась. Когда потом приказал он некоторые посты занять, различные редуты для прикрытия войск сделать и город с сухопутной стороны совсем заключить, то и препоручил до прибытия фельдмаршала графа Лассия главную команду генералу Левашеву, а сам отправился паки в Украину для нужных распоряжений к крымскому походу.

Крым отделяется от Украины пространною степью, в ширину и длину с лишком сто верст содержащею. На сей степи растет хорошая и высокая трава, но водою столь недостаточна, что во многих местах на двенадцать или пятнадцать миль ни одного ручейка не попадается. Упомянутая трава такое имеет свойство, что летом высыхает совершенно и легко загорается, так что от того великое

пространство степи в кратчайшее время выгореть может. В сию степь как самый прямой и кратчайший путь в Украину приезжают татары, когда захотят зимою напасть на российские провинции, где производят свои насильствия с тем большею способностью, что сами живут довольны одною горстью снега, а напротив того, их лошади приучены разрывать передними ногами снег и, доставая из-под него траву, оною и кормятся.

Из сего описания само по себе оказывается, коликой опасности регулярная армия может зимою или летом подвергаться на сей степи, если бы поход ее лежал чрез оную. По сей причине отец мой предпочел дать круг, пустился сперва вдоль здешнего берега реки Днепра до небольшого расстояния от Крыма, потом, поворота влево, шествовал прямо на Перекопскую линию.

Сей сухой ров, пересекающий Крымский перешеек и содержащий в длину семь верст или одну немецкую милю, простирается от Черного даже до Азовского моря, ширина оного содержит двенадцать и глубина — семь сажен. На нем находится один токмо каменный мост, и на той стороне моста лежит крепость Ор, иначе Перекоп именуемая.

Как скоро, в сходствие вышеупомянутого, российская армия от Днепра сюда поворотила, то татары вышли уже к ней навстречу, отведать своего счастья многократными нападениями, но вскоре от полковых пушек отступили они на такое расстояние, что их стрелы мало или совсем ничего не действовали. Когда же они и тут долго мешкали, то начали бросать в них из мортир бомбы, от которых они, как прах от ветру, засеялись.

Между тем армия при ежедневных почти встречающихся вылазках подступила к самой линии, позади которой вся татарская сила стояла под Перекопом. Отец мой, дабы раздражить их, приказал неукоснительно бросить несколько бомб в упомянутую крепость и в наступающую ночь дал повеление войскам протянуться вдоль линии, а на другой день пред рассветом посчастливилось ему со всею армиею перейти чрез помянутый глубокий и крутой ров, чего татары совсем не воображали. Они не в дальности оттуда числом около восьмидесяти тысяч человек под предводительством их хана покоились в приятном сне и отнюдь не думали, чтобы так скоро и в темную ночь переправиться было можно.

Наутро, как скоро свет наступил, отец мой намерен был атаковать ханский лагерь, но неприятели, увидя

столь близкую и неизбежную гибель свою, обратились в бегство с такою поспешностию, что никоим образом нельзя было их достичь, выключая, что донские казаки, нагнавши, некоторых побили и других в полон взяли. Между добычею, полученною упомянутыми казаками при сем случае, находилась коляска татарского хана на двух колесах, красным сукном обитая, да еще его зрительная трубка. Сия была английской работы и столь хорошая, что отец мой сторговал ее за деньги у казаков и в следующих походах никакой другой кроме сей не употреблял.

По обращении татар в бегство российское войско того же дня приступило к крепости Перекопской, и по нескольких выстрелах гарнизон оной, состоящий из трех или четырех сот янычар и нескольких татар, сдался. Тамошний магазин найден с худым запасом, но что касается до артиллерии, россияне получили в добычу шестьдесят пушек, между которых иные имели российские клейма и попали сюда в прошлом еще столетии после несчастного похода в Крым под предводительством князя Василия Васильевича Голицына.

За два дня до приезда курьера, от отца моего отправленного с известием об одержанной победе в Санкт-Петербурге, императрица соизволила послать меня в Варшаву с орденом Св. Андрея к королю Августу. В прочем, касательно сего возложенного на меня препоручения, ничего иного приметить не имею, кроме только, что король пожаловал мне бриллиантовый перстень ценою в одну тысячу двести рублей и еще тысячу червонных в подарок.

Но прежде, нежели я намерен был предпринять возвратный путь свой, прошли почти три недели, в течение которых мирный сейм в Варшаве продолжался, и, между прочим, решена также судьба Курляндии, к удовольствию российского двора.

Курляндское дворянство за девять лет до того пользовалось правом, оспариванным республикою до сего последнего сейма. В 1727 году, хотя Фердинанд, последний герцог Кетлерского поколения, в живых еще находился, но как за старостию лет нельзя было ожидать от него наследников, то упомянутое дворянство единогласно положило избрать ему наследника, и сей выбор пал на Морица, графа Саксонского, побочного сына короля польского Фридриха-Августа. Как скоро сие известным учинилось, то республика отправила туда депутатов с таким повелением, чтобы новый герцогский выбор объявить

недействительным и курляндцам обозначить, что их земля после смерти герцога Фердинанда на воеводства разделена и к польскому королевству приобщена быть имеет. Я не намерен вступать здесь в описание происшествий, воспоследовавших касательно сего в правление императрицы Екатерины I, а именно: что российские войска, в Курляндию вступив, изгнали графа Саксонского и что князь Меншиков домогался, дабы новый герцогский выбор на него пал,— поелику обо всем оном в разных периодических сочинениях подробнейшие содержатся известия.

В сем положении находились дела даже до вышеупомянутого последнего сейма. Но как обер-камергер Бирон увидел, что король польский, которому он личные оказал услуги, на престол нарочито утвердился, а притом также многомогущественнейших вельмож польских разными обещаниями склонил он на свою сторону, то почел сей самый случай за удобнейший, предоставляя курляндцам право выбора открыть самому себе путь к герцогскому достоинству. Почему российскому министерству при польском дворе графу Кейзерлингу препоручено наисильнейше домогаться на помянутом сейме, чтобы раздел Курляндии отменить и право выбора тамошнему дворянству предоставить.

Признательность короля, равно как и вельмож польских, и соображение следствий, могущих произойти в случае отказа на желание толь высокомогущей заступницы, какова была императрица российская, произвели, что в последнем собрании часто упоминаемого сейма положено и утверждено торжественнейше предоставить курляндскому дворянству толико желанную вольность избирать себе государя по своему произволению.

В самое то время, как дело сие решилось, находился я в совершенной готовности к отъезду, почему и имел случай принести первый обер-камергеру толь важное и радостное известие.

По возвращении моем в Санкт-Петербург, услышал я не токмо о взятии города Азова, но еще, что отец мой, беспрепятственно продолжая свой поход даже до Козлова¹⁰, на западном берегу Крыма лежащего порта, овладел сим местом, от всего гарнизона и большей части жителей оставленным.

Прежде, нежели он туда отправился, отряжен генерал-поручик Леонтьев с несколькими тысячами человек войска под Кинбурн — укрепленное место, лежащее при

устье Днепра насупротив Очакова. Леонтьев овладел сею крепостью с небольшим трудом, а притом получил еще богатую добычу, состоящую из лошадей, рогатого скота и баранов, которых татары для безопасности своей туда пригнали.

Из Козлова простирался поход, при провожании непрерывно окружающего армию неприятеля, в Бахчисарай, столицу татарского хана. Сей город найден почти совсем опустошенным, и, сверх некоторых старых людей, никого другого там не было, как трое или четверо католических патеров, один французский консул и несколько жидов. Какие ни обретались в домах пожитки и приборы, отданы солдатам в добычу, и все строения выжжены. Дворец хана равномерно в целости не оставлен. Он построен на турецкий вкус весьма красиво. Столы и скамьи в комнатах были опрятные, цветами обмалеванные, другие опять позолоченные или вылакированные. На среднем дворе стояла баня мраморная, в которой самая чистая вода фонтанами била. Все сие толь великолепное здание в несколько часов разграблено и в пепел обращено. Любопытнейшие и позолоченные украшения с кровлею отосланы от отца моего в Санкт-Петербург.

Акмечеть, обыкновенное место пребывания так называемого Калга-султана или полководца татарского, подобной участи была подвержена. Неприятель утратился российских войск до того, что, скрывшись в горах, показывался оттуда армии не иначе как малыми толпами и притом издали. Почему отец мой не имел великих затруднений пробраться до Кафы, величайшего и богатейшего города в Крыму, и оным завладеть. Но к чувствительнейшему его прискорбию от жаров и суши тамошнего воздуха происшедшие в армии болезни усилились столько, что и половины здоровых не находилось, да и сии от бессилия едва ходить могли. Сей ради причины нашелся он принужденным назад поворотить, и сей отступ совершен без всяких со стороны неприятеля препятствий.

Перекоп, равно как и Кинбурн до основания разорены, находившаяся в обоих сих городах артиллерия купно с пленниками увезена, и армия после похода, около двух месяцев продолжавшегося, расположилась в Украине на зимних квартирах.

Поелику из опытов изведено, что в нездоровой и от самих жителей в различных местах опустошенной земле, чем многочисленнее бывают войска, тем более болезни между ими распространяются (к тому же как по всем

получаемым известиям подтверждался слух, что турки делают великие к войне приготовления), то при дворе положено и определено в наступающем году главную армию обратить против сих последних, а татар занимать в их земле посредственным токмо корпусом.

Карл VI, невзирая, что он в недавнем еще времени от введённой с Франциею войны освободился, обязан был по требованию России, за данное ему в прошлом году в походе к Рейну вспомогательное войско или лучше сказать, дабы впредь в случае нужды сильнейшее получить пособие, новую с турками предпринять войну. Сколь с начала обе императорские армии, по-видимому, ни были согласны, что каждая должна будет порознь действовать против неприятеля, однакож вскоре между них в рассуждении операций тоlikое произошло несогласие, что они во всю войну мало пособия одна другой подавали. С римско-императорской стороны представляли, что великий визирь с отборнейшим корпусом турецкого войска против них выступил и потому требовали, чтобы двадцать или тридцать тысяч человек российского войска прислать к ним на помощь. Напротив того, со стороны России отзывались, что по приступе к одной или другой на сей стороне лежащей крепости, как-то Очакова или Бендер, развяжутся у них руки, то есть что великий визирь принужден будет знатный корпус от своего войска отделить и чрез то силу свою ослабить. Но каждая сторона при своем мнении оставалась, а упрекам и укоризнам не было конца.

Если бы первое представление отца моего от двора было одобрено, то многотрудные и опасные марши чрез степи были бы отвращены. Ибо мнение его с самага начала было, чтобы сперва атаковать турок в Молдавии и к тому концу взять кратчайшую и способнейшую дорогу, а именно чрез южные провинции Польши. Но сие представление опровергал обер-камергер Бирон, который, до избрания своего герцогом Курляндским и до признания в сем достоинстве от республики, нужным почитал по берегать поляков и ни в каком случае не наносить им отягощения. При всем том нельзя сказать, чтобы отец мой равномерно не признавал за нужное переее всего овладеть Очаковым, дабы отнять чрез то у неприятеля способ атаковать с тылу действующую в Крыму вторую армию. Что я упомянул о маршировании войска чрез степи, оное относится, собственно, токмо до похода в 1738 году. Но в нынешнем походе, о котором теперь говорить стану,

необходимо требовалось держаться путем сих опустошенных мест, поелику переправа чрез протекающую там реку Буг нигде не бывает столь удобна, как токмо не в дальнем от устья оной расстоянии.

И так начертанный к сему походу план состоял главнейше в том, чтобы овладеть лежащею при устье Днепра и Черного моря крепостью Очаковым, потом, буде в сем предприятии посчастливится, посадить несколько войск на суда и вдоль берегов отправить в Белград¹¹, дабы сие гнездо буджакских татар истребить. Для исполнения последнего предприятия назначена построенная в Брянск и определенная для перевоза потребных к осаде орудий флотилия.

В конце апреля 1737 года, когда армия на той стороне Днепра насупротив Переволочны собралась, отец мой пошел прямым путем в степь, между Днепром и Молдавию и от польской границы даже до Черного моря простирающуюся. Естественное качество сей обширной страны сходствует с вышеописанною крымскою степью. Трава на ней растет столь высокая, что достает по самое брюхо лошадям, и притом весьма питательна. Грунт земли вообще плодоносен так, что произрастает не токмо лучшую спаржу и разные огородные и целительные травы, но также вишни довольно вкусные и некоторый род диких персиков, растущих малыми кустами. Дичины, как-то: зайцев, рябчиков, куропаток и перепелов, находится там превеликое множество и к ловле столь не приобычны, что солдаты нередко, окружив зайца, хватали руками. Напротив того, нигде не видно там дровяного лесу, кроме небольших кустарников, да как и сии встречаются изредка и не везде, то часто раскладывали огонь для варения пищи из лошадиного навоза и сушеной травы. Недостаток в воде есть главнейший порок в сих в прочем толико приятных местах. Ибо хотя многие реки, как-то: Буг, Днестр и иные небольшие впадающие в них ручьи, протекают в оных, однако расстояние пространства земли между упомянутых рек и ручьем столь обширно, что во многих местах случается ехать по целому дню, пока от одной реки до другой добраться можно.

Собранная к сему походу армия состояла от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек регулярного войска и из десяти до двенадцати тысяч донских, запорожских и украинских казаков, не включая притом погонщиков и других в обозе служащих людей.

Сей многочисленный народ целые полгода питать

в пустыне не трудно, статья может, показалось бы израильскому полководцу Моисею, но отцу моему причиняли потребности к тому распоряжения тем больше труда и докуки, что те самые люди, на которых возложено доставлять провиант в армию, поступали с превеликою и безответною нерадивостию, и потому нужный запас для армии никогда в надлежащую пору не привозили. В Украине закупил он от сорока до пятидесяти тысяч волов, дабы на них везти полугодовой запас съестных припасов купно с разными полевыми приборами вслед за армиею. К последним принадлежали также многие порожние бочки, которые распределены по всем провиантским фурам по одной на каждую; в сих бочках везли воду, когда расстояние пространства земли между рек попадались обширные, и в потребном случае можно было употребить их также для настилки понтонных мостов, поелику тут стоило токмо несколько бочек под навьюченную фуру веревками подвязать, чтобы из того сделать часть плавучего моста.

Причем упряжка волов доставляла еще и ту не меньше важную выгоду, что коль скоро провиант на них везомый изойдет, то после били волов и говядину разделяли между солдат.

Сим образом обеспечено было содержание войск. Но дабы толь великий запас прикрыть и беспрепятственно продолжать марширование, на котором каждодневно надлежало опасаться, чтобы не быть окружену от разъезжающих белградских и липканских татар, подвигалась армия в виде баталиона каре, в середине коего находился провиант, артиллерия и весь обоз. Почему когда татары со всех сторон встречали копьями рейтаров и полевыми пушками снабженный фронт, то не долго против оного стояли, а обыкновенно отходили после небольших стычек с расположенными по углам баталиона каре гусарами и донскими казаками. Сверх того, для отвращения опасности настоящей в том, чтобы от загорания травы не учинился вред провианту и пороховому магазину, равно как и людям и скоту, повелено и накрепко подтверждено, чтобы с той стороны, куда огонь распространяться начнет, немедленно копать широкие рвы, кроме что в каждом полку имелось в готовности известное число метел и деревянных лопат, которыми солдаты помянутый огонь тушить обязаны были.

Когда армия, маршируя около двух месяцев, достигла расстоянием на три мили по сю сторону от Очакова, то в первый раз показались тут турки. Они, частию спаги,

частью же босняки и арнауты, числом до шести тысяч человек, выступили все на лошадях навстречу армии российской, желая оную разведать, а притом и показать опыт храбрости своей. Коль скоро они приблизились, то высланы против них гусары и донские казаки, которые по кровопролитном сражении принудили их возвратиться в город. Один взятый при сем случае в плен татарский мурза объявил, что трехбунчужный сераскир-паша за несколько дней туда приехал, что гарнизон в городе состоит с лишком из 20 тысяч человек и что вскоре ожидают туда еще нарочитого вспоможения.

После сего отец мой представлял состоящим под его команду генералам, что хотя еще не подоспели потребные к осаде орудия, везомые Днепром, однако он мнением своим полагал, что необходимо нужно город замкнуть и чрез то пресечь путь приближающемуся вспомогательному войску. В сходствие чего армия, подвинувшись далее, в первый день июля имела Очаков в своем виду.

Очаков лежит на углу, который составляется от устья Днепра, именуемого в сем месте лиманом, и от берега Черного моря. Грунт земли тамошней содержит весьма твердую иловатую породу, и на полторы мили в окрестности ни единого стебелька травы не видно. Крепостные укрепления состояли из восьми нерегулярных полевых камнем одетых болверков и из двойнаго сухого рва. На валах стояли металлические пушки числом около ста. Съестные припасы можно было беспрепятственно туда привозить по Черному морю, доколе российская флотилия не пришла. В городе находились один сераскир, семь пашей и двадцать тысяч отборного войска, а пред лиманом стояли также на якоре несколько турецких галер.

Как скоро упомянутый многочисленный гарнизон увидел российскую армию, то большая часть оного, выступя из крепости как бы напоказ, расположилась в боевой строй. Напротив того отец мой приказал своей армии стать в линию в образе полумесячия и, положи ружья на плеча, с музыкою идти против них и прямо к городу. Тут сераскир, не желая вступить в сражение, отступил назад в город неукоснительно. Российская же армия, прогнав всех турок из их редутов, которые в окрестных садах города находились, остановилась при наступающей ночи расстоянием на один пушечный выстрел от города.

Еще в ту же самую ночь начали рвы копать, равно как и бомбы бросать в город. Последние произвели столь хороший успех, что в городе, наполненном тесным деревянным строением, в разных местах вскоре сделались пожары; и когда на рассвете продолжали бомбардирование сильнее прежнего, то не токмо весь город пламенем был объят, но и пороховый магазин с преужасным треском взорван.

Сии печальные обстоятельства побудили сераскира выслать одного депутата и просить перемирия на двадцать четыре часа. Ответ на сие был, чтобы он со всем гарнизоном своим отдался в военный плен, и на размышление дано ему не больше времени, как один час с таким напоминанием, что если он прежде исхода часа не решится, то ни единый человек пощажён не будет. Но как после проведали, что сераскир обретался на той стороне крепости у берега моря и с несколькими людьми покушался убежать в галерах, то за ним в догоню посланы гусары и казаки; а армия в то же время сделала нападение на неприятеля, который, оставя огнем пожираемый город, бросился в покрытую дорогу. При сем случае отец мой изъявил столько усердия и мужества, что сам пеший командовал баталионом Измайловской гвардии, знамя оного собственными руками водрузил на гласисе¹². Сражение было весьма кровопролитное и с обеих сторон упорнейшее. Турки стояли, до самой головы покрытые за палисадами, и стреляли очень метко, потому что ружья свои могли прислонять к палисадам. Сколь часто ни летали вокруг ядра, но отец мой, не устрашась оных, не сходил со своего места и не прежде уговорили его оставить оное, пока не показали, что его шляпа в двух местах и складки на мундире по обеим сторонам прострелены. Принц Брауншвейгский Антон-Ульрих, обретавшийся на сем походе волонтером, находился непрерывно при нем, и оба, по счастью, ни на один волос вреда не получили, невзирая что подле них стоящий паж упомянутого принца застрелен и его адъютант-подполковник Геймбург двумя пулями ранен. Наконец сел он на лошадь, дабы посмотреть, что в других местах происходило. Но и тут не меньшей подвергался опасности, ибо не токмо лошадь под ним в голову ранена и чепрак прострелен, но сквозь сюртук его, который, по счастью, был расстегнут и несколько от тела сдвигнут, пролетела в самый шов на спине пуля, не причинив ему ни малейшего вреда. Куда ни обращался он, всюду усматривал преужасное поражение от сильного

огня неприятельского. Храбрый генерал Левендаль ранен в руку, а генерал Кейт в колено.

Напоследок после отчаянной обороны с лишком два часа и когда неприятели за недостатком в порохе бросали в окрест топорами, крючьями и лопатами, вломились наши в покрытую дорогу. Тут убивство еще не прекратилось, поелику яростный и неукротимый солдат российский никому не делает пощады, турки с отчаяния новую получили бодрость и, обороняясь саблями и длинными ножами до последней капли крови, многих победителей с собою во гроб унесли.

Около двух тысяч человек турок, убежавших, как выше упомянуто, к морскому берегу, спаслись удачливо на своих галерах. Но почти столько же народа, плывучи к оным, пребедственно потонули, ибо все суда, коль скоро стрелять в них стали, подняв якоря, отвалили от берегов с величайшею поспешностью.

После толь ужасного поражения из тридцати тысяч человек, частью воинов и частью обывателей, находившихся за несколько часов в сем несчастном месте, спасли жизнь свою не более как пять тысяч человек, считая жен и детей. В числе пленников был также и сераскир, — именуемый Аггия-паша, человек разумный, благодетельный и собою статный. Он был зять отрешенного великого визиря Али-паши и во время управления его государственными делами находился обер-штаалмейстером при султани.

Из семи пашей, состоявших под упомянутым сераскиром, остался токмо один в живых, а именно комендант крепости Очаковской, а между других пленников иного знатного чиновника не было, кроме Осман-бея, сына погибшего паши герцеговинского. Сей, имея от роду не больше тринадцати лет, командовал уже тремя тысячами человек босняков. Приятный его вид и веселый нрав побудили отца моего взять его к себе, по возвращении своем в Санкт-Петербург представить императрице, которая, по прекращении его в христианский закон, возвысила в дворянское достоинство с проименованием воина и, пожаловав ему земли, определила пажом ко двору. Добыча, полученная при завоевании Очакова, была весьма знатная, не смотря, что многое огнем истреблено, так что солдаты понесли с собою полные шляпы турецких червонцев. Отец мой выкупил у них множество драгоценных вещей, как-то: золотых и бриллиантами осыпанных саблей, кинжалов, конских приборов и часов для поднесе-

ния императрице, королю польскому и обер-камергеру Бирону в подарок, что после и исполнено.

На другой день после взятия Очакова, или паче после сражения, отправлено благодарственное молебствие на гласисе крепости. Армия выступила вся в строй и произвела обыкновенный троекратный беглый огонь. После сего повели сераскира мимо всего фронта в шатер отца моего, который пригласил его к своему столу. Пришед сюда, спросил его отец мой, как российские войска ему кажутся? Он отвечал, что лучших во всю жизнь свою не видал. И как первый на сие сказал, что господин сераскир, по мнению его, не имеет причины пожаловаться на их храбрость, то сей дал в ответ: «Если б они не столь храбрые люди были, то не уповательно, чтоб я в сей день имел честь свидетельствовать мое почтение российскому господину генерал-фельдмаршалу».

С известием о сей важной одержанной победе отправил ко двору отец мой своего тогдашнего генерал-адъютанта и родного племянника подполковника Вильдеманна, который произвел тамо чрезвычайную радость, ибо там вовсе не знали еще, что армия под Очаков пришла. Придворные не оставили отцу моему приложить известное речение: «Veni, vidi, vici», то есть: «Пришел, увидел, победил». Вестник пожалован от императрицы полковником и получил две тысячи рублей в подарок. Что до меня касается, я награжден, в день отправления при дворе торжества о сей победе, камергерским ключом, которого семь лет дождался.

Сколь ни велико было отца моего желание предпринять еще какое-либо важное действие против неприятеля, однако невозможно было иначе приступить к неприятелю, как либо пойти под Бендеры, на что долговременное по степи странствование требовалось; либо, высадя войска на берегах Черного моря, искать его далее внутри земли. Первое почиталось неудобным, как за неполучением еще потребной к осаде артиллерии, так равно и по причине описанного в сие время года случающагося загорания иссохшей травы, а на другое надлежало бы употребить флотилию, но суда оные столь плохо были построены, что по учиненным опытам нельзя было на них ходить, а кольми паче действовать на Черном море. Почему отец мой, учинив все нужные распоряжения для починки Очаковской крепости, заложив вне оной множество редутов и оставя тут генерал-майора Бахметева с шестью тысячами человек войска, с полугодовым провиантом и нарочи-

тою амунициею, принужден был решиться с остальною армиею предпринять возвратный поход в Украину. На сем походе, где многие кровопролитные происходили сшибки с высланными из Бендер для разведывания турками, приказал он для свободнейшей коммуникации не токмо заложить большой шанец неподалеку от того места, где Буг в Днепр впадает, но еще поделать несколько редутов вдоль большой дороги даже до российских границ.

Едва токмо войска на зимних квартирах расположились, как пришло известие, что корпус турок и татар числом до со ока тысяч человек под предводительством Гензия-паши, приблизясь к Очакову, приступил к осаде оного. Возвратиться туда с армиею было невозможно по причине наступившей зимы и за чрезмерною отдаленностию. Почему наилучшее средство оставалось токмо единое: чтобы в самой скорости отправить туда по Днепру, на котором судоходство еще открыто было, сильное вспоможение на подкрепление гарнизона в Очакове. Отец мой сделал было уже все нужные к тому приготовления и намеревался сам туда поехать, как получил от храброго генерал-майора Штоффеля, который незадолго пред сим вместо генерал-майора Бахметева туда переведен, радостное донесение, что неприятель, осаждая две недели крепость без всякаго успеха и по потере нескольких тысяч людей, принужден был, оставя свое предприятие, отступить назад, покинув на месте почти всю свою амуницию.

Сие происшествие заслуживало тем большего уважения, что от усилившихся болезней, к которым и язва даже присоединилась, из всего гарнизона не больше как полторы тысячи человек в состоянии были носить оружие. Отец мой особенную имел причину радоваться сему случаю, ибо таковое неудачное неприятельское покушение ясным служило доказательством, что завоеванное им место немало важно для турок или и не простое гнездо было. Приехавшего к нему с сим известием курьера, сына генерал-майора Штоффеля, отправил он неукоснительно в Санкт-Петербург, да и сам туда же отъехать приготовился. Двор, как казалось, доволен был нынешним его походом. От императрицы принят он весьма благосклонно, а оберкамергер Бирон, новоизбранный герцог Курляндский, не преминул обласкать его всеми признаками почести.

Учрежденный в Немирове, небольшом местечке в Подолии, конгресс¹³ по желанию турок разъехался опять без всякаго успеха, а римско-императорские войска, име-

вшие сначала счастливый в Венгрии поход, окончили онъ столь неблагополучно, что фельдмаршал граф Секендорф отозван в Вену к отчету. И потому необходимо нужно было со стороны России принять наиудобнейшие меры к открытию нового похода.

Граф Остейн, римско-императорский министр, равно как и нарочно для того отправленный в Санкт-Петербург генерал-поручик маркиз де Ботта, настояли, чтобы к их армии в Венгрию отправить корпус вспомогательного войска. Но когда о сем деле предложено к рассуждению, то отец мой утверждал, что полезнее для России неприятеля в двух различных местах атаковать и чрез то понудить его большую часть силы своей от австрийцов отвлечь, нежели здешнюю армию отделяемым от нее корпусом ослабить. Мнение его принято и определено воинские операции не токмо в Крыму продолжать, но также обратить оные против Молдавии, а чтобы кратчайшую и способнейшую взять туда дорогу, и именно чрез Польшу, оное для некоторых частных видов на сей раз еще не дозволено, но надлежало, по примеру израильтян, пустынею проходить в обетованную землю, то есть поход предпринять туда чрез обширную степь.

Прежде нежели я приступлю к описанию сего похода, за нужное считаю вкратце упомянуть о том, что в сие время с самим мною происходило.

Родившаяся во мне склонность к придворной фрейлине баронессе Анне Доротее Менгден довела меня до того, что я просьбою своею утруждал монархиню о милостивом дозволении взять ее себе в замужество, и вскоре потом приключившаяся со мною болезнь от простуды заставила меня проситься на теплые воды в Аахен. Как первое, так и другое разрешено от императрицы всемилостивейше, и отец мой, давно уже желавший видеть меня супругом, в рассуждении первого был чрезвычайно доволен и рад.

Немного дней спустя потом отец мой отправился в Украину, а я остался на несколько еще недель в Петербурге и выехал не прежде как в исходе февраля 1738 года. Откланявшись монархине, получил я у себя на дому две тысячи рублей на дорогу в подарок.

Что касается до похода в сем году под предводительством отца моего, имею объявить, что войска шли при всех прежних и вышеописанных распоряжениях вторично чрез

степь и прямо к Днестру. На той стороне Днестра и неподалеку от Бендер собралась многочисленная турецкая армия с намерением воспрепятствовать переправе российских войск. По долговременном походе, на котором частые и сильные, особливо при некоторых забираниях фуража, стычки с неприятелем происходили, достиг отец мой берегов упомянутой реки. Но запорожские казаки, которые одни на ту пору проводниками были, вели его по незнанию своему так дурно, что он не токмо встречал весьма неудобные дороги, но и вышел прямо на глаза расположившегося на другой стороне реки лагерем неприятеля. Тамошний берег в длину на несколько миль простирался, сплошь весьма крутой и каменистый; а турецкий лагерь прикрывался из камня высеченным ретраншаментом, и сверх того многочисленно снабжен был артиллериею.

Когда за сим казалось невозможно иметь здесь какой-либо успех в предприятии, то отец мой, после нескольких для виду в ретраншамент учиненных пушечных выстрелов, поворотил вправо и подвинулся вдоль реки повыше. Намерение его было, чтобы, частью встретив узкое место для переправы и частью заманить неприятеля, перебраться чрез реку и вступить в сражение. Последнего ожидал он с тем большим основанием, что нарочно сделал вид, будто бы поход свой прямо к Хотину направил. Но думать должно, что турки на сей раз не имели охоты драться; ибо без всяких дальних предприятий следовали они за российскою армиею на другом берегу, пересылая на сию сторону одних токмо татар для успокоивания наших войск. Однажды толпа янычар в ночное время отважилась на маленьких судах чрез реку переехать и при выступлении армии в поход атаковать арберггард, однако столь хорошо от сей приняты, что, по потере нескольких сот человек, едва успели остальные кое-каким образом убраться на другую сторону.

Сим образом отец мой, почти до самого Хотина подвинувшись и не находя никакого средства цели своей достигнуть, к тому ж при наступившей осени болезни между солдат день ото дня умножались, рассудил он за благо поход сей окончить. Но как неловко было чрез степь возвратиться, потому наиболее, что татары во множайших местах траву на ней выжгли, то решился он свою армию разделить на колонны, из коих последнюю себе оставил, и сопроводить ее чрез часть польского владения к российской границе. Хотя коронный гетман граф Потоцкий

и делал на то возражение от имени республики, но в ответ ему сообщено, что нужда закон изменяет, что в проход армии все припасы за наличные деньги покупаемы будут, и что, в случае причиненного какого-либо вреда, за весь убыток заплачено быть имеет.

Так кончился поход 1738 года, и хотя на оном никаких новых завоеваний не приобретено, однако российский солдат, при славе своей за приобретенную храбрость и при спокойном духа расположении, сохранен и сей раз совершенно.

С операциями австрийских войск в Венгрии происходило в сем году не счастливее, нежели в прошлом. Ибо, кроме что они на многих сражениях редко победителями отходили, потеряли еще крепость Орсову со всею находившеюся в ней артиллериею и наконец в пребедственном состоянии возвратились на зимние квартиры.

В сих оставляю я на время об армии, дабы упомянуть вкратце о моей свадьбе и об употребительных при сем в тогдашнее время обрядах при дворе российском.

Когда придворная фрейлина выходит замуж, то получает она от двора не токмо приданое деньгами, смотря по службе ее, но также подарную постель со всем прибором, кусок серебряного глазету на платье под венец, два куска богатого штофу на другие платья и тысячу рублей на полотно и кружева. Свадебный стол, а купно и бал, дает императрица своим иждивением при дворе. За день пред тем гоф-фурьер приглашает к оному как статс-дам и придворных чинов, так и иностранных министров и всех знатных обоего пола особ первых четырех классов, считая от фельдмаршала до генерал-майора. Но великих княжон обязан сам жених просить, дабы они удостоили своим присутствием его свадьбу. В назначенный день утром в десять часов собираются упомянутые гости во дворце и, пока невеста наряжается, к каковому наряду императрица обыкновенно жалует собственные алмазные вещи, то известные к тому назначенные особы в разных придворных каретах в шесть лошадей ездят в женихов дом, и знатнейший из сих провожатых сажает жениха подле себя в карету и отвозит во дворец. После сего сопровождают невесту, шедшую тогда между двух великих княжон, из покоев императрицы для венчания. Сие происходит либо в соборной, либо в придворной церкви. Буде в первой, то шествие бывает следующим порядком: впереди

едут верхами придворные трубачи и литавришки, за ними гофмаршал с жезлом в руке в открытой коляске, потом все приглашенные мужеска пола особы по двое в карете в шесть лошадей и, наконец, жених с тою самою особою, которая за ним в дом приезжала. После сего следуют дамы попарно в каретах, и заключение делают великие княжны с сидящею насупротив их невестою. По обвенчании таким же порядком возвращаются во дворец. Но когда бракосочетание совершается в придворной церкви, то хотя тут меньше пышности происходит, однако ход в церковь открывается всегда игранием на трубах и литаврах, которые один из гайдуков несет на спине своей по залу. Как скоро все гости из церкви возвратятся, то каждый садится по чину за большой и великолепный стол. Среднее место занимает жених с невестою, по правую руку невесты сидят великие княжны и так далее прочие дамы, а по левую руку жениха садится знатнейший из всех мужеска пола особ и за ним другие, каждый по чину. Во время стола играет инструментальная и вокальная музыка и при питии за здравие всех на трубах и литаврах. Бал начинается пополудни в пять часов и продолжается обыкновенно до девяти часов вечера. Заключение бала составляет старинный, из немецкой земли перенятый танец, в котором гофмаршал с жезлом в руке предшествует; оный состоит из толикого числа пар, сколько замужних особ находится. Когда сим образом трижды протанцуют или паче пройдут, то жених с невестою подходят к императрице для принесения своей благодарности, и после того все пары, с музыкантами впереди, проходят чрез дворцовые комнаты и далее по лестнице до самого низу. Тут невеста садится с обер-гофмейстериною или с статс-дамою в карету, а жених с тою особою, которая утром за ним приезжала, и потом все особо приглашенные гости приезжают в дом новобрачного; здесь угощают их вечерним столом, по окончании которого молодых отводят в спальню. Но пока сии в почивальное платье переодеваются, гости пьют из бокалов разные здоровья, что и продолжается до того, как наконец жених к ним выйдет и, опростав пребольшой бокал, пожелает им доброй ночи. На другой день утром молодые ездят во дворец, где вдругорядь приносят благодарения сперва императрице и потом великим княжнам. В полдень угощают они своих родственников и друзей, а в вечеру ездят паки во дворец на бал, и наконец великолепным ужином во дворце же кончится все сие торжество.

Для моей свадьбы императрица назначила 20 день февраля 1739 года. И как отец мой за несколько недель до того из Украины возвратился в Петербург, то имел не токмо время все нужное в своем доме распорядить, но также удовольствие лично при том находиться. И так по наступлении означенного дня совершилось торжество свадьбы моей со всеми вышеописанными обрядами.

Невеста моя, фрейлина Менгден, была разубрана бриллиантами, от императрицы пожалованными наивеликолепнейше. Старший сын герцога Курляндского приезжал за мною на дом и потом венчание в присутствии монархини совершал лютеранский пастор по прозванию Нацциус в большом зале во дворце. За столом сидели великая княжна Елисавета Петровна и принцесса Анна Мекленбургская по правую сторону невесты, а подле меня по левую руку находился Антон-Ульрих принц Брауншвейгский. По окончании бала вместо первого отвозил меня упомянутый принц домой. Невеста же, за отсутствием обер-гофмейстерины, сопровождаема была туда статс-дамою. После сего ввечеру был ужин, и как за оным, так и после оног бокалы безумолкновенно вокруг ходили. На другой день отец мой дал большой обеденный стол чужестранным министрам и другим знатым обоего пола особам; ввечеру другой бал и ужин, как обыкновенно водилось, был при дворе.

В приданое получила жена моя от императрицы четыре тысячи рублей деньгами крупно с другими вышеименованными подарками. Сверх того собственных своих имела она еще наличными деньгами пять тысяч талеров альбертовых. По силе свадебного контракта отец мой утвердил за мою вотчину Ранцен в Лифляндии, купленную им за двадцать две тысячи рублей; да жене моей обязался выдать восемнадцать тысяч рублей, то есть вдвое против того, сколько она с собою принесла.

Между тем в кабинете работали уже над планом для нового похода. Несчастные два похода римско-императорских войск в Венгрии и колкие жалобы их, будто они непрестанно величайшей неприятельской силе подвержены бывают, понудили, что наконец приступлено к наиспособнейшему средству их облегчить и прямо чрез Польшу вступить в Молдавию. С таковым проектом отправился отец мой в армию и в конце апреля выступил с нею в поход.

Но прежде, нежели стану описывать военные действия сего года, нужно мне, не прервав связи оных, сказать о воспоследовавшем в сие время при российском дворе происшествии, а именно о бракосочетании принцессы Анны, племянницы императрицы Анны Иоанновны, с принцом Брауншвейгским Антоном-Ульрихом.

Сей принц — племянник императрицы римской, отозван по одобрению венского двора уже в 1733 году в Россию для сочетания браком с принцессою Анною.

Карл VI, римский император, не упуская ни единого случая от времен правления Екатерины I и Петра II, чтобы Россию вовлечь в интерес своего дома, надеялся таковым новым союзом родства положить основание к теснейшей и непоколебимейшей дружбе между обоих дворов. Судя по возрасту и по летам, надлежало бы браку сему совершиться уже ранее. Но что собственно тому препятствовало, об оном заподлинно сказать не могу. То истинно, что многие всю вину возлагали на герцога Курляндского, будто бы сей один все дело остановил с намерением старшему сыну своему, когда он надлежащего возраста достигнет, доставить толь высокую невесту.

Когда же Венский двор хотя и не начал еще недоверяться, однако уже весьма нетерпеливо взирал на таковое отлагательство, то император решился к скорейшему окончанию оного дела и притом, для придания принцу большего уважения, приступить к формальному сватовству посредством чрезвычайного посольства.

Маркиз Ботта де Адорно, находившийся тогда императорским министром при российском дворе, получил уже в марте месяце 1739 года надлежащее о том предписание. По силе данной ему инструкции препоручено также всеми мерами домогаться, дабы принцесса в день обручения или бракосочетания объявлена была наследницею престола, но герцог Курляндский Бирон умел неукоснительно на сие возразить следующим отзывом: что все дело остановиться и рушиться может, если императрице представить об избрании наследницы, поелику она сочтет, что в долговременности ее жизни сомнение имеют и что ей как будто о смерти напоминают. На представление же от брауншвейгского министра господина Крама, состоящее в том, чтобы приданое за принцессою определить и назначить, сколько она на содержание свое получать имеет, ответствовано, что при жизни императрицы ни в чем недостатка иметь она не будет, а после ее кончины все ей, то есть принцессе, достанется неоспоримо.

Некоторые полагают, будто бы они настоящую изыскали причину опровержения обоих вышепоказанных предложений, и относят оную к недоверчивости нрава любимца Бирона, который, как они утверждают, не хотел допустить, чтобы от чрезмерного усиления достоинств принцессы неограниченная поднесь власть его потеряла некоторое умаление, а потому и почитал за нужное оставить племянницу императрицы в неизвестном некоторого рода состоянии, дабы она беспрерывно ему угождала и всего будущего благоденствия своего от него одного ожидала.

Венский двор и не стал более настоять на оном, но был доволен, когда наконец довел до того, что императрица формальное изъявила соизволение на упомянутый брак. Сие происходило в апреле месяце, и бракосочетанию положено быть чрез несколько недель.

Всем придворным чинам и особам от первого до пятого класса повещено, дабы они к означенному торжеству не токмо богатым платьем, но и приличным по их званию экипажем и ливреею снабжены были.

Второго числа июля маркиз де Ботта в звании чрезвычайного посланника имел публичный въезд в Санкт-Петербург и на третий день при дворе аудиенцию. Императрица стояла на возвышенном троне, по обеим сторонам которого дамы с одной и кавалеры с другой стороны многочисленное составляли собрание; упомянутый маркиз, приблизясь к трону, взошел на одну ступень оного и остановился прямо насупротив императрицы. После сего, по старинному немецкому обычаю, надев на себя шляпу, говорил на немецком языке речь, которая главнейше относилась к сватовству от имени императора принцессы Анны за принца Брауншвейгского. Императрица ответствовала на сие на русском языке, каковой ответ содержал изъявление на то ее соизволения.

По окончании сей аудиенции императрица шествовала в украшенную галерею дворца и, ставши под балдахином, допустила к аудиенции тоже и принца Брауншвейгского, который краткою речью изъяснил о желании своем сочетаться браком с принцессою Анною, на что и получил соизволение от императрицы. Когда потом посланник туда же вошел и к императрице приблизился, то она изъяснялась ему, сколь охотное имеет желание удовлетворить волю императора римского и, вошед в другую комнату, вывела оттуда принцессу с собою и обручила их на месте в присутствии вышеименованного посланника.

По сем обручении посланник вручил принцессе-невесте от имени римского императора богатый склаваж из драгоценных камней и восточных жемчугов и после возвратился восвояси.

Четвертого числа июля, в день бракосочетания, съехались ко двору рано поутру все знатные обоего пола особы, назначенные для сей церемонии, и на улицах, чрез которые следовало шествие до соборной церкви Казанской Богоматери, стояли полки в два ряда по обеим сторонам.

Между десятью и одиннадцатью часами пред полуднем шествие восприяло свое начало. Впереди ехал отряд конной гвардии, за ним верхами придворные трубачи и литаврщики, после гоф-фурьеры, и за сим следовал гофмаршал в открытой коляске с жезлом в руках. Потом воинские и гражданские первых пяти классов особы по двое и по чинам в каретах в шесть лошадей, сопровождаемые ливрейными их служителями, которые шли пешие. Позади сих ехал обер-гофмаршал тож с жезлом в руке. Потом следовал герцог Курляндский в большой парадной карете. За сим и непосредственно пред каретою, где императрица сидела, ехали верхами камергеры и камерюнкеры по два в ряд по старшинству. Принцесса-невеста сидела с императрицею в одной карете насупротив ее. У кареты ехали верхами обер-шталмейстер и генерал-адъютанты. За императрицею следовала великая княжна Елисавета Петровна с своим придворным штатом и потом герцогиня Курляндская в великолепнейшем экипаже, нежели как у самой императрицы. Тут ехал опять отряд конной гвардии, а за ним обер-гофмейстерина, статс-дамы, придворные фрейлины и другие знатные женского пола особы по рангам их. Наконец, все шествие замыкал третий отряд конной гвардии.

По прибытии в церковь императрица обще с принцессою невестою остановилась на царском месте насупротив алтаря. Принц Брауншвейгский, приехавший сюда за четверть часа наперед, стоял в нарочно приготовленном у стены месте по левую руку императрицы. Все прочие присутствующие расположились по обеим сторонам церкви на построенных ступенях.

После краткой приличной к сему торжеству речи, говоренной архиепископом Новгородским, совершен торжественный обряд венчания оным же архиепископом¹⁴. По окончании благодарственного молебствия при пушечной пальбе с обеих крепостей и при троекратном беглом огне, от полков произведенном, весь штат возвратился

обратно во дворец по прежде описанному порядку, выключая что теперь принц Брауншвейгский ехал вместе с императрицею в карете. Во дворце принимала монархиня сперва от новосочетавшихся браком и потом от всех съехавшихся знатных обоего пола особ поздравления и жаловала их к руке. В полдень императрица имела открытый обеденный стол обще с великою княжною Елисаветою Петровною, принцессою Анною и принцом Брауншвейгским. К сему столу приглашен также герцог Курляндский со всею его фамилиею. Вечеру был бал, который не долее двух часов продолжался.

На другой день пред полуднем принц купно с супругою своею поехали в Летний дворец и имели приватный обеденный стол у императрицы. Вечеру был в галерее бал в присутствии монархини. Во время бала приехал императорский посланник маркиз де Ботта для принесения императрице поздравления. Он нашел ее в другой комнате подле галереи, и, отдавши поклон императрице, просила она его сесть. По кратком разговоре оба встали и пошли в галерею смотреть, как танцуют, при каковом случае упомянутый посланник вступил в разговор с принцессою и наконец спустя три четверти часа уехал. Около десяти часов принцесса обще с принцом и все приглашенные обоего пола особы имели вечерний стол в большом зале, а императрица кушала в другом покое с герцогом Курляндским и его фамилиею. После стола танцы недолго продолжались, и так сей день кончился.

На третий день императрица удостоила новобрачных своим посещением и имела у них обеденный стол обще с герцогом Курляндским и его фамилиею.

Четвертого числа был день отдохновения, но пятого в Летнем дворце маскарад, из четырех кадрилей состоящий, на котором находился и маркиз де Ботта, сложивший с себя накануне сего дня звание чрезвычайного посланника. Вечерний стол был в саду под обширным шатром, и в аллеях танцевала публика.

Шестого числа представлена италийская опера.

Седьмого и последнего числа был в Летнем дворце бал и ужин, и в заключение сего торжества на Неве-реке сожжен великолепный и драгоценный фейерверк.

С военными операциями в сем году происходило следующее.

В исходе апреля отец мой вторично выступил из

Украины с армиею, состоявшею от шестидесяти до семидесяти тысяч человек регулярного войска, не включая других, нерегулярных.

После удобного и спокойного марша чрез южные польские провинции отец мой остановился в местечке Синявки, на берегу Днестра.

Вода в сей реке от тогдашней сухой летней погоды стояла столь низко, что в иных местах на лошади переехать можно было. Дабы неприятеля, начинавшего показываться на той стороне реки некоторыми партиями, приохотить к сражению, приказал он неукоснительно сделать приготовления, будто желает накинуть мост. Между тем в ночи, оставя небольшую команду в лагере, выступил он со всею остальною армиею, шел несколько миль выше по Днестру, указал пехотным солдатам сесть к драгунам на лошади и на рассвете переправился в неглубоком месте чрез реку столь благополучно, что неприятель вовсе того не видел и не ведал.

В тот же самый день атакован он сильным корпусом турецкой конницы и татарами, но по жестоком сражении неприятель принужден был назад отступить.

Между тем от наступивших нечаянно дождей вода в Днестре поднялась весьма высоко так, что прошло несколько дней, пока остальная часть армии с артиллериею и багажом присоединиться к нему могла. Но как скоро сие учинено, то армия подвинулась далее против неприятеля.

После нескольких маршей в первый раз предстала взору главная турецкая армия. Но сия, не желая на сей случай делать сопротивления, отступала помалу назад так, что российская обыкновенно ввечеру приходила на то место, где турецкая армия утром стан свой имела.

Наконец неприятель решился на горе подле местечка Ставучана, неподалеку от Хотина, оградить себя ретраншаментами и дожидать российского войска.

Семнадцатого числа августа отец мой прибыл к сему месту и нашел, что турки превьгодное имеют положение. Укрепленный стан их занимал вершину горы, к которой приступ был не токмо весьма крутой, но также ограждался протекающим у подошвы небольшим ручьем. Неприятельская сила национальными турками простиралась, по извещению пленников, до семидесяти тысяч человек, а татар был толикое же число. Накануне сражения сераскир, именуемый Вели-паша, присоединил к себе пашу из Хотина почти со всем его гарнизоном.

Коль скоро неприятель усмотрел, что российская армия прямо к нему подвигается, отрядил он вперед всех татар купно с сильным корпусом турецкой конницы под командою упомянутого хотинского паши, дабы во время атаки ворваться в крыло российской армии. В следствие чего окружили они российскую армию с обеих сторон и сзади, но далее ни на что отважиться не смели по причине производимого из пушек огня так, что отец мой, не уважая сей толпы, непрерывно подвигался к горе и, не взирая на турецкую пальбу, переправился в непродолжительном времени чрез болотистый ручеек, который по его повелению хворостом и фашиником загружен был. Тут, увидя, что неприятель на левом крыле своем занимается доканчиванием работы над ретраншаментом, приказал в то время, когда для виду атакована была передняя часть горы, правое крыло протянуть к упомянутой левой стороне неприятельского стана и там настоящий учинить приступ. Турки, с своей стороны, не замешкали, как скоро армия у подошвы горы в боевой становилась порядок, на нее наступить. Несколько тысяч янычар, голыми руками держа сабли, бросились с горы прямо на нее, но тут имели они столь мало удачи, что двукратно с нарочитым уроном прогоняемы были, когда же неприятель приметил, что наступление клонится на его слабейшую сторону, то объятый страхом, обратился в бегство, покинув множество своей артиллерии, амуниции и палаток.

На сем побеге имел бы он великое поражение, если б не требовалось по причине разъезжающих около армии татар войска содержать вместе. Вечеру вся армия взошла на гору и в неприятельском лагере расположилась. После чего и татары, видя свою немощь, ускакали прочь.

Прогнанные турки, как то вскоре от высланных лазутчиков проведено, продолжали свой побег, не отдыхая ни днем ни ночью, прямо к реке Дунаю и взятую с собою артиллерию почти всю оставили в разных местах на дороге.

На другой день после сей победы отец мой выступил к Хотину. Войска в сей крепости находилось около десяти тысяч человек, которые большею частию, как выше упомянуто, находились на прежнем сражении. Но когда турки обращены в бегство, то и они, не желая оставить своих товарищей, воспользовались сим случаем, дабы скорее возвратиться восвояси, так что паша едва мог несколько сот человек уговорить вступить опять в город.

Коль скоро отец мой приблизился к городу, то тотчас

требовал сдачи оного. Паша недолго размышлял и сдался со всем малочисленным войском своим на милость.

Артиллерии найдено здесь сто пятьдесят семь медных пушек, двадцать две медных мортиры купно с великим запасом амуниции и провианта.

Между пленными находились также наложницы паши и его сын Махмет-Бей, которые однако же, по сильнейшей их просьбе, получили дозволение отъехать в Константинополь. Ибо упомянутый паша представлял, что отправление его семьи послужит единственным средством освободить его от подозрения в недостодолжном исполнении своей должности.

Из обывателей остались токмо беднейшие в городе, но богатые со всем имуществом своим убежали в близ граничащую Польшу.

На другой день по завоевании города утром рано армия, выступя из лагеря, расположилась в строй и по отпетии благодарственного молебствия выпалено изо сто одной пушки с Хотинской крепости при троекратном беглом огне от всей армии.

Потом отец мой в провожании паши, янычарского аги и других знатнейших турецких чиновников поехал, все верхами, от одного крыла на другое. При сем случае означенный паша отозвался, что хотя турецкая армия обще с татарами и составляла с лишком сто тысяч человек, однако признаться ему надобно, что невозможно было противостоятъ такому войску, какое он теперь видит, где толь хорошая дисциплина и послушание введены, присокупя к тому, что огонь российской армии несравненно превосходнее турецкого.

В оный же день сей паша Калчак, то есть хрым проименованный, обще с некоторыми другими турецкими пленниками угощены от отца моего обеденным столом. Во время стола подносили им за здравие императрицы, которое запивали они, в противность заповедания от Магомета, венгерским вином из больших бокалов.

По совершенном рассеянии неприятеля надеялся отец мой прочия операции сего похода окончить с немногим числом войска. Почему и отправил он три баталиона и один эскадрон гвардии, равно как и некоторые другие полки на зимние квартиры. С сими посланы так же военнопленники, составляющие около двух тысяч человек обоего пола, а притом и победоносные трофеи, состоящие из сабли паши, нескольких серебряных командирных жезлов и из двадцати семи знамен.

После сего отец мой, оставя в Хотине достаточный гарнизон, выступил в поход и прямо пошел к реке Пруту.

Подольское дворянство, которое в случае несчастливго похода для россиян, без сумнения, намерено было соединиться с турками противу нас, за нужное почло после описанного происшествия отправить к отцу моему знатных депутатов для поздравления с одержанною победою.

О неприятеле ничего больше не слышно было, как что турки отступили весьма поспешно к Дунаю, а татары вдоль Днепра к Буджаку, так что отец мой после трех маршей пришел к Пруту, накинул чрез оный несколько мостов и со всею армиею переправился чрез него благополучно.

Название сей реки от 1711 года было весьма противное слово для ушей российских. Петр Великий в упомянутом году, преследуя турок, вспомоществовавших Карлу XII, подвинулся даже до берегов реки Прута, но за недостатком в съестных припасах пришел с своею армиею в толь худое положение, что он, будучи от неприятеля, так сказать, осажден, не мог ни в ту, ни в другую сторону отступить. Почему и не оставалось другого средства, кроме как подкупить великого визиря деньгами и заключить мир на невыгодных условиях, в силу которых половина состоящей доселе под российской державою Украины уступлена Польше, Азов возвращен туркам и заложный на Черном море флот, купно с таганрогским портом, истреблен и разорен до основания.

Когда отец мой чрез сию проклятую реку без всяких затруднений переправился, то сие подало ему повод написать в посланной ко двору реляции, что он поносный Прут сделал опять честным.

Сим образом российская армия вступила наконец в Молдавию.

Провинция сия есть одна из плодоноснейших и благословеннейших земель в Европе. В ней хлеба, вина и плодов произрастает в великом изобилии и наилучшего рогатого скота находится чрезвычайное множество. Жители исповедуют греческий закон, и управляет ими собственный их князь, называемый господарь, которого достоинство хотя и наследственно, однако редко пребывает в одном поколении, поелику турки за малейшее неудовольствие на поступки господаря, отреша его, возводят другого. Впрочем, на сие достоинство избирают они обыкновенно достойного и заслуженного мужа из греков.

На марше к главному городу Яссам принимал отец мой депутатов от молдавских чинов с таким предложением, что они подвергаются державе российской императрицы и просят милости и покровительства ее. Причем депутаты, между коих предводителем был князь Кантакузин, объявили, что господарь их Григорий Гика, оставленный как от турок, так и от собственного своего войска, пошел к Дунаю. Сии депутаты отправлены от отца моего с ответными письмами к чинам молдавским.

Приблизясь к Яссам, расстоянием на две версты от города, вышли к нему навстречу все духовенство, совет господаря и дворянство в предшестве митрополита. Сей, облаченный в церковных ризах и со крестом, дал благословение отцу моему и всей армии, а притом краткою речью изъяснил, сколь радостно подвергаются они достославному скипетру императрицы Анны Иоанновны, препоручая себя со всеми единоземцами под покров и благоволение сей монархини.

Отец мой удостоверил их в удовлетворении их просьбы на условии верного и послушного поведения, и они поехали верхами за отцом моим в город до дворца бежавшего господаря, где принят он при непрерывной музыке с пушечною пальбою и с радостным восклицанием многочисленного народа.

На третий день по прибытии его приказал он созвать чинов молдавских и сделал с ними расположение как о контрибуции, так и о поставке съестных припасов и фуража для армии.

Между тем как он, обо всем вышеупомянутом донеся как своему двору, так и римско-императорскому генералитету в Венгрии, дожидая новых инструкций, отрядил он сильные партии гусар и донских казаков частью в Буджакскую Татарию, частью же в турецкие провинции, граничащие с Валахиєю и Седмиградскою землею.

Дела состояли теперь в таком положении, что не токмо наилучшие зимние квартиры для войск запасены, но уже и открытый путь предстоял атаковать неприятеля в будущем походе внутри его земель.

Но вся польза и выгода, каких можно было токмо как России, так и римскому императору от таковых успехов ожидать, разрушились заключенным при Белграде пагубным мирным трактатом, к удивлению целого света, и жалостным образом испровергнулись без возврата.

После несчастного покушения под Кроцкою римско-императорские войска пришли в такое уныние, что более

не в состоянии находили себя какой-либо успех иметь в предприятиях противу турок. И как сии между тем приступили к осаде Белграда, то генерал граф Нейперг воспользовался данною ему от императора полною властью, и отъехал в турецкий стан с предложениями о мире, где находившийся французский посланник господин Вильнев столько подкреплял его, что мирный трактат чрез посредство Франции заключен на следующих условиях, а именно: чтобы многими миллионами построенную крепость Белграда и область оной, купно со всею Сербиею, уступить Оттоманской Порте, что самое в непродолжительном времени и не дожидаясь императорской ратификации исполнено быть долженствовало; что же касается до России, она равномерно в сей мирный трактат включена, но токмо условия с нею предоставлено постановить под французским же посредством колико можно выгоднейшие.

Три дня спустя по подписании вышеизображенного трактата римско-императорский генералитет получил с курьером известие о разбитии турецкого войска под Ставаслом, о взятии Хотина и о приступлении российской армии к Яссам.

Напротив того в самое то время, как отец мой, овладев всею уже Молдавиею, занимался величайшими проектами истинный вкусить плод от своих завоеваний, пришла к нему весть об оном внезапном происшествии, которое не токмо границы императора в Венгрии нарочито сократило, но и всю надежду России прекратить настоящую войну с коликою выгодною, с толикою и славою почти до конца испровергнуло.

Судя по тогдашним обстоятельствам наверное полагать можно, что Россия одна в состоянии была с турками управиться, если бы в том же году шведы, подущением Франции, не приготовились вступить в Финляндию, дабы союзникам своим туркам сделать чрез то диверсию. В следствие чего российский двор заблагорассудил на сей раз удовольствоваться одною приобретенною славою и заключить мир на следующих условиях: Азов и Очаков до основания разорить; нарочитое пространство земли как Крымской, так и на другой стороне Днепра лежащей степи присоединить к российским границам; всех в турецкой неволе находящихся российских подданных освободить и, наконец, султану признавать императорский титул российских государей. Напротив того императрица обязалась войска свои из Молдавии возвратить и всех

турецких пленников, кроме принявших христианский закон, отпустить в их отчизну.

Хотя теперь упомянутые статьи вскоре после заключенного римским императором мира постановлены, однако обмен ратификаций не прежде как в конце сего года последовал, и потому отец мой с армиею оставался до тех пор в Молдавии, а выступил оттуда уже в декабре месяце.

По приезде в Украину выдал он младшую сестру мою Луизу Доротею, вдовствующую фон Логаумберг, за состоявшего тогда в российской военной службе графа Солмса вильденфельской линии, после отправился в Санкт-Петербург.

Начало 1740 года было примечательно великолепнейшим торжеством (какового никогда в России не бывало) по поводу заключенного между сею империею и турками мира.

Четырнадцатого числа февраля рано поутру съехались ко двору все знатные обоего пола особы первых пяти классов. По окончании литургии в придворной церкви архиепископ Новгородский говорил приличную сему торжеству речь, в которой не оставил приписать похвалы и отцу моему. Потом двое герольдов выступили на середину церкви, и один из них читал печатный манифест о мире. За сим началось благодарственное молебствие, по окончании которого оба герольды поехали на лошадях в знатнейшие места города для обнародования мира и там кидали в народ золотые и серебряные жетоны.

По отпетии молебствия императрица в провожании всех знатных особ шествовала в галерею и приветствовала тут краткою речью следующего содержания: что как она за частые турками и татарами производимые в ее империи насильствия и оскорбления достохвальным и мужественным подвигом обоих генерал-фельдмаршалов графа Миниха и Лассия полное получила удовлетворение, то заблагорассудила бывшим по сие время ее врагам даровать паки мир и чрез то сохранить верноподданных своих от пролития крови и лишения имущества их, и, чтобы сии чрез настоящее облегчение вкусили предварительно плоды мира, соизволяет она обыкновенный подушный сбор со всех без изъятия подданных за первые шесть месяцев сего текущего года оставить и не взимать, а те воинского и гражданского звания чины, которые в течение сей войны отличные усердием своим показали заслуги, имеют в сей

же день существенные ощутить знаки всемилостивейшего ее благоволения.

В ответ на сие приветствие императрицы читал тогдашний кабинетский министр князь Черкасский от имени всего народа длинную, на шести листах кругом, речь, содержащую благодарение за материнское попечение императрицы в защищении оскорбленных ее подданных, поздравление с достославным миром и, при преданнейшем уверении в признательности за дарованное опущение полугодового подушного сбора, многие желания о высочайшем здравии и благополучном царствовании ее величества.

После сего следующие происходили пожалования: герцогу Курляндскому подарила императрица большой золотой и бриллиантами осыпанный бокал, в котором находился указ о принятии из рентереи пятисот тысяч рублей. Супруга герцога получила орден Св. Екатерины, два сына его орден Св. Андрея, а его дочь портрет императрицы — все преобогато украшенные бриллиантами. Оба фельдмаршала получили каждый по шпаге, бриллиантами осыпанной, равно как и генерал-аншефы, на турецкой войне находившиеся. Но сверх того, накануне сего дня, императрица соизволила пожаловать отцу моему драгоценную звезду и крест ордена Св. Андрея. Принц Брауншвейгский пожалован из майоров в подполковники второго лейб-гвардии полка, а отец мой в подполковники первого тож лейб-гвардии полка. Генерал-поручики Кейт, Левендаль, Бисмарк и Густав Бирон произведены генерал-аншефами, причем также пожалованы им шпаги, бриллиантами осыпанные. Орден Св. Александра Невского получили шесть человек, в числе коих и я удостоен сей высокой милости. Отцу моему определена была пенсия по пять тысяч рублей в год, а фельдмаршалу Лассию и графу Остерману по три тысячи рублей в год. Кабинетский министр Волинский получил в подарок двадцать тысяч рублей, а князь Черкасский и обер-маршал граф Левенвольде бриллиантовые перстни по цене от пяти до шести тысяч рублей. Генерал-аншефу Ушакову пожалован портрет императрицы, бриллиантами украшенный, ценою от трех до четырех тысяч рублей.

Кроме сих подарков императрица указала многим особам выдать в заем знатные суммы денег на многие годы без всяких процентов. Даже тот самый, который за любимую сучкою императрицы присмотр имел и по природе был князь, получил за ревностную свою службу три

тысячи рублей в подарок, не упоминая о многих других не столь знатных пожалованиях и повышениях чинами.

На другой день пополудни было опять собрание при дворе. Как скоро императрица из своих внутренних покоев выйти изволила, жаловала она собственноручно золотые медали, на случай заключенного мира чеканенные; самые большие медали содержали весом пятьдесят, а меньшие — тридцать червонных. Все как присутствующие, так и отсутствующие знатные особы, считая от генерал-фельдмаршала до генерал-майора, равно как и чужестранные министры, получили по одной из упомянутых медалей.

После сего императрица, подошед к окну, обращенному к площади пред дворцом, приказала бросать собравшемуся многочисленному народу золотые и серебряные жетоны, а потом изволила смотреть на предивное и обычайное в России зрелище, а именно: что народ по данному сигналу бросился на выставленного на площади жареного быка и другие съестные припасы, равно как и на вино и водку, которые фонтаном били в нарочно сделанные большие бассейны.

Вечеру был бал, на котором содержавшийся поднесь в плену сераскир Агия-паша, купно с пашою хотинским, имели честь быть представлены императрице, причем первый приносил монархине за все оцущенные высокие милости, с текущими из глаз слезами, благодарение краткою на турецком языке, но преисправно сложенною речью.

Императрица явила и сим двум мужам знаки своих щедрот, а именно: сераскиру пожаловала соболью шубу ценою в несколько тысяч рублей, а паше хотинскому — драгоценную шубу из куниц в подарок.

По окончании бала был вечерний стол и потом зажжен преогромный фейерверк, изображающий храм Януса, купно с иллюминациею.

Следующего дня представлена на придворном театре новая италианская опера. На четвертый и последний день был большой маскарад с великолепным ужином, которым и кончились увеселения сего торжества.

Девятого числа мая сего года был для нашего дома сугубо радостный день: первое — что тогда праздновал отец мой день своего рождения, и второе — в самой тот день жена моя родила первого сына. Восприемниками были герцог Курляндский с своею супругою, почему сын мой и получил имена Иоганна Готлиба.

В начале лета в здравии императрицы чувствительная оказалась перемена. Она с лишком за пятнадцать лет ощущала боль от каменной болезни, которые припадки по сие время еще сносны были. Но тут не токмо стала претерпевать ужаснейшее мучение, но и жизненные ее силы начали день ото дня умяться и ослабевать. Между тем имела она радость при жизни своей видеть рожденного ее внука. Ибо в двенадцатый день августа принцесса Анна разрешилась от бремени молодым принцем благополучно. Восприемницею была сама императрица, а при крещении наречен он Иоанном.

Шестого числа октября императрица, севши за стол и покушав немного, вдруг сделался с нею обморок, и без памяти отнесли ее в постель.

Герцог Курляндский в то же мгновение приказал позвать к себе отца моего, двух кабинетских министров, князя Черкасского и тайного советника Бестужева и обермаршала графа Левенвольда.

По приезде отца моего герцог, проливая токи слез и с внутренним от скорби терзанием, вопиял: сколь он несчастлив ныне, что толь преждевременно и неожиданно лишается государыни, которая удостаивала его непомерно милостию и доверенностию своею; что он после кончины ее не может ничего доброго себе обещать в такой земле, где, как ему небезызвестно, имеет он больше врагов, нежели друзей, и за все оказанные им государству заслуги иного награждения не ожидает, кроме неблагодарности и ненависти; что при всем том сие в рассуждении собственной его персоны не столько прискорбля сердцу его приносит, сколько навлекает горести состояние, в котором государство по кончине императрицы находиться будет, наипаче когда он поднесь всеми силами споспешествовал к благоденствию оногo; что наследник еще младенец в колыбели, не достиг и восьми недель возраста своего; что о назначении его к наследию престола по сие время от императрицы ничего гласного не вышло и потому неизвестно, как от народа, оказавшегося недовольным в прежние правления малолетних государей, новое при нынешних обстоятельствах избрание принято будет; что шведы, которые поныне не престают вооружаться, не могут благоприятнейшего желать случая атаковать Россию, как если внутренние родятся в ней несогласия; что при положении сих дел крайне важно и полезно правление государства вверить такой особе, которая не токмо достаточную снискала опытность в делах государственных

ных, но также имеет довольно твердости духа непостоянной народ содержать в тишине и обуздании; что он хотя не может ничего сказать в предосуждение характера и свойства души принцессы Анны, матери молодого принца, но думает, что она, учинившись правительницею, по природной нежности сердца своего, неотменно пригласит в Россию родителя своего герцога Мекленбургского Карла-Леопольда и предоставит ему знатное участие в государственном правлении и что тогда опасение настоять будет, дабы упомянутой герцог, который, как не безызвестно, по крутому и своеобычному нраву своему не мог с собственными подданными в согласии ужиться, не преклонил принцессу, дочь свою, на предприятия вредные и опасные не токмо для нее, но, статься может, и для сына ее; что принадлежит принцу Брауншвейгскому, то он и того менее усматривает, чтобы государственное правление ему вверить было можно, ибо он заподлинно ведает, что тогда государство не означенным принцом, но венским посланником управляемо и, следовательно, во все раздоры австрийского дома вовлечено будет.

Не успел лишь герцог Курляндской последние слова сей речи произнестъ, как оба кабинетские министры, князь Черкасский и Бестужев, вошли в покой. Сим повторил он до слова тоже самое, что отцу моему говорил, равно как и обер-маршалу Левенвольду уже наперед о том же изъяснился, но заключения своей речи он никому не делал, будучи благонадежен, что каждый мысли его легко угадать может. Князь Черкасский был первый, который начал говорить так: что он никого другого достойным и способнейшим не находит, которому можно бы было вверить правление, как герцога Курляндского, поелику сей с толиким усердием и славою трактовал дела государственные, и что личная его польза в рассуждении герцогства Курляндского с благоденствием России сопряжена теснейшими узами, и потому он думает целой империи оказать услугу, если всепокорнейше станет утруждать герцога, дабы он благоволил и впредь обратить внимание и попечение свое к пользе и славе государства.

К сему предложению тайный советник Бестужев приступил согласием своим неукоснительно. Отец мой, равно как и граф Левенвольде, предусматривая, что не токмо тщетно, но и крайне опасно будет на сие прекословить, за благо рассудили на сей случай худому последовать примеру.

Обстоятельство сие было весьма щекотливое, в каком

токмо честный человек находиться может, ибо все то, что гнуснейшая лесть, как герцогу, так и его фамилии оказываемая, придумать может, оное поднесь императрица не токмо всегда попускала, но даже в угождение свое поставляла. Напротив того за малейшие оскорбления, учиненные от кого-либо сему любимцу, столь сурово взыскивала по обыкновению своему, что премножество несчастных примеров на то имелось. Хотя же медики малую к выздоровлению императрицы подавали надежду, однако ни единый из них не мог сказать заподлинно, что кончина ее близко предстояла. Почему если бы случилось, что она опять оправилась, то одной недели было бы довольно к погублению того, кто захотел бы в глаза сказать герцогу чистую правду. В сходствие чего если кто упомянутые обстоятельства сообразит благорассудительно, тому чаятельно не покажется в сем деле поступок отца моего странным и с здравым рассудком несовместным.

Когда герцог от всех вышеименованных лиц выманил желанное приветствие, то ответствовал, что учиненное предложение могло бы чрезмерно удивлять его, если б он не почитал искреннейшую любовь и дружбу их к нему единственным к тому побуждением, но что он им самим предоставляет рассудить, сколь мало участников в таких патриотических расположениях в публике найдется, что он чужестранец, в котором империя российская не интересована; что благоволение императрицы к нему возбуждало бесчисленных завистников, и что он почасту с прискорбием видел, как чистейшие его намерения гнуснейшими обезображены были толками, чего же не воспоследует, когда он верховную власть получит? сколь немногих может он сделать тогда благодарными и коликим действиям оклеветания будет он подвержен? что по сие время императрица защищала и охраняла его от всех врагов, но кто впредь станет за него стоять и способствовать к его обороне? что он милостию императрицы награжден столь богато, что в сем свете ничего другого желать ему не остается, как токмо пристойным образом отъехать в свою отчизну; что такового утешения, надеется он, не похотят лишить его и первые враги его; что если какие-либо уважения в состоянии побудить его к восприятию толь тяжкого бремени, то не находит он других, кроме признательности своей к великим благодеяниям, ощущенным от императрицы, привязанности к ее высокой фамилии и усердия, с каковым он во всякое время расположен был к славе и благоденствию Российской империи,

но что он ни на что решиться не может, пока мнения других благонамеренных патриотов не узнает, и потому считает за нужное следующего дня учредить к тому концу совет из знаменитейших особ Сената, генералитета и придворных чинов; что паче всего необходимо потребно молодого принца Иоанна объявить наследником престола и ему учинить присягу в верности, почему и советует он обо всем оном рассудить и сообразить с графом Остерманом, приложив старание в сию же ночь заготовить манифест, дабы он на другое утро от императрицы подписан и обнародован быть мог.

Хитрого графа Остермана еще в 1730 году после кончины Петра II буде неистинная, то по крайней мере притворная болезнь благополучно освободила от присутствования в том собрании, в котором тогда об ограничении самодержавной власти рассуждаемо и положение сделано было, но на сей раз действительная подагра в обеих ногах, ради чего он более пяти лет непрерывно сидел дома, не могла избавить, чтоб не дать, так же как и другие, своего согласия на регентство герцога Курляндского. Как скоро отец мой, крупно с прочими вышеименованными особами, известил его обо всем происходившем, то он немедленно при величайших знаках усердия согласие свое изъявил, присовокупя, что если герцог Курляндский в нерешимости своей останется, то надлежит самую императрицу утруждать, дабы она преклонила его к тому.

Потом сочинили тем же часом манифест и за нужное сочли в чрезвычайный совет пригласить еще следующих особ, а именно: генерала Ушакова, адмирала графа Головина, обер-шталмейстера князя Куракина, генерал-прокурора князя Трубецкого, генерал-поручика Салтыкова и гофмаршала Шепелева.

На другой день рано поутру все прежде и теперь именованные особы съехались ко двору и собрались в комнатах герцога Курляндского. Даже сам граф Остерман не оставил туда явиться, которого принесли в креслах. Равномерно дано повеление четырем лейб-гвардии полкам того же утра собраться на площади пред дворцом.

Как скоро императрица манифест подписала, то прочтен он в многочисленном собрании знаменитейших воинских и гражданских чинов в придворной церкви, и тут принцу Иоанну яко наследнику престола учинена в верности присяга. Во всех городских церквах то же самое совершено. Стоявшие пред дворцом лейб-гвардии полки присягали поротно.

После сего приступили к рассуждению об управлении государством: все не токмо согласились, что герцог Курляндский признается способнейшею к тому особою, но за нужное нашли о сем единогласном мнении своем письменное императрице сделать представление и утруждать просьбою, дабы ее величество, всемилостивейше одоблив оное, благоволила герцога Курляндского склонить к принятию регентства. Причем положили также для подписания поднести императрице декларацию, в которой значилось, что герцог Курляндский имеет, в звании регента, управлять всеми государственными делами до того, как молодой принц достигнет семнадцати лет возраста своего.

Граф Остерман взял на себя как то, так и другое предложить императрице, но он не мог прежде получить аудиенцию, как по прошествии двух дней.

Между сим временем созваны от сорока до пятидесяти знатнейших воинских, статских и придворных чинов, которых, представя необходимость для государства иметь регента в особе герцога, понудили согласных на то подписать свои имена.

Сколь ни великую герцог Курляндский имел власть над сердцем императрицы, но ничто не стоило ему толикого труда, как преклонить, дабы она в рассуждении будущего надлежащее обо всем сделала распоряжение. Императрица о смерти совсем слышать еще не хотела и почитала оное провозвещанием близкого ее конца. Напоследок как она согласилась выслушать графа Остермана, то сей, убедительно представя ей о положении дел, поднес принесенные с собою бумаги. Императрица приняла их с спокойным духом и положила под свое изголовье, вешав, что резолюция от нее дана будет после.

Между тем как несколько дней никакой не выходило резолюции, то герцог начал беспокоиться и опасаться, дабы какие-либо естественные уважения императрицу от того не удержали, и потому вздумал принцессе Анне чрез известную особу, якобы посторонне, сообщить, дабы она сама решилась просить его о принятии регентства, а после и императрицу утруждать о назначении его на оное.

Ответ принцессы на сие странное предложение гласил так: что она никогда не мешалась в дела государственные, а при настоящих обстоятельствах еще менее отваживается вступать в оные; что хотя императрица, по-видимому, в опасности жизни находится, однако с помощью Божиею

и в уважении ее лет может паки получить свое здравие, и потому если ее величеству представить о помянутом, то сие значит снова напоминать о смерти, к чему она, принцесса, приступить отнюдь не соглашается; что когда ее императорскому величеству всемилостивейше благоугодно было принца Иоанна избрать наследником престола, то и нельзя сомневаться, чтобы ее величество не соизволила сделать нужные и о государственном правлении распоряжения, почему все оное и предоставляет она на собственное ее величества благоусмотрение, а впрочем не неприятно ей будет, если императрица благоволитверить герцогу регентство во время малолетства принца Иоанна.

Герцог на сие полученное ответствие никакого не делал отзыва, но тот самый, кто сие препоручение исполнил, не преминул об оном известить в совете. После чего неукоснительно положено некоторым членам совета поехать к принцессе и стараться преклонить ее на то, чего герцог желал.

Депутаты ездили к ней на другой день, но не получили много и лучшего ответа, как и предыдущий посланный.

Итак, герцог видел себя принужденным сам по делу своему стряпать, и хотя императрица откровеннейше предостерегала его сими словами: «Я сожалею о тебе, герцог! ты несчастлив будешь!», он, однакож, до тех пор не отставал, пока императрица, позвав графа Остермана, подписала в его присутствии декларацию и приказала положить оную в стоящий подле ее постели шкаф с алмазными вещами.

Потом граф Остерман, вышед из комнаты императрицы, возвестил сие важное известие всему между страха и надежды колеблющемуся собранию.

Спустя несколько минут явился и сам герцог Курляндский и уверял всех вообще, что императрица не токмо изъявила всемилостивейшее благоволение свое на все их для пользы империи предпринятые подвиги, но также обещала им всем, буде Бог ей поможет, существенные показать знаки своего удовольствия, а для изъявления собственной своей признательности употребил он сие восклицание: «Вы, господа, поступили как древние римляне!»

Между тем императрица час от часу в худшее приходила состояние своего здоровья, но несмотря на сие принимала она почти ежедневно посещения от великой княжны Елисаветы Петровны, принцессы Анны и ее

супруга и всеми вопросами и разговорами своими доказывала, что она имела еще полное употребление своего рассудка.

Семнадцатого числа октября по полудни почувствовала она, что у нее левая нога отнялась, и как ввечеру великая княжна Елисавета Петровна и принцесса Анна с своим супругом к ней вошли, то она с весьма спокойным духом с ними прощалась. В девять часов получила она конвульсивные припадки, и как потом ее духовник, придворный священник и певчие, дабы дать молитву по греческому закону, в комнату позваны, то вошел туда также отец мой, князь Черкасский и некоторые другие. Первого узнала умирающая императрица и вещала к нему: «Прощай, фельдмаршал!» — других не могла она больше различить, но спрашивала, кто они таковы, и они, быв по именам названы, сказала всем: «Прощайте!» После сего соборовали ее маслом, и по окроплении святою водою предала свой дух.

Так кончилось житие и правление одной из величайших государынь, на российском престоле царствовавших. Она была одарена хорошим разумом, имела беспримерную память и говорила на природном языке лучше, нежели статья может кто другой в России. В публичных церемониях умела она показать себя с превеличайшею важностью и приличием. Если же хотела кому-либо благоприятство свое изъявить, то знала употреблять на то выражения лестнейшие и обязательнейшие. Выговоры ее были чувствительны, но без всякой обиды. Она упоена была честолюбием и во всех предприятиях своих стремилась к славе. Хотя в правление ее пышность в строениях, домашних уборах, экипажах и одеждах несравненно превосходила великолепие всех предыдущих государей, однако при всем том расходы ее никогда не превышали обыкновенных доходов двора, но еще нарочитая сумма оставалась в запасе. За оказанные заслуги награждала она щедро. Предшественников ее подарения состояли большею частию из земель, но наличными деньгами никто не жаловал столь великие суммы, как она. Она не токмо ежедневно слушала предлагаемые ей дела с великим вниманием и терпеливостью, но не оставляла рачительно осведомляться об исполнении оных. Она любима была своими подданными, благоденствие которых, лучшее распоряжение внутреннего домоводства, приращение коммерции и умножение мануфактур составляли главней-

шую заботу ее сердца, но когда желание ее не так, как должно, выполнялось, то всю вину надлежит относить частью к особенному интересу известных особ, частью же к прилепению к некоторым худым старинным правилам. Она умножила войска нарочито и ввела в оных лучшую дисциплину и порядок, нежели прежде было: никогда армия не имела искуснейших иностранных генералов и офицеров, как в ее правление. Что касается до флота, хотя она и намерена была произвести в нем некоторые вновь распоряжения, однако исполнение оных не удалось ей при жизни своей видеть. Дабы снабдить российскую конницу годными лошадьми, приказала она превеликое множество наилучших иностранных лошадей выписать, учредить многие конские заводы и на содержание их определить богатые деревни и земли. На сибирских железных и медных заводах для получения большей пользы от них состояли в ее правление многие искусные в горной науке мужи, выписанные из чужих земель по ее повелению, не упоминая, что к распространению означенных заводов делала она подкрепление отпуском знатных из казны денежных сумм. Для умножения алмазов и сокровищ царских потрачены ею несколько миллионов рублей. Петра Великого недоконченные проекты старалась она в действо произвести наитщательнейше. Ладожской канал строением окончен в ее правление. На строение Кронштадтского канала и принадлежащих к тому доков отпускала она по двести тысяч рублей ежегодно. Во время ее царствования большая часть деревянных домов в Санкт-Петербурге переделаны каменными, не упоминая, что многие пустые места вновь застроены. Сколько она попечения имела о споспешествовании наукам и художествам, оное доказывают заведение Кадетского корпуса, приобщенной к Академии наук гимназии и учреждение при ней школы для живописного, резного и гравировального художеств. Словом: все, что может правительницу прославлять, оное императрица Анна Иоанновна предпринимала и частью привела во исполнение.

Даже ничто не помрачало бы сияния сей императрицы, кроме (что из многих над знаменитыми и великими особами смертных приговоров оказывалось) что она больше собственному прогневлению, нежели законам и справедливости последовала.

В приватном обхождении была она ласкова, весела, говорлива и шутлива. Сердце ее наполнено было великодушием, щедротою и соболезнованием, но ее воля почти

всегда зависела больше от других, нежели от ее самой. Верховную власть над оною сохранял герцог Курляндский даже до кончины ее неослабно, и в угождение ему сильнейшая монархиня в христианских землях лишила себя вольности своей до того, что не токмо все поступки свои по его мыслям наиточнейше распоряджала, но также ни единого мгновения без него обойтись не могла и редко другого кого к себе принимала, когда его не было. Хотя недоверчивое свойство герцога Курляндского немалой требовало привязанности, однако наконец принуждение, в котором он сам чрез то находился, сделалось ему почти несносно. Весьма часто многие слышали, как он жаловался, что для своего увеселения ни одной четверти часа определить не может. Я сам чрез целые восемь лет не могу припамятовать, чтоб видел его где-либо в городе, в беседах или на пиршествах, но дабы и других людей пример не возбудил в нем к тому охоты, императрица не токмо худо принимала, если у кого из частных особ веселости происходили, но, называя оные распутством, выговаривала весьма колкими речами. Герцог, с своей стороны, всеми мерами отвращал и не допускал других вольно с императрицею обходиться и буде не сам, то чрез жену и детей своих всегда окружал ее так, что она ни слова сказать, ниже шага ступить не могла, чтобы он тем же часом не был о том уведомлен.

Сей неограниченный и единообразный род жизни естественно долженствовал рождать иногда сытость и сухость в обращении между обеих сторон. Дабы сие отворотить и не явить недовольного лица вне комнаты пред чужими очами, не ведали лучшего изобресть средства, как содержать множество шутов и дураков мужеска и женска пола. Должность большей части сих людей состояла более ругаться и драться между собою, нежели какие-либо смешные шутки делать и говорить. Они набраны были из разных наций и чинов. Российские князья из знатнейших фамилий должны были в сии роли записываться. Чудный и странный внешний вид, глупость или токмо косноязычество составляли достаточные качества, чтобы приняту быть в дурацкий орден. По дарованиям каждого давали соразмерное награждение, однако разум предпочитался обыкновенно телесным способностям. Одному итальянцу по прозванию Пьетро Мира, или сокращенно Петрисло (Педрилло) наименованному, посчастливилось тут столько, что он не токмо богатое имел содержание, но еще и в родину свою повез с лишком двадцать тысяч рублей.

Когда быть страшему и ненавидиму случается всегда вместе, а притом бесполезно во всякое время стараться сколько можно изведывать о предприятиях своих врагов, то герцог Курляндский не токмо в рассуждении первого достаточно был уверен, но также избыточно снабжен был повсеместными лазутчиками. Ни при едином дворе, статья может, не находилось больше шпионов и наговорщиков, как в то время при российском. Обо всем, что в знатных беседах и домах говорили, получал он обстоятельнейшие известия, и поелику ремесло сие отверзало путь как к милости, так и к богатым наградам, то многие знатные и высоких чинов особы не стыдились служить к тому орудием.

Подозрение и легковерие всегда сопряжены бывают неразрывно, почему злобным сердцам нетрудно было и безвиннейших людей замарать и оговорить. Иной, будучи накануне наиблагосклоннейше от императрицы принят, дивился, когда на другой день с величайшею холодностью с ним обращались, не ведая и не домысливаясь, отчего таковая перемена последовала.

Никогда в свете, чаю, не бывало дружественнейшей четы, приемлющей взаимно в увеселении или скорби совершенное участие, как императрица с герцогом Курляндским.

Оба почти никогда не могли во внешнем виде своем притворствоваться. Если герцог явился с пасмурным лицом, то императрица в то же мгновение встревоженный принимала вид. Бude тот весел, то на лице монархини явное напечатлевалось удовольствие. Если кто герцогу не угодил, тот из глаз и встречи монархини тотчас мог приметить чувствительную перемену.

В знании и цене людей герцог подвѣржен был предускорительности и великим погрешностям. Пришлецами обольщался он скоро, но скоро опять ими скучал. Любимцам его и всем вообще курляндцам нередко императрица оказывала сверх меры и благопристойности отличную почесть.

Всех милостей надлежало испрашивать от герцога и чрез его одного императрица на оные решалась. Даже сердечно любимая императрицею племянница, принцесса Анна, принуждена была из опытов научиться, что без сего ходатая долги ее не будут заплачены, равно как и не могла надеяться получить прибавку на содержание свое. Ибо щедрая по природе монархиня не даривала без ведома герцога ни малейшей суммы ни своим домашним

служителям, ниже иному, коего услугами она была довольна.

Род жизни ее расположен был весьма умеренно и препорядочно. Она кушала немного и самую простую пищу; обыкновенной ее напиток был не другое что, как пиво, ибо за столом пила она токмо одну или много что две рюмки старого венгерского вина. За стол садилась не позже как в двенадцать часов пополудни и в девять часов ввечеру. Часы, в которые она из комнат своих в публику выходила, во весь круглый год регулярно определены были. Если дела не удерживали, то выходила она обыкновенно пред полуднем от одиннадцати до двенадцати часов, а после полудня от четырех до половины девятого часа. В десять часов вечера ложилась она опочивать, а утром вставала около шести или семи часов.

В досужное время не имела она ни к чему определенной склонности. В первые годы своего правления играла она почти каждый день в карты. Потом провожала целые полдни, не вставая со стула, в разговорах или слушая крик шутов и дураков. Когда все сии каждодневно встречающиеся упражнения ей наскучили, то возымела она охоту стрелять, в чем приобрела такое искусство, что без ошибки попадала в цель и на лету птицу убивала. Сею охотою занималась она долгие других, так что в ее комнатах стояли всегда заряженные ружья, которыми, когда заблагорассудится, стреляла из окна в мимопролетающих ласточек, ворон, сорок и тому подобных. В Петергофе заложен был зверинец, в котором впущены привезенные из Немецкой земли и Сибири зайцы и олени. Тут нередко, сидя у окна, смотрела на охоту, и когда заяц или олень мимо пробежит, то сама стреляла в него из ружья. Зимой во дворце в конце галереи вставлена была черная доска с целью, в которую при свечах упражнялась она попадать из винтовки.

Герцог Курляндский имел чрезвычайную охоту к лошадям и потому почти целое утро проводил либо в своей конюшне, либо в манеже. Когда же императрица никогда с терпением не могла сносить его отсутствие, то не токмо часто к нему туда приходила, но также возымела желание обучаться верховой езде, в чем, наконец, и успела столько, что могла по-дамски с одной стороны на лошади сидеть и летом по саду в Петергофе проезжаться.

В торжественные и праздничные дни одевалась она весьма великолепно, а впрочем ходила просто, но всегда чисто и опрятно. Придворные чины и служители не могли

лучшего сделать ей уважения, как если в дни ее рождения, тезоименитства и коронования, которые ежегодно с великим торжеством празднованы, приедут в новых и богатых платьях во дворец.

Темных цветов как она, так и герцог Курляндский нарочитое время терпеть не могли. Последнего видел я, что он пять или шесть лет сряду ходил в испещренных женских штофах. Даже седые старики, принаравливаясь к сему вкусу, не стыдились наряжаться в розовые, желтые и попугайные зеленые цвета.

Домашние услуги не от каждого без различия она принимала, но токмо от немногих, к которым привыкла.

Я был один из тех, кои пользовались честью ей прислуживать, и никогда не имел сверх одного или двух товарищей. Как однажды отец мой просил герцога о назначении меня министром к датскому двору, то он получил в ответ, что императрица такую сделала ко мне привычку, что трудно будет склонить, дабы она отпустила меня от себя.

Она была богомольна и притом несколько суеверна, однако духовенству никаких вольностей не позволяла, но по сей части держалась точных правил Петра Великого.

Станом была она велика и взрачна. Недостаток в красоте награждаем был благородным и величественным лицерасположением. Она имела большие карие и острые глаза, нос немного продолговатый, приятные уста и хорошие зубы. Волосы на голове были темные, лицо рябоватое и голос сильной и проницательной.

Сложением тела была она крепка и могла сносить многие удручения. Судя по умеренному образу жития ее, могла бы она долговременную и здоровую наслаждаться жизнью, если б токмо каменная болезнь, подагра и хирагра, наследованные скорби, не прекратили дней ее.

ОКТАБРЬ — НОЯБРЬ 1740 ГОДА

Как скоро императрица скончалась, то, по обыкновению, открыли двери у той комнаты, где она лежала, и все, сколько ни находилось при дворе, в оную впущены. Тут виден и слышен был токмо вопль и стенание. Принцесса Анна сидела в углу и обливалась слезами. Герцог Курляндский громко рыдал и метался по горнице без памяти. Но спустя минут пять, собравшись с силами,

приказал он внести декларацию касательно его регентства и прочитать пред всеми вслух. Почему когда генерал-прокурор князь Трубецкой с означенною декларациею подступил к ближайшей на столе стоявшей свече и все присутствующие за ним туда обратились, то герцог, увидя, что принц Брауншвейгский за стулом супруги своей стоял, там и остался, спросил его неукоснительно: не желает ли и он послушать последней воли императрицы? Принц, ни слова не вешав, пошел, где куча бояр стояла, и с спокойным духом слушал собственный свой, или паче супруги своей, приговор. После сего герцог пошел в свои покои, а принцесса купно с принцем опочивала в сию ночь у колыбели молодого императора.

На другое утро на рассвете стояли уже лейб-гвардии полки в строю пред Летним дворцом, и когда около девяти часов съехались ко дворцу все воинские и гражданские знатные особы, то граф Остерман возвестил им о представлении императрицы и прочитал декларацию о регентстве.

Потом в придворной церкви как молодому императору, так и регенту учинена присяга в верности. За сим обратились все к герцогу и приносили ему поздравление.

Герцог говорил к стоящим подле его сенаторам следующее: что он ненужным считает рекомендовать им о продолжении того усердия, с каковым поднесь подвизались ко благу империи, будучи уверен, что единое уважение нежного возраста молодого императора сильнейшим к тому побуждением служить будет; что он, с своей стороны, каждодневно и каждочасно посвящать себя будет на службу империи, почему не могут они яснейшего довода своей доверенности предъявлять, как если со всеми полезными проектами и нужными резолюциями прямо к нему относиться станут; что он наперсников у себя иметь не будет, и его двери всегда для всех честных людей отворсты быть имеют.

Возвратясь в свои покои, повел он с собою отца моего, графа Остермана, князя Черкасского и тайного советника Бестужева, благодарил их за оказанную ими ревность, уверял, что он не оставит на деле доказать свою признательность, и просил о вспомоществовании ему впредь добрыми советами своими.

Того же самого утра приказал он малолетнего императора переселить в Зимний дворец, куда также и принцесса Анна купно с принцем переехали. Напротив того он сам остался в Летнем дворце и не прежде намерен был оттуда

выехать, пока тело покойной императрицы не будет предано погребению.

По полудни поехал он на посещение молодого императора и его родителей и, изъявляя свое соболезнование принцессе Анне, уверял, что он незамедлительно определит на содержание ее соразмерное жалованье, дабы она по приличию своей породы и звания штат иметь могла.

Отсюда поехал он к ее высочеству великой княжне Елисавете Петровне, которой присудил ежегодной пенсии по пятьдесят тысяч рублей.

В первые дни регентства своего занимался он подробнейшее снискать сведение о состоянии армии и государственных доходов.

Також старался он обласкать Сенат, лишенный в начале правления императрицы Анны Иоанновны прерогативы верховного места по учреждении Кабинета тем, что неоднократно в собраниях оного присутствовал.

Сенат, напротив того, в знак своей признательности, определил герцогу на собственные расходы по пятьсот тысяч рублей ежегодного дохода. А как и титул светлости казался низок для регента, то Сенат приложил ему величание императорского высочества, чего однакож герцог дотоле не принимал, пока принцесса Брауншвейгская подобный титул не получила.

Принцесса Анна по сие время имела содержание обще с императорским двором. И дабы она в состоянии была собственное хозяйство вести, то герцог обещал ей двести тысяч рублей годового жалованья.

Сия перемена доставила мне случай удостоверить принцессу на деле о всегдашней моей к ней привязанности. Ибо когда она просила регента назначить к ее двору гофмейстера, к чему мало охотников тогда отыскалось, по причине опасения, что согласие между герцогом и принцессою недолговременным полагали, то я отважился один означенного места от регента просить, которое и получил с удержанием камергерской моей должности при малолетнем императоре.

Не прошло еще и одной недели правления герцога в тишине, как начал он для подкрепления своей власти наистрожайшие употреблять пособия. Два лейб-гвардии офицеры, один капитан и другой поручик, не могли скрыть между разговоров неудовольствия своего на его регентство, причем первого видали также, что он входил и выходил от великой княжны Елисаветы Петровны.

Он приказал обоим их арестовать и под мучительнейшею пыткой допрашивать, не имели ли они какого злоумышленного на него намерения и кто тут сообщниками находится, но они ни в чем другом не признались, как токмо что все дело в одних разговорах состояло.

Так же поступлено с одним кабинетским секретарем. Сей при сочинении декларации о регентстве показывал копию с оной у великой княжны Елисаветы Петровны и принцессы Анны и роптал, как то он сам после под пытку признался, на нововводимую форму правления.

Но таковые насильственные поступки, вместо чтоб других утратить, как то герцог надеялся, служили единственно к превращению ненависти в огорчение и мщение.

Между сим временем пришло известие, что римской император Карл VI, 11/21 числа октября (и, следовательно, за неделю прежде кончины императрицы Анны Иоанновны) умер. Сколько участия принимал бы герцог в расприх австрийского дома, если б он далее в регентстве пребыл, об оном мало тогда заключать было можно. Но что он намеревался гарантированную императрицею Анною Иоанновною прагматическую санкцию подкреплять, оное доказывал после падения его гласным учинившийся трактат с саксонским двором. По силе сего трактата польскому королю обещано не делать со стороны России никакого помешательства в требованиях его на австрийское наследство по праву его супруги и детей. Король, напротив того, гарантировал герцога и его наследников в спокойном владении герцогствами Курляндским и Семигальским.

Сей союз есть единый, который дозволило ему время с иностранными державами постановить.

Что касается до внутренних государственных дел, примечательного другого ничего не было, кроме что он освободил народ от четырехмесячного подушного оклада, дабы вступление в правление молодого императора или паче свое регентство ознаменовать публичным благодеянием.

По арестовании вышеупомянутых офицеров не прошло ни единого почти дня, чтобы герцогу не доносили на разного звания людей, кои по его повелению были истязуемы. Вина сих состояла токмо в некоторых соблазнительных речах.

Но вдруг открыт формальный заговор, при котором следующие были обстоятельства.

Сенатор и тайный действительный советник Михайло (Гаврилович) Головкин, по своей супруге, урожденной княгине (княжне Екатерине Ивановне) Ромодановской, и с матерней стороны двоюродной сестре императрицы Анны Иоанновны, мог похвалиться честью, что он весьма тесными сопряжен узами родства с императорским домом. Невзирая на сие, в последние годы императрица принимала его с нарочитым пренебрежением, так что уважение его при дворе чувствительно ослабилось, причиною чего, сказывают, были некоторые вольные его речи о поступках герцога. И как он посему мало добра от нынешнего регента ожидать мог, то все его помышления стремились к тому единственно, чтобы его низринуть. Но средство, изобретенное им на то, едва его самого в величайшее не ввергнуло несчастье.

Когда он о возвышении герцога и несправедливости, учиненной чрез то принцессе Анне, многократно в разговорах изъявлял свое неудовольствие довереннейшим своим клиентам, некоторым отставным лейб-гвардии офицерам, и сии дали от себя уверение как в добром расположении своем к упомянутой принцессе, так и что большая часть офицеров из лейб-гвардии полков готовы за нее на все отважиться, то заключение сделано такое, чтобы в сем деле поступить таким же образом, как в 1730 году при восстановлении самодержавия в Москве происходило. На каковый конец и положено, чтобы в назначенный день все без изъятия к заговору приступившие пошли к принцессе Анне и у ног ее просили, дабы она избавила их от ненавистного регента и приняла на себя правление во время малолетства сына ее императора.

Предводителем в сем деле не хотел быть сам граф Головкин, но предложил на то тогдашнего кабинетского министра князя Черкасского, рассудив неосновательно, что сей столь же охотно согласится на сие, как и прежде того сделал, а именно, когда он покойной императрице подносил прошение от дворян об уничтожении аристократической формы правления. Сделав такое положение, назначен был и день, чтобы об оном предложить князю Черкасскому.

Когда означенный день наступил, то упомянутые отставные лейб-гвардии офицеры, явясь к князю Черкасскому, представили о причине своего прихода, напоминали ему о прежнем для блага отечества предпринятом подвиге и усильнейше просили, дабы он, обще с ними, пошел к принцессе и за них предстательствовал. Князь

Черкасский, выслушав их весьма терпеливо, похвалил намерение их и под предлогом отправления необходимо нужных дел просил их, дабы они на другой день опять к нему пришли. Но сам, отпустя их, поехал прямо к герцогу и уведомил его обо всем, что происходило.

Через два часа все вышеобъявленные к князю Черкасскому приезжавшие офицеры арестованы и того же дня начали о других сообщниках их под пытку допрашивать.

Они указали на некоторых, но ни один не объявил о графе Головкине, хотя весьма строго о том разведывали, поелику каждому известно было, что они графские клиенты. Один из уличенных был секретарь из россиян принца Брауншвейгского. Когда сего пытать стали, то он признался не токмо, что об оном деле ведал, но открыл также совсем новый заговор, к которому употреблен он с ведома и с согласия принца. По его извету намерение было такое, чтобы уговорить офицеров из того лейб-гвардии полка, в котором принц Брауншвейгский был подполковником, и как весь полк согласен будет, то приступить ко двору и взять регента со всеми его участниками. Между тем секретарь открылся дотоле одному токмо офицеру, а именно — капитану князю Путятину, и возложил на него старание склонять прочих. Путятин тож под пытку во всем признался и показал поименно тех, которых подговаривал. Сих было числом два капитана и один поручик из означенного лейб-гвардии полка.

Теперь герцог довольные имел опыты, что его правлением публика была недовольна. Несмотря на то, отваживался он подкреплять себя строгостию, полагаясь особенно на верность двух лейб-гвардии полков, как-то Измайловского и Конного, из которых первым командовал его брат Густав Бирон, а другим — старший его сын принц Петр.

Итак, желая принцу Брауншвейгскому показать, сколь мало он его страшится, приказал он его к себе попросить, выговаривал ему в присутствии многих особ за покушение по извету секретаря, называл его неблагодарным, кровожаждущим и что он, если б имел в руках своих правление, сделал бы несчастным и сына своего, и всю империю. Даже когда принц без намерения положил левую руку на эфес своей шпаги, то герцог, приняв сие за угрозу и ударяя по своей, говорил, что он готов и сим путем, буде принц желает с ним разделаться. По долгом словопрении, на котором принц во всем заперся и уверял, что он никакого зла на него не мыслит, разо-

шлись они друг с другом без всяких дальнейших следствий.

Но на другой день герцог препоручил дяде моему действительному тайному советнику Миниху съездить к принцу и изъясниться, что буде он желает, дабы впредь ему верили, то обязан дать за себя залог, состоящий в том, чтобы он неукоснительно отказался от своего звания генерал-поручика от армии и особливо от должности лейб-гвардии подполковника. Принц согласился на сие и послал того же дня герцогу объявить, что он должности свои низлагает, о чем тотчас при армии и лейб-гвардии полках опубликовано было.

Герцог не удовольствовался таким оскорблением, принцу нанесенным, но отправил к нему еще странное посольство с извещением, что благо и полезно для него остаться на несколько дней в своем доме, ибо опасаться надлежит, чтобы народ, огорченный за множество ради его истязанных людей, не отважился, статья может, предпринять что-либо непристойное против его особы.

В сем положении находились дела, и ежедневно ожидали, что как принц, так и принцесса или выедут из государства, или должны будут в отдаленном месте милостивым довольствоваться подаянием, как вдруг отец мой предприял все дальнейшие насильствия прекратить, и сие произвел он в действие следующим образом.

Восьмого числа ноября (1740 года) пред полуднем поехал он к принцессе, представил ей, какой опасности не токмо все верные служители императорских родителей, но также и сама она подвержены в случае, когда герцог Курляндский далее в регентстве останется, и вызвался, буде ей токмо угодно, предать герцога арестантом в ее руки, но дабы офицерам и солдатам, которых он к тому употребить намерен, придать больше бодрости, просил он благоволения присутствовать ей при том персонально. Чем меньше принцесса такового предложения ожидала, тем приятнее оно ей было, но только не могла решиться, чтобы самой туда поехать. Между тем договорено, чтобы отец мой в наступающую ночь приехал опять к принцессе, взял от нее с караула потребную команду и с оною регента арестовал. После чего отец мой, присоветовав ей никому и даже ее супругу ни слова о том не сказывать, откланялся и поехал прямо к герцогу почтение свое отдать, и что того страннее — в тот же самый день у него обедал.

После стола отец мой, возвратясь в свой дом, ожидал ночи с великою нетерпеливостью. Между тем жена моя, которая столь же мало, как и я, о том ведала, обще с бароншею Менгден, своячиною моею, поехала к герцогине, ужинала у нее вместе с регентом и почти до полуночи с ними просидела. При сем случае герцог приказал чрез жену мою сказать ее свекру, а моему отцу, что как скоро погребение императрицы отправлено будет, то он повелит выдать ему нарочитую сумму денег на уплату его долгов. Когда же жена моя поздно домой приехала и считала, что отец мой уже спит, то исполнение своего препоручения отложила до другого утра.

Около двух часов пополуночи отец мой с одним токмо тогдашним генерал-адъютантом своим подполковником Манштейном, после бывшим генерал-майором в прусской службе, поехал во дворец, вошел в задние ворота, которые нарочно на то отверсты стояли, и прямо в покои принцессы. Принцесса легла уже опочивать с своим супругом, но наперед наказала жены моей сестре фрейлине Юлиане Менгден, как скоро отец мой придет, войти к ней и ее разбудить. Сия, сколько ни старалась, не могла исполнить оное так скромно, чтобы и принц от того не пробудился, но как сей спросил у принцессы, что ей сделалось и зачем она встает, то в ответ сказала она, что ей занемоглось и чтоб он остался в постели, а она тотчас назад будет.

Вышед к отцу моему, говорил он ей, что теперь настоящая пора дело свершить, и вторично просил, дабы она вместе с ним поехала.

Она ни под каким видом на то не соглашалась, почему отец мой советовал, чтоб она по крайней мере приказала позвать вверх караульных офицеров и объявила им о сем предприятии, сделав увещевание, дабы они верно во всем поступили и за ним следовали.

Сей совет принят, и когда офицеры вошли, то она вешала, что она надеется на них как на честных людей, что не отрекутся малолетнему императору и его родителям важнейшую оказать услугу, состоящую в том, чтобы арестовать герцога, которого насильствия сколько им ненавистны, столько и известны. Почему и просит она все, что от фельдмаршала приказано будет, доброхотно исполнять и уверену быть, что их верность без награждения оставлена не будет. Наконец обняла она отца моего, допустила офицеров к руке и желала им благополучного успеха.

После сего пошел он с ними в кордегардию, взял тридцать человек с караула с тремя офицерами и направил стопы свои прямо к Летнему дворцу, в котором регент тогда находился.

В сие самое время лежал я, не ведая ничего, в передней комнате у малолетнего императора, будучи тогда дежурным камергером, в приятнейшем сне, почему немало ужаснулся, как вдруг, пробудясь, увидел принцессу, на моей постели сидящую. Я спросил о причине, она с трепещущим голосом отвечала:

«Мой любезный Миних, знаешь ли, что твой отец предпринял? Он пошел арестовать регента.— К чему присовокупила еще: — Дай Боже, чтобы сие благополучно удалось!»

И я того же желаю, сказал я, и просил, чтобы она не пугалась, представляя, что отец мой не преминул надежные на то принять меры.

Потом принцесса обще с фрейлиною Менгден, которая одна при ней находилась, пошла в спальню малолетнего императора, а я скорее выскочил из постели и оделся. Немного спустя пришел и принц, которому принцесса тут во всем открылась.

С какою теперь нетерпеливостью ожидали мы известия об успехе означенного предприятия, оное всяк легко себе вообразить может.

Регент, как упомянуто, обретался в Летнем дворце, где лежало еще тело покойной императрицы. Здесь находился караул с лишком из трехсот человек, которые, буде бы на герцогской стороне были, арестованию его легко воспрепятствовать могли, но отец мой, из предосторожности к предприятию сему, избрал такой день, в которой все караулы из Преображенскаго полку наряжены, где он был подполковником. Приблизясь на несколько шагов к Летнему дворцу, выслал он вперед офицера сказать караульному капитану, дабы он никакого шума не подымал, а пришел бы к нему с двумя другими офицерами. Сии явились без замедления, и когда он о причине своего прихода им объявил, то они уверяли, что у них ни один караульный не пошевелится. После чего отец мой продолжал шествие свое до самого въезда во дворец. Отсюда отрядил он своего генерал-адъютанта Манштейна с двенадцатью гренадерами в герцогские комнаты.

Все мимо встречающиеся часовые, по данному им приказу, пропускали его без задержания, так что Манштейн дошел благополучно до дверей спальни и приказал

их ломать потому, что они изнутри заперты были. Герцог пробудился на сей шум, вскочил и, думая, что его убить хотят, намерен был под кровать спрятаться, но Манштейн наступил на него, и пока герцог руками и ногами оборонялся, подбежали гренадеры и его схватили. Накинув на него шубу, посадили его в подвезенную отца моего карету. Супруга его и дети оставлены в их покоях за караулом. С сею добычею отец мой отправился опять к принцессе и принесенною им самим первую вестию неизреченную произвел радость.

На сем возвращении арестован также и брат герцога Густав Бирон, имевший жительство в одной мимо лежащей улице, и то же самое в ту же ночь сделано над тайным советником и кабинетским министром Бестужевым, которого винили, что он отменно предан был регенту.

Засим герцога, равно как и брата его, посадили до дальнейшего распоряжения в особых покоях дворца за крепким караулом.

НОЯБРЬ 1740 ГОДА

Еще пред рассветом обнародовано о сем происшествии в целом городе, и все чиновники вообще по учиненным повесткам съехались ко двору. По принесенном поздравлении родителям императора было чрезвычайное собрание совета, в котором положено просьбою утруждать принцессу с титулом императорского высочества великой княгини российской принять правление во время малолетства ее сына.

Принцесса, приняв оное ко благоугодности своей, и по отпетии литургии и благодарственного молебна при пушечной пальбе учинена ей в верности присяга, и в тот же самый день, как во все провинции империи, так и к иностранным дворам, отправлены курьеры с известием о сей воспоследовавшей перемене.

Ввечеру прежде бывший регент купно со своею фамилиею под сильным прикрытием отправлен в Шлиссельбургскую крепость в шестидесяти верстах от Санкт-Петербурга. Принцесса, при вывозе его из дворца, стояла у окна и смотрела, но, не могши удержать своих слез, вещала, что она совсем иное ему готовила, если б он сам не понудил ее иначе с собою поступить, присовокупя к тому, что если б он прежде предложил ей добровольно правле-

ние, то бы она с честью и со всеми сокровищами отпустила его в Курляндию.

Следующий день назначен был для раздачи разных милостей и чинов, и всем, кои вход ко двору имеют, повешено пред полуднем собраться в комнатах принцессы.

Дабы не показалось кому-либо странным, что в сие производство граф Остерман великим адмиралом и князь Черкасской великим канцлером пожалованы, нужным считаю вкратце упомянуть, какие причины служили к тому поводом.

Утром весьма рано приказал отец мой позвать к себе меня купно с президентом бароном Менгденом и предложил, чтобы мы, кого считаем достойным к пожалованию или к награждению, представили ему и притом с показанием нашего мнения, чем и как кто наилучше награжден быть может. Мы исполнили сие тут же, после чего приказал он мне взять перо и писать, что он мне говорить станет. Первое было, чтобы ее высочество великая княгиня и регентша благоволила возложить на себя орден Св. Андрея, и второе — генерал-фельдмаршала графа Миниха за оказанную им услугу пожаловать в генералиссимусы.

Окончав сие, представил я ему, что хотя он по всем правам и заслугам сего достоинства требовать может, однако я думаю, что, статья может, принц Брауншвейгский для себя оное готовит, почему и нужно бы было пристойным образом о сем у него разведать, в каковом случае советовал я отцу моему испросить себе титул первого министра. На сие он согласился и, оставя прежде упомянутое достоинство, избрал для себя последнее.

После сего спросил он меня и барона Менгдена, как же может граф Остерман над собою терпеть первого министра? Мы отвечали, что надлежало бы и ему назначить достоинство, которое с высшим чином сопряжено, нежели каковой он по сие время имел.

Отец мой вещал, что он вспомнил, как граф Остерман в 1732 году, работая над новым положением для флота, намекал, что он охотно желал бы быть великим адмиралом.

«Да кто же будет великим канцлером?» — спросил я. Видя, что отец мой на сие ничего не отвечал, сказал я, что хотя князь Черкасский за свои поступки больше наказания, нежели награждения заслуживает, однако я думаю, что в начале нового правления милосердием и великодушием скорее утвердиться можно, нежели чрез меру

строгим исследованием и наказанием уличенных преступников; что в сходстве того ее высочество великая княгиня не может убедительнейшего предъявить довода своего великодушия, как если упомянутого князя Черкасского на вакантное великого канцлера достоинство оставались в руках паче у природных россиян, нежели у иностранцев, то еще предложил я графа Михайла Головкина в вице-канцлеры.

Когда потом как вышеупомянутые, так и другие к повышению и награждению следующие особы расписаны, то приказал мне отец мой списать с того расписания копию, съездить во дворец и поднести оное принцессе на утверждение.

По прошествии нескольких часов приехал он и сам и получил ее согласие на все изображенные в расписании статьи.

Около одиннадцати часов пред полуднем, когда все по учиненным повесткам в передних комнатах собрались, выступила великая княгиня, одетая в голубой ленте и со звездою ордена Св. Андрея, и жаловала всех к руке. Потом от имени императора читано расписание о пожалованных, в силу которого принц Брауншвейгский объявлен генералиссимусом всей сухопутной и морской силы. Далее пожалованы: фельдмаршал граф Миних — первым министром, граф Остерман — великим адмиралом и остаться ему при иностранных делах, князь Черкасский — великим канцлером и князь Михайло Головкин — вице-канцлером и кабинетским министром.

Орден Св. Андрея получили: обер-шталмейстер князь Куракин, генерал-аншеф Ушаков, адмирал Головин и пребывающий в Гаге посланник граф Александр Головкин.

Орден Св. Александра Невского пожалован президенту и камергеру барону Менгдену, камергеру Стрешневу, зятю графа Остермана, и в отсутствии находившемуся тайному советнику и камергеру князю Юсупову. Обер-маршал граф Левенвольде и дядя мой тайный советник Миних получили на заплату долгов своих, первый — восемьдесят тысяч и другой — двадцать тысяч рублей.

Гофмаршалу Шепелеву и генерал-майору Апраксину пожалованы богатые деревни в России, не упоминая о многих других повышениях чинами и подарках.

Как по окончании сей церемонии отец мой вторично принес принцессе свое благодарение, то она вручила ему

ордер о принятии ста тысяч рублей из рентереи, приказав притом перебраться близ дворца в тот дом, где прежде она сама пребывание свое имела.

В тот же самый день принцесса всемилостивейше пожаловала меня обер-гофмаршалом с чином генерал-поручика и с жалованием и пенсией по три тысячи рублей в год. Сверх того указала она мне иметь придворный экипаж, каковым другие высокие чины императорского двора пользуются, и пожаловала мне в подарок дом неподалеку от дворца.

Принцесса оказала также помилование бедным арестантам, заключенным от прежнего регента и претерпевшим преужасное истязание. Они все немедленно освобождены и частью чинами повышены, частью же с награждениями к прежним местам определены. Над теми, которые пытку выдержали, прикрывали наперед знамя. После того они все жалованы к руке, причем, с одной стороны, соболезнование, и с другой — признательность искреннейшие извлекали слезы.

Благородное и к милосердию склонное ее сердце воспамятовало при первом начале принятия регентства и о тех несчастных, которые в правление императрицы Анны Иоанновны за государственные преступления в Сибирь и в другие места в ссылку сосланы были. Она в досужные часы свои, прослушав дела о важнейших из сих преступников, почти все учиненные над ними приговоры отменила. Число сих ссылочных, как знатных, так и простого звания людей, простиралось до нескольких тысяч человек, между коими находились также курляндские дворяне.

Прежде нежели я приступлю к прочим происшествиям краткого правления сей принцессы, намерен я немногими словами описать личные ее качества.

Она сопрягала с многим остроумием благородное и добродетельное сердце. Поступки ее были откровенны и чистосердечны, и ничто не было для нея несноснее, как толь необходимое при дворе притворство и принуждение, почему и произошло, что люди, приобывшие в прошлое правление к грубейшим ласкательствам, несправедливо почитали ее надменною и якобы всех презирающею. Под видом внешней холодности была она внутренно снисходительна и чистосердечна. Принужденная жизнь, которую она вела от двенадцати лет своего возраста даже до кончины императрицы Анны Иоанновны (поелику тогда кроме торжественных дней никто посторонний к ней входить не

смел и за всеми ее поступками строго присматривали), влияла в нее такой вкус к уединению, что она всегда с неудовольствием наряжалась, когда во время ее регентства надлежало ей принимать и являться в публике. Приятнейшие часы для нее были те, когда она в уединении и в избраннейшей малочисленной беседе проводила, и тут бывала она сколько вольна в обхождении, столько и весела в обращении. Дела слушать и решить не скучала она ни в какое время, и дабы бедные люди способнее могли о нуждах своих ей представлять, назначен был один день в неделю, в который дозволялось каждому прошение свое подавать во дворце кабинетскому секретарю. Она знала ценить истинные достоинства и за оказанные заслуги награждала богато и добродушно. Великодушные ее и скромность произвели, что она вовсе не была недоверчива, и многих основательных требовалось доводов, пока она поверит какому-либо впрочем и несомненному обвинению. Для снискания ее благоволения нужна была больше откровенность, нежели другие совершенства. В законе своем была она усердна, но от всякого суеверия изъята. Обращение ее было большею частию с иностранными, так что некоторые из чужестранных министров каждодневно в приватные ее беседы приглашались ко двору. Хотя она привезена в Россию на втором году возраста своего, однако, пособием окружавших ее иностранцев, знала немецкий язык совершенно. По-французски разумела она лучше, нежели говорила. До чтения книг была она великая охотница, много читала на обоих упомянутых языках и отменный вкус имела к драматическому стихотворству. Она мне часто говаривала, что нет для нее ничего приятнее, как те места, где описывается несчастная и пленная принцесса, говорящая с благородною гордостью. Она почитала много людей с так называемым счастливым лиц расположением и судила большею частию по лицу о душевных качествах человека. К домашним служителям своим была она снисходительна и благотворна.

Я, с моей стороны, имею причину, как за многие излинные на меня милости, так и за дружественное обхождение, которым она меня удостаивала, почитать память ее во всю жизнь мою с величайшею признательностью.

Что касается до внешнего ее вида: росту была она среднего, собою статна и полна, волосы имела темно-цветные, а лиценачертание хотя и нерегулярно пригожее, однако приятное и благородное. В одежде была она вели-

колепна и с хорошим вкусом. В уборке волос никогда моде не следовала, но собственному изобретению, отчего большею частью убиралась не к лицу.

Как скоро трактат, о котором выше упомянуто, между королем польским и бывшим регентом заключен, то не оставил саксонский двор в то же время сообщить об оном берлинскому двору, а сие возродило в сем надежду Россию без всякого затруднения на то преклонить и что она в исполнении его намерений на австрийское наследство препятствовать ему не будет. В сходствие чего прусскому министру в Санкт-Петербурге и повелено уже было вступить в переговоры. Но сей едва успел к тому приступить, как падение регента воспоследовало. Когда же чрез сие совсем другой оборот дел в России произошел, поелику нельзя было подумать, что великая княгиня и ее супруг, как ближайшие родственники королевы венгерской, станут беспристрастным оком взирать на поддержание Прагматической санкции, то король прусский, остановя начатую негоциацию, старался здешнего двора благосклонность снискать предложением к постановлению дружественного трактата и оборонительного союза и чрез то как бы его усыпить, почему и дал он в декабре месяце барону Мардефельду повеление вручить проект означенного союза российскому министерству.

Отец мой лежал тогда при смерти болен, и прошло несколько недель, пока он в состоянии был приняться паки за дела. Между тем граф Остерман, который всегда прусскому двору доброжелательствовал, в предосуждение австрийцев умел принцессе с столь хорошей стороны об оном деле представить, что она склонилась на то совершенно. Как скоро отец мой немного поправился, приказала она известить его об оном с истребованием его мнения. Отец мой отвечал, что заключить союз с королем прусским, близким и сильным соседом России, при малолетстве императора и предстоящем разрыве мира со шведами, не иначе как крайне вредно и предосудительно для империи быть может, но как в гарантии австрийского наследства принято со стороны России участие и время еще не дозволило распознать, от кого королева венгерская добра или зла ожидать имеет, а чаятельно в скором времени не преминут от венского двора вступить на то предложения, то полагает он своим мнением, что благопристойности и искренности соразмерно остановить постановление всяких новых трактатов до того, пока можно будет

видеть, каким образом свойственные сообразить их с прежними.

Между тем как настоящие намерения короля прусского в то время никому отнюдь известны не были и принцесса на том настояла, то и постановлен трактат на следующих условиях: обе стороны гарантируют одна за другую владения своих земель и, в случае неприятельского наступления, имеет одна другой посылать по двенадцать тысяч человек вспомогательного войска.

По поводу сего король прусский предлагал отцу моему вотчину Биген в Бранденбургии, купно с суммою три тысячи рейхсталеров, но он пристойным образом от обоего отказался с таким уверением, что он во всех случаях стараться будет удостоверить короля в искренней преданности своей.

Незадолго до праздника Рождества Христова совершено погребение императрицы Анны Иоанновны со всеми употребительными в России обрядами наивеликолепнейше. Принцесса шествовала за гробом пешком.

В генваре месяце 1741 года приехал отправленный от короля прусского генерал-адъютант господин Винтерфельд, зять моей мачехи, в Санкт-Петербург с принесением от имени короля поздравления принцессе со вступлением в регентство. Оный же господин Винтерфельд привез отцу моему собственноручное от короля письмо с изустным притом уверением о всегдашнем и непремennom его уважении и почитании. И, наконец, упомянутый Винтерфельд имел препоручение поднести мне вышеозначенный подарок, который отцом моим не принят.

Винтерфельд, по принесении на приватной аудиенции великой княгине от короля поздравления и по получении от имени ее чрез меня ответа, продолжал речь свою тако: что поелику король, его государь, вотчину Бигем единожды навсегда предназначил той особе в России, которая будет его другом, а фельдмаршал Миних принять ее не хочет, то и препоручает он упомянутую вотчину в собственное распоряжение ее императорского высочества, прося, дабы она благоволила пожаловать оную в вечное и потомственное владение кому-либо из фамилии фельдмаршала Миниха, и, буде ее высочеству угодно, именно его сыну. Великая княгиня отвечала на сие, что весьма охотно соглашается удовлетворить в сем случае желанию короля. Итак, я засвидетельствовал первое мое благодарение принцессе, а потом отблагодарил и королю чрез

письмо, которое Винтерфельд повез с собою и на которое обратно получил я весьма благосклонное отписание.

Почти в то же время приехал в Санкт-Петербург саксонский полковник Нейбаур для принесения принцессе от имени короля польского поздравления со вступлением в регентство. Сей имел, сверх того, препоручение от государя своего, тогдашнего имперскаго викария, предложить отцу моему диплом на графское достоинство Римской империи, а мне орден Белого Орла.

Сей орден вскоре потом привезен уполномоченным от упомянутого короля министром графом Линаром, и в семнадцатый день генваря имел я честь знаки оного ордена принять из рук принцессы.

В уважении родства с отцом моим получили также означенный орден президент и камергер Карл Людвиг барон Менгден и мой зять граф Солмс, тогдашний российский министр при саксонском дворе.

Маркиз де Ботта в прошлое пребывание свое при дворе российском умел приветливыми поступками своими приобрести благоволение принцессы столько, что она, по вступлении своем в регентство, не токмо венскому двору обозначила, что назначение упомянутого маркиза в качестве министра при российском дворе не токмо особенно будет для нее приятно, но также приказала мне к нему отписать и уговорить его лично об оном месте домогаться; как первое так и другое имели такой успех, что в февралье месяце приехал в Санкт-Петербург.

Вскоре после его приезда получил отец мой письмо от королевы венгерской, в котором сия монархиня не токмо всемилостивейше удостоверила его в своем высоком благоволении, но также пожаловала ему господство Виртембергское в вечное и потомственное владение.

По сие время королева венгерская пользовалась тишиною, ничего меньше не ожидала, как нечаянного короля прусского вступления с войском в Силезию. Известие о сем происшествии подало повод к преважным рассуждениям в Санкт-Петербурге потому наипаче, что неминуемо от венского двора ожидали требования помощи против короля прусского, с которым, однакож, недавно союз постановлен и с которым неохотно желали раздружиться по причине опасения к разрыву мира с шведами. В сем замешательстве оставалось единое удобнейшее средство, а именно: стараться письмом склонить короля прусского миролюбно условиться с королевою венгерскою и на сие предложить посредство российского двора.

Означенное письмо, которое сам граф Остерман сочинял, почитается, по мнению всех знатоков, одним из прекраснейших и убедительнейших, каковое когда-либо из его пера происходило.

Ответ короля прусского на то гласил, что буде королева венгерская миролюбиво согласится уступить ему те княжества в Силезии, на которые он законное право требования имеет, то он не токмо намерен заключить с нею мир, но также обязуется вспомоществовать ей всею силою своею против всех оказывающихся впредь ее неприятелей.

Частое повторение сей декларации со стороны короля прусского ко двору российскому не подает никакого сомнения заключать, что если бы королева в самом начале решилась немногим чем пожертвовать, то бы она, конечно, не потеряла большую часть Силезии. Но непримиримость к королю прусскому и тогдашняя удивительная доверенность к Франции были причиною, что ни о каком примирительстве со стороны венского двора слышать не хотели, а охотнее желали, как маркиз де Ботта отцу моему сказывал, предаться в руки французов.

Сим образом в Вене ни о чем другом, как о мщении, не помышляли, и дабы оное на деле изъяснить, предложен от венского министерства проект тройного союза, в который надеялся вовлечь Россию и короля польского. Они думали петербургский двор побудить к тому без дальних затруднений, а саксонский склонить знатными обещаниями. Последнее имело даже такой успех, что уже в марте месяце работали в Дрездене над планом, по силе которого положено соединенными российскими, австрийскими и саксонскими силами атаковать короля прусского и его земли, как добычу, разделить между собою. Тут ничего другого не требовалось, как единственно приступления России для действительного исполнения толь важного проекта. А каким образом домогались оного и с каким усердием отец мой тому сопротивлялся, оное явствует из нижеследующего.

Коль скоро король прусский вступил с войском своим в Силезию, то венские министры, в Санкт-Петербург пребывавшие, маркиз де Ботта и резидент Гохгольцер, в силу трактата, неукоснительно требовали от российского двора вспоможения наисильнейше. На сие представлено им, что российский двор сколь искренно ни расположен, с своей стороны, способствовать к поддержанию Прагматической санкции, однако осторожность требует не пре-

жде вдаваться в толь обширное дело, пока не известится о мерах, принятых по сему обстоятельству от двух главнейших гарантировавших держав, а именно Англии и Голландии. Сверх того, надеется он, что доколе королева не будет других иметь неприятелей, кроме одного короля прусского, дотоле может она собственно своею силою управляться. При сем за полезнейшее почитается, чтобы австрийский дом, поколику вящие, статься может, угрожают ему напасти, старался короля прусского, пожертвованием ему некоторых земель, сделать своим другом, нежели, вдаваясь с ним в войну, истощать свои силы.

Но венский двор, не принимая сих наставлений и советов, настоял на прямом ему вспоможении и не упустил притом ничего, что могло служить к раздражению принцессы и принца Брауншвейгского лично против короля прусского, к чему принуждены были всеми мерами и частыми письмами способствовать обе вдовствующие герцогини Брауншвейгские, из которых одна была бабушка как королевы венгерской, так и принца, а другая мать сего и тетка королевы. Они подействовали столько, что как скоро дрезденский план двору сообщен, то принцесса в непродолжительном времени его одобрила.

Граф Остерман, который за болезненными припадками своими не выезжал больше из дому, снискал толикую доверенность от принца Брауншвейгского, что сей ни единого дня не упустил, чтобы его не посетить. Как скоро он чрез упомянутого принца известился о намерениях великой княгини касательно дрезденского плана, то почел нужным благоприятный сей случай изловить как для того, чтобы собственно самому подслужиться, так и дабы легко предвиденному от отца моего противоречию придать несправедливый и ненавистный толк. В сходствие чего воздержался он от всех возражений, но представлял, что можно без отлагательства времени уполномочить российского при саксонском дворе министра в ближайшую относительно означенного союза вступить конференцию.

Когда потом принцесса, при особенном переговоре с отцом моим, желала ведать его мысли, касательно упомянутого плана, то он утверждал, что как по силе действующих уже трактатов мы обязаны австрийскому дому давать вспомогательное войско, то и не предвидит он причины, почто обязанности свои без крайней нужды увеличивать и даже в противность всей справедливости

соседа, жившего с Россиею в непрестанном добром согласии и дружбе, неприятельски атаковать и к гибели его способствовать.

Сие с волею принцессы и принца несогласующееся ответствение имело точно то действие, которое граф Остерман предполагал. Искренность отца моего названа пристрастием, и довод на оное почерпнут из оказанной графом Остерманом на то непреклонности яко из несумненного источника.

Почему сей возомнил начатую роль свою до конца доиграть и отца моего, которого первенства в министерстве никогда он терпеть не мог, довести до крайности.

Приступление к дрезденскому плану утверждено без дальнейших с отцом моим советований, и к российскому министру в Дрездене сочинен рескрипт, по силе которого имеет он вступить в предложенную негоциацию. Означенный рескрипт прислан от графа Остермана к отцу моему для подписания с таким отзывом, что содержание оного от великой княгини именно повелено и одобрено.

Отец мой чувствительно был сим тронут. Он поехал немедленно к принцессе и жаловался, что его принуждают подписывать такие дела, кои он, по мнению своему, опровергал основательно и на которые никогда согласия своего дать не может; причем изъяснялся, что если принцесса безотменно войну предпринять желает, то он советует искреннейше предупредить паче угрожающих шведов, нежели допускать им больше времени и способности сполна вооружиться против России. Когда же принцесса в ответ на сие вещала, что он один сему делу сопротивляется, к которому граф Остерман и прочие министры единогласно присоветовали, то отец мой отвечал, что прежде, нежели должен он подавать и впредь несоглашениями своими повод принцессе к прогневлению на него, охотнее осмеливается всеподданнейше просить уволить его от службы. Потом, откланявшись принцессе и коль скоро домой приехал, написал он письменное возражение, для каких причин не желает рескрипта к министру в Дрездене подписывать, и приказал взнести оное в протоколе Кабинета.

Граф Остерман купно со своею партиєю, опасаясь, чтобы постоянство отца моего не открыло очи принцессы, почли за нужное, не теряя времени, настроить многих клеветников, которые все разными наговорами

и происками преклонили кроткую и великодушную принцессу, что она отца моего от службы уволить согласилась.

И так седьмого числа марта (1741 года) в бывшем совете определено отца моего от службы уволить. Но как никто не имел бодрости об оном его известить, то принцесса за благо рассудила на меня и обер-маршала графа Левенвольде сие препоручение возложить с приказанием объявить отцу моему, что сколь ни совершенно уверена она в искренности и усердии его к интересу императора, однако же находит себя принужденною, для предупреждения опасных следствий от дальнейшего несогласия в министерстве, даровать ему то, о чем он сам ее просьбою своею утруждал, уверяя, что она никогда не забудет верных и важных оказанных им заслуг и не преминет при настоящем случае вещественных изъявить признаков непрестанного почитания и благоволения своего.

Отец мой, приняв сию весть с обыкновенною твердостью духа своего, приказал нам обратно принцессе донести, что если увольнение его от службы могло доставить ей малейшую благоугодность, то он с удовольствием, исполняя ее повеления, от всех должностей своих отрекается, а за присовокупленное милостивое уверение свидетельствует всепреданнейшую свою признательность, ожидая нетерпеливо того часа, в который ее высочеству угодно будет ему дозволить изустно изъявить оную.

По получении следующего дня на сие дозволения принцесса определила ему по пятнадцать тысяч рублей годовой пенсии с тем, что он имеет ее получать, где бы ни рассудил жительство свое утвердить.

Сия с отцом моим воспоследовавшая перемена лично для моей персоны не токмо не была вредна, но паче произвела сильнейшие уверения в милости со стороны принцессы.

Теперь венское министерство считало себя победителем. Маркиз де Ботта, будучи мой всегдашний друг, посетил меня спустя несколько дней после увольнения отца моего от службы. Вопросив, доволен ли он графом Остерманом, не мог он нахвалиться добрыми его расположениями. Как он окончал свою речь, то сказал я, что не могу удержаться, дабы не отърыть ему моих мыслей, сколь ни странны они покажутся, а именно: что, по мнению моему, венский двор скорее достиг бы цели желаний

своих, если б отец мой при министерстве остался, нежели теперь, когда воля графа Остермана всему решение подавала; что отец мой внутренно никогда не отдален был австрийскому дому способствовать, и если бы других требований, кроме вспомогательного войска, не было, то я уверен, что немного стоило бы труда преклонить его на то, ибо он коль скоро однажды даст свое слово, то всегда оное сдержать старается, но что касается до графа Остермана, у него обещать и сдержать две вещи различные; что он издревле был друг прусского двора, а венскому никогда не благоприятствовал; что теперешняя его преклонность другого повода не имела, как чтобы раздражить принцессу на возражения отца моего; но что вскоре сей Протей уметь будет вид свой столь разнообразно перемывать, что маркизу де Ботта должно быть сверхъестественному человеку, если бы восхотел настоящие мысли его изведать.

Предсказание мое сбылось совершенно, ибо в самое то время, как всей армии дан указ быть в готовности к походу, граф Остерман уверил прусского министра барона Мардефельда по доверенности своей, что он никогда и в мыслях не имел наносить вред королю прусскому и что вскоре дела другой оборот примут. Сие самое воспоследовало в скором времени, и когда происшедшее между саксонским и венским двором несогласие испровергнуло весь проект тройного союза, а маркиз де Ботта еще стал настоять на диверсии в пользу своей королевы, то при торжественнейших уверениях в дружбе принужден он был отъехать с сим утешением, что безотменно не будет оставлено выполнить все то, о чем в трактатах договоренность, коль скоро дело в рассуждении шведов развяжется.

В июне месяце сего года прежде бывший регент и герцог Курляндский, содержащийся доселе в Шлиссельбургской крепости, отправлен, обще с своею супругою, двумя сыновьями и дочерью, в Сибирь, в заточение. А что отец мой в обнародованном при сем случае манифесте, в силу которого как герцог, так и два брата его и зять, генерал Бисмарк, обвинены в оскорблении величества, не принимал никакого участия, об оном по времени, в которое он опубликован, легко заключать можно.

Поступки и деяния отца моего произвели в прусском короле толикое к нему уважение, что он не токмо собственноручным писанием уверял его в своем высоком благовании и признательности весьма лестными выраже-

ниями, но также в таковых расположениях своих существенное удостоверение предъявил на деле, ибо он по завоевании Силезских земель, по собственному побуждению, освободил Вартенбергское владение от всех налогов и военных контрибуций.

В то же почти время вручил мне барон Мардефельд при королевской жалованной грамоте на вотчину Биген и вексель в две тысячи талеров курантных, яко принадлежащий мне доход за первую половину года с упомянутой вотчины.

Вологда
1758

РОНДО

ПИСЬМА ДАМЫ,
ПРОЖИВШЕЙ
НЕСКОЛЬКО ЛЕТ
В РОССИИ,
К ЕЕ ПРИЯТЕЛЬНИЦЕ
В АНГЛИЮ

ПИСЬМО I

Петербург, февраль 1729—1730.

Мадам,

Вы столь философски владеете своими чувствами, что Вам простительно воображать, будто теперь, когда церемония нашего приема позади, я уже достаточно владею собой, чтобы дать Вам некоторое представление о месте, куда меня забросила моя блуждающая звезда. Но мне, с моими сильными чувствами и неразлучным их спутником — слабым разумом, невозможно так быстро забыть моих друзей и страну, и я (несмотря на маску, которую носила перед отъездом) сейчас с двойной силой испытываю те чувства, что были сдержаны в роковой час разлуки. Однако поскольку, как я знаю, Вы по доброте своей (хотя Вы никоим образом не выказываете эту женскую слабость, а лишь сожалеете о ней в Ваших друзьях) будете снисходительны ко мне, я попытаюсь описать Вам людей и события такими, какими они мне сейчас представляются. О первых я могу судить лишь по наружности, так как в то короткое время, что я здесь нахожусь, я не успела выучить язык достаточно, чтобы разговаривать. Так что о людях я могу сказать лишь то, что они крепко сложены, среднего роста и скорее красивы, чем наоборот; но я нахожу их лица не очень выразительными.

Что касается Петербурга, то он живописно расположен на прекрасной реке, называемой Невой; в отношении того, где тут север, восток, запад или юг, Вы должны извинить меня (хотя сами Вы узнали бы точно). Город стоит на трех островах. На одном расположено Адмиралтейство, которое и дает острову название¹; здесь же находятся летний и зимний дворцы. Второй остров называется Петербургским, на нем расположены крепость и прекрасная церковь, где покоится тело Вашего героя, Петра Первого, его последней императрицы — Екатерины и нескольких его детей². Третий остров называется Васильевским, на нем расположены биржа, рынок, судебное и торговое управления (называемые здесь колле-

© Н. Г. Беспятых. Перевод, 1991.

гиями) и другие общественные здания. Предполагалось, что здесь будут жить купцы; но хотя дома и улицы очень красивы, они по большей части не заселены, поэтому Адмиралтейский остров по населению значительно превосходит другие. Зимний дворец маленький, выстроен вокруг двора, вовсе не красив, в нем много маленьких комнат, плохо приспособленных, и ничего примечательного ни в архитектуре, ни в обстановке, ни в живописи. Летний дворец еще меньше и во всех отношениях посредственный, за исключением садов, которые милы (а для этой страны — прекрасны), в них много тени и воды. Самое близкое сравнение, которое я могу Вам предложить, — Боутон³.

В миле от города находится монастырь Св. Александра Невского. Легенды об этом святом я не знаю, но начало монастырю было положено Петром I, и монастырь будет прекрасен, если его когда-нибудь достроят. Император также учредил орден в честь этого святого, названный его именем. Это второй орден, на красной ленте⁴.

Река Нева протекает у самых монастырских садов и извиляется от города прекрасными излучинами, способными бесконечно услаждать Вашу поэтическую душу. В городе много прекрасных домов, принадлежащих знати, но теперь, в отсутствие двора, совсем пустых; большая их часть имеет приятные сады. Я живу около одного из таких садов, часто прогуливаюсь в нем и размышляю обо всем, что оставила позади, но Вы восклицаете: «Долой слабость, продолжайте Ваш рассказ!» — и я вздыхаю и повинуюсь.

Я только что возвратилась из недельного путешествия, проведенного в обществе м-ра В., м-ра Р.⁵, еще одного джентльмена и одной дамы. Я удивилась, услышав, что надо взять постели, но промолчала. В первый день мы проехали около двадцати миль, чтобы посмотреть на несколько бумажных мельниц⁶, но преимущественно чтобы полюбоваться видом, который и впрямь восхитителен. Там нет гостиниц; человек, ведающий работами, принимает всех путешественников и за это получает жалованье от правительства. Он предложил нам очень хороший ужин и отвел две пустые комнаты для ночлега. Ложем нам служила солома, на которую положили наши постели; так мы и устраивались в продолжение всего путешествия.

Назавтра мы поехали в Петергоф, загородную резиденцию царя. Дворец мал и стоит на холме шестьдесят

футов высотой примерно в полумиле от моря. Долина между дворцом и морем покрыта густым лесом, прорезанным дорожками и аллеями, у которых там и сям устроены водометы и фонтаны. По большой просеке перед фасадом дворца проходит канал, ведущий в море; на самом берегу моря есть также несколько летних домов. От дворца открывается вид на Кронштадтскую гавань и побережье Финляндии⁷. Здесь есть несколько хороших живописных полотен, но сильно испорченных вследствие небрежения. Вскоре мы должны отправиться в Москву, откуда Вам и далее будет докучать Ваша, и проч.

ПИСЬМО II

Москва, апрель, 1730.

Мадам,

следуя Вашим указаниям, я без предисловий опишу свое путешествие из Петербурга сюда. Мы выехали пятого марта на санях. Сани похожи на деревянную колыбель и обиты кожей. Вы ложитесь на постель, устланную и покрытую мехами; в санях помещается лишь один человек, что очень неудобно, так как не с кем поговорить. Мы ехали днем и ночью и прибыли сюда девятого. Вы скажете, что я слишком бегло описываю путешествие, но что мне рассказывать? Нашим пристанищем всякий раз служила одна маленькая задымленная комната, где мы останавливались поменять лошадей и поесть то, что взяли с собой. Люди изо всех сил стремятся услужить, но видишь, что человеческая природа столь унижена, встречаешь таких жалких и несчастных бедняг, что они, кажется, лишь по виду напоминают человеческие существа. Если бы не эти хижины, расположенные друг от друга на расстоянии, нужном для смены лошадей, можно было бы подумать, что проезжаешь через безлюдный край, где не видно ни города, ни дома, а одни лишь густые леса, которые, будучи покрыты снегом, выглядели довольно романтично, и мне часто мерещилось, что снег на пнях и кустах образует всевозможные фигуры: я видела медведей, волков, даже кавалеров среди ветвей деревьев. Я часто желала, чтобы Вы были здесь, ибо Вы могли бы найти здесь ледяного друга, которого Вам не пришлось бы опасаться.

Я должна попросить прощения, что сказала, будто мы не миновали ни одного города, поскольку мы проехали через Новгород и Тверь.

Первый знаменит своим монастырем Св. Антония⁸, который, как рассказывают, приплыл из Падуи на мельничном жернове и привез с собой богатства, достаточные для постройки этого монастыря. Город ничем не примечателен, хотя и обширен, дома все деревянные, низкие и маленькие, снаружи монастырь далеко не прекрасен, а изнутри я его не видела.

Тверь довольно уютный город, расположен на склоне холма на берегу Волги; постройки деревянные и очень аккуратные.

Я еще недостаточно осмотрелась в том городе, где сейчас нахожусь, чтобы как-либо описать его. Император показывается редко, не устраивает приемов и, похоже, интересуется одной лишь охотой. Боясь оказаться отнесенным, главный фаворит императора князь Долгорукий подогревает в нем это увлечение. С тех пор как около шести месяцев тому назад сей юный монарх потерял свою единственную сестру⁹ (обладавшую необычайным умом), он оказался под безраздельным влиянием этого молодого вельможи, в котором, как я слышу, нет ничего выдающегося, кроме его титула.

Меня посетили несколько старых знакомых м-ра В.; одна из них была придворной дамой в царствование Вашего героя. Она умная женщина и развлекает меня рассказами о многих случаях из его частной жизни. Один из них (хоть он и длинен) я изложу, поскольку, как полагаю, он показывает, что монарх не был таким дикарем, каким некоторые представляли его. Он воспылил страстью к дочери одного офицера по имени Монс¹⁰ и, чтобы завоевать ее, ухаживал за ней более усердно, чем это обычно приходится делать монархам. Наконец она уступила и стала его явной любовницей, и на протяжении многих лет он любил ее с редкой нежностью. В один роковой день он в сопровождении своих собственных и иностранных министров поехал осматривать построенную им в море крепость. На обратном пути польский министр случайно упал с мостков и утонул, несмотря на все попытки спасти его. Император приказал вынуть из его карманов все бумаги и запечатать на виду у всех. Когда обыскивали карманы, выпал портрет; император подобрал его, и вообразите его удивление: он увидел, что это был портрет той самой дамы. Во внезапном порыве гнева он вскрыл некоторые бумаги и нашел несколько писем, написанных ею покойному в самых нежных выражениях. Он тотчас же покинул общество, один приехал на

квартиру моей рассказчицы и приказал ей послать за дамой. Когда та вошла, он заперся в комнате с ними двумя и спросил ее, как ей пришло в голову писать такому человеку. Она это отрицала; тогда он предъявил ей портрет и письма, а когда сказал о его смерти, она залилась слезами, а он с такой яростью упрекал ее в неблагодарности, что, как думала рассказчица, готов был убить свою даму. Но он вдруг также заплакал и сказал, что прощает ей, поскольку так глубоко чувствует, сколь невозможно завоевать сердечную склонность, «ибо,— добавил он,— несмотря на то что вы отвечали обманом на мое обожание, я чувствую, что не могу ненавидеть вас, хотя себя я ненавижу за слабость, в которой повинен. Но я заслуживал бы совершенного презрения, если бы продолжал жить с вами. Поэтому уходите, пока я могу сдержать свой гнев, не выходя за пределы человеколюбия. Вы никогда не будете нуждаться, но я не желаю вас больше видеть».

Он сдержал свое слово и вскоре после этого выдал ее замуж за человека, который служил в отдаленном крае, и всегда заботился об их благополучии¹¹.

Я очень хотела бы, чтобы Вы прочитали эту историю м-ру Б. Обладай он властью этого монарха, что бы делали Вы? Но пусть он сам найдет применение этому сюжету, который я предлагаю ему.

Я остаюсь и проч.

ПИСЬМО III

Москва, 4 ноября 1730.

Мадам,

Ваше письмо и доброе, и жестокое одновременно. Вы говорите массу любезностей, пишете о многих моих друзьях, но запрещаете мне говорить что-либо о них или задавать какие-либо вопросы, а хотите, чтобы я лишь отвечала на Ваши. Это очень деспотично, но я должна повиноваться. Что касается Вашего первого вопроса — какие я веду беседы,— то ответить на него трудно. Я ежедневно разговариваю с высокопоставленными особами. Супруга польского министра каждый вечер устраивает собрания, где встречается весь свет. Но, к моему великому огорчению, большинство — для игры, хотя никого к ней не принуждают. Поскольку я по-прежнему недоумеваю, как разумным людям может нравиться это пустое, но опасное развлечение, мне не надо говорить Вам,

что я лишь наблюдаю и размышляю о человеческих слабостях, в чем, как Вы знаете, имела обыкновение укорять меня мисс Белл.

Некоторое время тому назад я познакомилась с юной дамой, которая не играет по причине ли той же непонятливости, что и я, или же потому, что ее сердце преисполнено более нежной страстью; я не берусь определить. Кротость, доброта, благоразумие и учтивость этой восемнадцатилетней особы заключены в хорошенькую оболочку. Она — сестра фаворита, князя Долгорукого. Предмет ее любви — брат германского посла; все уже оговорено, и они ждут только каких-то бумаг, необходимых в его стране, чтобы стать, я надеюсь, счастливыми. Кажется, она очень рада, что в замужестве будет жить за пределами своей страны; она оказывает всевозможные любезности иностранцам, очень любит жениха, а тот — ее.

Из этого собрания вы можете уйти беспрепятственно, когда захотите. Для остающихся бывает ужин, и, я думаю, можно было бы найти приятных собеседников, если бы в России не были известны карты.

Об их религии — Ваш следующий вопрос — я могу сказать лишь немного, поскольку плохо знаю здешний язык. Кажется, религия русских состоит из внешних обрядов и множества суеверий. Я видела однажды крестины и один раз свадьбу; ребенка трижды окунали в лохань с водой, крестные отец и мать держали в руках по восковой свече. После того как ребенка окунали, священник (который, между прочим, был сильно пьян) надел на него рубашку, а затем стал произносить над ним заклинания; и он, и крестные сплевывали в конце каждой фразы, показывая, что они восторжествовали над дьяволом.

Свадьба была у одной из моих служанок. Брак был предложен родителям девушки. Они одобрили его и пришли, как принято, спросить моего согласия. Когда оно было получено, жених прислал ей подарок: гребень, румяна и мушки; после этого ему было разрешено впервые увидеть ее. Они обменялись кольцами и обещанием вступить в брак; свадьба была назначена через неделю. С этого времени до дня свадьбы ее подруги поочередно находились при ней день и ночь, беспреестанно пели песни, оплакивая предстоящую разлуку. В назначенный день они, проливая обильные слезы, попрощались с нею по обряду. Родственники жениха пришли за нею и ее приданным, состоявшим из кровати, постели, стола и картины с изображением ее покровителя-святого. Моей горничной

позволили пойти вместе с нею, что явилось большой честью, ибо никому из подруг невесты не разрешается идти вместе с ними.

Насчет остального, то для удовлетворения Вашего любопытства я должна отослать Вас к Библии, и, не смея препятствовать Вашим столь благим занятиям, прощаюсь.

ПИСЬМО IV

Москва, 20 декабря 1730.

Мадам,

Вы, кажется, не избавитесь от моей назойливости, хотя заставили меня столь долго напрасно ждать от Вас хотя бы строчки. Со времени моего последнего письма здесь произошли удивительные перемены. Юный монарх (как предполагают, по наущению своего фаворита) объявил о своем решении жениться на хорошенькой княжне Долго-рукой, о которой я упоминала в том письме. Какое жестокое разочарование для двоих людей, сердца которых были всецело отданы друг другу! Но в этой стране монарху не отказывают. Два дня тому назад состоялась церемония публичного объявления об этом, или, как русские его называют, «сговор». За день до этого княжну привезли в дом одного вельможи близ дворца, где она должна оставаться до свадьбы. Все люди света были приглашены, и общество расположилось на скамьях в большом зале: государственные сановники и русская знать по одну сторону, иностранные министры и знатные иностранцы — по другую. В дальнем конце зала был балдахин и под ним два кресла; перед креслами — алтарь, на котором лежала Библия. По обе стороны алтаря расположилось многочисленное духовенство. Когда все разместились, император вошел в зал и несколько минут говорил с некоторыми из присутствовавших. Княжну привезли в одной из его карет из дома, где она пребывала; с нею в этой карете ехали ее мать и сестра. Ее брат как обер-камергер (lord highchamberlam) следовал в карете перед ними, а позади — большой поезд императорских карет.

Брат проводил княжну до дверей зала, где ее встретил царственный суженый, сопровождал ее к одному из кресел, а в другое сел сам. Хорошенькая жертва (ибо я княжну считаю таковой) была одета в платье из серебряной ткани с жестким лифом; волосы ее были завиты, уложены че-

тырьмя длинными локонами и убраны множеством драгоценных камней, на голове — маленькая корона; очень длинный шлейф ее платья не несли. Она выглядела спокойной, но была очень грустна и бледна. Посидев какое-то время, они поднялись и подошли к алтарю, где он объявил, что берет ее в супруги; затем отдал ей свое кольцо, а она ему — свое, и он укрепил свой портрет на запястье ее правой руки; затем они поцеловали Библию, архиепископ Новгородский прочел краткую молитву, и император поцеловал ее. Когда они снова сели, он назначил кавалеров и дам ко двору невесты и пожелал, чтобы они сразу приступили к своим обязанностям. Они подошли поцеловать ей руку; жених, держа в своей ее правую руку, подавал ее каждому подходившему, поскольку все совершили эту церемонию. Наконец, к всеобщему удивлению, подошел несчастный покинутый обожатель. До этого она все время сидела, не поднимая глаз; но тут вздрогнула и, вырвав руку из руки императора, подала ее подходившему для поцелуя. На лице ее в это время отразилась тысяча различных чувств. Юный монарх вспыхнул, но подошли другие засвидетельствовать свое почтение, а друзья молодого человека вывели его из зала, посадили в сани и как можно скорее увезли из города. Поступок этот был в высшей степени опрометчив и безрассуден и, осмелюсь сказать, неожидан для княжны.

Юный монарх открыл с нею бал, который скоро закончился к ее, насколько я могу судить, большому облегчению, ибо все ее спокойствие улетучилось после этой опрометчивой выходки и на лице ее теперь не отражалось ничего, кроме страха и смятения.

По окончании бала ее препроводили в тот же дом, но теперь она ехала в собственной карете императора с императорской короной наверху, причем одна, в сопровождении гвардии.

Но Вы станете упрекать меня, если я не опишу императора. Он очень высокий и крупный для своего возраста: ведь ему только что исполнилось пятнадцать. У него белая кожа, но он очень загорел на охоте; черты лица его хороши, но взгляд тяжел, и, хотя император юн и красив, в нем нет ничего привлекательного или приятного. Он был одет в платье из светлой ткани, отделанное серебром. На его невесту смотрят теперь как на императрицу, но все же, я полагаю, если бы можно было заглянуть ей в сердце, то стало бы ясно, что все это величие не облегчает страданий от разбитой любви. И дей-

ствительно, только низкие души способны ради власти отречься от любви и дружбы.

Не поддавайтесь лени и не забывайте, что есть на свете такое существо, как я, и проч.

ПИСЬМО V

Москва, февраль 1730—1731.

Мадам,

очень любезно с Вашей стороны проявить беспокойство обо мне, и я избавила бы Вас от него скорее, если бы разрешили отправлять почту. Я отправляю это письмо с курьером, которого снаряжает министр, так как не знаю, дойдет ли письмо почтой, хотя сейчас, кажется, все вошло в обычную колею. Когда я писала последний раз, весь свет (имею в виду здешний свет) готовился к пышной свадьбе; она, назначенная на 19 января, приближалась. 6 января ежегодно устраивается торжественная церемония, которую русские называют «освящение воды», и воспроизводит обряд крещения нашего Спасителя Св. Иоанном. По обычаю, государь находится во главе войск, которые выстраиваются в этот день на льду. Несчастливая хорошенькая избранница императора должна была в тот день показаться народу. Она проехала мимо моего дома с гвардией и свитой — такой пышной, какую только можно себе представить. Она сидела одна в открытых санях, одетая так же, как на церемонии обручения, а император (в соответствии с обычаем этой страны) стоял позади ее саней. Не припомню другого столь холодного дня, и я с ужасом думала о том, что нужно ехать на обед ко двору, куда все были приглашены и собирались для встречи юных государя и государыни при возвращении. Они пробыли среди войск на льду четыре часа. Как только они вошли в зал, император пожаловался на головную боль. Сначала причиной сочли воздействие холода, но после нескольких повторных жалоб призвали его доктора, который сказал, что император должен лечь в постель, так как он очень болен. Поэтому все разошлись. Княжна весь день была задумчива и осталась такою же при этом случае. Она попрощалась со своими знакомыми, как и принимала их, с серьезной любезностью (если можно так выразиться). На следующий день у императора появилась оспа, а 19-го, в день, назначенный для его женитьбы, около трех часов утра он умер. Я полагаю, большинство

людей в городе бодрствовали в ту ночь; мы по крайней мере не спали, поскольку еще с вечера стало известно, как он плох, и никто не мог сказать, каковы будут последствия, так как были возможны большие разногласия относительно престолонаследия.

Около девяти утра императрицей была провозглашена вдовствующая герцогиня Курляндская¹². Она — вторая дочь царя Ивана, старшего брата Петра I. Этот царь Иван оставил трех дочерей. Старшая замужем за герцогом Мекленбургским, и когда его изгнали из его владений, она вернулась сюда, где и находится со своей единственной дочерью. Вторая была замужем за покойным герцогом Курляндским, который прожил не более шести недель после своей женитьбы; она остается вдовой. Третья — до сих пор здесь, незамужем. Так как род Петра I по мужской линии пресекался, обратились к наследникам его старшего брата. Причиной, по которой обошли старшую сестру, явилось то, что у нее есть супруг, к тому же беспокойный. Новая императрица находится в Курляндии, но скоро ее ожидают здесь. Я думаю, Ваше доброе сердце обеспокоено судьбой юной бедняжки, которую разлучили с любимым человеком, а теперь она лишена даже слабой награды — величия. Мне говорят, что она переносит это героически. Она говорит, что скорбит о потере как подданная империи, но как частное лицо радуется, поскольку кончина императора избавила ее от больших мук, чем могли бы выдумать величайший деспот или самая изобретательная жестокость. К своей будущей судьбе она вполне безразлична. Ей представляется, что, преодолев свое увлечение, она с легкостью вынесет все телесные страдания.

Джентльмен, видевшийся с нею, сообщил мне следующее о своем разговоре с княжной. Он сказал, что нашел ее совершенно покинутой, при ней были только горничная и лакей, которые ходили за нею с детства; когда мой собеседник выразил свое возмущение этим, она сказала: «Сэр, вы не знаете нашей страны». К тому, что я уже описала, она добавила, что ее молодость и невинность, а также всем известная доброта новой императрицы вселяют в нее надежду, что она не подвергнется никакому публичному оскорблению, а бедность для нее ничего не значит, ибо ее душа занята единственным предметом, с которым ей будет приятна любая уединенная жизнь. Заметив, что собеседник мог подумать, будто под словами «единственный предмет» она подразумевала своего преж-

него возлюбленного, княжна поспешно добавила, что запретила себе думать о нем с той минуты, когда эти мысли стали преступными для нее, но что теперь она имела в виду свою семью, действия которой, как она чувствовала, осудят. Она же не в состоянии преодолеть в себе естественную привязанность, хотя они принесли ее в жертву тому, что теперь их погубит.

Вы, мадам, судите всегда столь справедливо и не нуждаетесь в подобном для размышлений о суетности всех наших земных стремлений; о том, что каждый час нашей жизни свидетельствует, сколь преходящи и незначительны наши радости; в наших разочарованиях нас должна утешать мысль о недолговечности всего сущего. Хорошо, что мне пришли сказать об ожидающем курьере, не то, продолжай я в том же духе, я наскучу Вам. Поэтому добавлю лишь: ничто сейчас не угрожает ни нашей жизни, ни нашему имуществу, а когда такое с нами (по крайней мере со мной) бывало, я вела себя с большей решимостью, чем Вы могли ожидать, зная трусихой Вашу, и проч.

ПИСЬМО VI

Москва, 1731.

Мадам,
благодарю Вас за стулья. Они очень милы, и я вся в работе. Но поскольку Вы требуете этого, я продолжу писать Вам длинные письма, хотя меня и удивляет, как Вы можете желать более двух строк, получив столь многочисленные утомительные эпистолы, которые, мне кажется, должны напоминать писания Габриэля Джона, где есть предисловие и постскриптум и очень немногое между ними, так что основная часть книги идет как бы между прочим.

Вы спрашиваете, как я провожу время. Я приведу Вам дневник одного дня. Случаев же, вносящих разнообразие, так мало, что по нему Вы можете судить, чем я занималась с тех пор, как покинула общество друзей.

Поднимаюсь в шесть часов — вот какой я сделалась простолюдиной, — чтобы, осмотревшись и распорядившись по дому, к восьми выйти к завтраку. Покончив с этим, занимаюсь с учителем французским в продолжение часа; затем удаляюсь в свою комнату и либо рукодельничаю, либо читаю до двенадцати и одеваюсь к обеду, который у нас в час. После обеда мы недолго болтаем,

а затем снова работаю или читаю до шести, когда мы отправляемся подышать воздухом — в карете или пешком — до восьми часов. В этот час мы всегда ужинаем, а спать ложимся в десять. Так постоянно проходит почти каждый день. Разве что иногда между семью и восемью мы отправляемся в собрание, уже упомянутое мною в одном из писем.

Окрестности этого города прекрасны; леса, вода, нивы образуют приятный пейзаж. Поскольку у мужчин гораздо больше дел, чем у женщин, они обыкновенно заняты; так что я часто выезжаю одна, но это всего лишь видимость, ибо в таких случаях моей постоянной спутницей является Ваша милость.

Во время одной из таких бесцельных поездок мы обнаружили дом, принадлежавший прежде князю Меншикову, ныне же необитаемый. Он расположен на прекрасной поляне, с большим прудом перед ним и другим — позади; поляну окружает густой лес, через который не проложено ни одной регулярной дорожки. Но, следуя нескольким совершенно естественным поворотам, просто оказываешься на этой поляне. Здесь мы часто выходим из кареты и гуляем, но лишь одно омрачает мне удовольствие: множество лягушек. Вы восклицаете: «Какое жеманство! Бояться бедной лягушки!» — но рассудите, что я могу победить свое отвращение к ним не более, чем Вы — Ваше к назойливому поклоннику, хотя я, право же, полагаю, ни тот, ни другая не намерены причинить нам вред.

Вокруг этого города на расстоянии трех, четырех, пяти миль много монастырей; они очень старые, но некрасивые. Некоторым придает величие лишь то, что их шпили и башни снаружи позолочены. Должно быть, это стоило очень дорого, и в часовнях монастырей обычно хранятся большие богатства. Я посетила настоятеля одного из монастырей, который очень любезно угощал нас кофе, чаем, сладостями. Наконец он сказал, что должен попотчевать нас по обычаю своей страны, и тогда стол уставили горохом, бобами, репой, морковью и пр. — все в сыром виде, подали также медовый напиток, пиво, водку; короче, месье аббат оказался веселым добродушным человеком, и мы очень приятно провели день. Милях в трех отсюда расположен женский монастырь для высокопоставленных особ, где сейчас находится вдовствующая императрица, как ее теперь называют, но я имею в виду первую супругу Петра I. Как только ее внук взошел на престол, она поки-

нула тот монастырь, где столь долго прожила в заточении, и переехала в этот, где как вдовствующая государыня имеет настоящий двор. Она и все монашки выходят, когда хотят, но в своих одеяниях.

Я ожидаю описания приятного местопребывания, где, как полагаю, застанет Вас это мое письмо. Мне ведь столько раз не удавалось увидеть его, хотя и получала весьма любезные приглашения от великодушного хозяина, которому, как и Вам, мадам, остаюсь, и проч.

ПИСЬМО VII

Москва, 1731.

Мадам,

кажется, Вам не терпится узнать историю вдовствующей императрицы. Об этих вещах рассказывают столь различно, в зависимости от привязанностей и интересов, что трудно судить, где же правда; но следующее изложение, как я полагаю, будет достаточно верным. Зовут ее Евдокия, она из дворянского рода Лопухиных. Царь женился на ней, будучи очень молодым, и имел от нее сына, который впоследствии был казнен, но оставил после себя сына и дочь. Через несколько лет после женитьбы царь охладил к ней и притворился, что ревнует ее; по подозрению в измене она была заточена; все ее ближайшие родственники и несколько ее придворных были схвачены и, по обычаю этой страны, допрошены под пыткой. Ни один из них не показал в пользу этого обвинения, хотя им за это было обещано прощение. Эти допросы длились несколько месяцев, за какое время около четырнадцати ее ближайших родственников были казнены. Один из ее придворных¹³, относительно которого Петр имел наибольшие подозрения, многократно подвергался таким пыткам, каких, казалось, не вынести ни одному живому существу. Терпя эти муки, он с неизменным упорством настаивал на своей собственной и ее невинности. Наконец царь, сам придя к нему, обещал прощение, если тот сознается. Он плюнул в лицо царю, сказав, что должен был бы считать ниже своего достоинства разговаривать с ним, но полагает себя обязанным очистить от подозрений свою госпожу — добродетельнейшую женщину на свете. «И,— сказал он,— единственной известной мне слабостью, в которой, как я знаю, она повинна, является ее любовь к тебе, безжалостному палачу; и если что и заставило бы меня еще

больше поверить в твою дьявольскую природу, так это то, что ты воображаешь, будто меня можно заставить оговорить невинного человека для своего спасения, потому что, будь мое тело способно выносить эти пытки, пока жив ты, мучитель этого мира, я бы терпел их с радостью, но не избавился бы от них посредством такой лжи». После этого он отказался говорить. Убедившись, что из него не вырвать признания, его обезглавили, а ее заточили в отдаленный монастырь, не позволяя видеться ни с кем, кроме того, кто приносил еду, которую ей приходилось готовить самой, так как у нее не было служанки даже для самой черной работы, и лишь одна келья — для нее. Как раз перед женитьбой царя на императрице Екатерине был слух, что она (Евдокия — *Н. Б.*) умерла; так считали до тех пор, пока ее внук не взошел на престол. Тогда она появилась при дворе, хотя жить там не стала, а удалилась в этот монастырь, где имеет двор и содержание как вдовствующая государыня, хотя и не желает снять своих монашеских одежд. Каких только бед и лишений не перенесла эта несчастная государыня. И, конечно, самым тяжелым стала смерть молодого монарха, ее внука, ибо эта внезапная потеря постигла ее в то время, когда, казалось, самые большие тяготы, выпавшие на ее долю, уже миновали.

Нынешняя императрица оказывает ей большое уважение и часто сама навещает ее. Она присутствовала на коронации в ложе, устроенной специально так, чтобы ее нельзя было увидеть. По завершении церемонии императрица вошла к ней в ложу, обняла и поцеловала ее, просила ее дружбы; при этом они обе плакали. Поскольку она приехала в церковь скрытно, до начала церемонии, то потом оставалась там некоторое время, пока не смогла подъехать ее карета, ибо не хотела в своем монашеском платье присутствовать на обеде.

Пока она оставалась в церкви, некоторые изъявили желание засвидетельствовать ей свое почтение, и она позволила это. Как Вы догадываетесь, среди них была Ваша покорная слуга, и я имела счастливую возможность разглядеть ее как следует, поскольку в тот день я была в английском платье (причины того пустячны, и их слишком долго излагать); она, поинтересовавшись, кто я такая, пригласила меня подойти поближе, желая рассмотреть мой наряд. Она сказала, что слышала, будто Англия славится хорошенькими женщинами, и полагает, что это так и есть, поскольку платье не рассчитано на то, чтобы

подчеркивать их красоту, особенно же красоту головы, но в остальном она сочла наряд очень милым и гораздо скромнее всего, виденного ею до того, потому что не так сильно открывает грудь; она произнесла много лестного обо мне, моей фигуре и пр. и пригласила меня к своему двору; как Вы видите, светские манеры и обхождение ею еще не забыты. Она сейчас в годах и очень полная, но сохранила следы красоты. Лицо ее выражает важность и спокойствие вместе с мягкостью при необыкновенной живости глаз. Это придает ей такой вид, что кажется, будто она по лицам читает в сердцах тех, кто к ней приближается.

Если ее история растрогала Вас так же, как меня, то Вы будете рады, когда я попрошаюсь с Вами, и проч.

ПИСЬМО VIII

Москва, 1731.

Мадам,

Вы не удивитесь моему молчанию относительно личности и характера нашей новой государыни, когда узнаете, что ближе всего я видела ее на коронации. Хотя [за это время] устраивались маскарады и балы при дворе и в домах иностранных министров, которые она удостаивала своим присутствием, а также регулярные официальные приемы дважды в неделю, я нигде не бывала. Бедный м-р В. тяжело занемог, и болезнь его продолжается; моя душа жестоко исстрадалась за него, а течение болезни весьма усиливает мои тревоги. О! Будь у меня теперь хоть малая толика Вашей философии, но увы! Во мне нет ее ни капли, хотя я ежечасно стремлюсь укрепить свой разум, чтобы он помог мне достойно перенести удар, которого я с ужасом ожидаю.

Ныне я вдвойне ощущаю отсутствие своих друзей, а Ваше особенно. Сердечность и сила рассудка друзей смягчили бы мою боль и придали бы мне стойкости. Случай свел меня с одним джентльменом и его женой, которые очень добры ко мне; они почти не покидают меня, и поскольку м-ру В. хорошо с ними, иногда ухаживают за ним, пока я сплю. Они оба и теперь с ним, а я могу лечь в постель, чего не делала уже три ночи кряду; я же, прежде чем насладиться отдыхом, улучила минуту, чтобы уверить Вас, что во всех превратностях [судьбы] остаюсь Вашей, и проч.

ПИСЬМО IX

Москва, 1731.

Мадам,

очень Вам обязана за выражение доброго участия. Мое состояние здоровья лучше, чем можно было бы ожидать, но не смею Вам писать о моем душевном состоянии: Ваши чувства настолько выше слабостей, присущих человеческой природе, что Вы едва ли можете позволить себе проявление слабости, свойственной тем, чей разум сотворен для нежных страстей, ибо Ваш ум, хотя и очень человеческий, представляется мне скорее мужским, и когда Вы огорчены, Вы не прибегнете к женскому утешению — слезам. Хотя Вы и могли бы простить более слабым душам этот детский недостаток в первом приступе горя, но все же Вы бы ожидали, что за первым порывом чувств придут рассудительность, решимость и смирение. Я восхищаюсь Вашим образом мыслей, но теперь (как и прежде) отчаиваюсь в своей способности следовать Вашему примеру. Я занята множеством дел, поэтому, надеюсь, Вы простите меня за нерегулярность писем. Тешу себя приятной надеждой вернуться в Англию следующим летом, и тогда, надеюсь, общение с Вами смирит мой дух и научит меня должному поведению, чтобы и впредь называться Вашей, и проч.

ПИСЬМО X

Москва, 1731.

Мадам,

я досконально выполнила Ваше приказание думать о Вас постоянно и приняла Ваше позволение не отвечать на Ваше письмо, пока не закончу свои дела. Не представляю себе, когда их станет меньше, ибо, мне кажется, их становится больше, и я едва нахожу время рекомендовать Вам подателя сего письма, м-ра X., и поручить его Вашим дружеским заботам и покровительству, так как ему не знакомы наша страна и наш язык. Он и есть тот друг, о котором я Вам писала, что он был столь добр ко мне во время болезни м-ра В. На время его пребывания в Англии, которое продлится не долее, чем того потребует его семейное дело, его жена остается со мной. Он очень добр, обладает веселым нравом и, думаю, развлечет Вас. К нему отсылаю Вас со всеми вопросами, которые могут возникнуть о Вашей, и проч.

Мадам,

прежде всего хочу поблагодарить Вас за любезность, оказанную моему другу. Я полагала, что его общество будет Вам приятно, и, как вижу, не ошиблась; так что я едва ли могу жалеть о том, что направила его к Вам, хотя он очень дурно воспользовался тем счастьем, которое я ему подарила, доставив знакомство с Вами, ибо рассказал Вам пустую историю о некоем господине, которая так развеселила Вас или скорее, я должна сказать, так опечалила: я почти поверила, что Вы восприняли ее всерьез. Мне не хочется так думать, поскольку это рассердило бы меня. Вы говорите, что надеетесь в скором времени поздравить меня, так как слышали, что этот господин имеет титул, ленту, пышный выезд и большое состояние. Неужели Вы можете столь дурно и с таким презрением думать обо мне, воображать, будто все это может иметь какое-то значение! Все эти вещи не привлекают меня, если сердце, этот нежный советник, не помогает остановить свой выбор на человеке достойном. А когда этот мягкий повелитель противится или молчит, то лишь низкая душа или ничтожный ум могут прельститься тем, что так часто является лишь украшением глупца или плута. Я не хотела бы, чтобы Вы поняли меня так, будто мои рассуждения в какой-либо мере касаются упомянутого господина.

Мне кажется, этот человек обладает многими достоинствами; но такими же достоинствами обладает и мой дедушка, а между тем я бы и не подумала выйти за него замуж. Теперь Вы уже решили, полагаю, что в этой истории должна быть доля правды, если я так горячусь. Признаюсь, так оно и есть; господин этот даже проделал все те глупости, которые, как полагают мужчины (за исключением тех немногих, что считают себя выше «толпы»), должны нравиться нашему полу, и даже в самом деле взял на себя труд уверить меня в своей привязанности. Такого я не могла ожидать от уроженца этой страны, поскольку они не привыкли к тому, что дамы могут ожидать или желать, чтобы любовь была составной частью брака; они даже не знают, что это значит. Когда они находят состояние и титул, они безразлично относятся ко всему, что следует за этим, и даже удивятся, узнав, что вы отказываете мужчине, потому что не можете любить его, ибо не имеют понятия о значении этого слова. Некоторые

серьезные рассуждения, услышанные мною по этому случаю, убеждают меня в том, что и в нашей стране есть люди, думающие так же; а ум, достоинством которого является так называемая «практичность», по всей видимости, сочтет романтическими все соображения, кроме богатства.

Я жажду рассказать Вам одну историю, образчик деликатности наших северных кавалеров и дам, но меня пугает Ваша притворная стыдливость (прошу прощения, Ваша скромность). Однако удержаться не могу. Поэтому прикройте лицо веером, а я начинаю. Действующее лицо — светский молодой человек, побывавший во Франции и пр. После своего возвращения он в доме своих друзей попал в компанию трех или четырех хорошеньких дам; танцевал, пел, смеялся, очень вольно обращался с дамами — одним словом, вел себя совершенно по-парижски, как он с важностью уверял присутствующих, взиравших на него с изумлением. Затем он начал похвально себя чувствовать и страстью, которую якобы возбудил в каждой из дам, и все это он повторял в самом разном обществе, так что в конце концов это достигло ушей господ мужей (а все дамы были замужем); последние какое-то время хранили мрачное молчание и наконец в очень резких выражениях объяснили [женам] причину своего дурного настроения. Дамы пожелали свести молодого человека напрямую со своими мужьями. Все три любящие пары согласились, чтобы одна из нимф пригласила его к себе на ужин, не говоря ему, кто будет еще присутствовать. На крыльях любви полетел он на свидание и был встречен с веселостью; но посреди его восторгов она стала выговаривать ему за те речи, что он произносил. Он все отрицал. Тогда вошли все дамы со своими мужьями, свидетелями его виновности, и он был честно осужден. Мужья произнесли свой приговор, заключавшийся в том, чтобы дамы собственноручно выпороли его кнутом. Кое-кто говорит, что они и впрямь проделали это; другие говорят, что они приказали сделать это своим горничным; во всяком случае, наказание было исполнено с такой жестокостью, что ему пришлось несколько дней провести в постели. Не ясно только, были ли дамы только наблюдательницами или сами производили наказание. По этому примеру судите о любовных интригах в здешнем северном климате. До свидания и проч.

Мадам,

м-р Х. так полон восторгов, что толкует только о Вас. Его жена говорит мне, что в ней просыпается ревность, поэтому, прошу Вас, будьте осторожны. Вы знаете, какие наказания применяются здесь в этих случаях. И хотя, я полагаю, поначалу она думала об этом не больше, чем Вы или я, но кто знает, к чему может привести пример? А поскольку она намеревается поехать в Англию, берегитесь.

Вы и впрямь ожидаете от меня ответа на свой вопрос? Впрочем, ждете или нет, я все равно отвечу насколько могу правдиво. А правда в том, что я все еще сомневаюсь и не могу сказать, что будет дальше. Мне кажется, человек этот обладает достоинствами, здравым смыслом (насколько я могу судить), великодушием и ровным характером, если считать, что жизнь в одном доме с ним дает достаточно оснований для таких выводов. Его очень высоко оценивают представители его пола. Но это, говорят, не является основанием для женского выбора; так что не могу сказать, поступаю ли я вопреки (как говорят) обычаю остальных представительниц моего пола. Признаюсь, я очень высокого мнения о нем и ценю его. Так что предоставляю Вам возможность гадать по поводу предстоящего события, а сама я пока еще ничего не решила.

Говорят, этой зимой двор переедет в Петербург; если так, мои дела заставят меня последовать за двором. Вы очень дотошны в Ваших вопросах, а я могу сообщить Вам лишь очень немного для удовлетворения Вашего любопытства, поскольку, ввиду моего нынешнего состояния, не посещала никаких общественных мест.

Все семейство Долгоруких, в том числе и бедная «императрица на час», сослано. Их сослали в то самое место, где живут дети Меншикова¹⁴. Так что две дамы, которые одна за другой были невестами молодого царя, имеют возможность встретиться в ссылке. Не правда ли, хорошенький сюжет для трагедии? Говорят, детей Меншикова возвращают из ссылки, и та же охрана, что сопровождает туда Долгоруких, будет сопровождать обратно Меншиковых. Если это правда, то это великодушный поступок, так как их отец был столь непримиримым врагом нынешней царицы, что даже лично оскорблял ее своим поведением и высказываниями.

Вас, вероятно, удивляет, что ссылают женщин и детей.

Но здесь, когда подвергается опале глава семьи, вся семья также попадает в опалу, имущество, принадлежавшее им, отбирается, и они из знатности опускаются до условий самого низшего круга простолюдинов; и если замечают [в свете] отсутствие тех, кого привыкли встречать в обществе, никто не справляется о них. Иногда мы слышим, что они разорились, но никогда не упоминают о тех, кто попал в немилость. Если, благодаря везению, им возвращают благосклонность, их обласкивают, как всегда, но никогда не вспоминают о прошлом.

Теперь я сообщаю Вам то, что Вы слышали уже сто раз, и ничего не могу добавить о здешнем существовании к тому, что Вы знаете из гораздо лучших рассказов. Своими постоянными приказаниями Вы заставляете меня утомлять Вас пустяковыми заметками, которых я стыжусь, но, доверяя Вашей дружбе, полагаю, что Вы развлекаетесь ими в одиночестве, не показываете и не читаете их никому, чтобы не опозорить Вашей, и проч.

ПИСЬМО XIII

Москва, 1733

Мадам,

Вы не удивитесь, узнав, что я сменила фамилию, поскольку Вы, кажется, наперед знали, чем кончится нерешительность, которую я выражала в предыдущем письме. Полагаю, Вы должны быть благодарны мне за то, что пишу Вам так скоро, так как я все время занята визитами, моим первым представлением ко двору, а также подготовкой к нашему отъезду в Петербург, куда мы отправляемся через десять дней. М-р Х. и его жена едут с нами, что скрасит наше путешествие: из-за того, что едет двор, мы не можем воспользоваться почтовыми лошадьми и нам придется ночевать в тех лачугах, которые я Вам уже описывала; в дороге мы будем двенадцать дней. Гости прерывают меня, поэтому я должна попрощаться с Вами до Петербурга, и проч.

ПИСЬМО XIV

Петербург, 1733.

Мадам,

портрет моего нового «господина и повелителя»¹⁵ (как Вам нравится его величать), который Вы нарисовали

в своем воображении, весьма точен; но если я, по Вашему мнению, так сильно поглощена нежной страстью, то как Вы можете ожидать от меня описания общественных увеселений, состоявшихся по прибытии его величества, и множества других событий? Короче, Вам свойственно любопытство нашей прародительницы Евы, хотя Вы и избежали страданий, которыми оно было наказано, тогда как я уже не могу более скрывать, что вскоре их испытаю. М-р Х. сообщил мне, что не так давно говорил Вам об этом. Но повинуюсь Вашим приказаниям.

За две мили до города ее величество встретили все судебные чиновники, сухопутные и морские офицеры, иностранные купцы, члены академии и иностранные министры¹⁶. Она проехала под пятью триумфальными арками, воздвигнутыми по этому случаю. Затем она направилась в церковь и, пробыв недолго на богослужении, посвященном ее прибытию, снова села в карету и с такой же торжественностью направилась во дворец, где было произнесено несколько речей в честь ее прибытия. По окончании церемонии состоялся обед, где с нею за столом сидели высшие министры ее двора со своими женами и иностранные министры, также с женами, — всего около восьмидесяти человек. Для остального общества были накрыты столы в других комнатах, а вечером состоялся бал. Теперь у меня было время и возможность рассмотреть придворное общество, начиная с его главы — самой царицы. Она примерно моего роста, но очень крупная женщина, с очень хорошей для ее сложения фигурой, движения ее легки и изящны. Кожа ее смугла, волосы черные, глаза темно-голубые. В выражении ее лица есть величавость, поражающая с первого взгляда, но когда она говорит, на губах появляется невыразимо милая улыбка. Она много разговаривает со всеми, и обращение ее так приветливо, что кажется, будто говоришь с равным; в то же время она ни на минуту не утрачивает достоинства государыни. Она, по-видимому, очень человеколюбива, и будь она частным лицом, то, я думаю, ее бы называли очень приятной женщиной.

У ее сестры, герцогини Мекленбургской, — тонкие черты и хороший цвет лица, черные глаза и волосы, но она низкого роста и полная и вовсе не отличается хорошим сложением. Она весела, и ум ее очень насмешлив. Ни та ни другая не говорят ни на каком языке, кроме русского, но понимают человека, говорящего по-немецки. Незамужняя сестра умерла незадолго до отъезда двора из

Москвы¹⁷. Когда я видела ее, она была тяжело больна, но несмотря на это очень красива. Дочь герцогини Мекленбургской, которую царица удочерила и которую теперь называют принцессой Анной, — дитя, она не очень хороша собой и от природы так застенчива, что еще нельзя судить, какова станет. Ее воспитательница — во всех отношениях такая замечательная женщина, какую, я полагаю, только можно было сыскать¹⁸. Принцесса Елизавета, которая, как Вы знаете, является дочерью Петра I, очень красива. Кожа у нее очень белая, светло-каштановые волосы, большие живые голубые глаза, прекрасные зубы и хорошенький рот. Она склонна к полноте, но очень изящна и танцует лучше всех, кого мне доводилось видеть. Она говорит по-немецки, по-французски и по-итальянски, чрезвычайно весела, беседует со всеми, как и следует благовоспитанному человеку, — в кружке, но не любит церемонности двора.

Граф Бирон и его супруга — первейшие фавориты ее величества, настолько первейшие, что на них смотрят как на особ, облеченных властью. Он — обер-камергер, хорошо сложен, но производит весьма неприятное впечатление, хотя, мне думается, наружность свидетельствует о его нраве не больше, чем у бедного сэра Томаса В., ибо разговаривает граф со всеми вполне дружелюбно. Графиня — маленькая, очень изящна, лицо ее так изрыто оспой, что все рябое, но такой красивой шеи я никогда не видала.

Герцогиня Мекленбургская и принцесса Елизавета имеют каждая свой двор в отдельных домах, хотя у них не бывает официальных приемов и они приходят на приемы царицы. По заведенному порядку, чтобы посетить их, нужно сначала послать осведомиться, когда вас могут принять. В свои дни рождения и т. п. они принимают утром у себя дома, а вечером — при дворе царицы. Принцесса Анна живет во дворце как дочь царицы.

Наши приемы больше напоминают частные собрания, придворный круг составляет примерно на полчаса, а затем царица и принцессы составляют партию в карты, и все, кто желает, составляют собственные партии. Но Вы, полагаю, хотите, чтобы я тоже теперь этим занялась и попрощалась бы с Вами, и проч.

Мадам,

теперь я в состоянии написать Вам о себе своею собственной рукой, хотя я действительно так бледна и худа, что, доведись Вам встретить меня, думаю, Вы бы не узнали свою старую подругу, особенно после того как м-р Х. сообщил Вам некоторое время тому назад, что я сделалась ханжой. Это настолько не соответствует моей природе, что я до сих пор чувствую себя скованно, мне до сих пор не удается правильно вздергивать голову и высокомерно улыбаться над поведением молодых людей и подчеркнута пожимать плечами по поводу ветрености молодых кокеток, — а это должно быть присуще ханже, — но время творит чудеса. Я также упражняюсь в соответствующих речах: «Да, она красива и разумна; кое-кто, правда, говорит, что она большая насмешница, но я верю этому не более, чем тому, что она влюблена в м-ра --». О другой: «Свет очень зол; она, возможно, не хочет обидеть, но молодежь должна быть очень осторожна, хотя мужчины говорят, что она всегда поступает верно. Я желаю ей добра и говорю это не в порицание» и т. д.

Но теперь, когда я сказала все это, я опасаюсь доверять даже Вам, потому что выдай Вы меня — я погибла! Зная Ваше благоразумие, надеюсь на лучшее, но по-прежнему придерживаюсь того мнения (оно, как Вам известно, было у меня всегда), что бояться следует насмешек представительниц нашего пола, поскольку мы — беспощадные враги, и надо отдать должное мужчинам: они относятся к нам снисходительнее, нежели мы друг к другу. И если Вы выдадите меня за несколько вольное истолкование Вашего приказания, то молю об одном: не разоблачайте меня перед дамами, ибо мне нечего ждать пощады.

Но мне не терпится рассказать Вам, почему м-р Х. говорит, будто я стала ханжой; история эта, признаюсь, должна остаться в тайне, и если бы я не полагалась на Вашу деликатность, которая эту тайну сохранит, я бы не осмелилась передать ее Вам. Во время нашего путешествия из Москвы миссис Х. и я после нескольких дней дороги мечтали переодеться в чистое белье. Остановившись на отдых в одной из лачуг, где обнаружили одних лишь женщин, мы попросили наших спутников погулять, пока мы переодеваемся. Они вышли. И только я сменила

белье, а она, собираясь сделать то же самое, посмотрела вверх и увидела русского парня, спавшего на печи (русские часто спят на печи в холодную погоду). При виде его она вскрикнула; решив, что нас оскорбили, наши мужья вбежали в комнату. Они так развеселились над тем, что их выставили вон, а этого милого пастушкá (как они выразились) допустили к нашему туалету, что меня это задело, и я весьма сдержанно отнеслась к их подшучиванию; с тех пор он всегда называет меня ханжой, а я иногда делаю именно такой вид, чтобы сдержать излишне вольные проявления его веселости, к каким склонны в этой стране.

Мне кажется, я слышу Ваше восклицание: «А точно ли этот мужчина спал?» Я-то думаю — да, по крайней мере вид у него был до того бестолковый, что никакой разницы не было. Это письмо являет собой истинный образчик сплетничанья и, следовательно, соответствует полученному мною званию. Ибо хотя миновало три месяца, с тех пор как я разрешилась от бремени, я еще не покидала моей комнаты; но так как настроение у меня доброе, надеюсь, что силы ко мне скоро вернуться. Хотя, скажу Вам по секрету, поскольку это со мной впервые, я бы ужасно напугалась, если бы обнаружила, что снова нахожусь в таком положении. На другой день после моего разрешения от бремени один русский дворянин пришел навестить м-ра Р. и настоял на том, чтобы повидать меня. Он на минуту зашел в комнату, поздравил меня и дал мне дукат; он не мог этого не сделать, так как русские верят, что в противном случае либо женщина, либо ребенок умрет. Это могло бы развлечь меня, если бы тогда я не была до смерти обессилена. Но я и вправду устала; Вы, должно быть, тоже. Так что прощайте и проч.

ПИСЬМО XVI

Петербург, 1733.

Мадам,

теперь я намерена поведать Вам любопытные истории о турках, татарах и китайцах, поскольку здесь присутствуют послы, прибывшие из всех этих мест. Турок говорит по-французски и посещает всех других министров, что не разрешалось до этого никому из его страны. Но он заявил: если двор вздумает воспрепятствовать этому, то может не сомневаться в том, что точно так же поступят с русским министром в Константинополе. Не-

давно он обедал у нас и пил вино, когда отослали его слуг. Часть общества пила за здоровье знаменитой парижской красавицы; турок от всего сердца сказал: «*Car elle est fort de mes amies*» *. У него прекрасная фигура, он имеет большую свиту — и все очень хорошо одеты, — а в разговоре его чувствуется живое остроумие француза.

Татары выглядят странно; лица их почти совершенно плоские, и чем более плоско лицо, тем красивее оно считается. Здесь находится один их татарских князей со своей женой и детьми; он прибыл, чтобы отдаться под покровительство ее величества от притеснений некоторых своих соседей. Татары — магометане и очень неприветливы (*mean*). Они действительно едят конину: я видела, как в их дом вносили сразу три или четыре лошадиных туши для пропитания.

Что касается внешности китайцев, то на своих картинах они изображают себя очень похоже. В тот день, когда им давали аудиенцию (она была утром), при дворе был бал. Когда он начался, китайцев вместе с переводчиком ввели в залу; казалось, они наблюдают за всем с видом любознательных, а не несведущих людей. Ее величество спросила первого из них (а их трое), какую из присутствующих здесь женщин он считает самой хорошенькой. Он сказал: «В звездную ночь трудно было бы сказать, какая звезда самая яркая», но заметив, что она ожидает от него определенного ответа, поклонился принцессе Елизавете: среди такого множества прекрасных женщин он считает самой красивой ее, и если бы у нее не были такие большие глаза, никто не мог бы остаться в живых, увидев ее. Следовательно, в каждой стране свои представления о красоте; по нашим понятиям, у принцессы удивительно прекрасные глаза. Ее величество попросила китайца назвать все, что они видели отличного от обычаев их страны, что им показалось самым непривычным. Китаец ответил: «Женщина на троне». Вскоре затем их пригласили на придворный маскарад и спросили, не кажется ли им маскарад странным. Они ответили: «Нет, поскольку для нас всё — маскарад». Китайцев представили всем иностранным министрам и сообщили, от каких государей те прибыли. Подойдя к м-ру Р., они сказали: «Мы знаем англичан, так как несколько их есть в нашей стране» и называли м-ра Р. братом. Недавно мы с мужем прогуливались в саду летнего дворца, и китайцев привели осмат-

* Ибо она из числа моих друзей (фр.). (Примеч. пер.)

ривать сады. При встрече они обняли мужа, а один из них открыл маленький кошелек, висевший у него на боку, и дал мне кусочек чего-то черного, что выглядело как японская земля (Japanese earth), но оказалось экстрактом низкосортного китайского чая. М-ру Р они сказали: «Мы считали англичан более благоразумными, ибо полагали, что они не позволяют своим женам выходить и пользоваться свободой, но рады повидать Вашу супругу, так как никогда раньше не видели англичанок и знаем, что сердце Вашей супруги должно быть исполнено любви и мужества, чтобы решиться так далеко уехать за кем бы то ни было из своей страны».

Вскоре ожидают посла из Персии, и если мне удастся перенять часть манер от каждого из этих разных людей, великолепную же личность буду я представлять собой, когда мы будем иметь удовольствие встретиться. Но ни один из них не удивил меня больше, чем польский министр¹⁹.

При своем первом визите к нам он подбежал ко мне столь стремительно, что я испугалась, как бы он не выбил мне зубы, поскольку подумала, что он собирается меня поцеловать. Но он резко остановился и склонился так низко, что я от неожиданности обеими руками прижала юбки к ногам, и мы оба очень смутились, а так как м-р Р. выдал меня, все развеселились.

Я бы хотела чем-нибудь возбудить Ваше любопытство настолько, чтобы Вы приехали сюда на месяц; но Ваши страхи сильнее Вашего любопытства, и я могу лишь таким образом уверить Вас в том, что остаюсь и прочие.

ПИСЬМО XVII

Петербург, 1734.

Мадам,

благодарю Вас за узоры для вышивания; они очень хорошо выполнены, и я прекрасно понимаю наставления, как накладывать тень, чтобы колонны выглядели как будто с желобками. Понимаю Ваше удивление, вызванное тем, что я собираюсь взяться за такую огромную работу. Однако хотя я и очень люблю рукодельничать (это было счастьем для меня, ибо скрашивало много часов одиночества), я бы не рискнула взяться за столь большую вышивку: узоры нужны графине Бирон, у которой много работниц, чтобы заняться ею. Она большая любительни-

да вышивания и, услышав, что у меня есть несколько вышивок моей собственной работы, пожелала увидеть их. Она посылает за мной два или три раза в неделю, чтобы поработать. В этом есть две стороны, доставляющие мне удовольствие. Во-первых, при том положении, которое занимает м-р Р., это может быть ему полезно, а во-вторых, благодаря этому я вижу царицу в такой обстановке, как было бы невозможно при любых иных обстоятельствах, поскольку она всегда приходит в комнату, где мы вышиваем. Так как апартаменты ее соединены с апартаментами графини, она выходит и входит по несколько раз за вечер, и при ее появлении мы не встаем. Иногда она подсаживается к общим пьальцам и работает вместе с нами. Она задает мне много вопросов об Англии, особенно о королеве. Она говорит, что имеет столь горячее желание повидать королеву, что встретила бы с нею на полпути. Ей, кажется, нравится, когда я пытаюсь говорить с нею по-русски, и она настолько снисходительна ко мне, что помогает преодолевать затруднения, которые случаются то и дело: ведь я говорю очень плохо; но я понимаю большую часть разговоров, и мне доставляет огромное удовольствие видеть столько человеколюбия в особе, обладающей такой деспотической властью.

В комнате вместе с нею обычно присутствует пять или шесть дам и один или двое кавалеров, ведущих дружескую беседу. В этой беседе она участвует как равная; она неизменно сохраняет свое достоинство, но держится так, что избавляет нас от постоянного благоговейного трепета. Мне часто доводилось видеть, как ее до слез трогали грустные истории, и она выказывает такой неподдельный ужас перед любым свидетельством жестокости, что ее душа, мне кажется, исполнена самых прекрасных качеств, какие я когда-либо в ком-либо наблюдала. Это представляется особым знаком небесного благоволения, если помнить о том, какова ее власть. Говори я о частном лице, я бы сказала скорее, что в ней более здравого смысла, нежели ума, хотя она способна иногда произнести короткую насмешливую фразу, поистине остроумную, но всегда смягченную таким добродушием, что никогда не обижает. Она очень отважна и презирает страхи, будь то реальные или мнимые, ей чуждо какое бы то ни было притворство. У нее прекрасный голос, и она говорит очень внятно.

Я часто размышляла над тем, почему все с таким любопытством стремятся узнать характер монархов, ведь

он почти не имеет значения ни для кого, кроме их собственных подданных; действия суверенов не касаются никаких других частных лиц, и даже если бы их поступки в вещах обыденных и были столь блестящими, то они скрыты от всех, за исключением такого узкого круга людей, что могут иметь лишь небольшое значение. Однако все мы проявляем это любопытство.

Вскоре, насколько мне известно, мне представится возможность рассказать Вам о других краях и предметах, и не пугайтесь, если получите письмо из армии. Я недостаточно спокойна, чтобы дать Вам объяснения на сей счет, но это сделает мой брат. Примите уверения в том, что неизменно остаюсь и прочие.

ПИСЬМО XVIII

Петербург, 1734.

Мадам,

я совершенно убеждена, что Ваша душа обладает всеми необходимыми качествами для дружбы, но я точно так же убеждаюсь, что она не создана для любви, иначе Вы бы не удивлялись моему решению последовать в армию за м-ром Р., если ему придется ехать²⁰. Я предвижу все неудобства, которые Вы, руководствуясь Вашими дружескими чувствами, расписали в столь сильном свете. К тому же, поскольку я не обладаю Вашей твердостью, мой слабый ум и дурные предчувствия удваивают каждую опасность и невзгоды, а так как я замужем, то о моем состоянии Вы можете только догадываться. Но даже будь я уверена, что все те ужасные события, которые нарисовали Ваша дружба и мои страхи, произойдут на самом деле, мне будет легко разделить их с ним, если он обязан ехать; и хотя его бережное отношение не позволит ему просить меня об этом, все же сознание того, что мое присутствие будет ему приятно, помогло бы мне скорее вынести все, чем не удовлетворить его желание, которое он выражает лишь своим восхищением; и поскольку я тверда в своем решении, оставляю этот предмет, а там будет видно. Теперь перехожу на стиль, более способный развлечь.

Недавно у нас было празднование дня рождения, которое (хотя и случается каждый год) доставило больше развлечений, чем обычно бывает во время праздников такого рода. Его отмечали в новом, только что законченном зале, который значительно просторнее зала Св. Ге-

оргия в Виндзоре. Хотя день был очень холодным, в зале было тепло от печей, и он был украшен цветущими помаранцевыми деревьями и миртами. Они были расставлены рядами и образовывали аллеи с каждой стороны зала, оставляя в середине место для танцующих. Аллеи по сторонам зала давали возможность обществу посидеть иногда, так как закрывали от государыни. Красота, благоухание и тепло этой вновь устроенной рощи в то время, когда за окнами не видно ничего, кроме льда и снега, казались волшебством и наполняли мою душу приятными мечтаниями. В смежных комнатах обществу предлагали кофе, чай, другие напитки и закуски, а когда мы вернулись в зал, музыка и танцы в одной его части и аллеи, полные красавиц и кавалеров в пышных по случаю дня рождения нарядах, вместо аркадийских пастухов и нимф, заставляли меня вообразить, что нахожусь в сказочной стране, и пьеса Шекспира «Сон в летнюю ночь» весь вечер не шла у меня из головы. На какие поэтические образы вдохновило бы Вас это зрелище! Но этим талантом обладаете только Вы, и никто не способен думать или писать подобно Вам.

У меня теперь есть небольшой дом за городом, который доставляет мне огромное удовольствие, ибо здесь мы отдыхаем от напряжения, всегда сопутствующего пребыванию при дворе, и от общества, вернее, от людей, от встреч с которыми не можем уклониться в городе. Есть одна английская семья, с которой м-р Р. очень подружился — я говорю «подружился», так как это два брата; в Англии их беседы и взгляды заставили бы людей искать знакомства с ними. Они часто ездят с нами за город. Дом выстроен из дерева, в нем только маленький зал, две гостиные по одну сторону от него, кухня и службы — по другую и четыре спальни и кабинеты на втором этаже. Дом стоит на возвышенности, травянистый склон которой ведет на прекрасный луг, кончающийся у моря. Позади на много миль тянется березовый и еловый лес. Вокруг нет ничего обустроенного или возделанного, ибо ненадежность погоды в здешнем крае сделала бы расходы на это смешными, и насколько дом выглядит сельским снаружи, настолько он прост и внутри. На столы подается дельфтский фаянс, постельное белье — из белого миткаля, плетеные стулья и остальное в том же духе. В одной гостиной — книги и карты. Они да еще мои пальцы с вышивкой — это единственное, что отличает наш дом от фермы. Здесь мы с большой приятностью проводим три дня

в неделю. М-р Р. читает мне, а я рукодельничаю; наши коровы, овцы и домашняя птица пасутся вокруг: они настолько ручные, что подходят к самым окнам. Будь такое прибежище поближе к Вам, чтобы у меня была подруга, как у мужа есть двое друзей, как бы я презирала все великолепие! А покамест он дает мне и доверительность дружбы, и нежность любви. И если небо сохранит этого друга и возлюбленного, я буду счастлива во всех превратностях судьбы и остаюсь искренне и прочие.

ПИСЬМО XIX

Петербург, 1734.

Мадам,

кажется, Вы так рады услышать, что мне не придется тащить ранец и следовать за армией, что воображаете, будто мое настроение должно быть лучше обычного, иначе Вы бы не настаивали на подробном описании празднеств по случаю взятия Данцига по прошествии столь долгого времени. Сейчас очень холодно, а тогда погода была очень жаркая, поэтому увеселения происходили в саду летнего дворца. Дамы были одеты в наряды, состоявшие из белого лифа из тонкой накрахмаленной кисеи с серебряными цветами и пикейные юбки различных цветов, по вкусу каждой. Меня позабавило, как некий джентльмен описал одну даму; когда я не поняла, кого он имеет в виду, он сказал: «Celle-là avec le cotillon rouge» [«Вон та, в красной юбке»] *. Прически были только из собственных волос, коротко подстриженных и завитых крупными естественными локонами, на голове — венки из цветов.

Императрица и императорское семейство обедали в гроте, обращенном к длинной аллее, которая заканчивалась фонтаном и была обрамлена высокими голландскими вязами. По всей длине аллеи тянулся длинный стол, одним концом упирившийся в стол императрицы в гроте. Над этим длинным столом был навес из зеленого шелка, поддерживаемый витыми колоннами, которые снизу доверху были украшены сплетенными живыми цветами. Между этими колоннами вдоль всего стола с каждой стороны в нишах живой изгороди были устроены буфеты:

* В оригинале в квадратные скобки помещен перевод фразы на английский язык. (Примеч. пер.)

на одном — столовая посуда, на другом — фарфор. Дам для кавалеров определял жребий, и соответственно этому пары сидели за столом, так что мужчины и женщины чередовались. За столом сидело триста человек, и для каждой перемены требовалось шестьсот тарелок, а перемен было две и десерт. После обеда общество, разбившись на группы, развлекалось в саду до вечерней прохлады, когда сад чудесно осветился, и под тем же навесом, где мы обедали, начался бал. Иллюминированные витые колонны выглядели очень мило. Музыканты помещались за высокой живой изгородью, так что создавалось впечатление, будто музыка звучала благодаря божественности самого этого места. Когда начался бал, ввели французских офицеров, взятых в плен при Данциге. Признаюсь, я посчитала это столь жестоким, что подошла поближе, дабы понаблюдать за их поведением в такой затруднительной ситуации. Их командир, граф де ла Мот, — видный мужчина примерно пятидесяти пяти лет, был серьезен и держался с мужественным достоинством. Было заметно, что в душе он чувствует свой позор и презирает это оскорбление. После того как все они поцеловали руку ее величества, она обратилась к этому командиру, сказав, что он, должно быть, удивлен выбором времени, когда она решила допустить их к себе, но его соотечественники столь дурно обошлись с ее подданными, имевшими несчастье попасть в плен к французам, что теперь в ее власти отомстить им, однако она не намерена мстить более ничем, помимо этого унижения. Поскольку же французы — люди благовоспитанные, она надеется, что прелести некоторых дам смогут сгладить даже его. Затем императрица обратилась к нескольким дамам, которые, как ей было известно, говорили по-французски, с пожеланием постараться помочь этим джентльменам не чувствовать себя пленниками по крайней мере в этот вечер. И в ее присутствии они под честное слово были при своих шпагах. Из-за своего любопытства я оказалась поблизости от нее, и она обратилась ко мне первой, так что мне выпало развлекать первого из них. Он, следуя обычаям вежливости своей страны, сказал ей с поклоном, что ее величество нашла способ завоевать их дважды, ибо (он надеется) месье Миних отдаст им справедливость, признав, что, несмотря на его храбрость, они не добровольно сдались ему; теперь же их сердца с удовольствием подчиняются этим очаровательным победительницам.

Поскольку я еще была слаба, то была рада, что возраст

моего собеседника не позволил ему танцевать. Поэтому вечер прошел в разговорах, в которых он выказал здравомыслие, учтивость и много живости; в то же время его речь изобиловала высокопарными выражениями, столь свойственными его народу, особенно в разговоре с женщинами. Он выразил большое удивление пышностью и изысканностью здешнего двора. И действительно, с французами обращаются очень обходительно, для поездок по городу им предоставлены дворцовые экипажи и им показывают все, что обычно показывают иностранцам. Я испросила отпуск для него и стольких его товарищей, сколько он сочтет удобным, чтобы отобедать со мной. Он привел четверых из двенадцати, находящихся в этом городе. Но, полагаю, теперь Вы уже желаете, чтобы я оставила французов и на чистом английском языке попрощалась с Вами.

ПИСЬМО XX

Петербург, 1735.

Мадам,

Вас обуревают такое любопытство, что Вы ведете нечестную игру. Не тяжело ли переносить, что мне, в свою очередь, не позволено задавать вопросов? И, без сомнения, проведай Вы, что я была допущена на прием к турецкому султану (Great Turk), вы ожидали бы от меня рассказа о происходившем там. Вы узнаете, что я часто бываю у принцессы Елизаветы и что она удостоила меня своим посещением, и восклицаете: «Умна ли она? Есть ли в ней величие души? Как она мирится с тем, что на троне — другая?» Вы полагаете, на все эти вопросы ответить легко. Но я не обладаю Вашей проницательностью. Она оказывает мне честь, часто принимая меня, а иногда посылает за мной. Сказать по правде, я почитаю ее и в душе восхищаюсь ею и, таким образом, посещаю ее из удовольствия, а не по обязанности. Приветливость и кротость ее манер невольно внушают любовь и уважение. На людях она непринужденно весела и несколько легкомысленна, поэтому кажется, что она вся такова. В частной беседе я слышала от нее столь разумные и основательные суждения, что убеждена: иное ее поведение — притворство. Она кажется естественной; я говорю «кажется», ибо кому ведомо чужое сердце? Короче, она — милое создание, и хотя я нахожу, что трон занят очень достойной

персоной, все же не могу не жалеть, чтобы принцесса стала по крайней мере приемницей.

Принцесса Анна, на которую смотрят как на предполагаемую наследницу, находится сейчас в том возрасте, с которым можно связывать ожидания, особенно учитывая полученное ею превосходное воспитание. Но она не обладает ни красотой, ни грацией, а ум ее еще не проявил никаких блестящих качеств. Она очень серьезна, немногословна и никогда не смеется; мне это представляется весьма неестественным в такой молодой девушке, и я думаю, за ее серьезностью скорее кроется глупость, нежели рассудительность. Это *entre nous* *, Вы ведь не учитываете, что за удовлетворение Вашего любопытства я могу пойти на виселицу и во избежание риска не осмелюсь отправить это письмо почтой.

Мне довелось в продолжение нескольких дней беседовать с одной шведской дамой, которая попала в плен к татарам, прожила среди них восемнадцать лет и только теперь вернулась. Ее история, которую я услышала из ее собственных уст, такова. Она была женой шведского капитана, русские взяли ее в плен вместе с мужем и отправили с еще несколькими в Сибирь. По дороге на них напал отряд калмыцких татар, и пленники сражались вместе со своими охранниками, чтобы избежать второго плена. В стычке муж дамы был убит, а оставшиеся в живых схвачены. Захватившие их поделили свою добычу и разлучили пленников. Она и один русский, говоривший по-калмыцки, были уведены двумя татарами. Одному из них она так понравилась, что он решил склонить ее к любви и заставил русского быть переводчиком. Не добившись своего страстными мольбами, он попытался применить силу. Она наконец зубами вырвала у него из груди кусок мяса, за что он прибил бы ее, если бы не был остановлен своим товарищем.

Через несколько дней они прибыли к шатру хана, или короля, где этот второй татарин высмеял своего товарища за его приключение с пленницей. Хан велел привести ее и русского переводчика и спросил ее, почему она отказала в благосклонности этому мужчине. Хан, казалось, подивился тонкости ее чувств в отношении выбора возлюбленного, но сказал, что поскольку таков обычай ее страны, то никто не смеет принуждать ее или досаждать ей, и отдал ее одной из своих жен (у него их было две). Та спросила,

* Между нами (фр.). (Примеч. пер.)

умеет ли она рукодельничать, и дама показала ей кошелек, который сама вышила. Жене хана это чрезвычайно понравилось, она предоставила даме работать иглой и относилась к ней с большой добротой. Татары давали ей всевозможное мясо, и их забавляло, что она его готовит, поскольку сами они едят любое мясо сырым. Судьба занесла в это же место еще одного пленника из ее страны. Он научил татар нескольким полезным ремеслам и наконец отлил пушку, оказав этим такую большую услугу (татары тогда воевали с китайцами), что его отпустили на волю. По его просьбе отпустили и даму. Здесь они поженились и готовятся ехать в Швецию. Поскольку Вы любите новизну, как бы Вам понравилась поездка в гости к этому хану, который кажется мне замечательным парнем? Покидаю Вас, чтобы Вы поразмыслили над этим, и остаюсь и проч.

ПИСЬМО XXI

Петербург, 1735.

Мадам,

теперь посылаю Вам книгу, содержащую историю всех различных татарских народов, которая удовлетворит Вашу любознательность лучше, чем я, ибо я знаю о них мало, а книгу не читала. Я однажды писала Вам о татарском князе и его семье, прибывших искать покровительства. Они перешли в христианство, и публичное крещение состоялось при дворе. Поскольку я однажды описывала церемонию крещения у русских, Вам может показаться странным, что это делалось прилюдно, но усердие и суеверие заводят далеко. Я не заметила, чтобы это смутило кого-либо из обращаемых (среди которых были две женщины) или из зрителей. Они, должно быть, подумали, что во мне много ханжества и мало веры, потому что я ушла во время церемонии. Но я не могла не думать, что под взглядами такого многочисленного собрания по крайней мере дамам не мешало бы иметь на себе какую-нибудь еще одежду помимо одежд добродетели.

Чтобы не вызывать больше упреков в том, будто я никогда не сообщаю Вам ничего, кроме того, о чем Вы прямо спрашиваете, намерена описать Вам русские похороны, как уже описала крестины и свадьбу. Единственные похороны, которые я видела, были похороны младшей дочери князя Меншикова, возвращенной вместе с братом

из ссылки нынешней императрицей и выданной ею замуж за графа Густава Бирона, младшего брата герцога Курляндского Она умерла от родов и была похоронена с большой пышностью²¹ Посидев какое-то время, все собравшиеся перешли в комнату, где находилось тело усопшей. Гроб был открыт. Она лежала в нижнем белье, поскольку умерла в такое время (иначе, как мне сказали, она была бы полностью одета): ночная рубашка из серебряной ткани, подвязанная розовой лентой, на голове — чепец, отделанный тонкими кружевами, и маленькая корона княжны Римской империи. Вокруг головы по лбу была повязана лента с вышитым на ней именем ее и возрастом. На левой руке у нее лежал завернутый в серебряную ткань ребенок, который умер через несколько минут после рождения. В правой руке ее был бумажный свиток — свидетельство ее духовника Св. Петру Когда все общество собралось в комнате, с нею пришли проститься слуги; низшие слуги были первыми. Все они целовали ей руку и целовали ребенка, просили простить им их проступки и подняли кошмарный, невообразимый шум: они вопили, а не плакали. Затем с нею прощались ее знакомые, с тем различием, что они целовали ее в лицо, и тоже подняли ужасный шум, но не такой жуткий, как предыдущие. Потом подходили ее родственники, первыми самые дальние. Когда подошел ее брат, я даже было подумала, что он вытащит ее из гроба. Но самую трогательную картину представляло прощание мужа, который просил избавить его от этой гнетущей церемонии, но его брат полагал, что следует подчиниться русскому обычаю, чтобы его как иностранца не обвинили в презрении к ним. Два джентльмена помогли мужу прийти из его апартаментов, и им действительно приходилось поддерживать его, а не просто показывать это. На его лице читалась истинная скорбь, но скорбь молчаливая. Подойдя к дверям комнаты, где лежала покойница, он остановился и попросил подать ему настойку оленьего рога; выпив ее и, казалось, собравшись с силами, он приблизился к гробу и упал в обморок. После того как его вынесли из комнаты и привели в чувство, гроб снесли вниз и поставили на открытую колесницу, за которой последовал длинный поезд карет и гвардейский конвой, так как она была женой военачальника. Для погребения тело отвезли в монастырь Св. Александра, и хотя крышка гроба была закрыта, пока ехали по улицам, в церкви ее снова сняли, и та же церемония прощания повторилась сызнова, но без мужа: его

Петр I Алексеевич — царь с 1682 г.,
с 1721 г. император России

Императрица Екатерина I.

Екатерина I Алексеевна — императрица России (1725—1727), вторая жена Петра I

Елизавета Петровна — дочь Петра I и Екатерины I, с 1741 г. императрица России

Александр Данилович Меншиков — фаворит
и ближайший сподвижник Петра I

Король польский Август II.

Карл Фридрих Шлезвиг-Голштин-
ский — муж Анны Петровны

Август II (Фридрих) — курфюрст
Саксонский, с 1697 г. король Поль-
ский

Петр III Федорович и Екатерина II

Яков Брюс — генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I

Артемий Петрович Волинский — государственный деятель, член кабинета министров

Антон Ульрих Брауншвейгский — муж Анны Леопольдовны

Анна Леопольдовна — правительница России при малолетнем сыне Иване Антоновиче

Андрей Иванович Остерман — член Верховного совета

Иоганн Герман Лесток — лейб-медик Елизаветы Петровны

Бурхард Христофор Миних — фельдмаршал

Анна Ивановна — императрица России с 1730 г.

Эрнст Иоганн Бирон — герцог Курляндский, фаворит Анны Ивановны

Мария Терезия (1717—1780) — австрийская эрцгерцогиня с 1740 г.

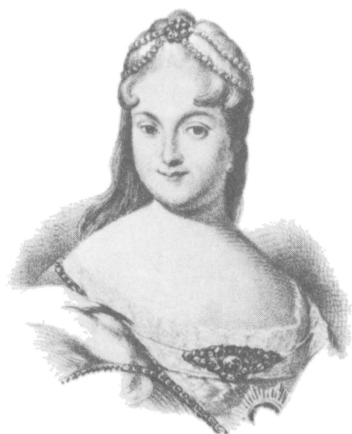
Фридрих II Великий (1712—1786) — прусский король с 1740 г.

Петр II Алексеевич — император России 1727—1730, внук Петра I

Княжна Екатерина Долгорукая — сестра Ивана Долгорукого, невеста Петра II

Княжна Мария Меншикова — дочь А. Д. Меншикова, невеста Петра II

Граф Эрнст Миних — сын фельд-маршала

Иван VI Антонович — император России 1740 г., был заточен в Шлиссельбурге.

Граф Антон Девьер — генерал-полцмейстер

Князь Иван Долгорукий — фаворит Петра II

Княжна Наталья Долгорукая — жена Ивана Долгорукого

увезли домой, ибо он вторично лишился чувств, едва открыли гроб²². Остальная часть церемонии очень похожа на римско-католическую. После погребения все вернулись в дом на большой обед, который скорее походил на пир, чем на тризну, поскольку все, казалось, позабыли свое горе. Но воздержитесь от ехидной улыбки, которую я воображаю на Вашем лице, потому что муж не появился и, я полагаю, действительно скорбит, ибо очень любил ее, что всегда было видно по его отношению к ней, когда она была жива, а это является более убедительным свидетельством искренности, чем стенания после ее смерти.

Если мое письмо приведет Вас в грустное расположение духа и в это время Вас навестит м-р Б., он рассердится на меня, что я дала Вам повод быть печальной. Но я надеюсь, Вы не сообщите ему причину, ведь Вы так долго приучали его подчиняться Вашей воле, не узнавая мотивов Ваших действий. Я и впрямь настоятельно прошу Вас не показывать никому моих писем, ибо подруге можно написать все, но женские наблюдения так смешны, что никто другой не должен их знать, поэтому будьте верны Вашей, и проч.

ПИСЬМО XXII

Петербург, 1735.

Мадам,
представление, которое сложилось у Вас о графе Минихе, совершенно неверно. Вы говорите, что представляете его себе стариком, облику которого присуща вся грубость побывавшего в переделках солдата. Но ему сейчас что-нибудь пятьдесят четыре или пятьдесят пять лет, у него красивое лицо, очень белая кожа, он высок и строен, и все его движения мягки и изящны. Он хорошо танцует, от всех его поступков веет молодостью, с дамами он ведет себя как один из самых галантных кавалеров этого двора, и, находясь среди представительниц нашего пола, излучает веселость и нежность, которые мне очень неприятны, ибо притворны. Потому что, хотя ему и присущи все эти добрые качества, в нем все же есть немецкая чопорность, и видеть, как человек такого склада пытается усвоить манеры петиметра, — все равно что видеть резвящуюся корову. Если бы Вам случилось быть в обществе этого человека, который, судя по газетам, уничтожил тысячи и десятки тысяч людей, как были бы Вы удивлены, уви-

дев, что он внимает Вам с томным взором, потом внезапно хватает Вашу руку и с восторгом целует ее! Но насколько более Вы были бы удивлены, обнаружив, что он полагает обязательным вести себя так со всеми женщинами. В остальном, что касается его характера, то как солдат он предприимчив и скор, а так как в его поспешных действиях ему часто сопутствовала удача, он теперь полюбил их и не принимает во внимание, сколь многих приносит в жертву своему честолюбию; правда, я полагаю, что многое из этого — скорее простые рассказы. Я бы считала, что его любимым военным приемом должно быть нападение из засады, ибо искренность — качество, с которым он, по-моему не знаком. Если бы друг спросил меня, что я думаю о графе на самом деле, то я вслед за Отвеем сказала бы:

Ему не доверяй; он от природы лжив,
Жесток, хитер, коварен, переменчив.

Я имею в виду его характер не только в любви, но в дружбе, и смею утверждать: всякий, кто доверился ему, почувствует на себе справедливость моих слов. В настоящее время он в моде и стоит сразу после герцога Курляндского; теперь, в отсутствие принца Гессен-Гомбургского, у графа Миниха нет конкурентов среди любимцев. Принц же за интриги отправлен на два или три года командовать войсками куда-то далеко от столицы, но не в такое место, где он мог бы какими-либо своими действиями произвести впечатление. Характеры принца и графа настолько различны, что не удивительно, если они не могут поладить. Принц — истинный солдат и всем обличьем, и по всем своим поступкам, но при этом человеколюбив, хорошо воспитан, приветлив, и в нем есть грубоватая искренность. Будучи здесь, он редко обедал или ужинал, не пригласив гостей, а общество было смешанное в том, что касается чинов, по преимуществу мужское; обычно присутствовало несколько дам, с которыми он был непритворно учтив. При дворе его ранг обязывал его танцевать, что он делает довольно-таки по-солдатски и сам весьма добродушно подшучивает над недостатком приятности в своих манерах. Подчиненные его обожают, и он всеми любим и ценим. Он крупного сложения и красив,— но Вы, право, заставляете заниматься тем, чего я боюсь. Потому что просить меня описывать страну, характеризовать людей так же нелепо, как советоваться с государственным министром о покрое платья. Следовательно, хотя я и опи-

сываю Вам все, как оно представляется моему слабому разуму, не удивляйтесь, найдя мои суждения неверными. Но если Вы, по своей снисходительности, находите развлечение в моих излияниях, это чрезвычайно льстит самолюбию Вашей, и прочие.

ПИСЬМО XXIII

Петербург, 1735.

Мадам,

я очень сожалею, что Вы в разговоре с леди С. упомянули о нашей переписке, ибо это повлекло за собой требование от *** вникнуть в раздоры между двумя дамами; я и подумать не могла, что эти раздоры будут иметь какое-либо иное следствие, помимо возможности для двора повеселиться на их счет. И когда друзья мадам Л. написали ей об этой ссоре, они, осмелюсь сказать, вовсе не предполагали, что она расскажет о ней, по крайней мере в таком месте. Чтобы ввести Вас в курс дела, необходимо сообщить Вам об этих дамах все, начиная с их происхождения. Сейчас они занимают в обществе равное положение: обе — жены иностранных министров при этом дворе. Одна из них — дочь французского генерала, бежавшего и, когда она родилась, состоявшего на иностранной службе. Предметом ее первой благосклонности был человек самого высокого положения, и спустя некоторое время он выдал ее замуж за ее нынешнего мужа и предоставил ему его нынешний пост.

Другая — дочь торговца из Гамбурга и, будучи единственным ребенком, вышла замуж за графа, который столь же нуждался в деньгах, сколь она — в титуле. Она была совершенно незнакома с манерами, принятыми при дворе, когда впервые появилась здесь, и первая дама, выросшая при дворе, оказывала ей всяческую поддержку и помощь. Но поскольку дружба двух красавиц редко длится долго, то же самое произошло и в этом случае. Каждая из них считала, что имеет право на все сердца, обе столь явно желали иметь наибольшее число обожателей, что к каждой стороне вскоре примкнуло по несколько кавалеров. Это, как обычно бывает в таких случаях, вскоре возбудило в каждой из них зависть, которая поначалу проявилась в холодности, а затем в легких колкостях и обоюдных насмешках. Наконец однажды на приеме среди большого общества, где также присутствовал госпо-

дин, которого помышляла покорить каждая из них, ссора разгорелась настолько, что графиня, не сдержавшись, произнесла несколько очень резких слов, на которые другая отвечала так холодно и презрительно, что достигла цели, совсем разгневав соперницу. Та только и могла сказать: «В каком странном мире мы живем». Первая ответила очень спокойно: «Весьма справедливо, мадам; мир странен, и стал таким с тех пор, как дрейеры возомнили себя дукатами». Услышав это, бедная графиня залилась слезами и выбежала из-за стола. Полагаю, Вы будете в таком же недоумении — в чем же, собственно, заключается колкость, — в каком пребывала и я, покуда не скажу Вам, что девичья фамилия графини — Дрейер и что мелкая монета достоинством в полфартинга называется в Гамбурге дрейером. Этот выпад привел к открытой войне, которая зашла так далеко, что сторонники каждой из дам везде, и даже при дворе, появлялись в любимом цвете той красавицы, которой повиновались, и их называли «серым» и «красным полком». После того как дамы выставили себя в таком свете и развлекли всех, бедная графиня так быстро сдала позиции, что прекратила борьбу. По правде говоря, она не должна была и начинать ее, ибо не умела сдерживать свою досаду, тогда как другая была спокойна и ее ничем нельзя было пронять; следовательно, у нее доставало самообладания произносить самые большие колкости с видимым добродушием, сохраняя безукоризненные манеры. Действительно, она обладает таким быстрым умом, одновременно и добрым и злым, какого я до сих пор не наблюдала ни в одном человеке, и уже одно то, как она вела себя в этой смешной ссоре, доставило ей много обожателей, чего она и добивалась. Если бы я не боялась Вашей суровости, то сказала бы, что люблю ее, но, надеюсь, Вы простите меня и решите, что нет ничего плохого в том, чтобы наслаждаться приятной беседой, не разбирая поведение человека.

Итак, я, как могла, постаралась изложить Вам эту глупую историю, которую, с точки зрения хорошего тона, передавать непростительно, разве только по приказу. Я настолько оступела из-за необходимости так долго судачить об этом скандале, что не могу ничего добавить, кроме простой истины, которую всегда повторяю с той же радостью, с какой Вы, надеюсь, ее воспринимаете, — а именно, что я остаюсь, и проч.

Мадам,

Вы заставляете меня почти бояться вскрывать Ваши письма, ибо я там снова могу увидеть приказание не отвечать Вам на то, что Вы пишете, а рассказывать о том, что я наблюдаю здесь. Вы говорите, что сообщаете мне все, происходящее с моими друзьями в Англии, а следовательно, мне нет надобности задавать вопросы. Между тем я поймала Вас на недобросовестности, как покажет Вам прилагаемое письмо: Вы никогда не поминали мне о юношеском неблагоразумии этой бедной девочки. Если она излагает события непредвзято, то, думаю, с нею плохо обращаются. Даже если она совершила ошибку, выйдя замуж за этого человека, то сейчас, когда она уже его жена, как можно винить ее в том, что она скрывает недостатки мужа или, по возможности, не замечает их? Поскольку она твердо уверена в Вашем влиянии на ее тетушку и в том, что Вы помогли бы ей, знай Вы ее обстоятельства, я послала Вам ее собственный рассказ об этом, ибо была бы несправедлива к ней, если бы стала излагать его в своем пересказе. Я сообщила ей, что поступила именно таким образом, и, полагаю, она нанесет Вам визит. Боюсь, однако, что суждения ее не столь глубоки, сколь живы выражения, а Вы не делаете скидки на горячность. «Благоразумие,— говорите Вы,— должно руководить всеми нашими поступками», и хотели бы в каждом видеть это желательное качество в столь раннем возрасте, в каком оно было уже присуще Вам. Но Вы найдете мало тому примеров, и если в этом случае Вы и откажетесь от Вашей обычной суровости, сомневаюсь, что Вам удастся убедить ее тетушку, поскольку, мне кажется, она больше сердится на то, что девушка посмела не посчитаться с нею, чем опасается возможных дурных последствий.

Это юное существо было оставлено на попечение тетушки и принуждено слушаться ее, и малейшее стремление к независимости, по-видимому, задевало теткинскую гордость, а когда эта страсть разгорается, любые увещевания лишь подогревают ее. Если бы я считала тетку способной на действительную озабоченность счастьем племянницы, я бы питала какие-то надежды; но знаете, я никогда не могла заподозрить в этой даме никаких признаков мягкости. Я бы хотела обмануться. Жалею эту юную бедняжку, которой с малых лет так нещадно потака-

ли, что она не терпела ни малейшего возражения, и внезапный переход от этого баловства к строгой суровости в те лета, когда детский ум еще не способен заглянуть далее настоящей минуты, и должен был привести к тем результатам, к которым привел. Но мне нет нужды обсуждать с Вами это дело: Вы, я знаю, рассудите его правильно и по-доброму.

Что касается любопытства м-ра М., мол, была ли я в русской бане, оно не заслуживает ответа, а вызывает лишь презрение к людям с таким складом ума, которые, сказав непристойность, думают, что произнесли остроту.

Жаль, что Вы находите нужным извиняться, рекомендуя мне кого-либо из Ваших друзей. М-р Р. желает, чтобы я уверила Вас в том, что он, употребив все свое влияние, выхлопочет Вашему другу место и повышение. Легкая простуда помешала ему быть вчера при дворе. Поэтому я представила молодого героя фельдмаршалу — ему первому представляют всех военных. Фельдмаршал отнесся к юноше благожелательно и представил ее величеству. Она сказала, что он «милый мальчик и его надо принять на службу», но добавила, что «ему понадобится помочи, если вскоре доведется участвовать в деле». Я сказала фельдмаршалу, что мальчик решителен и честолобив; тот с улыбкой ответил: «Это по нему видно». Я бы хотела, чтобы Вы нашли способ сделать так, чтобы его внешность соответствовала зрелости его ума и боевому духу, ибо м-ру Р. и мне пришлось снести немало насмешек по поводу немужественной наружности «моего героя», как его называют; но поскольку его нужно устроить на службу, то неважно, какими средствами. Теперь же, подозреваю, Вы в совершенной тоске от глупости Вашей, и проч.

ПИСЬМО XXV

Петербург, 1735.

Мадам,

с большим удовольствием сообщаю Вам, что наш маленький герой — офицер, хотя и в низком чине; надеюсь все же, он вскоре получит повышение. Поскольку в первый раз его представляла я, его прозвали «дамским фельдмаршалом». М-р Р. сказал ее величеству, что его жена покровительствует молодому человеку, которого рекомендовали ей дамы, постеснявшиеся написать ему самому (м-ру Рондо.— Н. Б.). Императрица ответила, что м-р Р.

поступил очень умно, сделав меня посредником, но это пока не убеждает ее, что он не способен к ревности, ибо в какой бы безопасности он себя ни чувствовал теперь, считанные годы могут изменить юного искателя славы, и у нее есть сильное предчувствие, что он станет фельд-маршалом. Это так воодушевило молодого человека, что он сильно важничает. Когда он, уже в форме своего полка, целовал ей руку, императрица спросила его, сколько ему лет; вопрос заставил его густо покраснеть, и переводчику с большим трудом удалось сохранить серьезность, когда юноша ответил, что ему через десять месяцев исполнится шестнадцать. Она улыбнулась и заговорила со мной по-русски. Ему очень хотелось знать, что она сказала, но если бы я передала ему ее слова, его гордость была бы задета. Так что он тешит себя мыслью, будто в нем видят важную персону.

Я с удивлением узнала, что Вас задела Ваша неудача в посредничестве между тетей и племянницей. Неужели Вы рассчитывали на успех? Вы пишете: «Она говорит о своей племяннице с большой любовью и тем не менее не слушает никаких доводов». Вы слишком хорошо разбираетесь в человеческой природе, чтобы не знать, что рассуждающие о нежных чувствах сами никогда их не испытывают, ибо истинную любовь и привязанность нельзя ни выразить словами, ни скрыть. Слова тут бесполезны, а самый пустячный поступок исполнен смысла. Равным образом Вы ожидаете невозможного и от племянницы: ну разве способна пятнадцатилетняя девочка, к тому же вышедшая замуж за баронета, признать этот шаг опрометчивым? Нет. И, по правде говоря, я надеюсь, она никогда не согласится с этим, так как в ошибке ее может убедить лишь его обращение с нею, а я надеюсь, этого не случится.

Вы веселитесь над моими словами, что они проявляют мудрость, говоря с Вами о мужьях и детях,— это, мол, то же самое, как заставить юную мисс Т. трудиться, когда все остальные танцуют кадрили,— но Вы сами дали к этому повод.

Прошу Вас, будьте снисходительны и помогите мне постичь смысл этих стихов, ибо я стала так тупа, что не могу его разгадать. Но, быть может, здешний морозный климат способен послужить извинением недостатку сообразительности в Вашей, и проч.

Мадам,

не воображаете ли Вы, будто я — Дон Кихот и меня на каждом шагу ожидают приключения. Я-то думаю, что благодаря мне мои русские друзья стали для Вас столь же близки, как для меня самой. Но должна сообщить Вам одну удивительную новость: Ваш старинный приятель, граф Д., — здесь и очень любезен со мной. Последнее обстоятельство настолько необычно, что я почти вообразила, будто он намерен ухаживать за мной, ибо если любовь может перейти в ненависть, то почему ненависть не может перейти в любовь? Но недавно я нашла другую причину, которая повсеместно преобладает, — страх. Не так давно, придя к нам с визитом и застав меня одну, он выразил надежду, что я никогда не буду поминать о забавном случае с леди Ф. и о перчатках с бахромой, так как этого, мол, и вовсе не было. Если не было, сказала я, то ему нечего опасаться каких бы то ни было последствий; но даже если бы и было, он может быть спокоен на мой счет: у меня никогда и в мыслях не было рассказывать. Какая же низкая душа должна быть у этого несчастного, если он мог вообразить, что мне вздумается поступить так зло и выставить его в столь смешном свете там, где об этой истории не слыхали! Но подозреваю, что сам он способен оказать такую «услугу» другому человеку, иначе подобное не пришло бы ему в голову. Возвращаясь к началу письма, я удивляюсь тому, сколько строк я посвятила этому ничтожному человеку, которого никогда не считала достойным даже своих насмешек. Хотя Вы, прочтя следующее, конечно, посмеетесь над моим всегдашним умением произносить речи.

Не так давно на обеде в доме одного из друзей разговор за столом все время шел о странных действиях прусского короля и о его рослых гренадерах. Этот предмет меня не особенно занимал, и я совсем не знала сути дела, но слова «рослые парни» и «Потсдам» столь часто звучали у меня в ушах, что я очень обрадовалась приходу прусского министра, прервавшему этот разговор.

Мы пошли посмотреть только что купленный хозяином дома прекрасный гобелен, на котором был выткан купидон чудовищных размеров. Когда все общество обратило на это внимание, мне пришло в голову заговорить, и я сказала: «Это потсдамский купидон» и удивилась, почему

мои слова вызвали такой взрыв хохота, но тут увидела стоявшего рядом бедного пруссака²³.

Поскольку мы много времени проводим в нашем маленьком сельском убежище, меня не ждут более одного раза в неделю на дворцовых приемах, и у нас есть время поехать по окрестностям. На прошлой неделе мы ездили осматривать дом, постройку которого начал Петр Первый, но так и не закончил²⁴, о чем можно пожалеть: замысел грандиозен, а местность весьма напоминает Петергоф, его я уже описывала Вам. Ее величество поговаривает о прокладке канала, чтобы большие суда могли подходить к самому городу, чего они сейчас не могут делать из-за отмели. Если так будет, этот дворец станет прекраснейшим в мире, поскольку канал пройдет через сады, очень обширные, и из дома будет видно, как по ним идут под парусами самые большие военные корабли. Вы скажете: «Задумано превосходно, но как это осуществить?» Ну, в мирное время войска здесь заняты на таких общественных работах и с их началом к ним приставляют сразу тридцать тысяч человек. Но как бы просто это ни было, надеюсь, что не останусь здесь до завершения строительства, а буду иметь удовольствие заверить Вас лично, что являюсь, и проч.

ПИСЬМО XXVII

Петербург, 1735.

Мадам,

Вы слишком любознательны и слишком любите необычное, чтобы я могла надеяться на Ваше снисхождение, если не расскажу о новом развлечении, которое было у нас при дворе этой зимой. Из досок соорудили приспособление, которое спускается с верхнего этажа во двор. Ширина ската достаточна для экипажа, а с каждой стороны — маленький бортик. Скаты залили водой, которая вскоре замерзла, затем его поливали еще, пока он не покрылся довольно толстым льдом. Придворные дамы и кавалеры садятся в сани, которые подталкивают сверху, и они летят вниз. Движение такое быстрое, что его не определишь никаким иным словом, кроме как полет. Порой, если на пути санок встречается какое-нибудь препятствие, седок вылетает из них кувырком; я полагаю, это делается ради шутки. Каждому смертному, появляющемуся при дворе, приходилось съехать с этой ледяной горы, как ее называ-

ют, но пока никто не сломал себе шеи. Я до потери сознания страшилась, что мне тоже придется съезжать по этому ужасному спуску, — не только из боязни сломать себе шею, но и просто очутиться в неприличном положении, о котором без ужаса и подумать-то нельзя, и я какое-то время не бывала при дворе, почти надеясь, что кто-нибудь, сломав себе руку или ногу, положит тем самым забаве конец; но все-таки я была вынуждена появиться там. Кто-то воскликнул: «Вы никогда не катались», ибо каждый был рад, если с его ближним обходились так же, как с ним самим. Услышав это, я готова была умереть, но ее величество сказала, что мое теперешнее положение не позволяет кататься, и, таким образом, меня простили. Если Вам придет в голову приехать сюда, пока это гора существует, Вам непременно надо иметь такой же предлог не кататься, иначе поедете вниз.

Теперь о Ваших семейных делах. Услышав, как Вы сетуете, что Вам не удалось убедить ни одну из этих дам пойти на малейшие уступки, и впрямь можно подумать, будто Вы очень плохо знаете род человеческий или не изучали людских страстей (хотя относительно и того и другого я уверена в обратном). Я уже говорила Вам, что это невозможно, поскольку обе дамы тешат свою гордыню. Предположи я, что это доставит Вам столько хлопот, я бы не втягивала Вас в это дело, но мне сдается, мадам, что при всем Вашем благоразумии, за устройством этого дела в Вас чуточку заговорило нечто, именуемое гордостью, и Вы уязвлены тем, что, несмотря на такое превосходство Вашего ума, не можете убедить их. Так ведь именно по этой причине и не можете: Ваши слова выше их понимания, поскольку мысли ни одной из них никогда не шли дальше болтовни за карточным столом или в обществе. Поскольку же мои умственные способности ближе к их способностям, чем Ваши, то, мне представляется, я могу Вам присоветовать путь более успешный, нежели убеждение. Когда которая-нибудь из них пожалуется Вам на другую, поддержите ее, побранив отсутствующую, и, смею сказать, обе рассердятся на Вас и объединятся. Это навело меня на мысль посоветовать м-ру Б. привлечь кого-нибудь для исполнения такой проделки, но, подозреваю, он слишком прямодушен и отнесется с презрением к победе, достигнутой посредством подобной хитрости, а потому не последует совету Вашей, и проч.

Мадам,

Вы нашли способ жестоко отомстить мне за план, который я лишь думала внушить м-ру Б. Вы требуете, чтобы я описывала характеры людей в столь не свойственной мне манере или же впредь не писала бы Вам вовсе, хотя в конечном счете наказаны-то за это распоряжение будете Вы.

Герцог и герцогиня Курляндские (которые прежде, как Вам известно, были графом и графиней Бирон) по-прежнему пребывают в таком фаворе, что от их наспуленных бровей или улыбки зависит счастье или несчастье всей империи, то есть настолько, насколько благосклонность может способствовать первому или немилость дает повод ко второму. Людей, которых бы один из них или оба вместе не подчинили себе, так мало, что весь народ находится в их власти. Герцог очень тщеславен, крайне вспыльчив и, когда выходит из себя, несдержан в выражениях. Будучи к кому-то расположен, он чрезвычайно щедр на проявления своей благосклонности и на похвалы, однако непостоянен; скоро без всякой причины он меняется и часто питает к тому же самому человеку столь же сильную неприязнь, как прежде любил. В подобных случаях он этого не может скрыть, но выказывает самым оскорбительным образом. Герцог от природы очень сдержан, но, пока благосклонен, ведет себя с любимцем весьма непринужденно. Он прям — если не считает нужным или не желает дать правдивый ответ, то не отвечает вовсе. Он презирает русских и столь явно выказывает свое презрение во всех случаях перед самыми знатными из них, что, я думаю, однажды это приведет к его падению; однако я действительно считаю, что его преданность ее величеству нерушима и благо своей страны он принимает близко к сердцу.

Его герцогиня надменна и угрюма, с неприятными обликом и манерами, что делает невозможным уважение, которое она хотела бы приобрести таким способом, то есть уважение искреннее, а не показное. Сказать по правде, хотя меня и называют ее фавориткой и она благосклонна ко мне более, чем к другим, в сердце моем нет чувства, которое называю уважением; ибо соблюдение этикета соответственно ее положению я бы не назвала уважением, хотя это и именуют так. И сама она заблуждается на сей счет, поскольку, внезапно так сильно возвысившись, она

вышла из своего круга и полагает, будто надменностью можно вызвать уважение. Будь она частным лицом, она была бы тем, что д-р П. называет «аристократкой», и я предоставляю ему самому разъяснить Вам, кого он так величает. Герцогиня не вмешивается в дела или служебные назначения, но делает вид, что все время, свободное от присутствия при ее величестве, отдает воспитанию своих детей и рукоделию. Со светом она знакома мало, не отличается большим умом, хотя и не глупа; любит наряды. Вы восклицаете: «Она ведь женщина, так что это неудивительно!» Может быть, и так, но делать подобные замечания предоставьте мужчинам.

Итак, я, послушавшись Вас, расправилась с двумя аристократами нашей северной стороны и надеюсь (хотя и очень старалась), это послание заставит Вас запретить подобные описания той, которая, и прочие.

ПИСЬМО XXIX

Петербург, 1737

Мадам,

вместо того чтобы избавить меня от заданий, порученных мне, Вы требуете выполнения еще бóльших. Я полагала, что исчерпывающе описала герцога и герцогиню в последнем письме, но Вы задаете о них много вопросов, на кои отвечу по порядку. Он сохраняет пост обер-камергера ее величества, хотя сам является сувереном, а она по-прежнему первая фрейлина, с той лишь разницей, что теперь, при ее новом титуле, садится в присутствии ее величества, когда садятся принцессы, и на всех общественных собраниях ей целуют руку. Бироны живут во дворце, но имеют все те же придворные чины из числа своих подданных, как и ее величество, и желания герцога и герцогини, когда они при дворе, выполняются этим штатом. То есть у него есть собственный камергер, а у нее — фрейлины; герцогская чета имеет собственные, и очень пышные, выезды с ливрейными слугами.

Граф Остерман — вице-канцлер империй, и устройство всех дел возложено на него, хотя всем руководит герцог. Остермана считают величайшим из нынешних министров в Европе, но поскольку искренность — качество, которое обычно не считается обязательным в этой профессии, граф не допускает, чтобы она мешала исполнению задуманных им планов. Он любезен и обладает

интересной внешностью, а когда выходит из своей роли министра, то оказывается очень занимательным собеседником. Родом он из Вестфалии и приехал сюда в качестве личного секретаря одного голландского адмирала, состоявшего тогда на русской службе. Увидев одну бумагу, переведенную Остерманом на русский язык, Петр Первый послал за ним и, по свойственной этому монарху гениальной проницательности, в разговоре скоро открыл в нем глубокий ум, взял его к себе, постепенно возвысил до занимаемого им теперь поста и женил на русской даме — очень красивой, знатной и богатой, хотя сам граф продолжает оставаться лютеранином. Он не алчен, поскольку остается бедным при всех предоставлявшихся ему возможностях. Он был наставником Петра Второго и главной силой, приведшей князя Меншикова к падению, но вскоре был заменен князем Долгоруким, большим фаворитом сего юного монарха, и кое-кто полагает, что только смерть последнего уберегла графа от падения, поскольку фаворит боялся его коварства и осведомленности, подтверждение которым видел в падении Меншикова. Граф был очень галантен, но никогда не стремился обольстить светскую даму, поэтому его любовные похождения не делали много шума, а сейчас он, кажется, считает женщин более просто веселыми и хорошенькими игрушками (чтобы, расслабившись в свободный час, отвлечься на пустяки и болтовню), чем мужчин, которые непременно поведут разумные беседы, тогда как ему хотелось бы услышать лишь вздор. Я знаю, Вы полагаете большинство представительниц нашего пола как нельзя лучше подходящими для этого и убеждены, что так обстоит по крайней мере с Вашей, и прочие.

ПИСЬМО XXX

Петербург, 1737.

Мадам,

я вижу, вы нетерпеливы, а потому берегитесь! К графу Остерману добавлены еще двое, составляющие кабинет министров. Один из них — князь Черкасский, русский, персона замечательная во многих отношениях. Прежде всего (и, по мнению многих, самое важное), он очень богат: владеет тридцатью тысячами глав семейств, как рабами, и наследница — его единственная дочь. Затем — фигура князя, которая в ширину несколько больше, чем

в высоту; его голова, очень большая, склоняется к левому плечу, а живот, тоже большой, — направо. Его ноги, очень короткие, всегда обуты в сапоги, даже на придворных приемах по случаю больших праздников. Ну и, наконец, он знаменит своей молчаливостью; он, мне кажется, никогда не говорит более, чем некий член другого знаменитого собрания, который, как мы с Вами знаем, сделал это в опубликованной речи. Но владения и знатность князя потребовали для него почетной должности, и он наверняка не станет ни утруждать себя делами, ни мешать кабинету своим красноречием.

Другой кабинет-министр — граф Ягужинский. Его наружность прекрасна, черты лица неправильны, но очень величественны, живы и выразительны. Он высок и хорошо сложен. Манеры его небрежны и непринужденны, что в другом человеке воспринималось бы как недостаток воспитания, а в нем столь естественно, что всякому видно: иное ему не пошло бы, ибо при такой непринужденности, когда каждое его движение кажется случайным, он преисполнен достоинства, привлекающего к себе все взоры даже в очень большом собрании, словно является в нем центральной фигурой. У него тонкий ум и тонкие суждения, а живость, так ясно читаемая на лице, присуща всему его характеру, поэтому за день он успевает сделать больше, чем большинство других — за неделю. Если кто-нибудь просит его покровительства и он имеет основательную причину для отказа, то прямо говорит, что не станет этого делать потому-то и потому-то. Если же сомневается, то назначает время для ответа, а тогда говорит «помогу» или «не могу помочь» и по какой причине. Пообещав выполнить просьбу, он скорее умрет, чем нарушит данное слово. Он всегда без лести высказывает высокопоставленным особам свое мнение, и если бы даже первейшее в империи лицо поступило неверно, он сказал бы это так же откровенно, как и о самых низших. Подобное в этой стране столь опасно, что заставляет его друзей постоянно дрожать за него. Но покуда все облеченные самой большой властью боятся его, ибо его суждения столь справедливы, но и столь суровы, что все трепещут перед ним. Он дружен лишь с очень немногими, хотя многим оказывает услуги; но в дружбе он очень постоянен: ничто не может поколебать его дружеского расположения, разве только когда сам убедится в очень дурном поведении человека. Граф предпочитает уклоняться от обременительных церемоний, сопряженных

с его положением, и любит обедать по-семейному с другом, и тогда он — один из самых очаровательных собеседников, какие только бывают. Я должна привести один пример его человечности, который позволит Вам судить о графе лучше любых моих слов. Однажды он обедал у нас по-дружески, как он любит, и я говорила об этом выше (честь, которую он часто оказывает нам, поскольку питает дружеские чувства к м-ру Р. и всегда выказывал их также и мне), и я с состраданием и озабоченностью упомянула об одном бедняге, навлекшем на себя недовольство ее величества и долго томившемся в заключении. Несмотря на то, что граф, пришедший к нам отдохнуть, мог обидеться на разговор о делах, он тотчас сказал: «Матушка,— он всегда зовет меня так,— я позабочусь о нем, но пока не могу этого сделать». Прошло три месяца, и я уже искала возможности напомнить ему об обещании, о котором, как я думала, он забыл, но (в день рождения ее величества) он пришел ко мне и сказал, что тот человек освобожден и восстановлен во всех своих должностях. При этом граф добавил: «Я люблю Ваше сострадательное сердце и, знаю, облегчил его тем, что помог человеку в беде; всегда смело обращайтесь ко мне, причем без всяких сомнений, как в этот раз». Он был большим любимцем Петра Первого, который всегда называл его «своим оком», ибо говорил: «Если Павел увидит что-то, я узнаю истину с той же точностью, как если бы видел это сам». Но моя бумага советует сказать Вам, что остаюсь, и прочие.

ПИСЬМО XXXI

Петербург, 1737.

Мадам,
велик соблазн обмануть Вас, сообщив, что господин, которым Вы так очарованы, холост. Ведь мне сдается, если бы это было так, Вы бы приехали сюда и постарались покорить его. Но увы! К несчастью — и его, и Вашему,— у него такая жена, что он сам не знает, как с нею быть, и я советовала бы Вам не вставать у него на дороге. Поэтому, знаете ли, что он считается с моим мнением и я заставляла бы его показать Вам, сколь неразумно и жестоко Вы обходитесь с м-ром Б., и я уверена: Вы не смогли бы устоять против его доводов. Следовательно, если Вы склонны завоевать славное звание старой девы, не попа-

дайтесь ему на пути, ибо он с его пронизательностью быстро поймет, что Ваш деспотизм — результат покорности м-ра Б., и, стало быть, так укротит Вас, что Вы тут же сделаетесь всего лишь женой того, кого давным-давно покорили.

Должна рассказать Вам историю одной дамы, мужеству которой дивлюсь, но не имею ни малейшего желания последовать ее примеру. Польский посол и его супруга были приглашены на обед к графу Ягужинскому, где должно было собраться большое общество. Граф живет на одной стороне реки, а они — на другой. Когда они по льду переезжали реку, лед треснул, ее сани провалились в воду, и она с большим трудом выбралась, вымокнув с головы до ног. Она отправилась домой, а ее муж поехал дальше, извинился за опоздание и очень спокойно поведал о приключившемся с его женой. Предоставляю Вам судить относительно причины спокойствия: было ли это большое *sang froid* * или радость, что она спаслась. Но вот что меня поразило. Когда подали десерт, появилась сама эта дама. Она переделалась, снова решила переехать через реку и ничуть не выглядела расстроенной; она танцевала с нами всю ночь, а затем снова по льду поехала домой. Все общество выражало ей свое восхищение такой отвагой. Я же, должна признаться, посмотрела на это дело с другой точки зрения и увидела в нем явное свидетельство легкомыслия, в котором обвиняют наш пол (подвергаться большому риску ради бала); жаль, что так поступила женщина.

Коль скоро я заговорила об этой даме, должна добавить еще кое-что о ней и ее соотечественницах. Здесь вместе с нею присутствовали еще две знатные польские дамы. Все они внешне очень эффектны, хотя и не красавицы, грациозны, очень веселы, но несколько чопорны. Все они любят танцевать и петь и всякого рода развлечения; их тело и дух, кажется, никогда не ведают усталости. Они очень приятные собеседницы — на один час, но слишком утомительны для меня при более долгом общении, ведь я, как Вам известно, способна утратить интерес, особенно к людям, обладающим высокомерием духа, если можно так выразиться. У них великолепные слуги, одежда, но в них столько национальной гордости и воинственности, что теряется мягкость, присущая нашему полу. Однако последнее наблюдение заставляет меня задуматься над

* Хладнокровие (фр.). (Примеч. пер.)

тем, насколько несвойственна мне манера, в которой Вы вынуждаете меня действовать. Коротко говоря, если бы мои письма к Вам кто-то увидел, какой смешной я бы выглядела! Впрочем, Ваши желания для меня обязательны, и мои действия — более сильное доказательство моей дружбы, нежели уверения в ней в каждом письме.

Я действительно ощущаю недостаток таланта для удовлетворения Ваших требований ко мне, но никому не уступлю чести быть преданной Вам и любящей Вас, и проч.

ПИСЬМО XXXII

Петербург, 1737.

Мадам,

Вы очень добры, упрекая меня в том, что я отважилась ехать через ку после того случая, описанного мною Вам в последнем письме. Но м-р Х., рассказывая Вам об опасности, которой я себя подвергала, должен был указать и причину: я поехала навестить больную, даже умирающую даму. Она чужая в этой стране, и если бы я не решилась ехать, то она в таком состоянии осталась бы на попечении слуг. Теперь, смею сказать, Вы согласитесь со мной, что человеколюбие — более сильный побудительный мотив, нежели храбрость, и, следовательно, сей геройский поступок (как и многие другие) сам по себе весьма незначителен, если известны все обстоятельства.

Скажите, пожалуйста: гуляя среди толпы в парке, можете ли Вы назвать имя каждого, кто там есть? Если нет, то как же Вы можете спрашивать меня, кто еще составляет двор? Я рассказала Вам о тех, кто ведает внутренними и внешними делами. Остальные только заполняют круг, это, как и при большинстве других дворов, военные и придворные, хотя здесь между этими двумя категориями большее различие, чем при некоторых иных дворах. Первые, как правило, — грубые варвары; их вышагивание, свирепость облика и манеры заставляют вспоминать об ужасной стороне их ремесла и задуматься, уместны ли они вообще на дворцовых приемах. Правда, надо отдать им справедливость: это не проявляется в их разговоре.

Другие — такие же, что и везде, просто милые молодые люди, то есть пустое место в изящных одеждах. В одном из писем я описывала Вам развлечение, называе-

мое катанием, которое, полагаю, заставило Вас вообразить, будто бы мы все здесь обратились в канатных плясунов и акробатов. Теперь, пожалуй, мы все станем для Вас драгунами: нынешнее развлечение двора — стрельба по неподвижной и летящей цели. Этого, в отличие от первого, мне избежать не удалось; однажды я выстрелила из ружья и, как мне сказали, попала в цель. Впрочем, я так испугалась, что и не видела ее, однако могу Вас уверить, хоть я и ужасная трусиха, некоторые из упомянутых выше веселых красавчиков казались еще более испуганными. И осмелюсь заметить, если бы юбки были освобождены от этого развлечения, такие мужчины охотно отдали бы свои штаны первой же женщине, которая захотела бы их взять. В этом я совершенно согласна с ними: все женщины, склонные к подобным забавам, должны носить штаны. Однако какой бы вид — щеголя, повесы или какой-либо еще — мне ни пришлось принять, неизменно останусь Вашей, и проч.

ПИСЬМО XXXIII

Петербург, 1737.

Мадам,

Вы, конечно, полагаете, что я и впрямь стала ханжой, если думаете, мне должно доставить удовольствие описывать представительниц нашего пола, или хотите заставить меня поверить (а я все еще не могу этого сделать), будто сие доставляет удовольствие Вам. Ведь если одна из нас или мы обе не принадлежим к разряду людей надменных, то нам следует удовлетвориться наблюдением за своим собственным поведением (чтобы быть настолько безупречными, насколько возможно женщинам), а не разбирать поведение других. Но поскольку я не могу отказать Вам ни в одной Вашей просьбе, хотя и удивляюсь им, то, пожалуй, представлю, что мы болтаем за чашкой чаю и обмениваемся мнениями о нарядах ко дню рождения и брюссельских кружевах, и расскажу Вам, что и кто мне нравится, придавая этому столь же мало значения, как если бы говорила о платье, а не о женщине. Я сделаю это тем откровеннее, что — хулю я или хвалю — это не может иметь дурных последствий, ибо все люди, о которых я должна говорить, Вам незнакомы, иначе даже Вы не убедили бы меня высказать свое мнение, хотя оно и слишком мало значит, чтобы кого-то потревожить или кому-то повредить.

Я уже, как могла, описала Вам ее величество, принцесс и герцогиню Курляндскую. Мадам Адеркас — воспитательница принцессы Анны. Она родилась в Пруссии и является вдовой генерала — кажется, француза. С ним она побывала во Франции, Германии и Испании. Она чрезвычайно привлекательна, хотя и немолода; ее ум, живой от природы, развит чтением. Она повидала столь многие различные дворы, при большинстве которых ей какое-то время доводилось жить, что это побуждало людей всех званий искать ее знакомства, а ее способности помогли ей развить ум в беседах с интересовавшимися ею людьми. Поэтому она может быть подходящим обществом и для принцессы, и для жены торговца и подобающе поведет себя с той и с другой. В частном обществе она никогда не оставляет придворной учтивости, а при дворе не утрачивает свободы частной беседы. При разговоре она ведет себя так, словно старается научиться чему-то у собеседников, хотя я считаю, что отыщется весьма мало таких, кому не следовало бы поучиться у нее. После того как я покинула Вас, самые приятные мои часы (в отсутствие м-ра Р.) были проведены с нею, хотя ее положение позволяет мне встречаться с нею реже, чем хотелось бы, но когда это удастся, я не упускаю случая узнать что-либо полезное и насладиться ее обществом.

У нее есть единственная дочь, которая находится при ней и которая унаследовала ее здравый смысл и благородство ума, но не внешность. В последнем природа оказалась ей мачехой, поэтому дочь не произносит и половины тех очень умных речей, которые бы высказала, будь она красива. И если представители одного пола по этой, быть может, причине, не усматривают в речах дочери большого интереса, то представительницы другого по той же причине находят, что она высказывает массу умных мыслей. Но в эту самую минуту входит она сама, поэтому *sans cérémonie* *, и проч.

ПИСЬМО XXXIV

Петербург, 1738.

Мадам,
не думаете, что могли бы заставить одну женщину говорить о другой или о многих других и не услышать

* Без церемоний (фр.). (Примеч. пер.)

ничего скандального. По крайней мере, пока я выполню задачу, поставленную Вами передо мной, Вы поймете, что в этом я не отличаюсь от большинства представительниц моего пола. Только что у меня была с визитом одна из наших красавиц, жена русского господина, которого Вы знавали в Англии,— м-ра Лопухина. Это одна из фрейлин и племянница той дамы, о которой я Вам рассказывала, что она была любовницей Петра Первого. Но скандальная хроника гласит, что добродетель племянницы победить было не столь трудно. Она и ее любовник, если он действительно таковым является, очень постоянны в своем сильном и взаимном чувстве на протяжении многих лет. Она приезжала отдать мне визит после ее родов. Когда она родила, я при первой же встрече поздравила ее мужа с рождением сына и спросила, каково самочувствие супруги. Он ответил по-английски: «Почему Вы спрашиваете меня? Спросите графа Левенвольде, он знает лучше». Увидев, что я совершенно озадачена его словами, добавил: «Да весь свет знает, что это правда, и это меня ничуть не волнует. Мы были вынуждены пожениться по желанию Петра Великого. В то время я знал, что она ненавидит меня, а сам я был к ней совершенно равнодушен, хотя она красива. Я не могу ни любить ее, ни ненавидеть и теперь по-прежнему равнодушен к ней. Так почему же я должен расстраиваться из-за ее связи с человеком, который ей нравится, тем более что, надо отдать ей должное, она ведет себя настолько благопристойно, насколько позволяет положение». Судите сами о моем смущении или подумайте о том, как бы Вы поступили в таком случае. Скажу Вам, что сделала я: внезапно оставила его, заговорив с первым подвернувшимся человеком. Эта дама говорит только по-русски и по-немецки, так что мы можем обсуждать лишь простые вещи, ведь я плохо говорю и на том, и на другом. Посему могу сообщить разве только о ее наружности, которая действительно хороша. Кажется, я уже сказала достаточно, но не могла обойти молчанием эту историю, показавшуюся мне очень необыкновенной, хотя и презираю себя за злоязычие, в котором повинна и которое Вы едва ли простите своей, и проч.

ПИСЬМО XXXV

Петербург, мая 10, 1739.

Мадам,

теперь я собираюсь рассказать Вам о даме, которая, мне кажется, очарует Вас. По происхождению она — знатная венецианка, вышла замуж за старика, который уже много лет живет в этой стране, хотя родился в Рагузе. В Венецию его послал Петр Великий по какому-то важному делу, и там он женился на этой даме, или скорее купил ее, поскольку он сказочно богат. Сейчас ей двадцать пять лет, она высокая, хорошо сложена, мила и грациозна. Черты лица ее довольно резкие, но у нее необыкновенно красивые большие черные глаза, и вся она похожа на слышанные мною описания римских красавиц. Старый муж держит ее при себе и почти никогда не отпускает никуда, кроме двора, где она постоянно появляется во всем блеске, какой только могут придать великолепные платья и драгоценности очень элегантной особе. У нее огромное количество очень крупного прекрасного жемчуга; столько, что некоторые дамы начали подозревать, что он фальшивый, и, следовательно, возымели сильное желание убедиться в правильности своего подозрения, что доставило бы им большое удовольствие. Здесь в моде держать шутов обоюго пола, которым позволено говорить и делать тысячу глупостей. Одна из таких шутих взялась открыть этот занимавший всех секрет. Соответственно, как только она в следующий раз увидела даму при дворе, то стала с воодушевлением говорить ей о ее наружности и наконец сделала вид, что целует ее в шею, а делая это, укусила одну из жемчужин. Почувствовав это, дама ударила ее по уху и сказала, что удар этот поможет той помнить, что знатные венецианки не носят поддельных драгоценностей. Шутиха, удивленная ударом, вскрикнула и заявила, что пожалуется ее величеству, которая находилась в другой комнате. Дама весьма сдержанно ответила: «Если вы поступили так по приказу ее величества, то должны были сказать мне об этом. Если же нет, то, полагаю, она будет довольна, что я наказала вас за дерзость по отношению к человеку моего положения, не обременяя ее формальной жалобой». Шутиха какое-то время не показывалась [при дворе], и дело было замято.

Теперь, полагаю, Вы воскликнете: «Ах, как мне нравится ее присутствие духа!» и жаждете задать о ней тысячу вопросов. Но, как я уже говорила, она нигде,

кроме двора, не бывает, а там разговаривают только на общие и бытовые темы. Поэтому я ничего о ней не знаю и могу судить о ней только на основании этого случая, который, признаться, как-то не согласуется с низостью души, нужной женщине, чтобы за деньги продаться немощному старику. Я ведь почти согласна с шотландским священником, который сказал девушке, за небольшую сумму продавшей свою благосклонность: «Лучше бы ты сделала это во имя Господа». Не сомневаюсь, что они обе равно продались, и должна признаться: я прониклась к этой даме таким презрением, что едва с нею разговаривала, хотя после описанного случая и испытывала сильное желание познакомиться, поскольку полагала, что вижу Вас воодушевленной таким поступком. Но, учтя многократно сказанные Вами мне слова о том, что только лишь Ваша пристрастная дружба может простить мне мою беспринципность (*tameness*), как Вы ее называете, сочла за лучшее воздержаться от этого. Не стремясь к новым знакомствам, с удовлетворением остаюсь Вашей, и проч.

ПИСЬМО XXXVI

Петербург, 20 июня 1739.

Мадам,

я очень рада, что Вы одобряете меня за нежелание познакомиться с венецианской дамой, однако несколько обижена Вашим заявлением, что она Вам нравится, но я не подхожу для бесед с нею. Правда, меня отчасти утешает Ваше мнение о недостаточной тонкости чувств, проявленной ею при выборе [супруга], поскольку нахожу, что она нравится Вам лишь способностью тотчас и сурово возмутиться. Думаю, она не расплатится от резкого слова подруги — эту слабость, как мне известно, Вы презираете.

Мы все очень заняты приготовлениями к свадьбе принцессы Анны с принцем Брауншвейгским. Кажется, я никогда не рассказывала Вам, что его привезли сюда шесть лет тому назад с целью женить на принцессе. Ему тогда было около четырнадцати лет, и их воспитывали вместе, с тем чтобы вызвать [взаимную] привязанность. Но это, мне думается, привело к противоположному результату, поскольку она выказывает ему презрение —

нечто худшее, чем ненависть. Наружность принца вполне хороша, он очень белокур, но выглядит изнеженным и держится довольно-таки скованно, что может быть следствием того страха, в котором его держали с тех пор, как привезли сюда: так как этот брак чрезвычайно выгоден для принца, ему постоянно указывали на его место. Это да еще его заикание затрудняют возможность судить о его способностях. Он вел себя храбро в двух кампаниях под началом фельдмаршала Миниха. Утверждают, что причиной отправки принца [в армию] было намерение герцога Курляндского женить на принцессе [Анне] своего сына. Во всяком случае, когда она выказала столь сильное презрение к принцу Брауншвейгскому, герцог решил, что в отсутствие принца дело будет истолковано в более благоприятном свете и он сможет наверняка склонить ее к другому выбору. В соответствии с этим на прошлой неделе он отправился к ней с визитом и сказал, что приехал сообщить ей от имени ее величества, что она должна выйти замуж с правом выбора между принцем Брауншвейгским и принцем Курляндским. Она сказала, что всегда должна повиноваться приказам ее величества, но в настоящем случае, призналась она, сделает это неохотно, ибо предпочла бы умереть, чем выйти за любого из них. Однако если уж ей надо вступить в брак, то она выбирает принца Брауншвейгского. Вы догадываетесь, что герцог был оскорблен, а принц и его сторонники возликовали. Теперь последние говорят, будто ее отношение к принцу было уловкой, чтобы ввести в заблуждение герцога, но мне кажется, она убедит их в том, что не помышляла ни о чем, кроме того, чтобы, коли ее принуждают, таким способом нанести удар по ненавистному ей герцогу. Она действительно никого не любит, но поскольку не выносит покорности, то более всех ненавидит герцога, так как в его руках самая большая власть, и при этом принцесса обязана быть с ним любезной.

Однако делаются большие приготовления к свадьбе, которую отпразднуют со всей возможной пышностью, и никто не говорит ни о чем другом. По окончании свадьбы Вы получите о ней самый подробный отчет, на какой только я способна, поскольку, уверена, таков будет Ваш приказ Вашей, и проч.

Петербург, 30 июля 1739.

Мадам,

Вы, вероятно, знаете из газет, что здесь состоялось большое празднование свадьбы, и, следовательно, ожидаете исполнения моего обещания.

Маркиз Ботта, министр императора, только на три дня принял титул посла, чтобы формально от имени своего государя просить руки принцессы для принца Брауншвейгского, его племянника. В субботу маркиз отбыл из города в монастырь Св. Александра, откуда в воскресенье совершил официальный въезд в город в качестве посла. Этот въезд был во многом похож на все официальные въезды. В понедельник посол имел аудиенцию для сватовства к принцессе. Ее величество стояла под балдахином на троне, поднятом на двенадцать ступеней, в конце большого зала; позади нее было большое кресло, а по правую руку — стол. Все ее камергеры расположились на ступенях трона, а камер-юнкеры — рядами у его подножия. Знать и иностранные министры расположились в три ряда один за другим вдоль левой стены зала по всей его длине, а дамы — точно так же вдоль правой. Ни принцесса [Анна], ни герцог и герцогиня Курляндские не появились, принцесса же Елизавета со своим двором присутствовала. Посла сопровождала большая свита. После поклонов он взошел на ступени трона и надел шляпу. Она была у него на голове, пока он говорил, но он снял ее, вручая письмо. Великий канцлер ответил на его речь, и посол удалился, а ее величество осталась на том же месте. Подошел министр герцога Вольфенбюттельского, произнес речь и вручил письмо, но стоя у подножия трона и с непокрытой головой. Во все это время в зале стояла столь глубокая, нарушаемая только речами, тишина, что можно было услышать, как упала булавка. Эта тишина вкупе с богатством одежд ее величества, величественностью ее особы и знатностью всего общества придавала церемонии особую торжественность и пышность. Когда упомянутый последним министр удалился, ее величество перешла в длинную галерею, сопровождаемая всем обществом в прежнем порядке, и встала под балдахином, но без трона. Когда она заняла это место, принц вошел поблагодарить ее за согласие на его брак с принцессой. На нем был белый атласный костюм, вышитый золотом; его собственные очень длинные белокурые волосы были зави-

ты и распушены по плечам, и я невольно подумала, что он выглядит, как жертва. Когда он произнес свою речь, императрица поставила его под балдахином по правую от себя руку. Затем пригласили посла, который встал слева от императрицы. Тогда обер-гофмаршал и князь Черкасский ввели принцессу, она остановилась прямо перед ее величеством, и та сказала, что дала принцу согласие на брак с нею. При этих словах принцесса обняла свою тетюшку за шею и залилась слезами. Какое-то время ее величество крепилась, но потом и сама расплакалась. Так продолжалось несколько минут, пока наконец посол не стал успокаивать императрицу, а обер-гофмаршал — принцессу. Ее величество, оправившись от волнения, взяла кольцо у принцессы, а другое — у принца и, обменяв их, отдала ей его кольцо, а ему — ее. Затем она повязала на руку племянницы портрет принца и поцеловала их обоих, пожелав им счастья. Потом принцесса Елизавета подошла поздравить невесту, как теперь называли принцессу, и, заливаясь слезами, обняла. Но императрица отстранила ее, и Елизавета отступила, чтобы другие могли подойти и поцеловать руку невесты, продолжавшей плакать. Принц поддерживал ее и действительно выглядел немного глупо среди всего этого потока слез. Как только все поздравления закончились, ее величество удалилась и все общество разъехалось по домам готовиться к завтрашней свадьбе.

Во вторник всем иностранным министрам были назначены места, откуда они могли бы наблюдать процессию, и также места в церкви, куда они должны были ехать, как только проследует процессия, ибо церемониалом не было определено их участие в процессии, так как никто бы не согласился занять самое непочетное место. Принц в сопровождении своего двора без особой пышности первым проехал в церковь. Затем стали съезжаться в каретах особы, занимающие государственные должности, и знать. Их экипажи — и кареты, и ливреи слуг — были великолепны; перед каждой каретой шло по десять лакеев, а у некоторых было еще по два скорохода и разнообразные ряженные на потеху публике. У одного экипажа, который мне очень понравился, двумя скороходами были негры, одетые в черный бархат, так плотно прилежавший к телам, что они казались обнаженными, и только, на индейский манер, были надеты перья. После того как все они проехали, появился принц Карл, младший сын герцога Курляндского, в коляске, предшествуемой двена-

дцатью лакеями. Коляску сопровождали также четыре скорохода, два паж, два гайдука и два господина верхами. За ним в таком же сопровождении проехал его старший брат, принц Петр. Потом проехал сам герцог в совершенно великолепной коляске, с двадцатью четырьмя лакеями, восемью скороходами, четырьмя гайдуками и четырьмя пажами — все они шли перед коляской; кроме того, шталмейстер, гофмаршал и два герцогских камергера верхами. У двоих последних было по своему лакею в собственных ливреях. Затем показались ее величество и невеста, это был целый поезд. Первыми прошли сорок восемь лакеев, двенадцать скороходов, двадцать четыре паж с их наставником, ехавшим верхом. Вторыми, тоже верхом, следовали камергеры, при каждом — скороход, державший лошадь под уздцы, и двое верховых слуг, каждый в своей ливрее; один из них вел в поводу лошадь. Третьими — обер-камергеры верхами, лошадь каждого вели два скорохода, и при них по четверо слуг в своих ливреях с тремя лошадьми в поводу; и ливреи, и сбруи лошадей были очень богатыми. Четвертым ехал обер-шталмейстер в сопровождении всех грумов, конюших и берейторов конюшен ее величества. 5) Обер-егермейстер, сопровождаемый всею охотничьей прислугой в соответствующих костюмах. 6) Унтер-гофмаршал двора со своим штатом. 7) Обер-гофмаршал со своим штатом, причем каждый еще имел при себе своих слуг в собственных ливреях подобно тому, как следовали обер-камергеры. 8) Коляска, устроенная таким образом, что один человек должен был сидеть в ней спиной; коляска была исключительно богатая, запряженная восьмеркой лошадей. Императрица и невеста сидели в ней напротив друг друга: императрица — лицом по ходу, невеста — спиной. На невесте было платье из серебристой, вышитой серебром ткани с жестким лифом. Корсаж весь был усыпан бриллиантами; ее собственные волосы были завиты и уложены в четыре косы, также увитые бриллиантами; на голове — маленькая бриллиантовая корона, и множество бриллиантов сверкало в локонах. Волосы ее — черные, и камни в них хорошо смотрелись. 9) Принцесса Елизавета со своим двором в семи каретах и со всем своим придворным штатом, расположенным по чинам, как и у ее величества, только не таким многочисленным. 10) Герцогиня Курляндская, ехавшая в одной коляске с дочерью, со своим двором, как и принцесса Елизавета. 11) Жены знатных господ, в каретах и со слугами, как и их мужья,

проследовавшие перед императрицей. Богатство всех этих карет и ливрей было неопишваемым. Все вернулись из церкви в таком же порядке, с той лишь разницей, что невеста и жених ехали теперь в коляске вместе, а ее и его двор, соединившись, следовали за ними сразу после императрицы. Все, за исключением непосредственно царской прислуги, выстроились по чинам в большом зале дворца, чтобы встретить их.

Они вошли в следующем порядке. 1) Императрица в сопровождении герцога Курляндского. На ней было платье с жестким лифом (называемое здесь роброном), коричневое с золотом, очень богатое и, по-моему, очень красивое. [Из украшений —] много жемчуга, но никаких других драгоценностей. 2) Невеста в сопровождении жениха. Его платье было таким же, как у нее, описанное мною выше. 3) Принцесса Елизавета в сопровождении принца Петра Курляндского; она была одета в розовое с серебром платье, превосходно украшенное драгоценными камнями. 4) Герцогиня Курляндская в сопровождении своего младшего сына, в роброне из белого, вышитого золотом атласа, превосходно украшенном рубинами. 5) Ее дочь в сопровождении князя Черкасского; роброн ее был из шелка с цветами по серебряному полю. Когда они вошли в зал, подошел с поздравлениями посол, затем то же сделали все иностранные министры и за ними остальное общество. Ее величество обедала за столом, при котором были только невеста, жених и принцесса Елизавета. Все прочие разъехались по домам весьма утомленными, так как процессия началась в девять часов утра, а когда мы сели обедать, пробило восемь часов вечера. В десять все вернулись ко двору, и начался бал, продолжавшийся до полуночи.

Тогда императрица повела невесту в ее апартаменты, пожелав, чтобы за нею не следовал никто, помимо герцогини Курляндской, двух русских дам и жен тех иностранных министров, дворы которых были родственны принцу. Из таковых женатыми были лишь императорский резидент и м-р Р., а поскольку жена императорского резидента была больна, то я оказалась единственной. Когда мы пришли в апартаменты невесты, императрица пожелала, чтобы герцогиня и я раздели невесту; мы облачили ее в белую атласную ночную сорочку, отделанную тонкими брюссельскими кружевами, и затем нас послали за принцем. Он вошел с одним лишь герцогом Курляндским, одетый в домашний халат. Как только принц появился,

императрица поцеловала обоих новобрачных и, простившись с ними самым нежным образом, отправилась в своей карете в летний дворец и приказала обер-гофмаршалу проводить меня домой, так как все общество разъехалось, когда она увела невесту. Я добралась до дома около трех часов утра, едва живая от усталости. Все дамы были в робронах, и, хотя дело было в июле, когда тяжелые одежды доставляют много неудобств, богатство каждого наряда невозможно вообразить.

В среду новобрачные ездили обедать с императрицей в летнем дворце. После обеда она приехала с ними в зимний дворец, куда снова были приглашены все, бывшие на свадьбе; теперь они появились в новых, не в тех, что накануне, нарядах. На новобрачной было платье с выпуклыми золотыми цветами по золотому полю, отделанное коричневой бахромой; на новобрачном — камзол из той же ткани. В большом зале состоялся бал и ужин для всего общества. Императрица, молодые, принцесса Елизавета и семейство герцога Курляндского сели за стол, но так как императрица никогда не ужинает, она постоянно переходила с места на место и разговаривала со всеми со своей обычной приветливостью.

Ужин был великолепный, и в зале был устроен фонтан, который все время бил, так что можно было подумать, будто он всегда здесь находился.

Четверг был днем отдыха, ибо ее величество сочла, что ей, как и всем остальным, это необходимо. В пятницу после обеда был маскарад. Составились четыре так называемые кадрили из двенадцати дам каждая, не считая ведущего каждой кадрили. Первую кадрили вели новобрачные, одетые в оранжевые домино, маленькие шапочки того же цвета с серебряными кокардами; маленькие круглые жесткие плоеные воротники, отделанные кружевами, были завязаны лентами того же цвета. Все их двенадцать пар были одеты так же; среди них находились все иностранные министры со своими женами — представители государей, связанных родственными узами либо с принцем, либо с принцессой. Вторую кадрили вели принцесса Елизавета и принц Петр, в зеленых домино и с золотыми кокардами; все их двенадцать пар были одеты так же. Третью кадрили возглавляли герцогиня Курляндская и граф Салтыков (родственник императрицы) в голубых домино и с розовыми с серебром кокардами. Четвертую кадрили вели дочь и младший сын герцогини, в розовых домино и с зелеными с серебром кокардами.

Все остальное общество было в костюмах, какие кто придумал. Ужин был подан в длинной галерее только участникам четырех кадрилией. Вокруг стола стояли скамейки, украшенные так, что выглядели подобно лугу; стол был устроен так же. И стол, и скамейки были покрыты мхом с веткнутыми в него цветами, как будто росли из него. И сам ужин, хотя и совершенно великолепный, подавался так, что все выглядело словно на сельском празднике. Императрица прохаживалась весь вечер без маски.

В субботу ее величество и все общество обедали в апартаментах молодых, с церемонией прислуживания за столом, что, по обычаю этой страны, должны делать новобрачные. После обеда в дворцовом театре давали оперу.

В воскресенье был маскарад в саду летнего дворца, очень красиво иллюминированного, и фейерверк на реке, протекающей у сада. Каждый был одет в наряд по собственному вкусу; некоторые — очень красиво, другие — очень богато. Так закончилась эта великолепная свадьба, от которой я еще не отдохнула, а что еще хуже, все эти рауты были устроены для того, чтобы соединить вместе двух людей, которые, как мне кажется, от всего сердца ненавидят друг друга; по крайней мере, думается, это можно с уверенностью сказать в отношении принцессы: она обнаруживала весьма явно на протяжении всей недели празднеств и продолжает выказывать принцу полное презрение, когда находится не на глазах императрицы. Прошу Вас, не вздумайте задавать мне еще вопросы относительно этой свадьбы — я и так уже надоела Вам массой беспорядочной чепухи, от которой сама краснею. Но впечатлений было столь много и они слишком сильно перемешались в моей голове, чтобы я смогла изложить их понятнее, и ни голова моя, ни рука не позволяют мне добавить ничего более, кроме того, что остаюсь Вашей, и проч.

**СВОЕРУЧНЫЕ ЗАПИСКИ
КНЯГИНИ
НАТАМЫ БОРИСОВНЫ
ДОЛГОРУКОЙ,
ДОЧЕРИ Г-ФЕЛЬДМАРШАЛА
ГРАФА
БОРИСА ПЕТРОВИЧА
ШЕРЕМЕТЕВА**

1767 году, генваря 12 дня.

Как скоро вы от меня поехали ¹, осталась я во уединении, пришло на меня уныние, и так отягощена была голова моя безпокойными мыслями, казалось, что уже от той тягости к земле клонюсь. Не знала, чем бы те безпокойные мысли разбить. Пришло мне на память, что вы всегда меня просили, чтобы по себе оставила на память журнал, что мне случилось в жизни моей достойно памяти и каким средством я жизнь проводила. Хотя она очень бедственна и донесь, однако во удовольствие ваше хочу вас тем утешить и желание ваше или любопытство исполнить, когда то будет Богу угодно и слабость моего здоровья допустить. Хотя я и не могу много писать, но ваше прошение меня убеждает, сколько можно буду старатца, чтоб привести на память все то, что случилось мне жизни моей.

Не всегда бывают щасливы благороднорожденные, по большей части находятца в свете из знатных домов происходящие бедственны, а от подлости рождение происходят в великие люди, знатные чины и богатство получают. На то есть определение Божие. Когда и я на свет родилась, надеюсь, что все приятели отца моего и знающия дом наш блажили день рождения моего, видя радующихся родителей моих и благодарящих Бога о рождении дочери. Отец мой и мать надежду имели, что я им буду утеха при старости ². Казалось бы, и так по пределам света сего ни в чем бы недостатку не было. Вы сами небезизвесны о родителях моих, от кого на свет произведена, и дом наш знаете, которой и донесь во всяком благополучии состоит, братья и сестры мои живут во удовольствии мира сего, чести почтены, богатством изобильны. Казалось, и мне никакова следу не было к нынешнему моему состоянию, для чего бы и мне не так щасливой быть, как и сестры мои. Я еще всегда думала пред ними преимущества иметь, потому что я была очень любима у матери своей и воспитана отменно от них, я же им и большая. Надеюсь, тогда

все обо мне разсуждали: такова великова господина дочь, знатство и богатство, кроме природных достоинств, обратить очи всех знатных женихов на себя, и я по человеческому разсуждению совсем определена к благополучию; но Божий суд совсем не сходен с человеческим определением: он по своей власти иную мне жизнь назначил, об которой никогда и никто вздумать не мог, и ни я сама — я очень имела склонность к веселью.

Я осталась малолетна после отца моего, не больше как пяти лет, однако я росла при вдовствующей матери моей во всяком довольстве, которая старалась о воспитании моем, чтоб ничево не упустить в науках, и все возможности употребляла, чтоб мне умножить достоинств. Я ей была очень дорога: льстилась мною веселитца, представляла себе, когда приду в совершенные леты, буду доброй товарищ во всяких случаях, и в печали и радости, и так меня содержала, как должна благородной девушке быть, пребезмерно меня любила, хотя я тому и недостойна была. Однако все мое благополучие кончилось: смерть меня с нею разлучила.

Я осталась после милостивой своей матери 14 лет. Эта первая беда меня встретила. Сколько я ни плакала, только еще все недоставало, кажетца, против любви ее ко мне, однако ни слезами, ни рыданием не воротила: осталась я сиротою, с большим братом, который уже стал своему дому господин³. Вот уже совсем моя жизнь переменилась. Можно ли все те горести описать, которые со мною случались, надобно молчать. Хотя я льстилась впредь быть сщасливой, однако очень часто источники из глаз лились. Молодость лет несколько помогала терпеть в ожидании вперед будущего сщастия. Думала, еще будет и мое время, повеселюсь на свете, а тово не знала, что вышняя власть грозит мне бедами и что в будущее надежда обманчива бывает.

И так я после матери своей всех кампании лишилась. Пришло на меня высокоумие, вздумала себя сохранять от излишнева гуляния, чтоб мне чево не понести какова поноснова слова — тогда очень наблюдали честь; и так я сама себя заключила. И правда, что тогдашнее время не такое было обхождение: в свете очень примечали поступки знатных или молодых девушек. Тогда не можно было так мыкатца, как в нонешний век⁴. Я так вам пишу, будто я с вами говорю, и для тово вам от начала жизнь свою веду. Вы увидите, что я и в самой молодости весело не живала и никогда сердце мое большого удовольствия

не чувствовала. Я свою молодость пленила разумом, удерживала на время свои желания в разсуждении том, что еще будет время к моему удовольствию, заранее приучала себя к скуке. И так я жила после матери своей два года. Дни мои проходили без утешки.

Тогда обыкновенно всегда, где слышат невесту богатую, тут и женихи льстятца. Пришло и мое время, чтоб начать ту благополучную жизнь, которою я льстилась. Я очень была сщаслива женихами; однако то оставляю, а буду вам то писать, что в дело произошло. Правда, что начало было очень велико: думала, я — первая сщасливица в свете, потому что первая персона в нашем государстве был мой жених, при всех природных достоинствах имел знатние чины при дворе и в гвардии. Я признаюсь вам в том, что я почитала за великое благополучие, видя его к себе благосклонна; напротив тово и я ему ответствовала, любила ево очень, хотя я никакова знакомства прежде не имела и нежели он мне женихом стал не имела, но истинная и чистосердечная его любовь ко мне на то склонила. Правда, что сперва эта очень громко было, все кричали: «Ох, как она сщаслива!» Моим ушам не противно было это эхо слышать, а не знала, что эта сщастие мною поиграет, показала мне только, чтоб я узнала, как люди живут в сщастии, которых Бог благословит. Однако я тогда ничего не разумела, молодость лет не допускало ни о чем предбудущем рассуждать, а радовалась тем, видя себя в таком благополучии цветущею. Казалось, ни в чем нет недостатку. Милой человек в глазах, в рассуждении том, что этот союз любви будет до смерти неразрывной, а притом природные чести, богатство; от всех людей почтение, всякий ищет милости, рекомедутца под мою протекцию. Подумайте, будучи девке в пятнатцать лет так обрадованной, я не иное что думала, как вся сфера небесная для меня переменялась.

Между тем начались у нас приуготовления к сговору нашему. Правду могу сказать, редко кому случилось видеть такое знатное собрание: вся Императорская фамилия была на нашем сговоре, все чужестранные министры, наши все знатные господа, весь генералитет; одним словом сказать, столько было гостей, сколько дом наш мог поместить обоих персон: не было ни одной комнаты, где бы не полна была людей. Обручение наше была в зале духовными персонами, один архиерей и два архимандрита. После обручения все ево сродники меня дарили очень богатыми дарами, бриллиантовыми сергами, часами, таба-

керками и готовальнями и всякою галантерею. Мои б руки не могли б всево забрать, когда б мне не помогали принимать наши. Персни были, которыми обручались, ево в двенатцать тысяч, а мои — в шесть тысяч. Напротив и мой брат жениха моево дарил: шесть пуд серебра, старинные великие кубки и флаши золоченые. Казалось мне тогда, по моему молодому, что это все прочно и на целой мой век будет, а тово не знала, что в здешном свете ничево нету прочнова, а все на час. Сговор мой был в семь часов пополудни; это было уже ночь, для тово принуждены были смоленные бочки зажечь для свету, чтоб видно было разъезжатца гостям, теснота привеликая от карет была. От того великова огня видно было, сказывают, что около ограды дому нашева столько было народу, что вся улица заперлась, и кричал простой народ: «Слава Богу, что отца нашева дочь идет замуж за великова человека, возстановит род свой и возведет братьев своих на степень отцову». Надеюсь, вы довольно известны, что отец мой был первой фельтмаршал и што очень любим был народом и доднесь его помнят. О прочих всех сговорных церемониях или веселии умолчу: нынешнее мое состояние и звание запрещают. Одним словом сказать: все что, что можете вздумать, ничево не упущено было. Это мое благополучие и веселие долго ль продолжалось? Не более, как от декабря 24 дня по январь 18 день. Вот моя обманчивая надежда кончилась! Со мною так случилось, как с сыном царя Давида Нафеаном: лизнул медку, и запришло было умереть. Так и со мною случилось: за 26 дней благополучных, или сказать радощных, 40 лет по сей день стражду; за каждой день по два года придет без малова; еще шесть дней надобно вычесть. Да кто может знать предбудущее? Может быть, и дополнитца, когда продолжитца сострадательная жизнь моя.

Теперь надобно уже иную материю зачать. Ум колеблетца, когда приведу на память, что после всех этих веселий меня постигло, которые мне казались на веки нерушимы будут. Знать, что не было мне тогда друга, кто б меня научил, чтоб по этой скольской дороге опаснее ходила. Боже мой, какая буря грозная восстала, со всего свету беды совокупились! Господи, дай сил изъяснить мои беды, чтоб я могла их описать для знания желающих и для утешения печальных, чтоб, помня меня, утешались. И я была человек, вся дни живота своего проводила в бедах и все опробовала: гонение, странствие, нищету, разлучение с милым, все, что кто может вздумать. Я не

хваляюсь своим терпением, но от милости Божей похваляюсь, что Он мне дал столько силы, что я перенесла и по сие время несу; невозможно бы человеку смертному такие удары понести, когда не свыше сила Господня подкрепляла. Возьмите в разсуждение мое воспитание и нынешнее мое состояние.

Вот начало моей беды, чего я никогда не ожидала. Государь наш окончил живот свои паче чаяния моего, чего я никогда не ожидала, сделалась коронная перемена. Знать, так было Богу угодно, чтоб народ за грехи наказать; сняли милостивого государя, и великой плач был в народе. Все сродники мои съезжаютца, жалеют, плачут обо мне, как мне эту напасть объявить, а я обыкновенно долго спала, часу до девятова, однако, как скоро проснулась, вижу — у всех глаза заплаканы, как они ни стереглись, только видно было; хотя я и знала, что государь болен и очень болен, однако я великую в том надежду имела на Бога, что Он нас не оставит сирых. Однако, знать, мы тому достойны были, по необходимости принуждены были объявить. Как скоро эта ведомость дошла до ушей моих, что уже тогда со мною было — не помню. А как опомнилась, только и твердила: «Ах, пропала, пропала!» Не слышно было иново ничего от меня, что пропала; как кто ни старался меня утешить, только не можно было плач мой пресечь, ни уговорить. Я довольно знала обыкновение своего государства, что все фавориты после своих государей пропадают, чего было и мне ожидать. Правда, что я не так много дурно думала, как со мною сделалось, потому хотя мой жених и любим государем, и знатные чины имел, и вверенны ему были всякие дела государственные, но подкрепляли меня несколько честные ево поступки, зная ево невинность, что он никаким непристойным делам не косен был. Мне казалось, что не можно без суда человека обвинить и подвергнуть гневу или отнять честь или имение. Однако после уже узнала, что при несчастливом случае и правда не помогает. И так я плакала безутешно; свойственники, сыскав средства, чем бы меня утешить, стали меня [уговаривать], что я еще человек молодой, а так себя безрассудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будет худо; будут другие женихи, которые не хуже ево достоинством, разве только не такие великие чины будут иметь, — а в то время правда, что жених очень хотел меня взять, только я на то несклонна была, а сродникам моим всем хотелось за тово жениха меня выдать. Это предложение так мне тяжело

было, что я ничево на то не могла им ответствовать. Войдите в рассуждение, какое это мне утешение и честная ли эта совесть, когда он был велик, так я с радостию за нево шла, а когда он стал нещаслив, отказать ему. Я такому безсовестному совету согласитца не могла, а так положила свое намерение, когда сердце одному отдав, жить или умереть вместе, а другому уже нет участие в моей любви. Я не имела такой привычки, чтоб севодни любить одново, а завтре — другова. В нонешней век такая мода, а я доказала свету, что я в любви верна: во всех злополучиях я была своему мужу товарищ. Я теперь скажу самую правду, что, будучи во всех бедах, никогда не раскаивалась, для чево я за нево пошла, не дала в том безумия Бога; Он тому свидетель, все, любя ево, сносила, сколько можно мне было, еще и ево подкрепляла. Мои сродники имели другое рассуждение, такой мне совет давали, или, может быть, меня жалели. К вечеру приехал мой жених ко мне, жалуясь на свое нещастие, притом рассказывал о смерти жалости достойной, как Государь скончался, что все в памяти был и с ним прощался. И так говоря, плакали оба и присягали друг другу, что нас ништо не разлучит, кроме смерти. Я готовая была с ним хотя все земные пропасти пройтить.

И так час от часу пошло хуже. Куда девались искатели и друзья, все спрятались, и ближние отдалече меня стаща, все меня оставили в угодность новым фаворитам, все стали уже меня боятца, чтоб я встречу с кем не попалась, всем подозрительно. Лучше б тому человеку не родитца на свете, кому на время быть велику, а после притти в нещастие: все станут презирать, никто говорить не хочет. Выбрана была на престол одна принцесса крови, которая никакова следу не имела к короне. Между тем приуговлялись церемонии к погребению. Пришел тот назначенной нещастливой день. Нести надобна было государева тело мимо нашева дому, где я сидела под окошком, смотря на ту плачевную церемонию. Боже мой, как дух во мне удержался! Началось духовними персонами, множество архиереев, архимандритов и всякова духовнова чину; потом, как обыкновенно бывают такие высочайшие погребения, несли государственные гербы, кавалерии, разные ордена, короны; в том числе и мой жених шел перед гробом, несли на подушке кавалерию, и два ассистента вели под руки. Не могла ево видеть от жалости в таком состоянии: опанча траурная предлинная, флёр на шляпе до земли, волосы распущенные, сам так бледен, что ника-

кой живности нет. Поравнявши против моих окон, взглянул плачущими глазами с тем знаком или миною: «Ково погребаем! В последний, в последний раз провожаю!» Я так обеспаметовала, что упала на окошко, не могла усидеть от слабости. Потом и гроб везут. Отступили от меня уже все чувства на несколько минут, а как опомнилась, оставя все церемонии, плакала, сколько мое сердце дозволило, разсуждая мыслию своей, какое это сокровище земля принимает, на которое, кажетца, и солнце со удивлением сияло: ум сопряжен был с мужественною красотою, природное милосердие, любовь к поданным нелицемерная. О, Боже мой, дай великодушно понести сию напасть, лишение сего милостиваго монарха! О, Господи, всевышний Творец, Ты вся можеши, возврати хотя на единую минуту дух ево и открой глаза ево, чтоб он увидел вернова своего слугу, идущего пред гробом, потеряв всю надежду ко утешению и облегчению печали ево. И так окончилась церемония: множество знатных дворян, следующие за гробом. Казалось мне, что и небо плачит, и все стихи небесные. Надеюсь, между тем, и такие были, которые и радовались, чая в себе от новой государыни милости.

По несколько дней после погребения приуготавливали торжественное восшествие новой государыни в столичный город, со звоном, с пушешною пальбою. В назначенный день поехала и я посмотреть ея встречи, для того полюбопытствовала, что я ее не знала от роду в лицо, кто она. Во дворце, в одной отхожей комнате, я сидела, где все церемонию видела: она шла мимо тех окон, под которыми я была и тут последний раз видела, как мой жених командовал гвардию; он был маеор, отдавал ей честь на лошади. Подумайте, каково мне глядеть на сие позорище. И с того времени в жизни своей я ее не видала: престрашна была взору, отвратное лицо имела, так была велика, когда между кавалеров идет, всех головою выше, и чрезвычайно толста. Как я поехала домой, надобно было ехать через все полки, которые в строю были собраны; я поспешила домой, еще не разпущены были. Боже мой! Я тогда свету не видела и не знала от стыда, куда меня везут и где я; одни кричат: «Отца нашего невеста», подбегают ко мне: «Матушка наша, лишились мы своего государя»; иные кричат: «Прошло ваше время теперь, не старая пора». Принуждена была все это вытерпеть, рада была, что доехала до двора своего; вынес Бог из такова содому.

Как скоро вступила в самодержавство, так и стала искоренять нашу фамилию. Не так бы она злобна была на нас, да фаворит ее, которой был безотлучно при ней, он старался наш род истребить, чтоб ево на свете не было, по той злобе: когда ее выбирали на престол, то между прочими пунктами написано было, чтоб оногo фаворита, которой при ней был камергером, в наше государства не ввозить, потому, что она жила в своем владение, хотя она и наша принцесса, да была выдана замуж, овдовевши жила в своем владении, а оставить ево в своем доме, чтоб он у нас ни в каких делах не был, к чему она и подписывалась; однако злодейство многих недоброжелателей своему отечеству все пункты переменяло, и дали ей во всем волю, и всенародное желание уничтожили, и ево к ней по-прежнему допустили ⁵. Как он усилился, побрав себе знатные чины, первое возымел дело с нами и искал, какими бы мерами нас истребить из числа живущих. Так публично говорил: «Да, мы той фамилии не оставлю». Што он не напрасно говорил, но и в дело произвел. Как он уже взошел на великую степень, он не мог уже на нас спокойными глазами глядеть, он нас боялся и стыдился: он знал нашу фамилию, за сколько лет рождение князья имели, свое владение, скольким коронам заслужили все предки. Наш род любили за верную службу ко отечеству, живота своего не щадили, сколько на войнах головы свои положили; за такие их знатные службы были от других отмены, награждены великими чинами, кавалериями; и в чужих государствах многие спокойствии делали, где имя их славно. А он был самой подлой человек, а дошел до такого великова градуса, одним словом сказать, только одной короны недоставало, уже все в руку ево целовала, и что хотел, то делал, уже титуловали ево «ваше высочество», а он ни что иное был, как башмашник, на дяду моево сапоги шил, сказывают, мастер привеликий был, да красота ево до такой великой степени довела ⁶. Бывши в таких высоких мыслях, думал, что не удастца ему до конца привести свое намерение: он не истребит знатные роды. Так и зделал: не токмо нашу фамилию, но другую такую ж знатную фамилию сокрушил, разорил и в ссылки сослал ⁷. Уже все ему было покорено, однако о том я буду молчать, чтоб не прейтить пределов. Я намерена свою беду писать, а не чужие пороки обличать.

Не знал он, чем начать, чтоб нас сослать. Первое — всех стал к себе призывать из тех же людей, которые нам прежде друзья были, ласкал их, выпрашивал, как мы

жили и не сделали ли кому обиды, не брали ли взятков. Нет, никто ничево не сказал. Он этим недоволен был. Велел указом объезить, чтоб всякой без опасности подавали самой государыне челобитные, ежели ково чем обидели,— и тово удовольствия не получил. А между тем всякие вести ко мне в уши приходят; иной скажет: «В ссылку сошлют», иной скажет: «Чины и кавелерии оберут». Подумайте, каково мне тогда было! Будучи в 16 лет, ни от ково руку помощи не иметь и не с кем о себе посоветовать, а надобно и дом, и долг, и честь сохранить и верность не уничтожить. Великая любовь к нему весь страх изгонит из сердца, а иногда нежность воспитания и природа в такую горесть приведет, что все члены онемеют от несносной тоски. Куда какое это злое время было! Мне кажется, при антихристе не тошнее тово будет. Кажется, в те дни и солнце не светило. Кровь вся закипит, когда вспомню, какая это подлая душа, какие столбы поколебала, до основания разорил, и доднесь не можем исправитьца. Что же до меня касается, в сдешнем свете на веки пропала.

И так мое жалкое состояние продолжалось по апрель месяц. Только и отраду мне было, когда ево вижу; заплачем вместе, и так домой поедет. Куда уже все весельи пошли, ниже сходство было, что это жених к невесте ездит. Что же, между тем, какие домашние были огорчены! Боже, дай мне все то забыть! Наконец, надобно уже наш несчастливый брак окончать; хотя как ни откладывали день ото дня, но, видя мое непременно намерение, принуждены согласитца. Брат тогда был болен большою, а меньшей, который меня очень любил, жил в другом доме по той притчине, что он тогда не лежал еще оспою, а большой брат был оспою болен. Ближние сродники все отступились, дальние и пуше не имели резону, бабка родная умерла, и так я осталась без призрения. Сам Бог меня давал замуж, а больше никто. Не можно всех тех беспорядков описать, что со мною тогда было. Уже день назначила свадьбе: некому проводить, никто из родных не едет, да никому и звать. Господь сам умилосердил сердца двух старушек, моих свойственных, которые меня провожали, а то принуждена бы с рабою ехать, а ехать надобно было в село 15 верст от города, там наша свадьба была. В евтом селе они всегда летом живали. Место очень веселое и устроенное, палаты каменные, пруды великие, аранжереи и церковь. В палатах после смерти государевой отец ево со всею фамилиею там жил. Фамилия их была немалая; я все презря, на весь страх: свекор был и све-

кровь, три брата, кроме моего мужа, и три сестры. Ведь надобно бы о том подумать, что я всем меньшая и всем должна угождать; во всем положились на волю Божию: знать, судьба мне так определила. Вот уже как я стала прощатца с братом и со всеми домашними, кажетца бы, и варвар сжалился, видя мои слезы; кажетца, и стены дома отца моего помогали мне плакать. Брат и домашние так много плакали, что из глаз меня со слезами отпустили. Какая это разница — свадьба с сговором; там все кричали: «Ах, как она сщаслива», а тут провожают и все плачут; знать, что я всем жалка была. Боже мой, какая перемена! Как я выехала из отцовского дому, с тех пор целой век странствовала. Привезли меня в дом свекров, как невольницу, вся расплакана, свету не вижу перед собою. Подумайте, и с добрым порядком замуж итти надобно подумать последняя щастия, не токмо в таком состоянии, как я шла. Я приехала в одной карете, да две вдовы со мною сидят, а у них все родные приглашены, дядья, тетки, и пуще мне стало горько. Привезли меня как самую бедненькую сироту; принуждена все сносить. Тут нас в церкви венчали ⁸. По окончании свадебной церемонии провожатые мои меня оставили, поехали домой. И так наш брак был плачу больше достоин, а не веселию. На третий день, по обыкновению, я стала сбиратца с визитами ехать по ближним ево сродникам и рекомендовать себя в их милость. Всегда можно было из того села ехать в город после обеда, домой ночевать приезжали. Вместо визитов, сверх чаяния моего, мне сказывают, приехал, де, секретарь из Сенату; свекор мой должен был ево принять; он ему объявляет: указом велено, де, вам ехать в дальние деревни и там жить до указа ⁹. Ох, как мне эти слова не полюбились; однако я креплюсь, не плачу, а уговариваю свекра и мужа: как можно без вины и без суда сослать; я им представляю: «Поезжайте сами к государыне, оправдайтесь». Свекор, глядя на меня, удивляетца моему малоумию и смелости. Нет, я не хотела свадебной церемонии пропустить, не разсудя, что уже беда; подбила мужа, уговорила ево ехать с визитом. Поехали к дяде родному, которой нас с тем встретил: «Был ли у вас сенатской секретарь; у меня был, и велено мне ехать в дальние деревни жить до указа». Вот тут и другие дядья съехались, все тоже сказывают. Нет, нет, я вижу, что на это дело нету починки; это мне свадебные конфеты. Скорее домой поехали, и с тех пор мы друг друга не видали, и никто ни с кем не прощались, не дали время.

Я приехала домой, у нас уже собираютца: велено в три дня, чтоб в городе не было. Принуждены судьбе повиноватца. У нас такое время, когда к нещастию, то нету уже никакова оправдания, не лутше турков: когда б прислали петлю, должен удавитца. Подумайте, каково мне тогда было видить: все плачут, суетятца, собираютца, и я сучусь, куда еду, не знаю, и где буду жить — не ведаю, только что слезами обливаюсь. Я еще и к ним ни к кому не привыкла: мне страшно было только в чужой дом перейти. Как это тяжело! Так далеко везут, что никого своих не увижу, однако в разсуждении для милова человека все должна сносить.

Стала я собиратьца в дорогу, а как я очень молода, никуда не езжала и, что в дороге надобно, не знала никаких обстоятельств, что может впреть быть, обоим нам и с мужем было тритцать семь лет, он вырос в чужих, жил все при дворе; он все на мою волю отдал, не знала, что мне делать, научить было некому. Я думала, что мне ничево не надобно будет, и что очень скоро нас воротют, хотя и вижу, что свекровь и золовки с собою очень много берут из бриллиантов, из галантерии, все по карманам прячут, мне до тово и нужды не было, я только хожу за ним следом, чтоб из глаз моих куда не ушел, и так чисто собралась, что имела при себе золото, серебро — все отпустила домой к брату на сохранение; давольно моему глупому тогдашнему разсудку изъяснить вам хочу: не токмо бриллиантов что оставить для себя и всяких нужд, всякую мелочь, манжеты кружевные, чулки, платки шелковые, сколько их было дюжин, все отпустила, думала, на што мне там, всево не приносить; шубы все обобрала у него и послала домой, потому что они все были богатые; один тулуп ему оставила да себе шубу да платья черное, в чем ходила тогда по государе. Брат прислал на дорогу тысячу рублей; на дорогу вынула четыреста, а то назад отослала; думаю, на што мне так много денег прожить, мы поедим на опчем коште: мой от отца не отделен. После уже узнала глупость свою, да поздно было. Только на утешение себе оставила одну табакерку золотою, и то для тово, что царская милость. И так мы, собравшись, поехали; с нами было собственных людей 10 человек, да лошадей ево любимых верховых 5.

Я дорогою уже узнала, что я на своем коште еду, а не на обчем. Едем в незнаемое место и путь в самой разлив, в апреле месяце, где все луга потопляет вода и маленькие разливы бывают озерами, а ехать до той деревни, где нам

жить, восемьсот верст. Из моей родни никто ко мне не поехал проститца — или не смели, или не хотели, Бог то разсудит; а только со мною поехала моя мадам, которая при мне жила; я и тем была рада. Мне как ни было тяжело, однако принуждена дух свой стеснять и скрывать свою горесть для мужа милова; ему и так тяжело, что сам страждет, притом же и меня видит, что ево ради погибаю. Я в радости их не участница была, а в горести им товарищ, да еще всем меньшая, надобно всякому угодить, я надеялась на свой нрав, что всякому услужу. И так куда мы приедем на стан, пошлем закупать сена, овес лошадям. Стала уже и я в экономию входить: вижу, что денег много идет. Муж мой пойдет смотреть, как лошадям корм задают, и я с ним, от скуки что было делать; да эти лошади, права, и стоили тово, чтоб за ними смотреть: ни прежде, ни после таких красавиц не видала; когда б я была живописец, не устыдилась бы я их потреты написать.

Девяносто верст от города как отъехали, первой провинциальной город приехали; тут случилось нам обедать. Вдруг явился к нам капитан гвардии, объявляет нам указ: «Велено, де, с вас кавалерии снять»; в столице, знать, стыдились так безвинно ограбить, так на дорогу выслали¹⁰. Боже мой, какое это их правосудие! Мы отдали тотчас с радостью, чтоб их успокоить, думали, они тем будут довольны: обруганы, сосланы. Нет, у них не то на уме. Поехали мы в путь свой, отправивши ево, непроходимыми стезями, никто дороги не знает; лошади свои все тяжелые, кучера только знают, как по городу провести. Настигла нас ночь; принуждены стать в поле, а где — не знаем, на дороге ли или свернули, никто не знает, потому что все воду объезжали, стали тут, палатку поставили; это надобно знать, что наша палатка будет всех дале поставлена, потому что лутчее место выберут свекру, подле близости золовкам, а там деверьям холостым, а мы будто иной партии — последнее место нам будет. Случалось, и в болоте: как постелю снимут, мокро, иногда и башмаки полны воды. Это мне очень памятно, что весь луг был зеленой, а иной травы не было, как только чеснок полевой, и такой был дух тяжелой, что у всех головы болели. И когда мы ужинали, то мы все видели, что два месяца взошло: ординарной большой, а другой подле нево поменьши, и мы долго на них смотрели и так их оставили, спать пошли. По утру, как мы встали, свет нас осветил; удивлялись сами, где мы стояли: в самом болоте и не по дороге. Как нас Бог помиловал, что мы где не увязли

ночью, так оттудова ли насили на прямую дорогу выбились.

Маленькая у нас утеха была — псовая охота. Свекор превеликой охотник был; где случитца какой перелесочек, места для них покажитца хорошо, верхами сядут и поедут, пустят гончих; только провождение было время или, сказать, скуке; а я и останусь одна, утешу себя, дам глазам своим волю и плачу, сколько хочу. В один день так случилось: мой товарищ поехал верхом, а я осталась в слезах. Очень уже поздно, стало смеркатца, и гораздо уже темно, вижу, против меня скачут два верховые, прискакали к моей карете, кричат: «Стой!» Я удивилась, слышу голос мужа моего и с меньшим братом, которой весь мокр; говорит мне муж: «Вот он избавил меня от смерти». Как же я испужалась! Как, де, мы поехали от вас и все разговаривали и ошиблись с дороги, видим мы, за нами никово нет, вот мы по лошадям ударили, что скорее ково своих наехать. Видим, что поздно, приехали к ручью, показался очень мелок. Так мой муж хотел наперед ехать опробовать, как глубоок, так бы он конешно утонул, потому, что тогда под ним лошадь была не проворна и он был в шубе; брат ево удержал, говорит: «Постой, на тебе шуба тяжелая, а я в одном кафтане, подо мною же и лошадь добра, она меня вывезет, а после вы переедите». Как это выговоря, тронул свою лошадь, она передними ногами ступила в воду, а задними уже не успела, как ключ ко дну, так круто берега было и глубока, что не могла задними ногами справитца, одна только шляпа поплыла, однако она очень скоро справилась, лошадь была проворная, а он крепко на ней сидел, за гриву ухватился. По щастью их, человек их наехал, которой от них отстал. Видя их в такой беде, тотчас кафтан долой, бросился в воду — он умел плавать, — ухватил за волосы и притащил к берегу. И так Бог ево спас живот, и лошадь выплыла. Так я испужалась, и плачу, и дрожу вся; побожилась, что я ево никогда верхом не пушу. Спешили скорее доехать до места; насили ево отогрели, в деревню приехавши.

После, несколько дней спустя, приехали мы ночевать в одну маленькую деревеньку, которая на самом берегу реки, а река преширокая. Только что мы разположились, палатки поставили, идут к нам множество мужиков, вся деревня, валютца в ноги, плачут, просят: «Спасите нас, севодни к нам подкинули письмо разбойники, хотят к нам приехать, нас всех побить до смерти, а деревню сжечь. Помогите вы нам, у вас есть ружье, избавьте нас от на-

прасные смерти, нам оборонитца нечем, у нас кроме топоров ничего нет. Здесь воровское место: на этой неделе здесь в соседстве деревню совсем разорили, мужики разбежались, а деревню сожгли». Ах, Боже мой, какой же на меня страх пришел! Боюсь до смерти разбойников; прошу, чтоб уехать оттудова, никто меня не слушает. Всю ночь не спали, пули лили, ружья заряжали, и так готовились на драку; однако Бог избавил нас от той беды. Может быть, они и подъезжали водою, да побоялись, видя такой великой обоз, или и не были. Чево же мне эта ночь стоила! Не знаю, как я ее пережила; рада, что свету дождалась, слава Богу, уехала.

И так мы три недели путались и приехали в свои деревни, которые были на половине дороги, где нам определено было жить. Приехавши, мы расположились на несколько время прожить, отдохнуть нам и лошадям. Я очень рада была, что в свою деревню приехали. Казна моя уже очень истончала; думала, што моим расходам будет перемена, не все буду покупать, по крайней мере сена лошадям не куплю. Однако я недолго об этом думала; не больше мы трех недели тут прожили, паче чаяние нашего вдруг ужасное нечто нас постигло.

Только что мы отобедали — в евтом селе был дом господской, и окна были на большую дорогу — взглянула я в окно, вижу я пыль великую по дороге, видно издалека, что очень много едут и очень скоро бегут. Как стали подъезжать, видно, что все телеги парами, позади коляска покоева. Все наши бросились смотреть, увидели, что прямо к нашему дому едут: в коляске офицер гвардии, а по телегам солдаты 24 человека. Тотчас узнали мы свою беду, что еще их злоба на нас не умаляетца, а больше умножаетца. Подумайте, что я тогда была, упала на стул, а как опомнилась, увидела полны хоромы солдат. Я уже ничего не знаю, что они объявили свекру, а только помню, что я ухватилась за своево мужа и не отпускаю от себя, боялась, чтоб меня с ним не разлучили¹¹. Великой плач сделался в доме нашем. Можно ли ту беду описать! Я не могу ни у ково допроситца, что будет с нами, не разлучат ли нас. Великая сделалась тревога. Дом был большой, людей премножество, бегут все с кварталер, плачут, припадают к господам своим, все хотят быть с ними неразлучно. Женщины, как есть слабые сердца, те кричат, плачут. Боже мой, какой это ужас! Кажетца бы, и варвар, глядя на это жалкое позорище, умилосердился.

Нас уже на кварталеру не отпускают. Как я и прежде

писала, что мы везде на особливых квартирах стояли, так не поместились в одном доме. Мы стояли у мужика на дворе, а спальня наша была сарай, где сена кладут. Поставили у всех дверей часовых, примкнувши штыки. Боже мой, какой это страх, я от роду ничево подобнова этому не видала и слышала! Велели наши командиры кареты закладывать; видно, что хотят нас вести, да не знаем — куда. Я так ослабела от страху, что на ногах не могу стоять. Войдите в мое состояние, каково мне тогда было. Только меня и подбодряло, что он со мною, и все, видя меня в таком состоянии, уверяют, что с ним неразлучна буду. Я бы хотела самово офицера спросить, да он со мною не говорит, кажетца неприступной. Придет ко мне в горницу, где я сижу, поглядит на меня, плечами пожмет, вздохнет и прочь пойдет, а я спросить ево не осмелюсь. Вот уже к вечеру велит нам в кареты садитца и ехать. Я уже опомнилась и стала просить, чтоб меня отпустили на квартиру обратца; офицер дозволил. Как я пошла — и два солдата за мною. Я не помню, как меня мой муж довел до сарая тово, где мы стояли; хотела я с ним поговорить и сведать, что с нами делаетца, и солдат тут, ни пяди от нас не отстанет. Подумайте, какое жалосное состояние!

И так я ничево не знаю, что дале с нами будет. Мои домашние собрались, я уже ничево не знаю; а мы сели в карету и поехали; рада я тому, что я одна с ним, можно мне говорить, а солдаты все за нами поехали. Тут уже он мне сказал: «Офицер объявил, что велено нас под жестоким караулом вести в дальний город, а куда — не велено сказывать». Однако свекор мой умилиствовал офицера и привел на жалость; сказал, что нас везут в остров, которой состоит от столицы 4 тысячи верст и больше, и там нас под жестоким караулом содержать, к нам никово не допускать, ни нас никуда, кроме церкви, переписки ни с кем не иметь, бумаги и чернил нам не давать. Подумайте, каково мне эти вести. Первое, лишилась дому своево и всех родных своих оставила, я же не буду и слышать об них, как они будут жить без меня. Брат меньшей мне был, которой меня очень любил, сестры маленькие остались. О, Боже мой, какая эта тоска пришла, жалость, сродство, кровь вся закипела от несносности. Думаю, я уже никово не увижу своих, буду жить в странствии. Кто мне поможет в напастях моих, когда они не будут и ведать обо мне, где я, когда я ни с кем не буду корешпонденци иметь, или переписки; хотя я какую нужду не буду терпеть, руки помощи никто мне не подаст; а, может быть, им там скажут, что

я уже умерла, что меня и на свете нет; они только поплачут и скажут: «Лутче ей умереть, а не целой век мучитца». С этими мыслями ослабела, все мои чувства онемели, а после пролили слезы. Муж мой очень испужался и желел после, что мне сказал правду, боялся, чтоб я не умерла.

Истинная ево ко мне любовь принудила дух свой стеснить и утаивать эту тоску и перестать плакать, и должна была и ево еще подкреплять, чтоб он себя не сокрушил: он всево свету дороже был. Вот любовь до чево довела: все оставила, и честь, и богатство, и сродников, и стражду с ним и скитаюсь. Этому причина все непорочная любовь, которою я не постыжусь ни перед Богом, ни перед целым светом, потому что он один в сердце моем был. Мне казалось, что он для меня родился и я для него, и нам друг без друга жить нельзя. Я по сей час в одном разсуждении и не тужу, что мой век пропал, но благодарю Бога моего, что Он мне дал знать такова человека, которой тово стоил, чтоб мне за любовь жизньнюю своею заплатить, целой век странствовать и всякие беды сносить. Могу сказать — безпримерные беды: после услышите, ежели слабость моего здоровья допустить все мои беды описать.

И так нас довели до города. Я вся расплакана: свекор мой очень испужался, видя меня в таком состоянии, однако говорить было нельзя, потому офицер сам тут с нами и ундер-офицер. Поставили уже нас вместе, а не на разных квартерах, и у дверей поставили часовых, прижмуты штыки. Тут мы жили с недели, покамест изготовили судно, на чем нас вести водою. Для меня все это ужасно было, должно было молчанием покрывать. Моя воспитательница, которой я от матери своей препоручена была, не хотела меня оставить, со мною и в деревню поехала; думала она, что там злое время проживем, однако не так сделалось, как мы думали, принуждена меня покинуть. Она человек чужестранной, не могла эти суровости понести, однако, сколько можно ей было, эти дни старалась, ходила на то нещасное судно, на котором нас повезут, все там прибирала, стены обивала, чтоб сырость сквозь не прошла, чтоб я не простудилась, павелион поставила, чуланчик загородила, где нам иметь свое пребывание, и все то оплакивала.

Пришел тот горестной день, как нам надобно ехать. Людей нам дали для услуг 10 человек, а женщин на каждую персону по человеку, всех 5 человек. Я хотела свою

девку взять с собою, однако золовки мои отговорили, для себя включили в то число свою, а мне дали девку, которая была помощница у прачек, ничево сделать не умела, как только платья мыть. Принуждена я им в том была согласитца. Девка моя плачет, не хочет меня отстать, я уже ее просила, чтоб она мне больше не скучала. Пускай так будет, как судьба определила. И так я хорошо собралась: ниже рабы своей имела, денег ни полполушки. Сколько имела про себе она моя воспитательница при себе денег, мне отдала; сумма не очень велика была — 60 р., с тем я и поехала. Я уже не помню, пешком ли мы шли до судна или ехали, недалеко река была от дому нашева. Пришло мне тут разставатца с своими, потому что дозволено было им нас проводить. Вошла я в свой кают, увидала, как он прибран, сколько можно было помогала моему бедному состоянию. Пришло мне вдруг ее благодарить за ее ко мне любовь и воспитание, тут же и прощатца, что я уже ее в последней раз вижу; ухватились мы друг другу за шеи, и так руки мои замерли, и я не помню, как меня с нею растащили. Опомнилась я в каюте или в чулане, лежу на постели, и муж мой надо мною стоит, за руку держит, спирт нюхать дают. Я вскочила с постели, бегу верх, думаю еще хато * раз увижу, ниже места тово, знать — далеко уплыли. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было у меня на руке, знать, я ево в воду опустила, когда с своими прощалась. Да мне уже и не жаль было, не до него, жизнь тратитца. Так я и осталась одна, всех лишась для одново человека. И так мы плыли всю ту ночь.

На другой день сделался великой ветер, буря на реке, гром, молния, гораздо звончее на воде, нежели на земле, а я грому с природы боюсь. Судно вертит с боку на бок. Как гром грянет, так и попадают люди. Золовка меньшая очень боялась, та плачет и кричит. Я думала — свету переставление! Принуждены были к берегу пристать. И так всю ночь в страхи без сна препроводили. Как скоро разсвело, погода утихла, мы поплыли в путь свой. И так мы три недели ехали водою. Когда погода тихая, я тогда сижу под окошкам в своем чулане, когда плачу, когда платки мою: вода очень близко, а иногда куплю осетра и на веревку ево; он со мною рядом плывет, чтоб не я одна невольница была и осетр со мною. А когда погода станет ветром судно шатать, тогда у меня станет голова болеть и тошнитца, тагда выведут меня наверх на палубу и положут на ветр, и я до тех пор без чувства лежу, покамест

* Так в рукописи. (Примеч. сост.).

погода утихнет, и покроют меня шубою: на воде ветер очень пронизательный. Иногда и он для кампании подле меня сидит. Как пройдет погода, отдохну, только есть ничево не могла, все тошнилось.

Однажды что с нами случилось: погода жестокая поднялась, а знающева никаво нет, кто б знал, где глубь, где мель и где можно пристать, ничево никто не знает, а так все мужики набраны из сохи, плывут, куда ветер несет, а темно уже становитца, ночь близко, не могут нигде пристать к берегу, погода не допускает. Якорь бросили среди реки в самую глупь, якорь оторвало. Мой сострадалец меня тогда не пустил наверх: боялся, чтоб в евтом штурме меня не задавили. Люди и работники все по судну бегают, кто воду выливает, хто якорь привязывает, и так все в работе. Вдруг нечаянно притянуло наше судно в залив. Ништо не успела. Я слышу, что сделался великой шум, а не знаю што. Я встала посмотреть: наша судно стоит как в ящике между двух берегов. Я спрашиваю, где мы; никто сказать не умеют, сами не знают. На одном берегу все березник, так, как надобно рощи, не очень густой. Стала эта земля оседать и с лесом, несколько сажен опускаетца в реку или в залив, где мы стоим, и так ужасно лес зашумит под самое наше судно, и так нас кверху подымет и нас в тот ущерб втянет. И так было очень долго. Думали все, что мы пропали, и командиры наши совсем были готовы спасать свой живот на лотках, а нас оставить погибать. Наконец уже столько много этой земли оторвало, что видно стало за оставшим малою самую частью земли вода; надобна думать, что озеро. Когда б еще этот остаток оторвало, то надобна б нам в том озере быть. Ветер преужасной тогда был; думаю, чтоб нам тогда конец был, когда б не самая милость Божия поспешила. Ветер стал утихать и землю перестала рвать, и мы избавились той беды, выехали на свету на свой путь, из оного заливу в большую реку пустились. Этот водяной путь много живота моего унес. Однако все переносила всякие страхи, потому что еще не конец моим бедам был, на большие готовилась, для того меня Бог и подкреплял. Доехали мы до города, где надобно нам выгрузатца на берег и ехать сухим путем. Я была и рада, думала, таких страхов не буду видеть. После узнала, что мне нигде лутчева нет: не на то меня судьба определила, чтоб покоитца.

Какая же эта дорога? 300 вер. должно было переехать горами, верст по пяти на гору и с горы также; они ж как

усыпаны диким камнем, а дорожка такая узкая, в одну лошадь только впряжено, что называется гусем, потому что по обе стороны рвы. Ежели в две лошади впречь, то одна другую в ров спихнет. Оные же рвы лесом обросли; не можно описать, какой они вышины: как взъедешь на самой верх горы и посмотришь по сторонам — неизмеримая глубина, только видны одни вершины лесу, все сосна да дуб. От роду такова высокова и толстова лесу не видала. Эта каменная дорога, я думала, что у меня сердце оторвет. Сто раз я просилась: «Дайте отдохнуть!» Никто не имеет жалости, а спешат как можно наши командиры, чтоб домой возвратитца; а надобна ехать по целому дню с утра до ночи, потому что жилья нет, а через сорок верст поставлены маленьки домики для пристанища проезжающим и для корму лошадям. Что случилось: один день весь шел дождь и так нас вымочил, что как мы вышли из колясок, то с головы и до ног с нас текло, как из реки вышли. Коляски были маленькие, кожи все примокли, закрытца нечем, да и, приехавши на квартиру, обсушитца негде, потому что одна только хижина, а фамилия наша велика, все хотят покою. Со мною и тут несчастие пошутило: поватка или привычка прямо ходить — меня за то смалу били: «Ходи прямо!», притом же и росту я немалова была, — как только в ту хижину вошла, где нам ночевать, только через порок переступила, назад упала, ударилась об матицу — она была очень ниска — так крепко, что я думала, что с меня голова спала. Мой товарищ испужался, думал, я умерла. Однако молодость лет все мне помогла сносить всякие бедственные приключения. А бедная свекровь моя так простудилась об этой мокроты, что и руки, и ноги отнялись и через два месяца живот свои окончала.

Не можно всево описать, сколько я в евтой дороги обезпокоена была, какую нужду терпела. Пускай бы я одна в страдании была, товарища своево не могу видеть безвинно страдающева. Сколько мы в евтой дороге были недель — не упомню.

Доехали до провинциального города того острова, где нам определено жить¹². Сказали нам, что путь до того острова водою, и тут будет перемена: офицер гвардейский поедет возвратно, а нас препоручат тутошнего гварнизона офицеру с командою 24 человека солдат. Жили мы тут неделю, покамест исправили судно, на котором нам ехать, и сдавали нас с рук на руки, как арестантов. Это несколько жалко было, что и каменное сердце умягчилось; плакал

очень при расставании офицер и говорил: «Теперь-то вы натерпитеесь всякого горя; эти люди необычайные, они с вами будут поступать, как с подлыми, никакого снисхождения от них не будет». И так мы все плакали, будто с сродникам разставались, по крайней мере привыкли к нему: как ни худо было, да он нас знал в благополучии, так несколько совестно было ему сурово с нами поступать.

Как исправилась с судном, новой командир повел нас на судно; процессия изрядная была: за нами толпа солдат идет с ружьем, как за разбойниками; я уже шла, вниз глаза опуствя, не оглядывалась; смотрельщиков премножество по той улице, где нас ведут. Пришли мы к судну; я ужаснулась, как увидела: великая разница с прежним. От небрежения дали самое негодное, худое, так по имени нашему и судно, хотя бы на другой день пропасть. Как мы тогда назывались арестанты, иного имени не было, что уже в свете этого титула хуже, такое нам и почтение. Все судно — из пазов доски вышли, насквозь дыры светятца, а хотя немношко ветер, так все судно станет скрипеть; оно же черное, закоптела; как работники раскладывали в нем огонь, так оно и осталась; самое негодное, никто бы в нем не поехал; оно было отставное, определено на дрова, да как очень заторопили, не смели долго нас держать, какое случилось, такое и дали, а может быть, и нарочно приказано было, чтоб нас утопить. Однако, как не воля Божия, доплыли до показаннова места живы.

Принуждены были новому командиру покорятца; все способы искали, как бы ево приласкать, не могли найтить; да в ком и найтить? Дай Бог и горе терпеть, да с умным человеком; какой этот глупой офицер был, из крестьян, да заслужил чин капитанской. Он думал о себе, что он очень великой человек и сколько можно надобно нас жестоко содержать, яко преступников; ему казалось подло с нами и говорить, однако со всею своею спесью ходил к нам обедать. Изобразите это одно, сходственно ли с умным человеком? В чем он хаживал: епанча солдацкая на одну рубашку, да туфли на босу ногу, и так с нами сидит. Я была всех моложе, и невоздержна, не могу терпеть, чтоб не смеятца, видя такую смешную позитуру. Он, это видя, что я ему смеюся, или то удалось ему приметить, говорит, смеясь: «Теперь щаслива ты, что у меня книги сгорели, а то бы с тобою сговорил». Как мне ни горько было, только я старалась ево больше ввести в разговор, только больше он мне ничево не сказал. Подумайте, кто нам

командир был и кому были препоручено, чтобы он усмотрел, когда б мы что намерены были сделать. Чево они боялись, чтоб мы не ушли? Ему ли смотреть? Нас не караул их удержал, а удержала нас невинность наша. Думали, что со временем осмотрюцца и возвратят нас в первое наше состояние. Притом же мешала много и фамилия очень: велика была¹³. И так мы с этим глупым командиром плыли целой месяц до того города, где нам жить.

Господи Иисусе Христе, Спасителю мой, прости мое дерзновение, что скажу с Павлом апостолом: беды в горах, беды в вертепах, беды от сродних, беды от разбойник, беды и от домашних! За вся благодарю моего Бога, что не попустил меня вкусить сладости мира сего. Что есть радость, я ее не знаю. Отец мой Небесный предвидел во мне, что я поползновенна ко всякому злу, не попустил меня душою погинуть, всячески меня смирял и все пути мои ко греху пресекал, но я, окаянная и многогрешная, не с благодарением принимала и всячески роптала на Бога, не вменяла себе в милость, но в наказание, но Он, яко Отец милостивый, терпел моему безумию и творил волю Свою во мне. Буде имя Господня благословенно отныне и до века! Пресвятая Владычица Богородица, не остави в страшный час смертный!

Какая б беда в свете меня миновала или печаль, не знаю. Когда соберу в память всю свою из младенческих лет жизнь, удивляюсь сама себе, как я все беды пережила, не умерла, ни ума не лишилась, все то милосердием Божиим и Ево руководством подкреплена была. С четырех лет стала сиротою, с 15-ти лет невольницею, заключена была в маленьком пустом местечке, где с нуждою иметь можно пропитание. Сколько же я видела страхов, сколько претерпела нужд! Будучи в пути, случилось ехать мне горами триста верст непрерывно, с горы да на гору верст по пяти. Эти же горы усыпаны природным диким камнем, а дорожка такая узкая, что в одну лошадь впряжена, а по обе стороны рвы глубокие и лесом обросли, а ехать надобно целой день, с утра до ночи, потому что жилья нету, а через сорок верст поставлены маленькие дворики для пристанища и корму лошадей. Я и тогда думала, что меня живую не доведут. Всякой раз, что на камень колесо взъедет и съедет, то меня в коляске ударит эта, так больно тряхиют, кажетца, будто сердце оторвалось.

Между тем один день случилось, что целой день дождь шел и так нас вымочил, что как мы вышли из коля-

сок, то с головы до ног с нас текло, как бы мы из реки вышли. Коляски были маленькие, кожи все примокли, закрытца нечем, да и, приехавши на кварталы, обсушитца негде, потому что одна только изба, а фамилия наша велика, все хотят покою. Довольно бы и тово мне, что я пропала и такую нужду терплю, так, забыв себе, жаль товарища своево, не могу видеть ево в таком безвинном страдании.

Разсудилось нашим командирам переменить наш тракт и весть нас водою, или так и надобно была. Я и рада была, думала, мне легче будет, а я от роду по воде не езжала и больших рек, кроме Москвы-реки, не видала. Первое, как мы тогда назывались арестанты, это имя уже хуже всево в свете. С небрежением, какое случилось, дали нам судно худое, что все доски, из чево сделано, разошлось, потому что оно старое. В нево нас и посадили, а караульные господа офицеры для своево спасения набрали лодок и ведут за собою. Что же я тут какова страху набралась! Как станет ветер судно наша поворачивать, оно и станет скрипеть, все доски станут раздвигатца; а вода и польет в судно; а меня замертво положут на палубу, наверх; безгласна лежу, покудова утихнет и перестанет волнами судно качать, тогда меня вниз сведут. Я же так была странна, ни рабы своей не имела.

Однажды что случилось: погода жестокая поднялась и бьет нас жестоко, а знающева никово нет, хто б знал, где глубь, где пристать, ничево тово нет, а все мужичье плывут, куды ветер гонит, а темно, уже ночь становитца, не могут нигде пристать. Якорь бросили среди реки — не держит, оторвало и якорь. Меня тогда уже не пустил мой сострадалец наверх, а положил меня в чулане, который для нас сделан был, дощечками огорожен, на кровать. Я так замертво лежу, слышу я вдруг, нас как дернула, и все стали кричать, шум превеликой стал. Что же это за крик? Все испужались. Нечаянно наше судно притянуло или прибило в залив, и мы стали между берегов, на которых лес, а больше березы; вдруг стала эта земля оседать несколько сажень и с деревьями, опуститца в воду, и так ужасно лес зашумит под самое наше судно, и так нас кверху подымет, а тотчас нас в тот ущерб втянет. И так было очень долго, и думали, что пропали, и командиры наши совсем были готовы спасать свои живот на лодках, а нас оставлять погибать. Наконец уже видно стало, как эту землю рвало, что осталость ее очень мало, а за нею вода, не видно ни берегу, ни ширины ей, а думают, что

надобно быть озеру; когда б еще этот остаток оторвала, то надобно б нам быть в этом озере. Ветер преужасной. Тогда-то я думала, что свету преставления, не знала, что делать, ни лежать, ни сидеть не смогла, только Господь милосердием Своим спас наш живот. У работников была икона Никола Чудотворца, которую вынесли на палубу и стали молитца; тот же час стал ветер утихать и землю перестала рвать. И так нас Бог вынес.

С апреля по сентябрь были в дороге; всего много было, великие страхи, громы, молнии, ветры чрезвычайные. С таким трудом довели нас в маленькой городок, которой сидит на острове; кругом вода; жители в нем самой подлой народ, едят рыбу сырую, ездют на собаках, носят оленьи кожи; как с нево сдерут, не разрезавши брюха, так и надедут, переднюю ноги место рукавов. Избы кедровые, окончины леденые вместо стекла. Зимы 10 месяцев или 8, морозы несносные, ничево не родитца, ни хлеба, никакова фрукту, ниже капуста. Леса непроходимые да болоты; хлеб привозют водою за тысячу верст. До таково местечка доехали, что ни пить, ни есть, ни носить нечево; ничево не продают, ниже калача. Тогда я плакала, для чево меня реки не утопили. Мне казалось, не можно жить в таком дурном месте.

Не можна всего страдания моего описать и бед, сколько я их перенесла! Что всево тошней была, для ково пропала и все эти напасти несла, и что всево в свете милея было, тем я не утешалась, а радость моя была с горестию смешена всегда: был болен от несносных бед; источники ево слез не пересыхали, жалость ево сердца съедало, видев меня в таком жалком состоянии. Молитва ево перед Богом была неусыпная, пост и воздержание нелицемерное; милостыня всегдашна: ни исходил от нево просящей никогда тож; правило имел монашеское, безпрестано в церкви, все посты приобщался Святых Таин и всю свою печаль возверзил на Бога. Злобы ни на ково не имел, и никому зла не помнил, и всю свою бедственную жизнь препроводил христиански и в заповедях Божих, и ничево на свете не просил у Бога, как только царствие небеснова, в чем и не сомневаюсь.

Я не постыжусь описать ево добродетели, потому что я не лгу¹⁴. Не дай Боже что написать неправедно. Я сама себя тем утешаю, когда спомню все его благородные поступки, и щасливу себя щитаю, что я ево ради себя потеряла, без принуждение, из свои доброй воли. Я все в нем имела: и милостиваго мужа, и отца, и учителя,

и старателя о спасении моем; он меня учил Богу молитца, учил меня к бедным милостивою быть, принуждал милостыню давать, всегда книги читал Святое писание, чтоб я знала Слово Божие, всегда твердил о незлобие, чтоб никому зла не помнила. Он фундатор всему моему благополучию теперешнему: то есть мое благополучие, что я во всем согласуюсь с волею Божию и все текущие беды несу с благодарением. Он положил мне в сердца за вся благодарить Бога. Он рожден был в натуре ко всякой добродетели склонной, хотя в роскошах и жил, яко человек, только никому зла не сделал и никою ничем не обидел, разве што нечаянно.

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА
ДАНИЛОВА,
АРТИЛЛЕРИИ МАЙОРА,
НАПИСАННЫЕ ИМ
В 1771 ГОДУ
(1722-1762)

В 1771 году, в апреле месяце, по причине оказавшейся в Москве прилипчивой и заразной болезни, съехали мы из Москвы в ближнюю деревню, село Семеново, Рузского уезда, расстоянием от Москвы шестьдесят верст, и жили в ней для безопасности от помянутой заразной болезни. Живучи в деревне, в свободных мыслях и безмятежном сельском житии находясь празден, без всякого дела, возомнил я написать происшествие фамилии нашей Даниловых, а к сему моему предприятию послужила мне немало случившаяся при мне тогда копия, списанная в Герольдии из Бархатной книги * родословия всему дворянству. Из оной копии усмотрел я, в тридцатой главе, под номером двести двенадцать, на листу пятьсот тридцать два, написано тако: «Род Мамоновых и Данила Иванова, а от них пошли Даниловы, Дмитриевы, Внуковы, выезжие из Цесарии»; в том же родословии написаны Дурные, Васильчиковы. Я, довольствуясь тем, что нашел начало происхождения фамилии Даниловой, однако будучи в том уверен, что мне никак невозможно будет довести поколения своего до начального Данила Иванова, взял достоверное мне в шестом поколении нашего рода имя Прехора, от которого поведу наш род и фамилию Даниловых. Искал я потом пособия моему предприятию у разных свойственников, требовал, но не получил никакого сведения о роде Даниловых далее, как все только мне объявляли Прехора. Сообщил мне родословие Даниловых покойный надворный советник Иван Демидович Маслов, который по женскому колену произошел от Даниловой фамилии, но весьма недостаточно: в ней он также в восходящей линии в шестой степени, или поколении, только не

* Книга есть при Герольдии ¹, а потому именуется Бархатная, что переплетена в бархат; в ней, по именным указам с 191 по 199 год ² вписаны подаваемые дворянские сказки, откуда кто произошел и фамилию свою ведет. (Здесь и далее примечания самого Данилова.)

от Прохора, а от Федора, у коего были два сына Иваны, большой и меньшей; от них род свой ведут Даниловы, наши однофамильцы. Почему и полагаю я, что Федор был Прохору одновременный, ежели не родной, то двоюродный брат: ибо снисходящая линия точно, как от Прохора, так и от Федора, показывала степень шестую до нынешних времен. Но мое намерение не состоит в том, дабы выводить всех предков моих из темноты древности. Я положил собрать и написать фамилию Даниловых не для тщеславия моего, но чтоб, наконец, от предания изустного вовсе не истребилось из памяти происхождение наших Даниловых. Многие есть дворяне, кои, несмотря на свое недостойство, что не показали отечеству своему ни малой услуги, громко проповедают и бесстыдно гордятся знатностью своего рода и древностью фамилии; таковым можно сказать пословицу: «Кто хвалится знатностью своего рода, а без своих заслуг, тот хвалится чужим». Прилично сему и английский стихотворец г. Попи³ написал в четвертом письме (Опыт о человеке, стр. 69):

Чин, титул, чести знак, царь может дать удобно.
Царь, временщик его то сделает способно.
Твой род за тысячу пусть происходит лет
И от Лукреции начало пусть ведет,
Но из толикого прапрадедов народу
Лишь теми ты свою показывай породу,
Которые в себе имели добрый дух
И удивили свет величеством заслуг.
Когда ж твой будет род старинный, но бесславный,
Не добродетельный, бездельный и злонаправный,
То хоть бы он еще потопа прежде жил,
Но лучше умолчать, что он весь подлый был,
И не внушать другим, что чрез толико время
Заслуг твоих отнюдь не показало племя.
Кто сам безумец, подл и в лености живет,
Того не красит род, хотя б Говард был дед.

Из сего стихосложения ясно доказывает, что от человека содеянные добрые дела и заслуги увеличивают и возвышают род и фамилию его; а фамилия, хотя б она прежде и знатная была, не может уже возвысить без достоинства человека. Один грек, увидя ученого, который был родом скиф, сказал ему от зависти, хотя затмить своею природою его учение: «Ведь ты татарин!» — «Правда, — отвечал греку философ, — что я татарин, но мой род от меня начался, а твой род тобою скончается».

По изустному преданию наслышал я от родителя моего и от родственников, что у Прохора Данилова было

два сына: Савелий, Иван, и дочь Дарья; Иван скончался бездетен, дочь Дарью выдал за Милославского, а от Савелия якобы пошел наш род. Но как я, по написанию Данилова рода происхождения, получил от родственника нашего с поданной сказки * копию, выписанную из Герольдии (которую при сем и сообщаю), то усмотрел, что у Прохора не было сына Савелия, кроме Ивана, который бездетен и умер: значит, нашему происхождению рода быть не от Савелия, а от Василия, внучатого брата Прохора. Посему казалось бы лучше вероятно быть от сказки, в коей самое начальное происхождение Даниловых показано, нежели по словесному преданию без довольного доказательства. Оставить прапрадеда нашего имя, кажется, также сумнительно; да и прадеду моему Осипу именоваться по отчеству вместо Васильевича Савельичем причесть можно за ошибку, а не за бесчестие; почему я и преправлять не пожелал. Да и в самом списке Разрядного приказа показал Данило Иванов (от коего Даниловы свой род ведут), а по сказке показано Данило Федоров, а не Иванов сын, почему и видно, что от фамилии Даниловых была подана не одна сказка, а многие, из чего и произошло такое несходство. К тому ж и то прибавить можно, что нередко случается, одному дают после крещения имя другое, как и я был крещен Кузьмою, а после назывался Михайло.

СКАЗКА

Лета шесть тысяч шестьсот первого года (от Рождества Христова в 1093 году) прииде немец из Цесарского государства в Чернигов, муж честен, имени Индрик⁵, с двумя сыны своими, с Литвином да Зимондентом, и с ними пришло дружины и людей их три тысячи мужей. И крестися Индрик и дети его в Чернигове в православную христианскую веру, и нарекоша им имена: Индрика Леонтием, а сыновей его Литвина Костянтином, а Зимондента Федором. И от Костянтина родился сын Харитон, а Федор умре бездетен (о сем пишет в Летописце Черниговском), а от Харитона сын Карп, а от Карпа сын Юрий, а от Юрья Василий, а от Василия Федор, а от Федора дети Данила, Миколай, Василий; и от Данилы пошли Даниловы, а от

* В силу именных указов государя царя и великого князя Феодора Алексеича в 190 году и государей царей и великих князей Иоанна Алексеича и Петра Алексеича с 191 по 199 год, велено в Разрядный приказ⁴ подавать дворянам сказки о происхождении своей фамилии.

Миколая Дурные, а от Василия Васильчиковы. Дурные и Васильчиковы сами о родстве своем скажут. А от Данилы дети Иван да Юрей, а от Ивана Степан да Федор, а от Федора Прохор да Иван большой да Иван меньшей; а от Степана Астах да Богдан, а от Юрья сын Михайло, а от Прохора сын Иван был бездетен; а от Ивана большого сына Павел по Московскому списку ⁶. А у меньшого Ивана четыре сына, Денис, Акинфей, Кирила, Степан, служит великим государем в стольниках, а у Дениса дети Афанасий да Иван, служит в стольниках же; а от Стахея Акинфей, служит по Московскому списку; а от Богдана сын Василий, а от Василия дети Василий и Кондрат, Василий служит в стольниках; а у Павла сын Григорий, служит в стольниках; а от Михайлы сын Василий, а от Василия дети Петр и Осип, а от Петра сын Евдоким, служит в стольниках; у Осипа дети Артемей да Гурей да Митрофан, Артемей да Гурей служат по Московскому списку, Митрофан служит в стольниках; у Артемея сын Михайла. А где родственники наши были у дел великих государей, и тому указ есть, наказы и жалованные грамоты. Родственники воеводами были: во 1109 году в судовом разряде воевода с Оскола да с Волуйки Степан Иванов сын Данилов, а во 1124 году Петр Прокофьев сын Данилов был на Ливнах воеводою; а служили по Московскому списку, а то свидетельство в Разряде; Денисей Данилов из Тульской чети, из приказа Большого Дворца; а Окинфей Данилов воеводою ж был в Новом Осколе, из Тульских засек, стольником и воеводою, на князь Михайлово место Звенигородского, да в Козлов стольником же и воеводою, на Васильево место Дмитриева, полковым и осадным воеводою ⁷. Да воеводами ж были Кирила, да Степан, да Артемей, да Митрофан Даниловы, из разных приказов, и о том свидетельства наказы их. Ныне по городу рода нашего Даниловых никого нет, а которые напредках родственники наши служили по городу Туле, в первой статье по выбору, а по другой статье родственникам нашим никому не бывало, и про то ведомо в Разряде в Тульских десятнях. А опричь роду нашего Даниловых, которые писаны в сей росписи выше сего, иного нет.

ПРОХОР

Прохор в свое время достоверно должен быть как богат, так и знаменит; для того что сверх оставленного сыну его Савелию (а Иван неженатый скончался) довольного имения, выдал он дочь свою Дарью Прохоровну в замужество за Милославского, в приданное за нею дал в Арзамасском уезде великие волости да подмосковное

село Рожай, которые до наших времен во владение переходили по наследству в род Милославских; а ныне разными случаями вышли в другие посторонние владения.

САВЕЛИЙ

Савелий более нам уже известен стал, что прадеда нашего Осипа, а его Савельева сына, отчество было у многих в фамилии нашей знаемо с почтением; он, Савелий, прадеду моему Осипу и брату его Петру был родной отец.

ОСИП И ПЕТР

Осип имел у себя сыновей, а моих дедов: Митрофана, Гурья, Артемия; а у Петра был сын Евдоким, а у Евдокима Антип, а у Антипа Анфиноген, который бездетен, засушил свою отрасль.

МИТРОФАН

Митрофан Осипович, двоюродный мой дед, чин имел стольника; я его видал, когда был еще лет восьми от роду. Он без выезда жил в той деревне, где я родился; он рассказывал про Москву, также и про свой Чигиринской * поход, из которого привез с собою сосуд деревянный (флагу) с вином. Оное вино хотя он пил и гостей потчивал, только и по смерти его остался сосуд полный, для того что толикое ж число вливали в тот сосуд вина, сколько из него выливали, почему чигиринское вино не оскудевало. Митрофан Осипович хранил его для своего тщеславленья; носил седую круглую бороду. Усадьба, где он жил, в селе Харин, преизрядная была: два сада, пруд и кругом всей усадьбы рощи, церковь в селе деревянная. Хоромы у него были высокие, на омшинниках, и снизу в верхние сени была со двора предлинная лестница; оную лестницу

* В Новой Сербии город Цыбулев, при вершине Малого Ингула; тут был прежде город Чигирин, расстоянием от крепости Елизаветы двести верст, владели им прежде запорожские казаки, но крымские татары и турки его разорили. Для защищения сего Чигирина был поход к нему от россиян неоднократно⁸.

покрывал ветвями своими превеликий, стоящий близ крыльца, широкий и густой вяз. Все его высокие и обширные с виду хоромы состояли из двух жилых горниц, через сени стоящих: в одной горнице он жил зимою, а в другой летом. Имел он дочь Анну *, которую отдал в замужество за князя Федора Барятинского: от ней произошли князь Григорей, князь Гаврила, князь Никита, князь Александр, которые его внучата всем именем после него Митрофана наследовали. У Митрофана Осиповича была пословица юж; по тогдашнему времени у всех такая мода была или привычка, дабы в разговорах примешивать какую-нибудь ничего не значущую примолвку, например: «Не ты юж дарюку, воистину положи меня», и прочая. Деревень за ним имелось в разных уездах душ; дом его наполнен был семействами людей дворовых, без всякой должности и работы живущих, разве за службы их он довольствовал. По тогдашнему обычаю с боярами хаживали в поход холопи, сколько принадлежит по наряду с числа душ крестьян, на конях и с своим провиантом, вместо нынешних собираемых рекрут⁹; а вооружены они были только бердышами и копьями. Он никуда не ездая по гостям, да я не слыхивал, чтобы и к нему кто из соседей ровные ему дворяне ездая, а больше поп у него гость бывал. Когда ж приедет какой нахал другого приходу поп да близ живущие из мелких дворян или однодворцов, называемые Милоховы, он и таковыми, от большого уединения, гостями был доволен, и часто доходило, что поступал с ними чрезвычайно торогато. Когда прикажет подать чигиринского вина, то значило полное удовольствие его компании; за оным напитком не забудет напомнить все понесенные военные труды в походе, бывшем под городом Чигирином. Хотя отец мой близко его жил в одном селе (не далее ста пятидесяти сажень), только нечастое они имели между собою свидание. Причина сему была мне неизвестна, отца ли моего не было к родному дядюшке ласки, почтения и искания, или уже с обеих сторон не было любви родственной, а вкорененная вражда и ненависть. Живали при Митрофане Осиповиче внучата его, князья Барятинские, попеременно по одному, не для удовольствия деду своему в скучном его житии, но более для наблюдения следуемого им после него имения, дабы

* Митрофан Осипович был женат на двух: первая жена Матрена Максимовна Писарева, а вторая Неннила Ивановна Ильина, от оной родилась дочь Анна.

дедушка их и наш не мог уделить нисколько в свой род. Скончался Митрофан Осипович около 1735 или 1736 года, пожив лет восемьдесят или более; а во все движимое и недвижимое его имение вступили внучата его, князья Барятинские, по духовной грамоте.

ГУРИЙ

Гурий Осипович, прародитель мой, женат был на Афимье Павловне Селивановой и прижил с нею сыновей: Петра, Василия, Леонтия и Ивана. Гурий Осипович жил в одном селе Харине с братом своим Митрофаном; он скончался, и с бабкою моею, гораздо прежде, почему мне его видеть не случилось. Строение дома его подобно как у Митрофана Осиповича, только не было такой высокой к хоромам лестницы: через большие сени была одна горница белая, а насупротив другая черная, в которой вместо кухни кушать готовили. Гурий Осипович имел за собою менее ста душ крестьян и гораздо был недостаточнее брата своего Митрофана; по разделу ли отцовскому они так неравно разделены, или другим случаем неравенство в имении их произошло, мне неизвестно, а может стать, и потому, что он был убожее своего брата Митрофана, первое — грамоте не умел, другое — служил ли службу и был ли под Чигирином, не ведаю. По тогдашнему обыкновению за службу получали оклады, и жаловано было дворянам поместье, число четвертей земли, на которой должно дворянину поместиться или поселиться и жить, а земля она поместная не переходила в род по наследству; а поместье, по заслугам смотря, жаловали в вотчину вечно, которое название именно значит, как бы сказано было: вот тебе чин или заслуга. Для того-то наш дед очень мало оставил нам, своим внучатам, недвижимого своего имения. Третий резон есть тот: дед мой Гурий Осипович женат был на бабке нашей, Селивановой, с посредственным приданным, потому что не было за нею недвижимого имения в приданстве деревень; а было движимое, то есть белье и платье, кунтуши и подкапки бобром опушенные: по тогдашнему обыкновению лучший наряд был, соблюдается оный и доднесь, носят еще по городам попадьи и купецкие жены. Из белья было приданого, между прочим, золотом вышиты по полотну сплошь круги в такую меру, как велики у человека коленки или чашки у ног: оное платье носили мужчины вместо штанов, и называлось порты.

АРТЕМИЙ

Артемий Осипович имел у себя два сына, Михайлу и Ивана: Иван скончался бездетен, а от Михайла был сын Ефим и дочь Катерина. Ефим за разные свои продерзости сослан был в ссылку, оставя по себе два сына, Василия и Николая; а дочь его, Михайлы, Катерина была в замужестве за Грецовым Петром, от которого был сын Михайло, и по нем остался сын того ж имени Михайло.

ПЕТР

Петр Гурьевич, старший сын Гурья Осиповича, служил в регулярной службе, в драгунских полках, унтер-офицером; женат был на Анне Михайловне Кислинской и прижил с нею два сына и дочь: первый сын Елисей, другой Борис, а дочь Татьяна. Петр Гурьевич наследовал после отца своего всем недвижимым имением по той причине, как государь Петр Первый, в 1714 году, выдал закон, дабы в недвижимом имении, сколько бы братьев ни было, один только после отца своего был наследник, а прочие братья за свою долю из того недвижимого имения должны получить от наследующего брата по цене деньгами, и с тем должен всяк искать своего счастья военною службою, купечеством, или куда кто по своим склонностям может быть способен¹⁰. Но неравенство оное между детьми тронуло нежные родительские сердца, и, по тогдашнему обыкновению, казалась великая невозможность, каким бы образом иначе дворянскому сыну сыскать себе пропитание, кроме оставшегося после отца его недвижимого имения: в военную службу охотою никто не хотел, а записывали дворянских детей с принуждением; науки и художества в редком еще доме были известны, а многие дворянские дети грамоте с нуждою могли разуметь, а писать только редкие знали и за счастье почитали (до времен Петра Великого) быть у знатных тогдашних бояр в держальниках, ко услугам, только б не быть в государственной военной службе¹¹. Таковая невозможность для дворянских детей принудила просить неотступно, дабы позволено было недвижимое имение после родителя детям делить по равным частям, что, по неотступной просьбе, при государыне Анне Иоанновне указом разрешено было. Петр Гурьевич, выделя матери своей Афимье Павловне, которая была тогда вдовою, четвертую часть

недвижимого имения (а более бывших тогда в бегах крестьян на ее ж часть включил), с братьев своих родных волею и неволею побрал обязательства и записи, дабы им впредь не вступаться в отца их имение. Коль скоро Петр Гурьевич скончался, жена его избрала себе второе супружество: вышла она замуж за отставного прапорщика, фамилиею Легерь. Дети его, Елисей и Борис, учились в селе Харине у пономаря Брудастого грамоте. По возрасту своем большой Елисей записался в Московский бывший тогда шквадрон и служил драгуном, а из Московского шквадрона перешел в Смоленский пехотный полк и, дослужась там подпоручиком, перешел и был полиции поручиком в Москве, и жил, как и все полицейские офицеры живут довольны; напоследок, при перемене главных полицейских командиров, не знал он обыкновенного при такой службе проворства и догадки угодить командирам, за что отставлен был от полиции и живет вместе со своим братом Борисом в селе Харине, холостой, разделяясь домами, без малейшего братолюбия, последний полицейский кафтан донашивает. Меньшой брат его Борис каким-то случаем попался в Сибирские драгунские полки служить и был там несколько лет безызвестен своим родственникам; наконец, дослужась унтер-офицерского чина, выехал из Сибири, женись на сибирке драгунской дочери, прижил с нею детей; по приезде в Москву записался в Коломенский полк, в котором дослужился сержантом; потом пошел в отставку и отставлен прапорщиком, живет ныне в половине своего имения в селе Харине. Дочь Петра Гурьевича Татьяна выдана была в замужество, от матери своей и отчима, поблизости к себе, в дом однодворца: дали они в приданое за Татьяною мужска и женска пола четыре души, однако она над своими приданными не была госпожа, как у матери, а была во всякой работе товарищ своим служанкам, жать на поле, толочь и молоть в доме, скотину убирать и корм давать, и все делать вместе; и так бедная Татьяна, не имев к таким трудам ни малой привычки и способности, потому хотя небогато, но дворянски была воспитана, принуждена была, серп и жернова имев в руках, окончить жизнь свою в работе ¹².

ВАСИЛИЙ

Василий Гурьевич, отец мой, с братом своим Иваном, записан был в гвардии Преображенский полк, в солдаты, когда оный полк еще учрежден был от Петра Великого

вновь; меньшой брат его Иван умер холостой. Отец мой, служа в гвардии солдатом, был в походах с государем, в 1700 году, когда горд Нарву у шведов брали штурмом¹³; при том штурме он ранен был тяжело: у левой руки отстрелили у него картечью три пальца, по половине каждого, большой, указательный и средний, а остались два целых, мизинец да другой подле мизинца. Государь, осматривая сам персонально своего полку раненых солдат, между которыми у отца моего висящие на жилах отстреленные пальцы отрезал сам ножницами, изволил сказать при том во утешение страждущему от раны: «Трудно тебе было!» Наконец, при отставке от службы, пожаловал его капралом. Отец мой, получа отставку и излечась от раны руки своей, жил в Москве в доме Милославского, по свойству, и по оному дому сделался знаком многим знатым господам, как-то: Долгоруким, Салтыковым и прочим. Милославский, Сергей Иванович, был в арзамасских своих деревнях, взял к себе близ живущую дворянскую дочь небогатую, по фамилии Аксентьеву, и, несмотря на недостаток свойственника своего, а моего отца, женил его на Аксентьевой, девице Афимье Ивановне, которая произвела меня на свет. Отец мой, поживя несколько времени с моею матерью в доме свойственника своего Милославского, в Москве, который не более делал ему одолжения, как дневною пищею при своем столе, наконец взял намерение отъехать в дом отца своего, в деревню, куда и отправился с молодою своею супругой, а моею матерью. По приезде его в свое отечество, открылось от большого брата его Петра, который был также в отставке, ненависть, вражда и сущее гонение. Мать их, а моя бабка, Афимья Павловна, была тогда уже вдовой; видя такое неустройство между детьми своими, взяла свою четвертую после мужа своего указную часть недвижимого имения и для жалкого состояния сына своего Василия, а моего отца, отдала ему во владение вечно одному. Петр Гурьевич, видя, что мать его свою четвертую часть отдала только одному брату его Василию, созвав свойственников и родственников своих, между которыми был тогда человек самой худой души в нашей фамилии, Михайла Артемьев сын Данилов (а сверх его фамилии прозвался он Крюк), зазвали моего отца в свое собрание и принудили его волей или неволей дать на себя запись такую, чтобы впредь ему, Василию, в недвижимое отца своего имение не вступаться и не бить челом, а быть довольну одним четвертым жребием матери своей, кото-

рое обязательство утвердили они неустойкой: кто впредь начнет просить, тому заплатит сто рублей, а запись будет записью.

Отец мой, поселясь на отведенной ему усадьбе, перешел жить на новоселье, взял к себе жить свою мать, а мою бабуку, и, живучи с моею матерью, произвели они на свет детей, которых было от сих благословенных супругов двенадцать человек, а именно: дочь Анна, сын Дмитрий, дочь Матрена, сын Егор, сын Василий, дочь Дарья, сын Михайла, сын Федор, дочь Прасковья, сын Афанасий, сын Лев, сын Иван. Наконец принял отец мой намерение, к облегчению своего недостатка, искать помощи у своих прежних по видимому казавшихся благодетелей, знатных господ, что он и получил. Семен Андреевич граф Салтыков, кой тогда был правитель в Москве, определил его к Троице-Сергиеву монастырю, от которого он получал отсыпной хлеб и деньги; однако не долго он сим правлением пользовался. Свойственники его Даниловы, узнав о таком однофамильце своего определении к монастырю, почли своему роду бесчестие, да и отрешили его, по просьбе своей, от монастырского довольствия: положили между собой условие, дабы содержать его на своем общем иждивении, из коих один только поприлежнее сохранял несколько времени данное обещание¹⁴: Афанасий Денисович Данилов; наконец и он забыл свое обещание, как и прочие его товарищи, помогать моему отцу в недостатке, а награждал его изобильно одним сожалением. Отец мой, обратясь на прежнее свое состояние, жил с помощью своих прочих благодетелей весьма умеренно.

В 1722 году случилось ему ехать от свойственников своих с моею матерью, при коей и я находился в младенчестве у груди матери. Проехав город Венев, стали подъезжать к реке Осетру, расстоянием от дома своего не более пяти верст; время тогда было зимнее, а день приклонился к сумеркам; набежали на них несколько саней, в коих человек с десять или более было разбойников. Отец мой, сидя на облуку у той кибитки, в которой мать моя со мною сидела, а человек правил (как я от отца моего оное приключение слышал), вооружен был только одним палашом; узнав он из той воровской шайки одного мужика из деревни Соколовки, одно к церкви прихода, сказал ему, что по соседству нехорошо так поступать и что он знает их. Оное слово не умягчило сих бездельников, а может быть, и пьяных, они закричали воровским обыкновением: «Атаман почтивай, он знает нас». После сего слова кину-

лись разбойники с дубьем на отца моего и начали бить. Отец мой против толикого числа разбойников не долго оборонялся, отбежал, обороняясь, от дороги несколько сажен, где они сбили его с ног на землю и били столь бесчеловечно, что чуть жива оставили и, накинув петлю на шею ему, потащили и бросили в сани; потом, своротя с дороги в сторону, привезли к реке Осетру и, при многом обыкновенном от разбойников стращанье и угрозах, то резать, то топить в воде хотели, ограбя всех дочиста, объявляя притом, что они о младенце (то есть обо мне) сожаление имеют: дабы не ознобили, дали несколько самого худейшего одеяния и одну без узды лошадь, сами ускакали возвратно. Слуга, который был при нас, взял лошадь за гриву, повел ее за собой: повезли отца моего едва жива в саних положенного, а мать моя и при ней престарелая девка шли пешком, несли меня на руках попеременно, идучи и пробираясь домой полями, потому что разбойники завели нас от дороги далеко. Наконец, дошед с великою нуждою до села Исакова, из того села перевезен был отец мой в свой дом, где он через малое время хотя и пришел, казалось, в прежнее свое здоровье, однако календарь оный, данный ему от разбойников, очень верен был. всегда чувствовал он к переменной в воздухе погоде превеликую боль во всем своем теле.

Мать наша кормила всех детей своих своею грудью, воспитывала нас с беспримерною материнскою горячностью и любовью. Она была весьма добронравна и незлобива, особливо к своим домашним служанкам, повелевала ими более ласкою, нежели дворянскою обыкновенною властью. Она жила от роду своего с лишком шестьдесят лет и скончалась в 1759 году припадком. Отец мой, за десять лет до своей кончины, получил себе по наследству крестьян, после родственника своего Анфиногена Антиповича Данилова, в Веневском уезде тридцать душ, коими он был к пропитанию своему доволен. Нрав отца моего был хотя вспыльчив, только скоро отходчив и немстителен. Он скончался наиболее от старости своих лет, а не от приключившейся ему какой болезни: ходил на ногах до своей кончины. Почувствовав в себе изнеможение к смерти, призвал священника и приказал ему при себе ночевать, а как конец жизни его стал уже приближаться, тогда он разбудил спящего священника и велел ему читать отходную молитву, по окончании молитвы лег на постель и скончался. Он погребен возле отца своего в селе Харине, жил с лишком девяносто лет от роду.

ЛЕОНТИЙ

Леонтий Гурьевич, отца моего брат средний, оставлен был от службы прапорщиком; он женился в Медыне на вдове Товарковой и, женись, приезжал в 1735 году, с женою и с падчерицей своей девицей, для свидания со своими родственниками в свою отчину, откуда возвратясь в Медынь, скончался бездетен.

ОТЦА МОЕГО ДЕТИ

Первородная дочь была у моего отца, а мне сестра, Анна. Воспитана она у свойственника нашего и однофамильца Данилова, Антипа Евдокимовича, выучена была читать и писать российской грамоте, читала много церковных книг и историй, почему и знала многое касающееся до закона. Анна Васильевна от роду своего лет двадцати выдана была тем же нашим свойственником Антипом Евдокимовичем, замуж за небогатого дворянина, который тогда в Преображенском полку служил, гренадером, фамилией был Чеусов; в приданое дал за нею Антип Евдокимович три двора крестьян и малую часть земли поблизости своей усадьбы. Сестра моя построила на той данной ей в приданство земле, коя называется Колодезна, и живучи в том своем селении со своим мужем, который часто бывал из полку в отпуске, прижили они детей: дочь Любовь, сына Афанасия, сына Николая; и в 1741 году овдовела. По оплакиванию несколько времени своего супруга вознамерилась она для лучшего воспитания своих детей оставить свое деревенское уединение и прибегнуть к благодетелям, коих она своим изысканием нашла довольно. Первый ее благодетель был граф Иван Симонович Гендриков, который сестре моей руководствовал много: по его дому спознала она многих знатных господ, почему набрала довольно для дочери своей хорошего и богатого приданого. Сыновей своих записала она в Кадетский сухопутный корпус, где, по ее несчастью, большой Афанасий, к сожалению многих, кои его знали, скончался. Смерть сына своего несколько лет мать его оплакивая пролила много горьких слез. Я, по просьбе сестры моей, велел над ним положить, по обыкновению, якобы ей служило некое последнее утешение, камень с таковою надписью: «Читателю, горячка меня на двадцатое лето заключила в сей гроб и лишила света». Меньшой сын ее

Николай, дослужась в Кадетском корпусе до сержантов, выпущен подпоручиком армейским и женился на княжне Грузинской, с которой ныне благополучно живет во Твери почтмейстером, имея у себя сына Николая. Племянница моя Любовь прежде жила, со своей матерью, у знатных разных господ, почему и воспитана была хорошо, не по-деревенски, или лучше сказать, не по недостатку своему; напоследок перешла она жить к своей родной тетке, а моей сестре Дарье Васильевне Самойловой, от которой и в замужестве выдана за майора Ерышкина, и, прижив с ним два сына, в 1771 году скончалась чахоткой; причина ее болезни, как я слышал, что, будучи в девках, лечась, принимала слабительные пилюли. Мать ее, а моя сестра Анна Васильевна скончалась годом прежде дочери, жила от роду своего лет шестьдесят.

ДМИТРИЙ И МАТРЕНА

Дмитрий скончался малолетен. После его родилась дочь Матрена, которая воспитана была у свойственницы нашей Матрены Петровны, бывшей прежде в замужестве за Афанасием Денисовичем Даниловым; у оной вдовы несколько и я жил и грамоте учился, о которой впредь упомяну пространнее. Матрена Петровна сестру мою Матрену выдала в замужество ландмилицких полков за капитана Пятова. Она, жив с ним несколько лет, скончалась, будучи с ним при полку на Украинской линии¹⁵, оставила после себя двух дочерей, которые после ее смерти в разные времена скончались девицами. Муж ее, по смерти жены своей, женился вскоре на третьей жене и, пожив несколько лет, умер; оставил он после себя наследником первой своей жены сына, который за разные бездельства и преступления, воровство и обман, сослан в ссылку.

ЕГОР

Брат мой Егор воспитан по большей части и выучен грамоте от отца своего. Он отдан был для обучения читать и писать российской грамоте в Туле к дьячку; а по выучении грамоте взял его к себе тульский помещик, отцу нашему свойственник, Иван Александрович Нестеров, у которого он жил до совершенного возраста. Потом Егор

записался служить в первый Московский полк и в 1735 году с полком пошел в Турецкий поход, где находился до окончания той войны, который мир заключен 1738 году¹⁶. Будучи он в оной службе, пожалован был через несколько лет сержантом и взят на ординарцы к князю Никите Юрьевичу Трубецкому, который в показанном Турецком походе был генерал-крицкомиссар; он определил Егора Васильевича от себя курьером, посылал его часто в Москву и Петербург, по тогдашнему обыкновению верхом. Почитали оную верховую езду за солдатскую исправку и крепость, дабы скакать день и ночь, суток десять не спать, отчего слабые люди не могли такой чрезвычайной тягости понести; получа чахотку, лишались вовсе своего здоровья и даже жизни; а которые находили в себе больше других сил противиться сей непомерной трудности, в подкрепление своего труда от бессонницы прибегали они к винной помочи, отчего нечувствительно привлекали на себя привычку пить вина без времени более обыкновенного. Так и брат наш Егор Васильевич навлек на себя оную страсть, которая едва ль не прекратила и жизнь его прежде времени. По нынешнему учреждению курьеры ездят в кибитках и поспевают из Волохи¹⁷ в Петербург в девятый день, чего верхом учинить никак невозможно.

Брат мой Егор, дослужась в первом Московском полку до поручиков, переведен был из оного в Смоленский полк, и, быв в 1740 году в шведском походе¹⁸, оставлен капитаном в 1756 году. В Москве он женился на неизвестной персоне, потом, приехав с женою в Петербург, определился к полиции и был при оной должности в Москве. Была у него от супружества его одна дочь, которая, немного пожив, скончалась малолетна, а он, время от времени ослабевая в своем здоровье, пришел до такого расслабления, что в 1761 году скончался от рождения на сорок пятом году. Исключая его страсть и привычку к вину, он был весьма доброй души человек, незлобив, добросердечен, набожен; хотя был и недостаточен, будучи в полках кроме жалованья доходу ниоткуда не имел, но чистотою в платье и всею опрятностью многих превосходил, кои достаточнее его были. По смерти его и жена его скончалась вскоре.

Брат мой Василий, изучась несколько грамоте в доме отца нашего, потом, живучи у сродственника, который отцу нашему был внучатый брат, Ивана Васильевича Афросимова, докончал учение российской грамоте читать и писать; а как оный Афросимов от пяти лет своего рождения был слеп и ничего не видел, то брат мой, живучи у него, был его глазами, смотря за всем дяди своего домом и именем, и дядя великую во всем делал брату моему доверенность. Дядя наш был притом богомолец: у него всякий день была в доме его служба, поутру, ввечеру и в ночи, подобно как в монастыре, только кроме обедни. Отправляли оную службу его домашние люди, да и сам он Афросимов, затвердя наслышкою из Псалтыри несколько псалмов наизусть, читал оные твердо и пел с людьми вместе; он, по лишении глаз, не мог видеть красоту сего земного света, за тем находил себе удовольствие большое награждать свой слух пением и молитвами.

Афросимов получил после родственников своих по наследству немалое число деревень. Имея по себе ближних двоюродных племянниц, коим по закону следовало быть после него во всем наследницами, однако не сделал он так, ибо слепые ушами более натурального слышат: вознегодовал неусыпный богомолец на своих племянниц, якобы в непочтении к нему, и избрал по себе наследником себе без родства однофамильца Афанасия Левонтьевича Афросимова ж, утвердил ему все имение по духовной. Когда слепой ослабевал в болезни и приходил к концу жизни, тогда отдавал свою духовную наследнику в руки, а когда получал от болезни малое облегчение, тогда возвращал свою духовную от наследника к себе, почему дознаться нетрудно, что он был не без сомнения в избранном наследнике поручить ему свое имение при жизни.

В 1735 году опубликовано было указом, дабы все недоросли дворянские дети явились в Герольдию, при Сенате, на смотр; а по рассмотрению Сената, по желанию каждого недоросля, отсылали записываться в школы или в службу, куда кто пожелает. Тогда и брат мой Василий, в 1736 году, записался в Артиллерийскую школу. Она школа была еще учреждена вновь на полковом артиллерийском дворе, и было в оную прислано из Герольдии дворянских детей, бедных и знатных, по желанию, семь сот человек. А как в новой школе не было ни порядка, ни учреждения, ни смотрения, то через четыре года разо-

шлось оное большое собрание, без позволения школьного начальства, по разным местам, в настоящую службу, куда кто хотел записались, а осталось только некоторая часть дворянских детей, кои прилежали охотно и хотели учиться.

Но великий тогда недостаток в оной школе состоял в учителях. С начала вступления учеников было для показания одной арифметики из пушкарских детей два подмастерья; потом определили, по пословице «волка овец пасти», штык-юнкера Алабушева. Алабушев тогда содержался в смертном убийстве третий раз под арестом, был человек хотя несколько знающий, разбирал Магницкого печатной арифметики¹⁹ и часть геометрических фигур показывал ученикам, почему и выдавал себя в тогдашнее время ученым человеком, однако был вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителем благородному юношеству, где учитель должен своим добрым нравом, поведением и хорошими поступками во всем учении образцом быть; а он редкий день приходил в школу непьяный. Видно, что тогда был великий недостаток ученых людей в артиллерии, когда принуждены были взять и определить в школу учителем колодника и смертоубийцу.

Напоследок, для поправления в школе порядка, еще определен был, сверх штык-юнкера Алабушева, капитан Гринков, у которого не было левой руки по локоть. Человек был как прилежный, так и копотливый, и был великий заика, однако завел в школе порядок получше Алабушева. Он вперял в учеников охоту учиться, с обещанием чести, и довел до того, что его старанием несколько человек из учеников пожалованы были в артиллерию сержантами и унтер-офицерами *, из них ныне есть при артиллерии полковники и генералы.

В 1737 году брат мой Василий записал меня в Артиллерийскую ж школу, где я с ним вместе обучался года с три. Потом брат мой, с прочими по выбору и по науке учениками, взят был указом Канцелярии главной артиллерии из Московской в Петербургскую школу, а из Петербургской школы в 1740 году, с прочими ж учениками, выпущен сержантом в полевую артиллерию. В то время была между Россией и Швецией война; брат мой (сержантом) командирован, в 1741 в июле месяце с кня-

* В тогдашнее время жаловали чинами по наукам, а неученого записывали в рядовые канониры.

зем Гессен-Гомбургским, бывшим тогда фельдцейхмейстером. Князь охранял, с корпусом полков армейских и артиллерией, морской берег при Березовых островах, дабы шведы не пристали, по способности того места, с флотом и не сделали десант.

Брат мой, возвратясь от Березовых островов благополучно в Петербург, командирован был в Москву, пожалован штык-юнкером и послан из Москвы в Киев, где был при генерал-майоре артиллерийском Беренсе за адъютанта; а из Киева командирован по Украинской линии свидетельствовать и комплектовать все крепости городской артиллерии, и был в Запорожской Сечи. В 1749 году пожалован поручиком, происходя по артиллерии чинами по порядку; был в 1757 году капитаном в походе против прусского короля на Гросс-Егерсдорфской баталии²⁰ Армией тогда командовал фельдмаршал Степан Федорович Апраксин. Потом брат мой пожалован был майором, а в 1760 году отставлен коллежским советником, будучи во Твери воеводою, в 1764 году женился полковника Ивана Ивановича Чагина на дочери, девице Марье Ивановне, с коей прижил детей: сыновей Ивана, Василия, Павла, Петра; в 1773 году определен от Сената в Серпуховскую провинциальную межевую контору первым членом, а в 1775 году, переехав с конторой в Переяславль Рязанской, апреля 7 числа скончался от припадка.

ДАРЬЯ

Дарья, сестра моя, лет восьми возраста своего, отвезена была от отца нашего в Москву и отдана в дом Софье Алексеевне Милославской, у которой жила лет шесть, выучилась там преизрядно вышивать всякими цветами и золотом, какое шитье в тогдашнее время было в Москве в манере самое лучшее; потом она взята из Москвы в дом отца нашего и, пожив несколько времени, отдана была свойственнику нашему Анфиногену Антиповичу Данилову, в тот же дом, где прежде и большая сестра наша Анна была воспитана. Из оногo дома выдана Дарья, моя сестра, в замужество за Афанасия Андреевича Астафьева; оный Астафьев был тогда в Глуховском гарнизоне солдатом, а родственник наш Анфиноген Данилов там же прапорщиком.

Когда Астафьев женился на сестре моей Дарье, тогда за ним было только в Епифанском уезде, деревня Ржавец,

не более 50 душ. Женься, он, Астафьев, переписался из Глуховского гарнизона служить гвардии в Семеновский полк солдатом же. Между тем временем ему досталось после брата его, который был не от одной матери, наследство девятьсот душ. Он старался оное имение за себя справить по закону, но в Вотчинной коллегии ²¹ учинены были от родственников его споры, которые хотели быть ему в наследстве участниками. Зять мой Астафьев подарил свою прежнюю вотчину Ржавец бывшему тогда в Вотчинной коллегии секретарю Каменеву. Каменев, получа деревню к себе во владение, рассмотрел дело в Коллегии вправду и утвердил законным наследником зятя моего, после брата родного, а прочих просителей всех отрешил от наследия. Зять мой Астафьев, получа большое наследство, неприлежно стал уже в полку служить, а как в тогдашнее время отставки от службы не было или трудно ее получить было, то он нашел милостивца в полковом секретаре, который его отпускал в годовые отпуска за малые деревенские гостинцы. Секретарь доволен был, когда за пашпорт получит душек двенадцать мужского пола с женами и детьми, с обязательством таковым, когда зять мой Астафьев на срок оных подаренных крестьян не вывезет, куда назначено было, тогда неустойка награждалась прибавкой к двенадцати душам. Чтоб не потерять дружбы, таковым полезным от секретаря отпуском зять мой пользовался каждый год по договору. Случалось мне и то видеть самому: при самом уже его в отпуске отъезде из полку, не оставят у него писари полковые и ротные постели и подушек; хотя он даже сидел в кибитке, и то вытаскивали из-под него и делили по себе, как завоеванную добычу. Странное видение было сих бесстыдных подлецов. Полковой писарь гораздо был совестнее секретаря: он брал только по одному человеку за пашпорт.

Зять мой Афанасий Астафьев, пользуясь частыми отпусками, не видал конца своему имению, веселясь в деревне и живучи разными забавами. Родственники его досадовали на секретаря Вотчинной коллегии Каменева, что не сделал их соучастниками в наследстве, а сделал брата после брата родного. Умыслил один из дядьев зятя моего родных, Никита, зазвал к себе племянника своего Афанасия, для которого сделал веселое собрание и пир, да и взял с него закладную пять тысяч рублей на село, что наилучшее, называемое Новое, двести пятьдесят душ, каменная в нем церковь; а денег за оное село едва получил

зять мой одну тысячу рублей. Напоследок, за великою его слабостью, усостылся секретарь гвардии держать Афанасия на своей шелковинке: отставил его из полка в отставку, только на провожанье недешево зятю моему стало, как и прежде.

Зять мой, пожив в деревне больше уже в болезни и пьянстве, нежели в веселостях, видя слабость своего здоровья, укрепил свои деревни своей жене, а моей сестре Дарье, в четыре тысячи рублей, после того вскоре умер, оставя по себе малолетнего наследника, сына, но и тот после отца своего недолго нажил и скончался.

Сестра моя, овдовев, хотя имела на деревни мужа своего закладные, которые писаны были на имя тетки нашей Сомовой, но претерпела великое притеснение от наследников мужа своего: наследники запретили в деревнях сестру мою слушать и ничего ей не давать, а на отправленный из деревни запас для сестры моей, в Москву, дорогой набегли и разграбили, как разбойники.

Сестра моя во вдовстве и недостатке жила несколько лет, пока судьба принялась ей благодетельствовать: в 1753 вышла вторично замуж, армии за поручика Александра Борисовича Самойлова. Зять мой Самойлов принялся по закладным своей жены взыскивать с наследников Астафьевых деньги. Астафьевы, не хотя выпустить заложенных от родственника своего Афанасия деревень, объявили себя выкупщиками, но как в наличности у них для выкупа денег не имелось, то великую они трудность имели свое намерение исполнить; притом у оных наследников-родственников, Никиты Петровича, Федора Петровича (так они назывались), не было между себя братского согласия, но всегдашняя вражда и подлая брань. Однако наконец, сыскав деньги, выкупили за четыре тысячи рублей заложенное имение. Зять мой Самойлов, сверх того выкупа, взыскал еще с них подлежащие деньги за тех людей, которыми они завладели сверх закладной.

После того зять мой Самойлов служил в Тобольском полку капитаном, потом вышел и определен к первому межеванию, при том межеванье пожалован коллежским ассессором; а как первое межеванье оставлено, то он определен был в Судный приказ²², потом перешел в Вотчинную коллегию и пожалован надворным советником. В 1766 году паки межеванье всего государства учреждено, тогда зять мой переведен в Губернскую межевую канцелярию и пожалован коллежским советником, в котором

чин и поныне в той канцелярии присутствует с отменной похвалой. (Приписано после М. Д.). Зять мой прижил с сестрою моею Дарьей три дочери: Наталья, Настасья, Марфа. Наконец, он был в Главном магистрате²³ президентом, потом в Сенате обер-прокурором, а из обер-прокуроров в Володимире губернатором.

Я родился в 1722 году. Тогда отца моего разбойники разбили, и подана была на сих злодеев явочная челобитная, с которой досталась мне копия, почему я и рождение свое в том году почитаю. Был я любимый сын у моего отца. От роду моего лет семи или более отдали меня в том же селе Харине, где отец мой жил, пономарю Филиппу, прозванием Брудастому, учиться. Пономарь был роста малого, широк в плечах, борода большая, круглая покрывала грудь его, голова с густыми волосами равнялась с плечами его, и казалось, что у него шеи не было. У него, в то же время, учились два брата мне двоюродные, Елисей и Борис. Учитель наш Брудастой жил только один со своею женой весьма в малой избушке. Приходил я учиться к Брудастому очень рано, в начале дня, и без молитвы дверей отворить, покуда мне не скажут «аминь», не смел. Памятно мне мое учение у Брудастого и поднесь, по той, может быть, причине, что часто меня секли лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтоб во мне была тогда леность или упрямство, а учился я по моим летам прилежно, и учитель мой задавал мне урок учить весьма умеренный, по моей силе, который я затверживал скоро; но как нам, кроме обеда, никуда от Брудастого отпуска ни на малейшее время не было, а сидеть на скамейках бессходно и в большие летние дни великое мучение претерпевали, то я от такового всегдашнего сидения так ослабевал, что голова моя делалась беспамятна и все, что выучил прежде наизусть, при слушании урока ввечеру, и половины прочитать не мог, за что последняя резолюция меня как непонятого «сечь!». Я мнил тогда, что необходимо при учении терпеть надлежит наказание. Брудастого жена во время нашего учения понуждала нас, в небытность своего мужа, всесчастно, чтоб мы громче кричали, хотя б и не то, что учим. Отраднее нам было от скучного сиденья, когда учитель наш находился в поле на работе: по возвращении Брудастого отвечал я во всем уроке так, как утром при неутомленных мыслях, весьма исправно и памятно. Из сего ныне заключаю, что принужденное детям

учение грамоте бесполезно, потому что от телесного труда изнемогают душевные силы и приходят в обленение и унылость; явственнее можно усмотреть сию правду, принудить только ребенка играть сверх его воли: тогда ему та игра и игрушки от скуки омерзуют, и тою игрою мало будет уже играть или вовсе возненавидит. В подобие сего обретаются: разных рукодел мастера обременяют своих учеников не по силе лет их, из коих некоторые, не возмогши снести такой налагаемой на них тягости учения, обращаются в бегство, кроются по разным местам, вымышляют бездельные обманы, наконец, от воображения страха, что будут их наказывать за побег жестоко, приходят в отчаянье, делаются бездельниками на веке. Вот какой плод происходит от таких беспутных и ни к чему не годных учителей, каков был мой Брудастой. Вымышлял иногда и я, от такового скучного сидения, напрасно показывать какие ни есть за собою затейные приключения и болезни, коих отнюдь во мне не бывало.

В один день, когда учитель наш был в поле с женою своею на работе, брат мой двоюродный Елисей (меня и Бориса, своего брата, постарее и ко всяким шалостям поотважнее), увидя, что на дворе Брудастого никого, кроме нас троих, нет, поймал учителява любимого кота серого, связал ему задние ноги и повесил в сарае, в котором мы учились, на веревке за задние ноги, сек кота лозою и что приговаривал, не упомяну; только то помню, что мы, на его шутки глядя, с Борисом, сидя со страху, чтобы не застал Брудастой, дрожали. И в тот час, якобы на избавление своего кота, явился во двор свой нечаянно наш учитель. Елисей от сего явления оробел, не успел кота с пытки освободить, кинулся без памяти на скамейку за книгу свою учиться, потупя глаза в книгу, и дух свой притаил, не мог дышать свободно. Брудастой, увидя кота, висящего на веревке, от досады и жалости остолбенел, потом пришел в такое бешенство, что ухватил метлу, связанную из хвороста, случившуюся в сарае, зачал стегать раз за разом без разбора по Елисею и по книге, и оною метлою отрывая подымал вверх листы из книги, которые по всему сараю летали. Брудастой был в великом сердце, как бешеный: стегая Елисея, тою же метлой, доставал несколько страждущего по близости на веревке повешенного кота, который чайтельно усмирил зверский тогдашний гнев его своим мяуканьем и тем сохранил остатки листов в книге. Мы от сей драки с Борисом кроме страха ничего не претерпели от Брудастого, а Елисею, до-

стоверно сказать можно, что не меньше книги досталось, которая великую от метлы претерпела в листах утрату.

Выучил я у Брудастого азбуку. Отец мой отвез меня близ города Тулы к живущей вдове, Матрене Петровне, которая в замужестве прежде была за нашим свойственником Афанасием Денисовичем Даниловым. Матрена Петровна имела при себе племянника родного и своему имению наследника, Епишкова; по той причине просила отца моего, дабы привез к ней как грамоте учиться, так и племяннику ее делать компанию, а как вдова своего племянника много любила и нежила, потому не было нам никогда принуждения учиться. Однако я, в такой будучи воле и непринужденном учении, без малейшего наказания, скоро окончил словесное учение, которое состояло только из двух книг, Часослова и Псалтыри. Вдова была великая богомольница: редкий день проходил, чтобы у нее в доме не отправлялась служба, когда с попом, а иногда слуга отправлял один оную должность. Я употреблен был к такой службе к чтению, а как у вдовы любимый ее племянник еще читать не разумел, то от великой на меня зависти и досады, приходя к столу, при котором я читал псалмы, своими сапогами толкал по моим ногам до такой боли, что я до слез доходил. Вдова хотя и увидит такие шалости своего племянника, однако более ничего не скажет ему, и то протяжно, как нехотя: «Полно тебе шутить, Ванюшка», и будто не видит она, что от Иванушкиной шутки у меня из глаз слезы текут. Она грамоте не знала, только всякий день, разогнув большую книгу на столе, акафист Богородице всем вслух громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столом щи с бараниной; только признаюсь, сколько времени у нее я ни жил, не помню того, чтоб прошел хотя один день без драки: как скоро она примется свои щи любимые за столом кушать, то кухарку, которая готовила те щи, притаща люди в ту горницу, где мы обедаем, положат на пол и станут сечь батажьем немилосердно, и покуда секут и кухарка кричит, пока не перестанет вдова щи кушать. Это так уже введено было во всегдашнее обыкновение: видно, для хорошего аппетита. Вдова так была собою дородна, что ширина ее тела немного уступала высоте ее роста. В одно время гуляли мы с племянником ее, и третий был с нами молодой слуга, который нас учил грамоте и сам учился, племянник ее и наследник завел нас к яблоне, стоявшей за дворами, которая не огорожена была ничем, начал обивать яблоки, не спросясь своей тетушки.

Донесено было сие преступление тетке его, что племянник около яблони забавляется, обивая яблоки; она приказала всех нас троих привести перед себя на нелюбезный суд и, в страх племяннику, приказала с великим гневом поднять немедленно невинного слугу и учителя нашего на козел, и секли его очень долгое время немилостиво, причитая: «Не обивай яблोक с яблони». Потом и до меня дошла очередь: приказала вдова поднять и меня на козел, и было мне удара три подарено в спину, хотя я, как и учитель наш, яблोक отнюдь не обивал. Племянник обробел и мнил, что не дойдет ли и до него по порядку очередь к наказанию, однако страх его был тщетный; только вдова изволила сделать ему выговор в такой силе, «что дурноде, непригоже, сударь, так делать и яблоки обивать без спросу моего»; а после, поцеловав его, сказала: «Чаятельно, ты, Иванушка, давича испугался, как секли твоих товарищей; не бойся, голубчик, я тебя никогда сечь не стану».

Отец мой, приехав к своей свойственнице вдове, поблагодарил ее за мое содержание и взял меня в дом свой. По отъезде моем от вдовы через год пришли к ней ночью разбойники, вломились в хоромы, убили у ней любимую постельную собачку Дульку, а ей выбили передние все зубы ружейным прикладом, забрав пожитки и несколько бочонков с вином и водкой, ушли из деревни вскоре. За разбойниками учинена была собранная от соседей погоня, тогда разбойники покидали за собой на дороге по одному бочонку с вином, для питья погонщикам, погонщики выпивали вино для смелости за разбойниками гнаться. Сим вымыслом разбойники погоню за собой остановили и скрылись восвояси.

Потом отвезли меня в город Данков, в котором тогда воеводой был Никита Михайлович Крюков; он считался с отцом моим родством, а как близко, не упомяну, только называл он отца моего «братом». У воеводы был сын Василий, в мои лета или еще моложе. Я жил у воеводы более в гостях, нежели учился: хотя и был у сына воеводского учитель, отставной престарелый поп, только мы и не всякий день и зады твердили. Отпустил нас, на неделю Рождества Христова, воевода с сыном своим по тому уезду Христа славить и за нами посылал подвод по пяти и более порожних саней, на подаяние за славление. Мы каждый день привозили посланные за нами подводы, полны хлебом и живыми курами, и по нескольку денег, и в неделю Рождества как хлеба, так и живых кур немало

натаскали к воеводе. При оном славлении нашем насмотрелся я, что воеводские люди поступают в уезде нахайливее и бесстыднее городских рассыльщиков; они собирали птиц с тех дворов, в которых мы с воеводским сыном не были и Христа не славили.

В бытность мою в Данкове подал один помещик (а фамилию его не упомяну) прошение в воеводскую канцелярию, что крестьяне сделались ему непослушны. Воевода, собрав сколько у него при канцелярии было солдат и рассыльщиков, с ружьями и копьями, послал подьячего по инструкции забрать крестьян-ослушников в канцелярию для наказания; но бунтующие крестьяне приготовились заранее к принятию таковых незваных к себе гостей, не забыли вооружить себя камнями и поленьями, дубьем и рогатинами для своего защищения. Притом они имели у себя из бунтовщиков одного главного уговорщика и предводителя, который объявлял о себе, что он от пули заговорит не только себя, но всех товарищей, которые с ним городской команде противиться будут. Товарищи его, с великой надеждой на своего предводителя и заговорщика пулю уповая, выступили с женами и детьми своими против городской команды на драку. Городская команда, по малости своего числа, видя против себя великое множество собравшегося со всяким орудием народа, захватила для себя удобное место в деревне, дабы кругом не быть обхваченной от бунтовщиков, кои неустрашимо шли прямо на посыльных, а перед ними предводитель и заговорщик ружья, человек молодой, роста великого и стройного (я видел, когда его привезли в канцелярию убитого). Приближаясь, бунтовщики пустили из рук своих камнями и поленьями, как град, и повторили раз за разом, с великим криком и бранью, которым швыряньем они многих городских поранили. Между тем и городские посыльные, защищая себя, из своих ружей сделали несколько выстрелов без ошибки по толпе бунтующих, а одному удалось так небрежно выстрелить из ружья по самому предводителю и заговорщику пулю, что он не успел своих заговорных слов выговорить и пал на землю мертв. Увидя бунтовщики предводителя своего мертвым, дрогнули все и зачали спасать себя бегством, куда кто мог скрыться; городские, видя такое смятение, не упустили сего случая и начали ловить бегущих, и столько нахватили их, сколько им можно было взять с собой. Привезли они перед канцелярией воеводскую в Данков к наказанию бунтовщиков на трех подводах: одних побитых до смерти,

в том числе их предводителя, и человек двадцать полону здоровых и раненых. Я видел, когда допрашивали в канцелярии привезенных бунтовщиков; крестьяне были все молодые и здоровые, по платью и по рубашам не походили они на степных крестьян, а на гулящих самых бурлаков; при допросе они отвечали со зверским видом.

Немного я в Данкове у воеводы пожил. Отец мой, тою же зимою, которою привез, взял меня возвратно в свой дом. Оттуда взял меня наш родственник и однофамилец Анфиноген Антипович Данилов к себе, который был выпущен из гвардии в Глуховской гарнизон подпоручиком. Я, живучи у него, также как у Данковского воеводы, ничему не учился, да и родственник мой о сем нимакого не имел попечения. Один раз собрался мой родственник со своей женой ехать в Москву; они согласились и меня взять с собой. Учреждение было от них странное: мне и со служанками в кибитке сесть не досталось, а нашлось место назади стать с лакеями за их возком, в котором ехали; забыли они тогда, что мне не было больше десяти от роду лет, к тому же морозы были престокие. Уж я терял от сего труда и от стужи свои силы и склоняло меня ко сну; но судьба мне оказала благодетельство: люди, стоявшие со мною назади повозки, пришли в сожаление обо мне, видя меня в такой крайности, часто брали под руки, сверх моей воли, уже ослабшего от великой стужи, и бежали со мною по дороге, чтоб я согрелся, а не заснул бы вовсе. Наконец, к великому моему счастью, довели меня в самую полночь в город Каширу жива, и как скоро стали на квартиру, тогда я, быв в превеликой слабости, насилу мог раздеться, лег на полати и тотчас от утомления дорожного уснул крепко. Они, собравшись ужинать, будили меня, чтоб я встал, однако труд их был напрасный, сего им сделать не удалось; а поутру явили обо мне сожаление, по моей слабости, и приговорили возвратить меня назад из Каширы домой и не брать в Москву, чему я был весьма доволен и рад. Поп того прихода, где родственник мой случился быть тогда для своих нужд в Кашире, отвез меня гораздо покойнее возвратно, нежели как я ехал в Каширу. Я приехал к сестре моей Анне, в дом ее, которая жила очень близко родственника нашего Анфиногена; она обрадовалась мне чрезвычайно, что увидела еще живого, а незамерзлого.

Родственник мой Анфиноген, пожив в Москве несколько времени, возвратился в деревню свою, в сельцо Кукшино, где он жил; по приезде своем пригласили меня

к себе жить по-прежнему. Потом родственник мой зачал собираться на службу, в Глуховской гарнизон, куда он определен был; при отъезде своем оказал он мне ласку, сказал, что он меня берет с собой и в Глухов. Благодарил ли я его за такую милость, что мне ехать у него будет так же, как в Москву, назади коляски, того не упомяну; только то помню, что морозы такие же жестокие были, как и в московскую поездку. Родственник мой двинулся в Глухов, а мне так же за коляскою досталось ехать. Наперед ехали двое верховых, у которых ружья висели, хотя и не по времени были таковы затеи, вооружать верховых, он лежал в четвероместной коляске, на перине, в лисьей шубе под лисьим одеялом, напившись прежде досыта взваренной в булатной чашке сженки *. В один день накормили меня соленой рыбой, отчего в дороге такая меня жажда пить понуждала, что я, не пропуская на пути никакой случавшейся воды, пил ее до излишества, отчего сделалась у меня великая боль в голове и я от сего разного напитка занемог. Родственник мой, узнав о моей болезни чрез своих служащих, позволил мне лечь с собою в коляску, в которой я немного покойнее был, нежели за коляской. Когда он не спал дорогой, то обучал свою лягавую собаку, которая с нами в коляске пребывала третья; а чтоб собака его не боялась огня и ружейного выстрела, то он на каждый день заряжал часто пистолеты, стрелял и вспышки делал для своей собаки в коляске. Как бы то ни было, только мы доехали до Глухова благополучно.

Заняли мы квартиру в форштадте. Он явился в команду в Глуховском гарнизоне. Я почасту хаживал в крепость, которая есть земляная и немалой обширности: видел я там много каменного строения и каменную соборную церковь. В торжественные дни удивителен мне был, по моим тогдашним летам, колокольный в соборной церкви звон, отменный от нашего звона, потому что звонили без перебора на оцепе, всеми колоколами вдруг; также пальба бывала на площади из маленьких чугунных мортир, которые заряжали порохом и заколачивали вместо пыжа пенькового деревянными втулками, отчего происходила по всему городу громкая пальба. Более всего положения места города приметить я ничего не мог, понеже все тогда было покрыто снегом. Немного мы в городе Глухове со своим родственником нагостили: он отпросился в отпуск в дом свой, а при отъезде нашем в воз-

* Сженка делается так: налить водки или вина, положить меду и зажечь, покуда погаснет.

вратный путь купил он три куфты ²⁴ вина простого не для того, чтоб оно в деревне его было недостаточно, но что оно тогда в Глухове было очень дешево, привозили обозами и продавали на рынке, так жаль было с дешевым вином расстаться. Он нанял под оные куфы извозчиков, и довели к нему в деревню в целости. По приезде нашем в деревню возвратно застал он жену свою здоровой, которая по отъезде нашем в Глухов оставалась больной. Она встретила мужа своего с таким выговором, что к чему-де он так скоро поспешил отпроситься в отпуск домой. Видно, ей не было скучно и без него. Она была не очень прихотлива: когда не случалось серебряной ложки, то наедалась досыта и деревянной без разборчивости.

В одно время вздумалось моему родственнику Анфиногену пробовать из куф глуховское вино, прибавляя в рюмку сахару, пил сам, упросил отведать свою жену и мою сестру Анну, которая тогда случилась быть у них в доме. Они все трое вскоре узнали силу глуховского вина, выпились из ума, прежде пели песни, плясали, целовались, потом зачали плакать, а наконец вмешалась к ним тут престарелая хозяйка, наприданная мамка, пошептала нечто обоим, барину и барыне своей, на ухо, отчего они вскоре поссорились и чуть не подрались. А как поутру мира не было, а разврат у родственника моего с женою не кончился, то сестра моя отъехала в свой дом, и я с сестрой удалился, а от нее переехал к своему отцу.

Брат мой большой, Егор, командирован был в 1736 году из Малороссии, где зимовала армия, в Москву, от первого Московского полка, в коем он служил еще капрадом; заехал тогда в дом отца свое(го) для свидания, а отъезжая, взял меня с собою в Москву. В 1737 году, в Москве, записал меня брат мой Василий в Артиллерийскую школу, где он уже был записан прежде меня.

По вступлении моем в школу учился я вместе с братом. Жили мы у свойственника своего Милославского, которого двор был близ Каменного моста. В доме была дворецкого жена, Степановна, в роде своем добродетельная, она меня не оставляла, а паче как по приезде моем в Москву, в 1737 году, занемог я горячкою, которая тогда во всей Москве была пятнами, перевалка и мор, я лежал у одной Степановны, и она за мной, как за своим сыном, прилежно ходила. Простонародие от своего незнания тогда в Москве полагало смехотворную причину оной болезни мора: якобы в Москву в ночи, на сонных или спящих людей, привели слона из Персии. Мы хаживали

с братом на полковой артиллерийский двор, близ Сухаревой башни: там была учреждена наша школа, в которой записано было дворян до семисот человек, и обучали без малейшего порядка.

Я был охотником рисовать. Зная мою к рисованию охоту, сидящий близ меня ученик Жеребцов (который ныне имеет честь быть в артиллерии полковником), сыскав не знаю где-то рисунок на полулисте, принес с собой в школу показать мне рисование, а при учителе нашем, Прохоре Алабушеве, были тогда приватные незаписанные ученики князь Волконский и князь Сибирский. Они по большей части бродя в школе по всем покоям без дела, разные делали шутки и шалости. Из оных шалунов один, увидя рисунок у Жеребцова, вырвал его из рук и побежал с великой скоростью, как с победой, являть учителю Алабушеву: «Жеребцов ученик не учится, а вот какие рисунки в руках держит». Алабушев был человек пьяный и вздорный, по третьему смертоубийству сидел под арестом и взят обучать в школу: вот какой характер штык-юнкера Алабушева; а потому можно знать, сколь великий тогда был недостаток в ученых людях при артиллерии. Алабушев велел привести Жеребцова пред себя и, не приняв от него никакого оправдания в невинности, поваля его на пол, велел рисунок положить ему на спину и сек Жеребцова немилостиво, покуда рисунок розгами расстегали весь на спине; помню, что не один рисунок пострадал, а досталось и подкладке. Оное странное награждение, за рисование оказанное, я, видя, положил сам себе обещание твердое, чтоб никогда не носить никаких рисунков с собою в школу и товарищу своему Жеребцову советовал то ж всегда припомнить, что в нашей школе вместо похвалы наказание за рисование учреждено; однако не страшило меня Жеребцова наказание, и я продолжал учиться рисовать, только не в школе.

Ученики были все помещены в четырех великих светлицах, стоящих через сени, по две на стороне; когда позволялось покинуть ученье и идти обедать или по домам, тогда бывало учинять великий и безобразный во все голоса крик, наподобие «ура», протяжно «шебаш».

В том же 1737 году, в небытность Милославского в Москве, на самый Троицын день, поварова жена, на дворе имевши чулан, зажгла в нем перед образ денежную свечу в угодность праздника, а сама пошла под палаты (там была кухня) для себя готовить есть: свеча от образа отпала и зажгла чулан вмиг. А бывшие во дворе люди, на

такой несчастный случай, все были у обедни, в самое второе коленопреклонение. Услышали о пожаре, выбежали поспешно все вон, но уж поздно: огонь занял половину двора; к несчастью, тогда был ветер сильный, а время было сухое, то от сей денежной свечки распространился вскорости гибельный и страшный пожар, от коего ни четвертой, мною, доли Москвы целой не осталось. В кремле дворцы, соборы, коллегии, ряды, Устретенка, Мясницкая, Покровка, Басманная, Старая и Новая слободы все в пепел обращены, и насилу, все силы соединя, могли отстоять Головинский за Яузой дворец; в сем же свирепом пожаре народа немало, а имущества и товаров несчетное множество погорело.

Брат мой Василий, быв со мною года три вместе в Москве, потом взят был указом с прочими учениками в петербургскую школу. Свойственник мой Милославский, у которого я при столе питался, женись на Вельяминовой, престарелой девушке, уехал в арзамасские свои деревни вторично, оставив меня у своего управителя.

В один день случилось мне идти переулком близ Воскресения в Кадашах, что за Московской-рекой; усмотрел я в одном доме на окошке поставленный каменный попугай, раскрашенный изрядно. Я, любопытствуя, остановясь против того окна, глядя на попугая пристально; в тот же самый час барыня дородная и хорошего лица, подошед к окну, спросила меня, что я за человек? А как узнала от меня, что я артиллерийский ученик и притом дворянин, то просила меня учтивым образом, чтобы я вошел к ней в хоромы. Она приняла меня ласково и спросила, где я и далеко ль и у кого живу? Я ее обо всем уведомил и не понял тогда скоро, к чему открывается мне такая ласка от боярыни незнакомой. Наконец призвала она своего сына, который тогда был на голубятне, гонял тонким шестом вверх голубей; мать его просила меня, чтоб я спросил сына ее, что он учит и хорошо ль знает арифметику. Я, узнав от него, по свидетельству, сказал ей, что он очень мало знает. Она, услыша от меня сие, прибавила своего ко мне учтивства и ласковости, просила меня: не могу ль я ей сделать одолжения, перейти к ней жить и показывать, когда свободно будет, сыну ее арифметику? Я рассудил, что приличнее мне и компанию делать дворянской жене и ее сыну, Вишняковым, нежели свойственника своего Милославского управителю Комаровскому, у коего я был оставлен на удовольствии. Живши несколько времени у Вишняковой, выучил сына ее арифметике. Сестра род-

ная Вишняковой была в замужестве за Секериным, который записан был в нашей же школе учеником; прилежно просила она меня перейти жить к ней, дабы вместе ездить с мужем ее в школу. Я за полезное принял от нее сие предложение, перешел к Секериной: намерение ее было, чтоб и муж ее, также как и племянник, от меня несколько занял учения; но не удалось ей сего произвести по ее желанию в действо, ибо муж ее Секерин великий был шалун, ничего учить не хотел, переписался из школы в армейские полки и тем отбыл от учения.

В 1739 году пойман был разбойник князь Лихутьев и в Москве на площади казнен; голова его была поставлена на кол. Сие для меня первое было ужасное зрелище.

В 1740 году государыня Анна Иоанновна скончалась, и была великая перемена в правлении: я помню, что три раза был в Чудове монастыре у присяги²⁵.

Брат мой, Егор, приехал в Москву из Петербурга для взятия полковых письменных дел от первого Московского полка, в котором тогда еще служил сержантом. Он выпросил меня из московской в петербургскую школу, куда я с ним отправился и приехал в Петербург. Брат мой Василий выпущен был с прочими из школы сержантом, а как по выпуске их было много в школе вакансий, то старанием брата моего Василия определен я прямо в первый класс в Чертежную школу. В оной тогда было три класса, в каждом положено по десяти учеников из дворян и офицерских детей; жалованье было определено в третьем классе по двенадцати, во втором по осмнадцать, в первом по двадцати по четыре рубли в год: да в той же школе было на казенном содержании, из пушкарских детей которые в школе и жили, шестьдесят человек. Из чертежных учеников выпускали в артиллерийскую службу, из коих ныне в генерал-поручиках и генерал-майорах, а некоторые и кавалеры есть; а из пушкарских детей выпускали в мастеровые, в писари полковые и канцелярские. Над оною школой был директором капитан Гинтер, человек прилежный, тихий и в тогдашнее время первый знанием своим, который всю артиллерию привел в хорошую препорцию. Я по своей охоте, сверх школьного учителя, сыскав хороших себе посторонних мастеров, хаживал к ним учиться рисовать. Писал я также несколько живописи, разные картины, ландшафты и портреты из масляных красок; в школу прихаживали многие офицеры смотреть моих рисунков, а от похвалы оных зрителей умножалась во мне прилежность и охота к рисованию.

Директор наш Гинтер бесподобен был Алабушеву: отменно меня от других учеников хвалил за рисование.

В 1743 году назначили из артиллерийской школы выпуск; между прочим, и я был в числе оных. Я приготовил артиллерийские чертежи и многие рисунки на экзамен, а между тем командирован был на заводы Сестребек, для рисования вензелей и литер на тесаках, которые готовились для корпуса лейб-кампании; по возвращении моем с Сестребек взят был в Герольдию для рисования дворянских гербов на лейб-кампанцев, чем они тогда удостоены были все. Потом представили нас к фельдцейхмейстеру князю Гессен-Гомбургскому: пожалован был фурьером. По выпуску моему из школы, директор наш капитан Гинтер причислил меня в свою роту и к лаборатории для рисования планов, в которой тогда был фейерверкером Иван Васильевич Демидов.

В 1744 году было шествие вторичное государыни императрицы Елизаветы Петровны в Москву, и для того командирован я был с капитаном Воейковым; при нем штык-юнкером Мартынов, который ныне при артиллерии имеет честь быть генерал-поручиком. По прибытии нашем в Москву послан я в село Всесвятское к царевичу Бакару, который в артиллерии у нас был тогда генерал-поручик, дабы сделать иллюминацию на случай тот, когда государыня через Всесвятское село в Москву поедет, то чтобы упротить ее к вечернему столу кушать, что и было учинено. На таковой случай был весь дом у него иллюминирован фонарями: я оное исполнил первый раз один, без моих командиров, и заслужил себе за то похвалу, коя молодому человеку придает охоту получать оную. Капитан Воейков, мой командир, был человек бесстыдный, наглый во всех своих поступках; а порок его скверный превзошел все его худые дела, по которым он во многих судах и следствиях находился, по доносам на него сделанным. Он был прежде в Белегороде, в команде у полковника Фукса, и правил майорскую должность. Полковник был человек строгий и на Воейкове всю свою строгость показывал, что в непристойном месте с ругательством приказы отдавал, как он сам признавался и рассказывал нам от Фукса свое притеснение; а дабы ему, Воейкову, и самому оной строгости, показанной от Фукса, не позабыть, то зачал он над своими подчиненными зады свои твердить, из коих и я от него не забыт был. Он присылал за мной на квартиру, которая расстоянием от Воейковой была версты две, ординарца, как я к нему приду, то скажет мне ничего не

значащую нужду и велит возвратиться на квартиру, по возвращении ж моем тот момент увижу я за собою от Воейкова опять ординарца, который за мною по пятам шел, и сказывает, чтобы я возвратился немедленно. Я, ходя взад и вперед каждый день, немалое время до самой ночи, а в ночи, переходя Яузскую фабрику, через которую была мне дорога ходить к Воейкову, от собак, коих было множество злейших, великий страх претерпевал и мучение, обороняясь долгое время палашом, приходил до бессилия. Сначала не мог я дознаться ни по чему, за что б на меня такая великая злость и гонение обращено от Воейкова безвинно; я ж был тогда в столь малом чине, что никак себя защитить не был в состоянии. Воейков имел поползновение к прибытку, а паче по своим мерзким порокам боялся от своих подчиненных на себя доноса, почему часто в получении своем нам сказывал, что как это худо есть, кто делает себя доносчиком. Я дознался наконец, к чему было такое предисловие; только у меня на уме того не было, чтобы быть мне когда-нибудь на него доносителем и ниже на другого кого, для того что я тогда никакого закона не знал для доносительства. Я терпел от Воейкова такой беспутной строгости и гонения немалое время. Стоял, по несчастию моему, тогда со мной на одной квартире сержант Могильников, из солдатских детей, человек пьяный и волокита без разбора, выбранный от Воейкова за комиссара к приходу и расходу при иллюминации, человек трусливый и молчаливый, каков для Воейкова был надобен; хотя я отбегал от его компании, однако беседы злы делят обычаи благи: когда нет перед глазами своими хорошего, а все порок за пороком следует, то человек нечувствительно начинает ослабевать и подобно как ко сну склоняться станет. Товарищ мой Могильников несколько раз заводил меня в свои компании, кои преисполнены были великие подлости: приучал он меня пить вина больше меры моих лет, а может быть, к моему несчастию, и удалось бы ему меня уподобить своему дурному и развратному состоянию, ежели бы продлилось время моего с ним сообщества; однако, по счастью моему, недолго я был с ним вместе, но скоро лишился зрителем быть товарища моего пороков: командировали нас возвратно из Москвы в Петербург с штык-юнкером Мартыновым. Воейков остался в Москве, а по приезде моем в Петербург исчез из моей памяти страх наглой и неосновательной его строгости, и лишился я своего порочного товарища Могильникова.

Возвратясь к своему прежнему капитану Гинтеру в команду, я был у него при иллюминационных работах, а у фейерверкера Демидова при лаборатории.

В 1746 году князь Гессен-Гомбургский, тогдашний фельдцейхмейстер, был болен, к сожалению всех его подкомандующих; а медицинский факультет, отчаясь сами вылечить в Петербурге, приговорили ему ехать на теплые воды, для излечения его болезни. Сведав оное княжеское бытие, капитан мой Гинтер написал князю фельдцейхмейстеру письмо, прося, дабы пожалованы были: каптенармус Меллер (что ныне генерал-поручик и кавалер артиллерии), я и фурир Ходов. Князь всех нас троих сержантами пожаловал по просьбе Гинтера.

В сем чине по большей части так же находился я при исправлении иллюминаций, которые в тогдашнем времени очень часто представлялись. Театр был сделан против Зимнего дворца, за Невой-рекой, на Васильевском острове, где были построены казенные светлицы для мастеровых, в которых и я жил с двумя унтер-офицерами неотлучно. Между тем находились мы иногда без всякого дела, а праздность и безделие наводят вымыслить какие ни есть веселости, смешанные с неизбежными пороками, которые приступаю описывать и с сожалением вспоминаю, что я жил тогда в отдаленности от команды и погружен был в толь молодому человеку непристойности.

По близости нашей квартиры, в доме Строгановых, стоял профессор астрономии Делиль, француз; у него был кучер иноземец, который свою квартиру имел в нижнем тех палат этаже, где профессор жил. У кучера была дочь, девка лет осьмнадцати; она была средней красоты, так, как и ее разум, но молодость ее сделала у меня об ней лишнее внимание. Отец кучер держал притом у себя вино в своем доме и продавал чарками всем, по привычке лифляндской, через что великий способ он подал нам часто в его дом хаживать под разными видами, хотя не самим пить, а вымыслили приводя к нему других, покупая у него вино, и поили; таковым вымыслом почти завсегда безвыходно мы у кучера бывали. Наконец почувствовал я в себе беспокойство, только еще издалека: эта страсть, кою я до сего случая не знал, следовательно, и воображать об ней не мог, сначала принуждала меня к частому свиданию с молодой Шарлотой (так было имя моей прежней победительницы), а я к тому беспрекословные находил случаи сидеть у отца ее целый день и разговаривать всякий вздор, сам питался страстным зрением и любовными

разговорами с Шарлотой. Наконец увидел я, со своей стороны, в себе перемену, которой прежде не чувствовал; чтение книг и любимое упражнение рисовать наводили мне уже скуку, а побуждало меня более всякий час видеть Шарлоту. Старался я препятствовать сей моей страсти, представляя себе ясно следуемую неблагопристойность, которая потом произойти может. С таковым предрассуждением мнил я овладеть собой, положил противиться привычке свидания и, чтоб не быть повержену в полную власть любовного предмета, отложил частое свидание с Шарлотою и не выходил из двора никуда недели по две, дабы не видеть ее; однако ж она никогда из мыслей моих не выходила. Наконец принял я на себя во всяком роде пост, воздержание и тем надежное чаял себе получить правило избегнуть из рук заразившей меня любовной страстью; но все шло не по моему намерению, а день ото дня возгоралась во мне оная доселе неизвестная страсть сильным пламенем, как будто воздержанность моя на посмеяние мне умножала оную. Более почувствовал я в себе от сопротивления сей страсти истомление, подобно плывущему человеку, который против быстроты воды сначала плывет всеми своими силами, покуда не станет ослабевать; а как почувствует лишение сил, то, опустя руки, отдается течению воды на волю и не может уже противиться, куда вода его несет. Сему я был тогда подобен, как некоторый стихотворец страстного человека изображает стихами:

Я холоден как лед, но в пламени горю,
Смеюся и грущу, о том и говорю.

Шарлота не старалась от себя так, как я, скрываться от следуемой нам непристойности: прохаживала она, гуляючи, часто мимо наших окон. В то самое время, как Шарлота зачинала со мной знакомиться, в Петербурге открылась нечаянно строгая комиссия о живущих безбрачно. Одна женщина, природой из Дрездена (почему и называлась она Дрезденша) наняла себе хороший дом на Вознесенской улице, а для скромности в переулке и, набрав в услужение приезжающим к ней гостям, вместо лакеев, множество недурных и молодых девиц, открыла дом свой для увеселения всех к ней приезжающих: собиралось туда множество холостых мужчин, в каждую ночь, понеже собрание оное называлось «вечеринки», и приезжали к ней незнакомые обоего пола пары, для удобного между собой разговора и свидания наедине. Дрезденша выписа-

ла издалека одну красавицу с таковым обещанием, что доставить ей место и чин жить при дворе, а при каком, в договоре не было показано; при приезде она красавица увидела, что она обманута, принесла жалобу к некоторым женам, которые стали за своими мужьями примечать, что они не в обыкновенное время поздно домой возвращаются и к ним холодеют. Возгорелась от жен к мужьям своим великая ревность, а ревнивые глаза далее видят орлиных, и то видят, чего видеть не могут; однако потом дознали причину и добрались верно, для чего так поздно домой ездят к ним мужья их. Дошла жалоба о сем собрании ко двору, и представлена выписная красавица с жалобой, что она обманута от Дрезденши, в доказательство сему была учреждена строгая комиссия, в которой президентом был кабинет-министр Демидов. Она инквизиция Дрезденшу заарестовала. Дрезденша в своем допросе оговаривала всех, кого только знала; красавиц забрав, у нее в доме обитающих, заперли на прядильный двор в Калинкиной деревне под караул. Комиссия тем еще не была довольна, что разорила такое увеселение и постригла без ножниц много красавиц: обыскала она и тех красавиц, кои издалека выписаны были и жили в великолепных хоромах изобильно, которым жертвоприношение было отовсюду богатое; вынимала у многих из домов с великою строгостью сей неявленный заповеданный и лестный товар, через полицейских офицеров; забирала также жен от мужей, по оговору Дрезденши, которые езжали к ней в дом других себе мужей по нраву выбирать; профессора астрономии Попова и асессора мануфактур-коллегии Ладыгина обвенчала в соборной церкви. Сие произведение привело меня ко вниманию о Шарлоте, для того что которая в любовницах хотя кажется и приятна, но в женах быть не годится за низкостью своего рода. Наконец она грозная туча комиссии прошла и меня миновала; стоявшие на карауле у оных заключенных в Калинкиной деревне многие офицеры подвергнули себя несчастью.

В 1749 году пожалован я, в Москве, штык-юнкером; а в 1750 году, по приезде моем из Москвы в Петербург, командирован был в Ригу. Город мне был небывалый, жители в нем мне показались учтивы, мужчина не пройдет мимо офицера, чтоб не снял шляпу; а женщины, по воскресным дням, выходят из всех своих домов перед ворота на улицу, разрядясь в лучшее платье, хозяйские дочери и того дома девки работные, и, не пропуская ни одного человека молодого, мимо идущего, приседа я кла-

няются всем ласково; приятно всякому сей обычай показаться может, а паче небывалому человеку. Я нашел в Риге многих знакомых мне офицеров, которые прежде в Москве со мною учились в школе; также, увидя ласковое обхождение рижских девиц и женщин, время от времени стал я забывать и свою петербургскую Шарлоту.

Прусский король намерен был начать войну с союзниками России, цесарцами, для того и наша армия расположена была кругом Риги. Командовал ею престарелый фельдмаршал Лесий, он же был тогда и рижский губернатор. В артиллерийском корпусе главным командиром был полковник Бороздин (что ныне генерал-аншеф в отставке), да майор прежний мой командир Воейков. Бороздин был человек честолюбивый и строгий, а Воейков скор и нагл, то Воейкова продерзость не понравилась Бороздину, отчего произошло у них несогласие; они разделили на свои партии офицеров, которые ходили к Воейкову, те уже не ходили к Бороздину. Таковой разврат видя, я принял намерение быть ни которой стороны, а ходить к обоим равно; однако Бороздина всегдашняя ко мне ласка понудила меня, не покидая Воейкова, почаще у него быть; а дабы я от Бороздина и по команде был более неотлучным, то обязал он меня тремя комиссарствами при полку, у денежной казны, при лазарете и при цейхаузе у амуниционных вещей, а сверх того, ротой я правил и у шитья мундиров находился. Во всю мою бытность в Риге не выпускал он меня из своих глаз; обедал я и ужинал всегда при его столе, в гости никуда без меня не ездил; наконец прискучила мне Бороздина ласка так, что я каждый день не скидал с плеч своих кафтана. Выведены мы были близ города в лагерь, из коего хаживали иногда для прогулки в форштадт, в коем товарищи мои имели такие знакомые дома, где всех ласково принимают: завели они меня с собою в один дом, в коем я увидел то, чего до того времени нигде видеть мне не случилось. Девицы того дома сажались на колени ко всем пришедшим к ним гостям, обнимая их за шею с непристойною резвостью, не имея никакого хотя бы притворного стыда; переходили они с коленей на колени мужчин, которые делали между собою шутку: один от другого таковую егозу переманивали к себе. Я, увидя такие их поступки, возненавидел, а паче усмотря в сем доме в загородках сидящие и стелющиеся мумии, у коих голова и лицо были обвязаны полотном, отягощены болезней, в которой они, по-видимому, страждут и страдать будут до конца своей жизни

неизбежно; содрогнул я, на сие глядя, и воображал сам себе, что здесь Юльхины и Марихины еще опаснейше мне быть могут, нежели как моя петербургская Шарлота, которую я начал было забывать от разлуки. По отъезде моем из Петербурга в Ригу произвели Мартынова из поручиков в обер-фейерверкеры: чин оный равен был с капитаном артиллерии. Мартынов просил генерала Шульца неотступно, чтоб меня ему на помощь возвратили из Риги в Петербург. Просьба его была исполнена: генерал Шульц прислал ордер в Ригу Бороздину, чтоб меня возвратить в Петербург. Бороздину сильно не хотелось меня отпустить от себя, а удержать при себе никак было не можно; он просил меня дружески, чтоб я писал к Мартынову, дабы я был оставлен по-прежнему в Риге. Я ему на то отвечал, что сего не могу сделать, потому что я человек молодой, ищу своего счастья во всех случаях; что Мартынов мне великий давно приятель и знает мою способность в той должности, к которой он меня требует; и что мне также будет приятно быть в команде у моего приятеля, как и у вас (говоря Бороздину).

Пожив невступно год в Риге, я отправился в 1751 году в Петербург. По приезде туда Мартынов поручил мне смотрение иметь над школою, а фейерверки и иллюминации отправляли мы вместе. Услышав приезд мой в Петербург, бывшая моя Шарлота явилась ко мне на квартиру, с таковым чаятельно намерением, дабы быть в прежней ее должности, брать белье для мытья. Я сказал ей с небольшим сожалением, что место, где я живу, не позволяет вашему бывать присутствию для того, что со мной живут офицеры, так девушке ходить неприлично, а для мытья белье буду присылать к вам с моим слугой. Я тогда сам своей перемене дивился, что так скоро сделал отвычку от Шарлоты, чего прежде воображать страшился; из сего заключаю, что нет полезнее исцеления каждому молодому человеку от любовной страсти, хотя кому и покажется невозможным, как удалиться бегством.

В 1752 году государыня императрица Елизавета Петровна изволила путешествовать в Москву, и мы с Мартыновым командированы были для исправления фейерверков и иллюминаций. По приезде нашем в Москву пожалован я был с прочими, от Военной коллегии, в подпоручики; представляли мы, как государственных, так и партикулярных людей, фейерверки и иллюминации, от всех с великою похвалою. Наконец, сверх чаяния нашего, явился итальянец Сарти в Москве, который представил

в оперном доме, после трагедии, фейерверк своего искусства, к большому всех жителей удовольствию: оный состоял из переменных разных фигур, одна после другой зажигалась сама, с великим порядком и аккуратностью, фигуры состояли из ракет белого огня, колесами и фонтанами действующие. Признаться можно, что мы немалое затруднение находили в подобии сего огня и искор, кои по своей величине отменны казались; а паче, услыша от многих придворных похвалу оному Сартию, старались и мы уверить со своей стороны, что мы не только подобное Сартиеву фейерверк сделаем, но что в другом роде еще и лучшее показать можем. Мартынов выпросил позволение, дабы и нам представить в оперном же доме фейерверк. Мы крайние силы прилагали в изобретении всяких редкостей для представления зрителям; однако не великую б мы похвалу получили, если бы нечаянный случай не привел меня сделать пробу зеленого огня, который во всем свете не найден еще и поднесъ; дабы формально горели в фитиле, как прочие огни, а представляют оный спиртовой, подобно моему. Я взял яри веницианской, разведя на водке, намочил ею хлопчатую бумагу, зажег и увидел, что горел самый зеленый огонь; я продолжал к тому многие пробы и дошел до того, что можно его жечь, сделав из него фигуры. Мартынов, увидя оный, рад был сей случайной выдумке зеленого огня. Сведав о сем, многие приезжали к нам того огня смотреть, и от всех похвала великая разнеслась по Москве. Командующий тогда артиллерией генерал Матвей Андреевич Толстой, человек величавый и гордый, и свое знание, как артиллерийское, так и фейерверочное, выше всех почитая, не хотел и слышать, чтоб кто-либо уподобился его знанию, приказал мне с Мартыновым к себе быть и показать зеленый наш огонь. Мы поехали к нему на смотр, я взял зеленого фитиля с собою. Толстой-генерал отвел нас в особливую палату смотреть зеленого огня; по зажжении оного Толстой пришел в удивление и, видя огонь, заключил тем, что секретом зеленого огня не менее колумбусова яйца удивлен. Генерал Толстой присовокупил к нам с Мартыновым, к сей выдумке зеленого огня, третьего офицера, своего племянника Иевлева, дабы, в случае чаемого нам за сию редкость награждения, и племянник его Иевлев участник был. Нам назначили день жечь фейерверк в оперном доме. Я имел попечение более о своем зеленом огне, которым намерен был представить на щите, не выше двух аршин, вензелевое имя государыни

императрицы Елизаветы Петровны; и дабы оный зеленый фитиль мне свечою не зажигать было явно, то в параллель зеленому фитилю снизу подвел серый фитиль, тонкий, для зажжения. Мы зачали фейерверк жечь в присутствии государыни, иностранных министров и придворных, состоящий из разных колес и малых по пропорции оперного дома верховых ракет, который никому удивления большого не сделал. Зажженный план показался сперва от серного фитиля синий, вместо зеленого, что, увидя, смотрели, а иначе наши приятели, желавшие нам добра, пришли до великого сомнения и думали, что в нашу неудачу оное произошло; а когда синий огонь разгорелся и зажег зеленый фитиль, то все в удивление пришли и хвалили такую показанную от нас редкость. Я кругом сего плана старался еще, чтоб он догорел исправно. В то самое время товарищи мои не упустили времени подскочить в ложу к государыне, которая их пожаловала к руке; я оглянулся, искал глазами моих товарищей: они бегут уже ко мне возвратно и сожалеют обо мне, говоря, что я с ними не успел быть у руки. Я сказал им: если б я покинул зеленого огня представление, то думаю, что незачем бы ходить было вам и рекомендоваться; однако оставил оное без всякой зависти. От государыни приказание было нас всех троих пожаловать чинами: генерал дежурный Иван Иванович Шувалов, по приказанию государыни, поручил оное наше награждение Степану Федоровичу Апраксину, главному тогда Военной коллегии чину, исполнить. Услышав о мнимом нашем счастье, наш генерал Толстой, с одной стороны, очень был рад, что достанется племяннику его Иевлеву чин, а с другой стороны, весьма неприятно ему показалось, что Мартынов будет пожалован майором и возьмет старшинство у другого его племянника Петра Толстого: он уговорил Мартынова, чтоб взял награждение деньгами, вместо чина, а нам с племянником своим Иевлевым чины обещал исходатайствовать. Я первый на то не согласился и просил прилежно Мартынова, чтоб он не брал денежного награждения, веря его о себе, что и я чина не желаю, ежели вы его не получите. Желание наше так и совершилось: старанием нашего Толстого генерала Апраксин не сделал нам ни того, ни другого; а мы искать не стали и без награждения остались.

Потом оный огонь часто представлял перешедший из Кадетского корпуса в артиллерию майор Мелисино, на больших фейерверках, только не так, как наш, а из боль-

шого пламени. Признаться надо, что Сартитальянец разрушил нашу старинную фейерверочную затверделую систему и открыл нам вольность к разному изобретению: мы с того времени представляли фейерверки против прежних своих гораздо уже лучше, а некоторые фигуры выходили действительно превосходнее Сартиевых. Итальянец добротством придворных господ, которые более заражены были в иностранцах, хотя уже и видели, что национальные совсем не хуже его представляли, принят был на жалование, и определили ему тысячу рублей. Наконец представляли фейерверки, по отбитии меня от сей должности, Мартынов, Сартити Мелисино, от коих Сартити ничем лучше не отличался, понеже мы не так к вымыслу, как перенять уподобиться и провзойти удобы.

В бытность мою тогда в Москве представлен был ко мне слугитель, лет шестнадцати, чесать волосы, который объявил мне о себе, что он в своем доме обыкновенно ходит в природном его платье, а когда служит у молодых господ, то надевает мужское на себя платье, и тем отвожу (говорит) своего рода подозрение. Я похвалил парикмахера за его бережливость и проворство. Жил я тогда против головинского дома, на иллюминационном дворе, в построенных светлицах. В один день школьник мой Марка (так называли оную персону), играя на улице со школьниками пушкарскими детьми, которые у нас были на работе, пуцал змей бумажный; а как змей оторвался от нитки, то Марка побежал за ним и влез на дворцовую кухню доставать змея, там упалый. Мункох Любимов мне был приятель, велел моего Марку поймать и сам привел ко мне на квартиру, жаловался мне шутя, что «школьник твой Марка все трубы на кухне поломал». Из сего довольно можно познать, каков был характер школьника Марка.

Будучи в Москве, занемог я лихорадкой, которая продолжалась с лишком два месяца и довела мое здоровье до великой слабости. В 1754 году, в июле месяце, отправились мы из Москвы в Петербург, с обер-фейерверкером Мартыновым, по Тифинской дороге, и так болезнь конечно из меня истребилась; а в Петербург приехавши, я через малое время увидел себя в хорошем здоровье, какого прежде у меня не бывало. Но недолго я моим лестным здоровьем пользовался. Того ж 1754 года, с ноября месяца, начали мы к Новому году готовить фейерверк и иллюминацию на Неве-реке; я при обеих этих работах находился по большей части на дворе, а не в покоях, и незнаемо каким-то случаем простудил у ног колени,

отчего после Нового года сделался у меня в коленках великий лом. Лечил меня штаб-лекарь артиллерийский Урлик; сей врач все свое искусство оказывал надо мною только в том, дабы я как можно мало ел, а велел он мне только по одной половине пшеничной сушеной булки с чаем в день употреблять. Оный его штаб-лекарь узаконенный диет, по желанию его, скоро во мне подействовал очевидно: привел он меня своим искусством до такой слабости и бессилия, что я с боку на бок уже не мог сам повернуться; не забыл он также выполаскивать часто клистирами и мой желудок. Наконец оставалось мне уже думать о вечном сне: я увидел себя во сне приготовленного к отшествию для пребывания с прародителями моими и родственниками в месте злчном и покойном; а сей путь мне неизвестен, потому-то и привыкнуть к тому не можно, что отправляемые туда не возвращаются назад, так как я прежде через год возвратился из Риги. Пора мне было вывести себя из сей отчаянной болезни. Я, через совет моих приятелей, переменил своего врача, штаб-лекаря Урлика, который только оставил мою душу, гнездящуюся в костях и обтянутую одной кожей, в самом слабом состоянии, другому врачу на созидание прежнего здоровья моего хранины; второй врач учинил сие своим искусством удачно, откормил он меня, голодного, и пустил жива в свет на покаяние дел моих, по молодости учиненных.

Того ж 1754 года, сентября двадцатого числа, родился великий князь Павел Петрович. Помянутый генерал Апраксин получил приказание от государыни, дабы для рождения цесаревича как можно через неделю был приготовлен фейерверк в Летнем дворце. Апраксин призвал Мартынова, обер-фейерверкера, объявил ему волю государыни с таковым притом обнадеживанием: ежели на показанный срок изготовлен будет фейерверк, то как он, Мартынов, так и будущие при нем офицеры будут награждены чинами. Мы, оный получа приказ, не теряя времени, а паче слыша обещание чинов, кои лестно получать всем, которые любят честь, начали работу производить, взяв к себе на помощь одного офицера; не было у нас ни в чем недостатка, ибо для доставления нам потребных материалов на такое время трудилась неусыпно канцелярия артиллерийская. Людей нам на работу, по нашему требованию, было отпущено довольно число, которых мы на три партии разделили, для отдохновения: первая партия работала с утра до обеда, вторая с обеда до вечера, а третья во всю ночь; не жалели мы всякий день раздавать

всем работникам вина, для куражу и ободрения, которых было до тысячи человек. Признаться надо, что оная урочная неделя великого труда стоила троим нам, указывальщикам, так что почти не находили мы времени к отдохновению своему. Наконец к срочному числу мы все изготовили, что было нам положено сделать к фейерверку; а как нам еще отсрочили на неделю, дабы мы приумножили фейерверк, то наполовину уже против прежде сделанного заготовить не могли, от понесенного первого труда, при котором мы чрезмерно прилежно трудились. При сжигании сего фейерверка Мартынов пожалован за сей фейерверк именным приказанием майором; а об нас двоих, видно, Апраксин запомнил.

В 1756 году граф Шувалов пожалован в артиллерию фельдцейхмейстером. Граф был человек замыслов великих и предприимчивый, который еще до сего чина выдумал одну гоубицу, желая быть фельдцейхмейстером, в которой было дуло не круглое, а продолговатое, подобно сжатому до половины круглому кольцу; а как оное орудие стреляло широко одной дробью, то гоубицу назвали секретною и дула никому не давали смотреть, заслоняли его медными закрышками и замыкали замком; а которые были к таковому орудию приставлены служители для стрельяния, офицеры и рядовые, оным учинена была особливая присяга, чтоб никому не показывали секретной гоубицы дула, хотя уже многие его знали. По вступлении графа в артиллерию появились многие прожекты, дельные и негодные, а паче для того, что граф был охотник и сего требовал от всех офицеров, кто может что показать. Я помышлял также, как и прочие, оказать что-нибудь новое. Однажды усмотрел я в «Записках артиллерийских» Сен-Реми (в первом томе) на чертеже сплошь четыре мортирки напечатаны, каморы у них были конусом, а запор сделан на середине один, и названы оные мортиры батарейками. Я предложил мортирки Мартынову, он одобрил мое мнение, сделали мортиркам чертеж, калибром на трехфунтовое ядро, по чему были вылиты; а как стали пробовать, то от выстрела лафет, который был на колесах, под мортирками весь раздробился в мелкие штуки. Наконец, по многим пробам, вылиты были только две оных сплошь и названы были «близнята»; на Выборгской стороне, на пробе, они оказались годными, почему и наделали их и с лафетами премножество и отправили в армию, в тогдашнюю войну против короля прусского; оные «близнятки» в армии брошены или найдены беспо-

лезными. Наконец вылита была такого ж калибра и названа «одиночка», которая стреляла картечью, гранатой и ядром попеременно; она «одиночка» имела в себе камору конусом, отчего стреляла далеко, потому графу Шувалову показалась. Он приказал вылить калибром на шестифунтовую гранату, потом и до пятипудовой бомбы дошло, и названы оные были от того времени «единорогами». Увенчал граф своей графской короной оные «единороги», произшедшие от выдумки случайной моей с Мартыновым; по всей справедливости гораздо полезнее секретной гоубицы и ныне в армии и во флоте весьма способны оказались; а в Выборгской стороне, на пробу «единорогов» и секретных гоубиц, пороху и прочих припасов великое множество было расстреляно.

В 1756 году пожалован я в обер-фейерверкеры, на место Мартынова, с рангом поручика. Бороздин, подполковник, ласковый мой благодетель, взят был из Риги в Петербург. Граф принимал Бороздина на первый случай отменно против прочих штаб-офицеров, или Бороздин своим проворством сам того сыскал у графа: для того приказал граф ему сделать в артиллерии находящихся орудий со уменьшением калибра для поднесения цесаревичу Павлу Петровичу. Бороздин поручил оную мне комиссию исполнить. Я забрал всякого рода мастеров в артиллерии, учредил оную комиссию в школе, где я жил, и через некоторое время сделал всех находившихся в артиллерии пушек, мортир и гоубиц и к ним всякую принадлежность против натуральной величины в двенадцатую долю калибром, самой хорошей работы с позолотой и чеканками, серебряными клеймами, с вензелем его высочества; под все оные орудия состроили мы батарею столярную, по пропорции, обили зеленым бархатом, обложили гасом золотым в пристойных местах, и принесли к графу в его дом. Он, увидя батарейку с принадлежностями работы самой чистой и в аккуратной пропорции сделанную, оказал свое удовольствие и похвалу справедливую. Я был графу рекомендован от Бороздина, что все оное сделано под моим смотрением. С того самого времени начал граф отменно меня принимать, так что, когда за столом при обеде случалось ему, графу, разговаривать и советовать об артиллерии, то, оставя всех с ним сидящих, требовать от меня своему разговору одобрения и изъяснения. Я ему отвечал на все его слова по приличности и, видя хорошее о себе мнение, утешался тем немало.

В один день случилось мне быть в своей квартире,

сидел над окошком и увидел, что из двора, против моего окошка через улицу, сошла одна молодая и хорошего лица женщина, голова убрана волосами и напудрена, а одета в амазонское платье: села в подвезенную для нее одноколку, уехала от своей квартиры. На тогдашний случай был у меня наш офицер Полуехтов, с которым мы, разговаривая, дивились тому, что прежде никогда нам не случилось видеть в нашей улице такой редкости и, пошутя между собою, сделали из бумаги знаки, уподобясь полицейским служителям, накололи булавками на свое платье вырезанные литеры, один сотского, другой десятского, пошли прямо на тот двор, откуда сошла незнакомая нам амазонка; мы шутя спрашивали у хозяйки того дома, кто у ней стоит постоем и имеет ли пашпорт? Как хозяйка была нам знакома, то она нас уведомила обстоятельно, что нанимает у ней мадам, которая-де учит детей у Александра Воейкова; легко мы поняли сказанную от хозяйки нам повесть, а паче зная Воейкова, нетрудно было заключить и о мадам. Тот же день мадам к вечеру возвратилась на свою квартиру и вышла уже не из одноколки, а из кареты, в которой она приехала. Подошед к карете, обо двор живущие наши офицеры, с гостями своими, стали спрашивать у кучера, чья эта карета? Кучер отвечал им, что карета Жеребцова. Офицеры уличали кучера, что они знают, что карета Воейкова, а не Жеребцова; с таким спором кучер, заворотя с каретою, поскакал домой. На тот час случился быть в гостях у офицеров наших лейб-кампанец, который взялся добровольно гнаться за кучером, не имев никакой к тому причины: сел верхом на свою лошадь, поскакал во весь скок, догнал кучера с каретою и у всех пред глазами зачал плетью стегать кучера, а кучер отвечал лейб-кампанцу бичом по чем ни попало, с тем они и скрылись. Офицеры, по таком зрелище, подошли к квартире под окошки, где амазонка квартировала, начали вычитать хозяйке свои затейные претензии, будто они от кучера приехавшей к ней в дом персоны обижены; я, подняв свое окошко, сказал им, чтоб они не делали непристойности, что в сем доме хозяина дома нет, а одни только женщины, и что хозяин, отъезжая в Ораниенбаум, просил меня, чтобы я его дом присмотром не оставил. Офицеры, послушав моего увещания и думая, что в сем доме я интересован, что вступаюся защищать женщин, отошли от квартиры амазонкиной. Поутру хозяйка с амазонкой, увидя меня под окошком, в моей квартире сидящего, растворили свои окончины и обе

благодарили меня за прошлодневное мое защищение, что я их вывел из большого страха, в котором они находились от своих соседей-офицеров; потом просили меня с учтивостью, чтобы я пришел к ним пить кофий. Я их просьбы не преслушал, а по приходе моем не мог узнать, кто ко мне более учтивства и благодарности оказывал, хозяйка или амазонка: они обе одна перед другой спешили изъявлять мне свою ласку. Я сею заплаतोю на тот день был доволен, что познакомился с амазонкой, которая с первого моего взгляда сделала не малое о себе внимание: она была природная немка, приятного лица, лет двадцати от роду, бела, волосы светло-русые, глаза большие, разумна, остра, учтива, веселого нрава, а ласковость на лице ее как написана была; словом заключить, всякому может понравиться, кому случай подаст ее видеть. Я опишу ее характер и житье несколько поизвестнее ниже сего, а теперь продолжать буду мое с ней знакомство. Ее непрерывная ласковость ко мне принудила меня часто у нее на квартире бывать; между тем и прочие офицеры не теряли времени искать у амазонки своего знакомства. Наконец начали мы с амазонкой сообщать свои мысли письменно, а после первого письменного уверения был у нас, в приятельском доме, очевидный переговор о наступающем мире. В оном разговоре амазонка прожектировала мне, что сватается за нее жених, офицер молодой, хорошего состояния и притом наследник великому богатству, одному купцу в Германии, который еще не умер. Я, узнав ее намерение, которое состояло в том, не обещаюсь я ей себя рекомендовать женихом, с сожалением сказал ей, что благополучию ее не противлюсь, только счастьем жениха вашего завидую, которого мне никак получить не можно. Она поняла тот момент из моего ответа, что я ей не жених, переменяла свою речь и сказала, поусмехнувшись, что она уже привыкла терпеливо сносить от таких женихов сватовство, за которых она замуж идти совсем не помышляет. По сем нашем свидании переехала амазонка вскоре на другую квартиру, мне знакомую; оставалось ей выдумать, как бы отделить от себя Воейкова, который к ней хаживал кофий пить, чтоб он не посещал уже ее квартиру никогда. На такую комедию были у нее в резерве называемые братья, с которыми она должна играть свою роль. В один день уговорилась она с одним своим братом, дабы он лег на ее постель, а сама амазонка спряталась в другую комнату; когда Воейков пришел, по обыкновению своему, к ней в спальню пить кофий, напившись дома шоколаду, тогда

с постели встал амазонкин мнимый брат, мужик превысокий, в шпаге, спрашивает у Воейкова, кого ему надобно в сем доме; говорит, что квартира оная сестры его родной, так он хочет знать, не должна ли ему сестра его чем-нибудь: он берется за свою сестру всех должников удовлетворить. Воейков, видя что эта комедия для него только была изготовлена, пошел домой и перестал ходить к амазонке в квартиру. Амазонка торжествовала о своей выдумке с братьями своими троими, из которых одному, оказавшемуся неспособным в ее нуждах помогать и за нерасторопность, отказала от своего знакомства и выключила из братьев; последние два ее брата великое мне затруднение делали, покуда я также не присоветовал ей исключить их из братства. Она сама мне признавалась, что никак ей не можно быть и обойтись без помощи таковых братьев, а паче в перемене ее места; однако наконец по моему желанию исполнилось, и последние два ее брата получили от нее вольный абшит. Знакомство наше продолжалось с амазонкой больше года. Никогда она не могла терпеть постоянных компаний и не старалась оные находить; женщины ей всегда были в компании скучны, она не находила с ними что говорить; напротив того, как бы велико собрание из одних мужчин ни было, амазонка большое себе находила утешение и удовольствие: с одним шутит, с другим смеется, иного ругает, с иным песни поет, и в таком случае увидишь ее подобно пьяной нимфе Бахусовой: так ей мужское собрание было приятно. Она очень хорошо разумела, что принадлежит до кухни, и с хорошим вкусом готовила кушать; посему дознаться можно, что она была прежде где-нибудь не в худом, а в хорошем трактире, в котором и кухарки ласково принимаются от гостей, от которых чайтельно она привыкла к таким резвым поступкам. Сие во удивление ставить не должно, что из хорошей кухарки превратилась в прекрасную амазонку. Не любила она никакого напитка, от коего может последовать пьянство, кроме кофе, который даже со излишеством употребляла. Я видал ее в публичных маскарадах проворство, как она умела находить своих и узнавать знакомых, хотя б и в масках были; не была она лакома к интересу, кроме нужного для нее к нарядам, на которые она не сомневалась получить всегда. Наконец, просила она у меня позволения на перемену своего места, по своему обыкновению, с таковым изъяснением, что покуда она еще молода, то надлежит ей стараться искать своего счастья далее; в сем я ей отказать не мог. Она переменяла свою

квартиру, не играя таковой со мной комедии, как над Воейковым; жила по разным домам, по своей резвости, но не в лучшем состоянии. Она своим усердием посещала монастыри, приняла греческого исповедания веру; восприемник был граф, бывший канцлер, Воронцов, и мать крестная Елена Александровна Нарышкина. Наконец, живши у своих прежних знакомцев, она с помощью их вышла замуж за офицера Старицына, с которым не долго жила и овдовела; а в 1772 году, престарев летами, не способна была резвиться и, в бедности находясь в Москве, имея у дьячка убогую квартиру, окончила амазонскую жизнь.

В 1756 апреля тридцатого числа, ударил один раз сильный гром, и от молнии загорелся в Петербурге Петра и Павла у соборной церкви над колокольной шпирь, который от земли состроен был до половины каменный, а верх деревянный наподобие ныне стоящей Адмиралтейской островерховой башни. Строена была та колокольня при Петре Первом, шпирь раззолочен был притирным золотом по медным листам, в солнечный день великий от себя блеск испускал. К великому всех зрителей сожалению, не могла загасить сего прекрасного здания по причине, что в самом верху того шпица зажгла молния, куда человеку дойти никак было не можно: сгорел и своим падением великий сделал по всему городу звук и потрясение.

В исходе сего 1756 года заготовляли мы к 1757 году фейерверк в лаборатории, в коей была планная большая светлица квадратом, мерою один бок состоял из тридцати аршин. Народа великое было в ней множество, всякого сорта мастеровые, иные обивали план, другие набивали фонтаны, привязывали приводы; также от бомбардирской роты Преображенского полка несколько человек для обучения работали, столяры, токари, слесари, по углам в оной же светлице были помещены, а все при огне работали. Я говорил Мартынову, чтоб в таком случае употребить осторожность, указывая, что все люди без малой опасности везде с огнем бродят. Мартынов на мое предложение отвечал мне шутя, что я очень аккуратен, до излишества. Как только я из светлицы вышел, то сделался в ней от неосторожности пожар: захватило всю оную огромную светлицу пламенем, пороховым и ртутиальным дымом, отчего в людях сделалось вдруг великое замешательство; всякий в робости и отчаянии, зажавши рот, спасался опрометным бегством в одни только двери, один другого давил, всяки старался скорее выскочить; оным дымом у многих захватило и остановило дыхание, не могли более

бежать и попадали на землю без памяти. В таковой ку-терье и тревоге Мартынова и прочих подмяли под себя на пол, которых бежавшие и спасавшие свою жизнь топтали ногами, по чем ни попало. Вбежали потом в оный дым свежие и небывалые еще в дыму люди, насилу оных обессилевших и почти без дыхания лежащих вытащили на воздух, а прочие несколько человек мастеровых задохнулись и найдены мертвые. На оную тревогу вскоре великое число людей набежало, тот пожар загасили и не дали сгореть светлице; заготовленный же и разостланный на полу план некоторой частью совсем сгорел, иное попорченное осталось, а времени осталось только три дня до Нового года, в который день должно было жечь фейерверк. Я остался только один некопченный в дыму. Мартынов сделался болен, по причине той, что несколько времени находился в дыму, который состоял из серы, селитры и мышьяка; онго дыма наглотал он в себя, отчего и поднесь не пришел в прежнее своего здоровья состояние. Стоило мне великого труда все испорченное поправить и изготовить к сжению фейерверка исправным. Наконец к срочному числу, Новому году, исправил я, расписал офицеров и людей, кому что жечь и которую вещь после другой зажигать, и развел, где кому быть по местам, сам дожидался приказания: сигнал получил из Дворца, чтоб зажигать фейерверк. Наперед всего должно было зажечь сделанный кругом всего фейерверка из шлагов белый огонь (называемый марсов), подобие белого оружейного огня. Я, взяв свечку палительную, зажег оный огонь и не успел отнять руки со свечею, как в тот же момент один шлаг оторвался от доски, к которой он был привязан, ударил меня сильно в левую бровь и в висок, отчего я упал на землю без памяти; а как скоро я опамятовался, то висок мой был уже в крови, а глаз затянуло весь опухолью и сравнялся со лбом ровно. Я, призвав лабораторного сержанта Глазунова, сказал ему, чтоб он смотрел, дабы данная от меня диспозиция была исполнена, а я смотреть, за болезнию, не в силах: через великую мочь сидел, покуда сожгли фейерверк. Случился на тот час от меня недалеко полицейский лекарь, который перевязал мне с теплым вином рану, от которой я через месяц глазом едва мог проглянуть и рад был тогда, что обрел его в целости.

Того ж 1757 года, в апреле месяце, сделалось в лаборатории не менее прежнего приключение. В самое то время, когда была война с Пруссией, к таковому случаю в лабораторной кухне великое было приготовление всяких во-

енных снарядов; одна светлица длинная, в которой прежде, к прошедшему фейерверку, набивали ракеты, именовалась «набойня»; от сей работы ракетного и прочего состава немалое количество в ней на столах и на полу оставалось.

Выметая светлицу, остатки ракетного состава не вынесли вон, а высыпали от лености в подпол, никто не мог усмотреть сего бездельства, и стали после работать. Демидов, подполковник, делал, под своим смотрением, зажигательные кнители за особливим столом, а под моим смотрением гранатные и бомбовые трубки набивали; в сенях были принесены для переправки старые зажигательные каркасы²⁶; при всей оной работе нигде огня не было, водой светлица улита была, и чаны налитые стояли, дабы в случае нечаянного отпрыска огня бросить загоревшуюся вещь в воду. Я был при сей работе неотлучно. Полковник Бороздин возомнил идти в тот день пешком на Выборгскую сторону, для некоторых проб из пушек, почему зашел за мной в лабораторию, чтоб я с ним шел вместе; а как мы к Неве-реке приближаться зачали, дабы сесть на суда и переехать на Выборгскую сторону, тогда услышали необычайную за собой пальбу и колокольный в лаборатории набат. Мы с Бороздиным поспешно возвратились и увидели в лаборатории страшный пожар, черный дым и гром непрерывный продолжался. Он спрашивает меня, отчего бы такая была пальба? Я сказал, что у нас более ничего нет, как старые в сенях каркасы счетом двадцать или тридцать, а в каждом каркасе по шестифунтовой наряженной гранате есть, то думаю, что от них такие выстрелы слышны. Однако напоследок нашлось, что оная пальба происходила не от одних каркасов, но были соблюдены в тех же сенях в чулане Сарття, итальянца, фейерверочные вещи: оные, загорясь, делали такой великий звук и стрельбу. Мы подошли ближе к пожару, нашли вышедших из той светлицы людей, в которых загорелось, и услышали причину, отчего оный несчастный пожар приключился. Бомбардиры, которые снаряжали у Демидова кнители за особливим столом, прикрепляя скорострельный фитиль, приколачивали сильными ударами, железным молотком по железному набойнику; оттого произошли искры и зажгли фитиль у кнителя в руках держащего бомбардира; а как по всем тогда столам множество скорострельного фитиля и мякоти пороховой лежало, то в один миг, как молния, обняло всю светлицу пламенем, отчего люди только те успели выскочить, хотя

опалены уже были, покуда огонь не прошел в подпол; а как скоро дошел огонь, то загорелись в подполе помянутые фейерверочные сметенные остатки, коих, по-видимому, там было немало, отчего подняло силой половые доски со столами и скамейками к потолку, смяло и перебило всех. Из оных битых и горелых сильных людей человека с три хотя вышли из сего пламени, но от изнеможения пали, к великому всех зрителей сожалению, на землю и через малое время жизнь свою прекратили; а оставшиеся человек с восемь, будучи смяты и завалены досками, погорели все со светлицей вместе. Оного пожара хотя вперва и прилагали приключение от моего небрежения как неотлучного зрителя, но живые оставшиеся люди, кои работали у Демидова, оправдали меня от сей напраслины; а Бороздина, полковника, неумышленное ко мне на тогдашний час благодеяние оставило меня на свете жива и спасло от сей халдейской печи. Правду сказать, что весьма нужно было в лаборатории быть хорошему и доброму порядку, великому смотрению, которого в тогдашнее время нам никак сделать было не можно от прочих, кои нам не подчинены были: Сартий, итальянец, секретные офицеры, Демидов, подполковник, Бишев, капитан,— у каждого из них особливая работа происходила в лаборатории. Капитан Бишев делал разные инвенции, желая что-нибудь получить себе награждения от Кронштадтского гарнизона, в котором он служил; и таковых было работ под разными званиями премножество, отчего по всей лаборатории происходило, как на площади, собрание разных людей, кроме нашей команды, без всякой осторожности и порядка.

Недели через две после сего приключения, между прочими, при перемене досталось и мне в капитаны и обер-фейерверкеры. В один день случилось мне быть у офицера Худова. Жена его, называя меня именем, спросила, не хочу ль я жениться? Я на то ей отвечал, что до сего времени я о женитьбе никогда не помышлял, а ныне никакого препятствия к сему не вижу, для того что чин мой обер-фейерверкера в поход не ходит. Жена Худова представила мне старушку, торговку Ивановну, которая мне подала записку, в которой написано: в разных уездах состоит мужского пола за невестой девятьсот душ и близ Петербурга небольшая мыза. Я, прочтя оную записку, сказал ей: невеста твоя, голубушка Ивановна, понравилась мне и заочно, потому что она богата. С невестинной стороны не упущено было обо мне изыскать,

о моем состоянии сведений; потом назначен был день свидания нашего, смотра, по обыкновению древнему, в церкви. Я в тот день, снарядясь совсем просто, забыл о невестином смотре, велел коляску подать, хотел ехать прямо на работу в лабораторию; слуга мне рассказывает: «Не забыли ль вы, что дали слово посмотреть вашу невесту?» Я вспомнил и велел ехать к той церкви, в которой назначено было наше свидание. Я вошел в церковь, в которой полковник наш Бороздин, отъезжая в поход, с женой служил молебны; потом увидел я знакомого человека, Измайловского полка адъютанта Петра Топильского, который Воейкову, моему бывшему капитану, был родной племянник; он приехал с моей невестой. По нем я увидел и мою невесту. Угадать было мне ее не трудно: она была, по лишении своего второго мужа, Нечаева, в трауре, только не в глубоком, а шелковом. По прошествии обедни я подошел к Топильскому поздороваться, как со знакомым человеком; невеста моя подошла к нему же; мы при сем свидании, поглядев один на другого, выговорили по нескольку слов между собой; оное все происходило с неким родом стыдливости, а паче мне, потому что я в первый раз на своей жизни смотрел невесту и товарища, с которым определял себя на весь мой век жить. Разъехались мы из церкви. Невесте моей я тогда (рассказывают) не показался своим прибором, что одет был очень не по женихову, а по-лабораторному, что и правда.

Когда Топильский, ехав со своей женой и моей невестой в одной карете из церкви, дорогой спросил у моей невесты обо мне, что каков тебе жених, на глаза показался? Невеста моя, не зная более за мной никаких пороков, кроме как одной видимой ею на смотре в церкви неопрятности в наряде, отвечала им, что ее глазам я не противен показался. Торговка Ивановна не забыла и меня также, после нашего смотра, спросить: «Что показалась ли тебе невеста, кормилец, которую я тебе сватаю, и ты уже ее видел?» Я сказал ей: «Ивановна, голубка, ведь красавиц выбирают только в полюбовницы, а жена должна быть более добродетельна, нежели красавица». Ивановна, торговка, не забыла также уверить в сем случае свою должность и доказывать экспериментально, что счастье мое ведь зависит от собственных ее трудов и прилежности. Я принял Ивановну в свое объятие, тот момент ухватил ее своими руками за шею, благодаря томно и притворно, не мог Ивановну поцеловать: так она уже была, бедняжка, стара. Невеста моя с Топильским положили

между собой условие и назначили время позвать меня к Топильскому в дом обедать. Я приехал в положенный мне день к Топильскому в городской коляске, а не в карете (которой у меня тогда не было, а чужой взять не хотел), переменя свой лабораторный кафтан и причесав голову получше, нежели как на первом смотре было в церкви. После обеденного нашего кушанья, по приличным на тогдашний случай с обеих сторон разговорам и уверениям, дали мы слово друг другу о взаимной верности в положенном нашем намерении до будущего совершенства браком.

После сего условия нашего отъехал я из Петербурга в Ораниенбаум к великому князю, что был после Петр Третий, для сжения фейерверка и строения малой крепостцы, называемой Петерштадт. Пробыв там более недели, возвратился в Петербург и услышал, что Топильский пре ставлял уже моей невесте жениха другого, Михаила Васильевича (именем и отчеством подобрал точь-в-точь) только не Данилова, а Приклонского, который был тогда при Герольдии в должности герольдмейстера; но судьба, доброходствуя моей определенной участи, невеста на то, дабы избрать ей вместо меня Приклонского, не согласилась, а содержала данное мне слово верно. Я зачал ездить к моей невесте всякий день как жених. Она была в замужестве за первым своим мужем за Кашинцовым, за вторым Нечаевым, который был двоюродный брат графа Шувалова, моего фельдцейхмейстера, в тогдашнее время человека весьма случайного и славного; по той причине Шуваловой фамилии офицеры езжали к моей невесте и, сведав, что она помолвила за меня замуж, угрожали ей моим несчастьем, что-де тот, который на вас женится, не найдет после места и в дальних городах в Сибири. Невеста моя рассказала мне, что слышала предложенные несчастья и угрозы; я оное пренебрег все, помышляя сам собою, что граф не архиерей и что спрашивать его о женитьбе моей совсем лишнее будет дело; притом у невесты моей после Нечаева было тогда два сына, одному четвертый год, а другому меньше года; потому и Шуваловы старались только, чтобы моя невеста для своих детей замуж не ходила, дабы имяние ее собственное не раздробилось от ее детей, у которых отцовского не было ни одной души. Не помышляли они тогда о ее молодости, что ей от роду было только двадцать четвертый год.

Как с графской стороны мы не видали никакого себе явного препятствия, то сделали, сентября одиннадцатого

числа, обыкновенный сговор, на котором были у нас с невестиной стороны отец ее крестный камергер и кавалер Возжинский* с женой, Топильский** с женой, а с моей стороны мой приятель Матвей Григорьевич Мартынов с женой ж. После сего сговора просил я свою невесту, чтобы квартиру свою переменяла, которая была от меня неблизка, а переехала б ко мне поближе, по той причине, что в лаборатории тогда работ очень много было, за которыми мне было должно смотреть безотходно, почему и свидение наше будет нам беспрепятственно. Она переехала жить на квартиру, которая отстояла от меня очень близко. Наконец согласились мы с невестой, дабы запечатать наше условие союзом, браком, что того ж 1757 сентября двадцать шестого числа совершилось в церкви Сергия Чудотворца, что на Литейной улице, при которой нашей церемонии никого у нас посторонних не было, кроме моего всегдашнего приятеля Матвея Григорьевича с его женой. На другой день нашего брака я звал к себе обедать многих генералов и офицеров, которые у нас обедали и ужинали; и мы были уже при том случае с моей женой как хозяева, а не сидели в церемонии за столом, как обыкновенно на свадьбах бывает.

По совершении нашего брака жили мы девять месяцев благополучно и весело. Потом свела графиня Шувалова о замужестве жены моей; она вознегодовала за сие на нас сильно и уличала своего мужа, графа, что как смел, твоей будучи команды подчиненный, жениться на нашей невестке без позволения. Графиня неотлучно жила при дворце, в ближней от государыни комнате, и находила всегда случай говорить обо всем, что хотела; между прочим не забыла она и о моей жене донести государыне. Государыня жену мою знать изволила по той причине, что она была воспитана у отца своего крестного камергера Возжинского; а родной дед ее Алексей Андреевич Носов был при государыне, когда еще она была цесаревной, обер-комиссаром и правил гофмаршальскую должность; по такому случаю государыня жену мою знала. Графиня докладывала государыне, что «Носова внука, которая была за Нечаевым, вышла замуж», прибавляя к тому, что вышла, да несчастлива, за мота, и что в таком случае

* Никита Возжинский, в царствование Анны, был гоф-интендантом. Его письма к царевне Елизавете Петровне напечатаны в первой книге Архива князя Воронцова. (П. Баргнев.)²⁷

** Прямой предок известного в наши дни Михаила Ивановича Топильского, женат был на дочери известного петровского кабинет-секретаря Макарова. (П. Баргнев.)

жалъ только бедныхъ детей ея, которые остались отъ Нечаева. Государыня, выслушавъ отъ графини такое доношение, изволила ей сказать, что еще ведь они деревень не продаютъ, такъ почему жъ дети Нечаева несчастливы; а какъ жене моей при дворе камер-юнкеры были знакомы, то они, слыша отъ графини жалобы государыне, ей пересказали. Графиня не была довольна первымъ своимъ об насъ представлениемъ, а умолча несколько времени, вторично приступила просить государыню съ сожалениемъ о моихъ пасынкахъ, дабы отъ жены моей приказать изволила взять детей и деревни ея описать или сделать запрещеніе, чтобы продать ни заложить было не можно. На оную просьбу вторично последовалъ отвѣтъ отъ государыни ко графинѣ, который можно прямо назвать монаршей или божественной. Государыня, вспомня прежнее отъ графини представленіе на насъ, изволила сказать своей любимице: «Ведь они еще не продаютъ деревень; вы примечайте за ними, когда станутъ они продавать деревни, тогда скажете мнѣ». С того времени графиня болѣе об насъ государыне говорить уже не зачинала, а принялась съ другой стороны сделать намъ безвинное гоненіе черезъ своего мужа. Графъ и графиня тогда были люди знатные и сильные, отъ коихъ и не въ нашу пору трепетали; ровные имъ сказывались больными и жили въ приморскихъ своихъ домахъ отъ одного ихъ неприятнаго взгляда. Графъ, по неотступной просьбѣ отъ своей графини, открылъ свой гнѣвъ противъ меня явно, изыскивая и находя немалые, по мнѣнію его, мои неисправности, кои хотя и не отъ меня происходили, сталъ выговаривать мнѣ свое неудовольствіе публично, при всехъ, съ таковыми угрозами, что я «съ вами-то могу сделать, чего и не чаете», въ чемъ я никогда не сомневался, зная къ тому его способность и силу, какую онъ и прежде надъ другими оказывалъ. Не принималъ отъ меня ничего въ оправданіе.

Я помышлялъ, что, можетъ быть, графъ далѣе не вступитъ въ толь явное мщеніе за мою женитьбу, которая ему никакого неудовольствія не причинила, ибо часто слышалъ отъ него въ разговорахъ, какъ онъ, почитаясь тогда велеречивымъ и вторымъ Цицерономъ, упоминалъ свое великодушіе и незлопомненіе, что и обольщало меня чаять отъ него прежней ко мнѣ милости, однако жъ оказалось, наконецъ, не такъ. И великой души люди не всегда то делаютъ, что говорить могутъ; еще и болѣе происходитъ отъ нихъ мщеніе, нежели какъ отъ малыхъ душъ.

В 1758 году, въ маѣ мѣсяцѣ, при расписаніи офицеровъ по полкамъ, приказалъ графъ меня переименовать изъ обер-

фейерверкером в капитаны: се первая стрела была пущена на меня гонения. Я просил Михаила Александровича Яковлева, который тогда у графа был генерал-адъютантом, правил канцелярией и был прежде в великой у него силе; он обещал меня написать в Московскую команду; однако как он прилежно ни трудился разными приемами по своему искусству, только не мог довести того, чтобы граф обо мне не вспомнил и подписал положенное расписание по его мне обещанию. Да и Яковлев не так уже стал силен. Граф избрал себе в любимцы, из канцелярских переписчиков, подьяческого сына Макарова, который прежде был у Яковлева в команде. Макаров своим проворством как для письменных дел способным, так и в других нежных услугах графу понравился: граф пожаловал Макарова своим адъютантом. Макаров, отпросясь в Симбирск, женился на богатой дворянской девушке Ратьковой, за которой взял семьсот душ крестьян; ныне он живет в отставке коллежским советником. Вот каково быть у большого человека Меркурием!

Графский дом наполнен был тогда весь писцами, которые списывали разные от графа прожекты. Некоторые из них были к приумножению казны государственной, которой на бумаге миллионы поставлено было цифром; а другие прожекты были для собственного его графского верхнего доходу, как-то: сало ворвань, мачтовый лес и прочее, которые были на откуп во всей Архангелогородской губернии, всего умножало его доход до четырехсот тысяч рублей (кроме жалованья) в год. К чести графа не доставало только чина командовать своей дивизией, ибо его дивизия была в команде у главного командира над армией в походе против Пруссии. Граф выпросил себе позволение набрать из всех полков корпус, состоящий из тридцати тысяч человек, назвал оный корпус обсервационным, укомплектовал его новой артиллерией и поставил себя главным шефом. Поручил он в команду сей корпус генерал-аншефу Брауну, который графа рапортовал одного, а с главной армией не соединялся и не подчинен был до самой Кистринской баталии²⁸; а какое оный корпус сделал, при той важной тогда баталии, неустройство и смятение и как его потом растасовали по полкам, я здесь о том упоминать не намерен и обращаюсь к тому, что до меня касалось.

Когда Яковлев не мог мне сделать, дабы я был по расписанию в Московской команде, то того ж 1758 года, в июне месяце, командирован я был в Ригу. Получа ордер

от полковника, я приехал прощаться к графу; он приказал мне у себя остаться обедать. После обеда граф, ходя долгое время взад и вперед по комнате, наконец кинулся ко мне, как поврежденный, на шею и, обняв меня своими руками, прижимал крепко долгое время. Я считал его лобызание последним себе роком, противиться не смел, а живу быть не чаял, только и помышлял, что задавить до смерти; прощался я заочно с женой своей, что уже не увижусь с ней. Наконец, отняв руки от объятия моей шеи, толкнул он меня от себя прочь, сказав притом мне: «Кланяйся всем генералам в армии». По таком дружеском нашем прощании с графом, мы с женой, забрав с собой детей ее, а моих пасынков, за которых, по-видимому, мы страдали и гонение имели от графа, отправились в путь свой, заехав сперва по пути в Копорский уезд, в свою мызу, в коей, прожив одну неделю, поехали в Ригу.

Жена моя, не доехав восьмидесяти верст до Риги, родила дочь Прасковью; а как в Ригу приехали и квартиры скоро не сыскали, которая в таком случае весьма необходима родившей женщине для покоя, тогда случился в Риге быть мой прежний приятель, капитан (что ныне генерал-майор при артиллерии) Иван Петрович Лавров; он уступил нам свою квартиру, покуда нам другую сыскали. По приезде моем в Ригу, услышал я, что полковнику Бурцову уже есть повеление, дабы отправить меня немедленно в армию в Пруссию. Я был тогда болен и не мог так скоро ехать, почему и пошло строгое надо мной свидетельство в той моей болезни, которое во-первых доктор с лекарями, потом вскоре второе от штаб и обер-офицеров. Граф, будучи всем тем недоволен, почитая мою болезнь притворной, приказал третье учинить свидетельство в моей болезни, и писано было прямо к рижскому губернатору, князю Долгорукову, дабы сам губернатор нечаянно, изыскав время, со штаб-офицерами пришел в мою квартиру и осмотрел показанные обо мне от доктора и от штаб-офицеров в репорте болезни. Губернатор, видя такое повеление, строгое и прилежное надо мной учинил свидетельство, какового никогда ни над кем другим не бывало; однако не пошел ко мне сам свидетельствовать, а прислал штаб-офицеров одних, которые то ж, как и прежние, видя мою сущую и непритворную болезнь, написали в репорте, что за слабостью к армии ехать не может. И оное свидетельство не последнее было мне.

Приехал тогда из армии нечаянно артиллерии генерал-майор Недельфер; человек был подлой души, лакомый

к прибытку, пасторский сын родом. Недельфер, узнав о моем таком частном свидетельстве от прочих, не оставил и он, якобы по должности своей, изыскать в болезни моей правду и за сие возомнил получить себе, как доктор, за вступление его ноги в квартиру добровольный подарок: не хотел опустить случай блестящий к его жадному интересу. Он так в сем пункте был заражен, что не стыдился от рядовых пушкарей принимать приносы, и без того не хотел ни малейшего удовольствия сделать. Призвал он доктора к себе, дабы с ним шел меня свидетельствовать; доктор с презрением ему сказал, чтобы шел один, а ему, доктору, уже быть у меня незачем, понеже (говорил) я больного свидетельствовал и о болезни его репорт подписал правильный. Генерал-майор Недельфер пришел ко мне в квартиру с полковником Бурцовым, без доктора; между прочими разговорами обещал мне самую легкую по болезни моей службу и ближнюю командировку, дабы я ехал хотя в Мемель, недалеко отстоящий от Риги город. Я ему отвечал, что по выздоровлении моем не отрекусь всюду ехать, а теперь не могу.

По таком нашем свидании и разговоре с Недельфером, сомневался я, дабы не оболгался он своим репортом о моей болезни и не поставил бы ее совсем посредственной против прежде посланных репортов; однако страх мой миновал. Жена его, генеральша Богомила Даниловна, превосходила своего мужа своим проворством, ознакомилась с моей женой. Генеральша не упустила сего полезного случая, взялась стараться и стряпать обо мне у своего мужа, наказав прежде, что она слышала от него якобы нам неприятное; а за такие свои усердные труды и откровенности в приданое своей племяннице (она своих детей не имела) получила от жены моей добровольного подарка рублей на сто. Недельфер не устыдился и сам на свою персону требовать также подарка, под видом якобы шутки, как будто он для меня великое одолжение сделал, что написал репорт, в котором пишет так: «Он меня осматривал и видел здоровьем слаб и лицом худ». Склад сего репорта точно изображает его природный разум. Я просил через адъютанта его, чтоб он худобу лица моего из своего репорта выключил; но он без ряды того сделать не хотел, а я более торговаться с ним не пожелал и оставил так. Дочь наша, по приезде в Ригу, пожив два месяца, скончалась.

В августе месяце проскакал из армии через Ригу курьер; от него узнали о несчастной близ Кистрина

бывшей баталии. Оною армией командовал тогда граф Фермор, жена его жила в Риге. Графиня получила от своего мужа о многих несчастливых известие, а через графиню и все сведали, кому надлежало украсить свое несчастье трауром. На сей баталии граф Чернышев, генерал-поручик Иван Алексеевич Салтыков, Мантейфель, со многими штаб- и обер-офицерами, взяты были в полон; из артиллерийских мне знакомых убиты были полковник Калистрат Мусин-Пушкин, подполковник Эленадлер, подполковник Аранд, майоры Игнатъев и Брем, и прочих штаб- и обер-офицеров побито много. К великому тогда графа Шувалова неудовольствию, взяты были на оной баталии его секретные гоубицы пруссаками в добычу, у которых в дуло не смели из своих россиян смотреть не имеющие особливой к сему таинству доверенности и присяги. Король прусский, получа оные гоубицы, приказал в Берлине, своем столичном городе, поставить на площади и открыть у них секретные дулы для вольного смотрения всех зрителей.

После свидетельства Недельферова, посланного о моей болезни, в Риге ничего со мной на некоторое время не происходило; однако из главы моей никогда того не выходило, с кем я имею дело: с тем, который определил мне смерть и досадует еще на меня жестоко, помышляя, якобы я в поругание его гордого определения живу на свете и еще увертываюсь от его сильной руки так долго. В таком волнении оскорбленных моих мыслей не мог я предвидеть будущего, что со мной граф сделать может; от сего впал я в великую задумчивость; наконец, посетила меня безрассудная гипохондрия. В такое беспокойное для меня время не получал я долго от своего приятеля Мартынова писем, что побудило меня к нему наконец написать так:

«Государь мой!

Вскоренившее во мне мнение о всегдашней ко мне вашей благосклонности побудило меня возобновить еще мою благодарность, коя от меня никогда не отходила. Признаюсь, что презрение ваше ко мне нынешнее не без основания есть, в рассуждении моих иногда поступков, в коих я спасение себе мнил; да неужто и того для вас еще мало наказания, что меня гонят, и еще больше, что безвинно? Неужто и ваш золотник мщения положится с прочими к перевесу на позорное погружение моих напастей, которых я ни сотою доли толикого зла от изнеможения моего понести не могу? Представьте себе человека, который сух

и худ, непрестанно ходя взад и вперед по горнице, когда сможет, в задумчивости и мыслях, с готовыми глазами к пролитию слез, от воображения, якобы и горы высокие валяются на погубление его, часто иногда руки протягивает во упорность, на отвращение оных; и если оное вообразите, то найдете точно, что я-то оными забавами пользуюсь нередко. Вот мое состояние, в коем нахожусь. Как некогда обеднявший старик обличал своего благодетеля, Александра Великого, уподобляя его прежние к нему доброхотства горящей масляной лампаде, в которую он не желал для освещения его бедности наполнять масла, наконец, вдруг от презрения, не хотя влить уже и капли, гасил лампаду, совсем угасил прежния свои старику доброхотства, оставил его в темном и мрачном погружении: и я, ежели б знал вашу свободу, то сколько взял бы смелости вам напомнить, что и вы, снабдевая иногда меня изобильно своими строками, не жалели чернил, ныне же и капля вам для меня дорога стала».

На сие письмо приятель мой Мартынов возобновил ко мне писать по-прежнему. Я, льстя себе иногда, что, может быть, приду в прежнее от болезни моей здоровье и продолжать службу, к которой имел великую склонность, мнил себя быть способна для получения чести, а паче при артиллерии, понеже в знаниях артиллерийской науки я не имел недостатка; однако перемогло мои мысли, чего я не мог уже более льстить себе надеждою от жаркого на меня графского гонения. Наконец принял я меры, с великим сожалением, просить в отставку, хотя мне весьма не хотелось. Я писал к Ивану Федоровичу Глебову, который тогда был в Петербурге, и к Михайлу Александровичу Яковлеву; а каково я письмо к генералу Глебову послал и что мне оное послужило в пользу, то соблюл я того письма копию, которую при сем сообщаю.

«Милосердный государь!

Оказанные милости вашего высокопревосходительства были мне непосредственно фундаментом всего благополучия моего, коим я поныне счастье имею пользоваться. Сие самое причиной дерзновения моего, что я взял смелость с преданностью моею утруждать ваше превосходительство, милосердного государя. К немалому моему несчастью, слабость моего здоровья лишила меня надежды более продолжать службу, о чем не могу я вашему высокопревосходительству без слез донести. Ныне ж, находясь в такой крайности, не имея никакой надежды, кроме

вашего высокопревосходительства, за основание почел прибегнуть к известной всем милости вашего высокопревосходительства: сотворите со мной милость, милосердный государь, чтоб предстательством вашего высокопревосходительства уволен я был от полевой и гарнизонной службы и непорочную мою жизнь на своем пропитании окончить мог».

Яковлеву писал я, чтоб он, хотя сверх моего желанья, руководствовал бы мне быть в отставке, в которой мнил я себе найти последнее убежище от графского гонения. Генерал Глебов, увидясь с Яковлевым, посоветовал о моей крайности и положил помогать мне всеми силами, дабы как можно избавить меня из когтей сильной руки и доставить мне отставку. Генерал Глебов приказал экзекутору Бороздину, чтоб я прислал челобитную не через армейских генералов, у коих я тогда находился по списку в команде, но прямо в Петербург к нему, Глебову. Я, получив от Бороздина экзекутора письмо о присылке челобитной к отставке меня от службы, послал оную челобитную, в которой прописал свою службу, при фейерверке полученные в голову удары и раны и настоящую тогда свою болезнь и слабость, в которой я находился. На мою челобитную прислано к генералу Недельферу повеление, чтоб меня отправить с пашпортом в Петербург для отставки. Я начал собираться из Риги к моему отъезду, а между тем все артиллерийские офицеры, коих тогда в Риге было довольно, хаживали ко мне каждый день в квартиру для препровождения времени. В один день пришли ко мне офицеры и сказывают, что они были вместе с доктором и свидетельствовали офицера, оказавшегося в безумстве, и что тот доктор притом сказал всем вслух, что оной болезни, притворная ль или настоящее повреждение ума есть, дознать по медицине никак не можно. Один из офицеров * сказал мне, легонько смеючись: «Посмотри, братец, что я сделаю и какую штуку из сего устройю, ты скоро услышишь». Я дознался, что он притвориться намерен сумасшедшим, в чем и не обманулся: он через несколько дней произвел свое намерение в действо. В половине ночи, в которое время люди всегда принимают за сон крепкий, он в одной рубахе, босыми ногами, без человека, через немалую дистанцию, или расстояние, по улице, в зимнее время, прибежал к поручику Василию Сабанееву на квартиру, сказывая ему смутным и дрожа-

* Я утаю сего офицера имя, а буду называть его «он» для того, что в молодости было сделано в шутках, того под старость слышать неслестно.

щим голосом, якобы человек его (называя того слугу именем) прибежал сейчас к нему с дороги, от жены его, и сказал ему, что жену его (называя ее именем) везут к нему в гробу мертвую; он человека истинно перед тем послал за женою, о том все офицеры уже знали, и она потом вскоре к нему в Ригу и приехала. Офицер перед Сабанеевым так умел притвориться сумасшедшим, что Сабанеев воистину поверил, оробел и пришел в смущение, не знал, что с сумасшедшим делать, зачал молитвы говорить и его крестить; наконец Сабанеев послал слугу своего и созвал других офицеров к себе на совет, а как они собрались, то с помощью их едва отвели они больного в его квартиру. После сего представления, чтобы всех в том уверить, что он не притворился, сказался больным и не выходил из квартиры несколько дней. Я знал его притворную болезнь и шутку, но весьма досадывал, что на то время, как он не выходил из своей квартиры, компания наша веселая умолкла: он был веселого духа и умел шутить очень кстати, потому все офицеры были от него неотлучны. Он, будучи прежде сего унтер-офицером, в Риге посажен был за некоторый проступок в полковую канцелярию под караул; оная канцелярия отведена была у мещанина и состояла с хозяином только через одни сени. На то время, как он был под караулом, умерла у хозяина престарелая женщина, которую, по обряду положив в гроб, вынесли на ночь в сени; морозы были тогда жестокие, отчего упокойница получила в теле окаменение. Он еще с вечера, приметя старушку в гробу, захотел из оной упокойницы сделать шутку. В полковой канцелярии почивали многие унтер-офицеры караульные, а может быть, так же под караулом, как и он, писари и пушкари; по многим с вечера шуткам легли они спать спокойно. Он, встав перед светом с постели, пошел на двор в темноте, вынул старуху из гроба, притащил ее в полковую канцелярию и, поставив стоймя возле печи, сам лег на свою постель спать. Время пришло вставать, караульный унтер-офицер приказал истопнику огонь вырубать; истопник, сыскав трут, кремь и огниву, зачал высекать огонь; а как от кремня и огнива полетели первые искры и освещали комнату, то оными искрами с первого блеска показалось всем в глазах нечто возле печи стоящее белое. Истопник, примечая более всех такое явление, приумножил своей скорости высекать искры, от которых усмотрел без ошибки, что стоит возле печи упокойница-старушка; истопник первый пришел в робость, бросил огниву и кре-

мень на пол, кинулся без памяти бежать из канцелярии, а от скорости, не могши миновать впотьмах, зацепил за старуху, окостенелую от мороза, которая, упавши на пол, сделала большой стук. Зрители, лежавшие на постелях, содрогнули все от сего явления, закричали во весь голос: «аяя, аяя» и побежали из канцелярии в одних рубахах и босыми ногами на улицу; потуда претерпевали они страх и стужу, покуда хозяин взял свою беглую старуху и положил по-прежнему в ее вечный дом. При всем том он также боялся и бегал, как и прочие товарищи его, любуясь сделанной шуткой.

Я, получа от Недельфера пашпорт и распротясь со всеми приятелями в Риге, 1759 года в половине января, отправился в Петербург. В самое то время была великая оттепель и грязь, так что мы до самой своей мызы, которая от Петербурга в шестидесяти верстах отстояла, ехали на колесах. Приехал тогда ко мне мой приятель, экзекутор Бороздин, с которым мы, прожив неделю, отправились в Петербург. Я явился с пашпортом у генерала Глебова, от Глебова был наряд еще меня свидетельствовать одному доктору, двумя штаб-лекарям и одному лекарю. Доктор Бехерах, который прежде меня лечивал и был мне хороший приятель, уверил меня, что моя болезнь не опасна и что это не чахотка, а происходит от действия генерала; они все подписали мне аттестат в моей болезни в сходство рижского доктора.

Граф, по-видимому, не доверял и сему осмотру в моей болезни и принял намерение еще меня сам свидетельствовать; но Яковлев представил ему невозможность таковую, что когда по одному офицеру свидетельствовать будет, то ему, графу, великое произойдет от того затруднение, а дожидаться, покуда соберутся десять человек для смотра, будут порожные места в полках; а нужда обстоит ныне в офицерах великая. Такими представлениями Яковлев освободил меня от графского смотра, в чем я никакого сомнения не имел: может быть, и граф, увидя мою непритворную слабость, уверился бы в подлинности моей болезни.

Потом представили меня в Военную коллегию, а в представлениях графских писали тогда в Коллегию два слова: «на рассмотрение» и «в рассмотрение». Когда офицера посылали в Коллегию «на рассмотрение», тогда Коллегия отставляла его в отставку без препятствия; а когда напишут об нем «в рассмотрение», тогда Коллегия назад служить возвращала или без награждения чина от

службы увольняла. С таким последним оракулом я был в Коллегию представлен к отставке. Как я на смотр явился и Коллегия усмотрела во мне непритворную болезнь, то отставила меня тем же чином, капитаном. Хотя нам генерал Глебов, который тогда в Коллегии ж военной присутствовал, и много противоречил, предлагая обо мне, что я уже заслужил указанный срок в одном чину и при отставке надлежит без всякого сомнения наградить меня чином; но того не сделали или не смели графского сигнала «в рассмотрение» нарушить.

Я, получив от Военной коллегии указ о моей отставке, того ж 1759 года в мае месяце из Петербурга отправился с женой и пасынками моими в Москву, благодаря Бога, что спасся невидимой рукой от угрожаемого мне бедствия. В том же году отъезжал из Москвы зять мой Самойлов, с моей сестрой и с детьми, в Симбирск, где он определен был валдмейстером. Мы с женой моей согласились проводить его до Ростова, там простясь с зятем и помолясь святителю Дмитрию Ростовскому о ходательстве его о нас к Богу и приложась его святым мощам, возвратились в Москву.

Того ж лета, в августе месяце, поехали мы в зарайскую свою деревню, в которой познакомились с тамошними соседями; зачали мы забывать в Риге бывшее в болезни моей частое свидетельство, а здоровье мое час от часу стало приходить в лучшее состояние.

В 1761 году поехали мы в кромскую свою деревню, которая от Москвы отстоит четыреста пятьдесят верст. Сын у меня был Дмитрий, коему тогда было от роду один год и шесть месяцев, занемог, ехавши, в дороге поносом и, к великой моей горести, скончался, оставя по себе неопи-санную печаль и слезы. Мы еще не оплакали кончины сына своего, когда усугубило нашу печаль еще более: меньшей пасынок мой, Алексей, по пятому году, скончался от воспы, которая так зла была, что престарелые от роду лет в шестьдесят оного лежали.

Судьбина оставшегося от серпа воспы моего пасынка. Ему было имя Николай, а при моей женитьбе от роду только три года; я его принял воспитывать на свои руки не для тщеславленья, но по собственному моему произволению и по жалости, что он к своему воспитанию не имел попечителя, родного своего отца. Начал его при себе грамоте учить не так, как меня учил пономарь Филипп Брудастой, который только мучил одним всегдашним прилежным сидением, а не учением: я учил своего па-

сынка, не доводя его никогда до малейшей скуки в учении, пускал его часто гулять и приучал самого по своей воле садиться за учение, без всякого позыва и принуждения. Когда он пришел возрастом за десять лет, тогда обучил я его арифметике и рисовать, к чему он великую имел охоту и понятие; отдавали мы его потом в пансион и университет обучаться французскому языку, математике и прочим наукам, везде он прилежно обучался и с великой похвалою ото всех учителей; особливо ко мне имел он любовь, почтение и ласку, более нежели к его родной матери, которая его беспримерно любила. Когда ему от роду было пятнадцать лет, он тогда был в артиллерии сержантом, к службе он был превеликий охотник и по своим летам казался неусыпным; он играл очень хорошо на скрипке, был нравом тих и молчалив, по-французски хотя знал говорить и переводить на русское, только не имел склонности разговаривать на оном языке. С возрастом и наше утешение умножилось всечасно, мы не могли на его поступки глядя налюбоваться; а паче мать, которая хотя от него и не видала большой ласки (вероятно, мамки молодые ему в уши нашептали, что, если б матушка тебя любила, не пошла б для тебя замуж), однако ж беспримерно его любила и не могла на него наглядеться. К большому нашему порадованию, а паче матери, пожаловали его в 1770 году штык-юнкером и в том же году, в мае месяце, командировали в Киев, где он, по своему знанию и прилежным трудам, был и признан за исправного офицера и употреблен от генерал-майора Ливена ко всем нужным исправлениям. В то ж самое время город Бендеры содержался в атаке от второй нашей армии, в которую отъезжал майор Сабанеев; пасынок мой отпросился у генерала Ливена ехать с Сабанеевым охотою и прибыл за десять дней. При взятии Бендер на штурме хотя он и не был, только был в великой опасности: когда он шел из лагеря в шанцы репортовать, будучи между крепости и лагеря на самой середине, тогда выпущена была из города немалая партия конных турок, которые стремились в лагерь в таковом намерении, что войско Всероссийское упражняется в атаке крепости, а при лагере был оставлен конвой не в большом числе; турки хотели своим нападением взять лагерь, однако того им сделать не удалось: сие усмотря, атакующие отрядили на воспрепятствие их пристойную команду, которая турок к лагерю не допустила. Пасынок мой, видя нечаянное турок к нему приближение, отчаялся спасти свою жизнь, от робости не

знал, что делать; на ту пору везет погонщик раненого от крепости солдата; слуга пасынок (который с ним был) столкнул погонщика и солдата с телеги, посадив пасынка на подвод, увез его от неопределенного ему рока, а погонщик с солдатом в их виду были от турок изрублены: так мой пасынок на тогдашний час спас свою жизнь смертью других. По взятии Бендер вторая наша армия, под командой графа Панина, переправясь через Днестр, устремилась вся на место сборное к Полтаве. Мой пасынок, переезжая зимою через Днестр, имел несчастье обломиться на льду и с кибиткой, по счастью жизнь свою спас и с будущими при нем людьми. В первый тогда раз взмахнула сня стихия на его несчастье и грозила ему потоплением, дабы он на воде был осторожнее. Между тем ему досталось в перемене подпоручика, и написан он в Харькове, к губернатору Щербинину, для обучения артиллерийских служителей в его полках, почему и послан был уже ордер, дабы его возвратить от армии в Харьков; а между тем он с армией, 1771 году в мае месяце, отправился к Крыму. Получа о возврате своем ордер, писал к нам, чтоб мы отпустили ему его непослушание, что он взял намерение охотою ехать в Крым и что в своем походе никакой нужды не имеет. Увы, в какой человеческая жизнь неизвестности находится, что не имеет ни малейшего предзнания о своем несчастном конце! К чему самозвольно мой пасынок предпринял быть при армии, а не в Харькове? Дошел он с армией до Петершанца, оная крепость отстоит от Крыма только в девяноста верстах, построена на реке, называемой Московка; армия, перешед речку по сделанному мосту, стала против крепости в полуверсте лагерем. Оной крепости артиллерийский офицер звал к себе из лагеря майора артиллерийского ж Шаховского и других офицеров обедать; а как пасынок мой стоял вместе с майором в одной палатке, то и он с прочими приглашен был туда же: они, собравшись, сели на своих лошадей верхами и поехали в крепость, через речку Московку, по сделанному мосту. За пасынком моим слуга хотел также ехать в крепость; но майор Шаховской сказал, что оное будет излишнее, потому что за ним будут двое вершников, так есть кому у него принять лошадь. Они обедали (как после уже мы обстоятельно слышали) с великим весельем, пасынок мой в столе раздавал кушать, играл потом в удовольствие всем на скрипке; наконец компания оная, видно, что небережно обошлась с пуншем, сделались все пьяны, отчего по веселии произо-

шел у майора Шаховского с комендантом оной крепости великий вздор, шум и драка. Комендант, битый и пьяный, будучи в жару, выбежал из покоя на двор, закричал во весь голос, созывая своей команды солдат и приказывая всех брать под караул. Пасынок мой, боясь, чтоб он не был участник такового случившегося беспорядка, а может быть, и ему вложили в молодую голову хмель (ему было семнадцать лет), сел верхом на свою лошадь и поехал один из крепости в задние ворота, к которым из речки Московки был разлив, проросший весь травой и кустарем. Он выехал за крепость и, не хотя ехать прежнюю дорогой, по которой ехал с товарищами на мост, поехал оным заливом и хотел переехать через речку в лагерь прямо. День тогда был самый летний, то многие солдаты купались по тому заливу и сидели на берегу; солдаты оные, как и часовой с крепости, кричали ему все, чтоб он не ездил через речку прямо, сказывая, что она глубока, а ехал бы по прежнему своему тракту на мост; но он никого на тот случай не послушал, сказав всем, кои ему воспрещали ехать, что он через эту речушку переедет прямо в лагерь. Он ехал тем заливом, который был неглубок, у всех на виду немалое время, как доехал до глубокого реки стремени, а берега были во утес крутые, то лошадь его и с ним погрузилась вмиг в воду. Долгое время было не видать его, потом лошадь оказалась на верхе воды, и он на ней еще сидел верхом, но, как видно, от долговременного бытия в воде лишился резолюции и, пришед в робость, не отдал на волю лошади, которая бы с ним на берег выплыла без всякого препятствия и спасла бы его жизнь от потопления. Но он вопреки сделал, лошадь свою муштуком или шпорами понудил, отчего она стала вверх головою перпендикулярно, а зад опустил в воду по шею, передними ногами болтала воду: тогда он не мог сдержаться на седле, свалился в воду и погруз на дно. Несколько времени держал он от узды повод, лошадь принуждена была кругом того места, где он за повод держался и на нем висел, плавать; а как он из рук повод выпустил, то лошадь его в тот же момент выплыла на берег; а он, не умея притом плавать, без всякого сопротивления опустился в глубину реки на дно и утонул. При оном тогда несчастном и жалком приключении неподалеку был перевоз на лодке, на котором из малороссиян отставной солдат определен или по своей воле был. Этот адский слуга Харонов видел утопшего гибель и страдание, но не только несчастному подать помощь от потопления,

даже и место подлинно указать не хотел, на котором он утонул. Вот какие есть чуды в роде человеческом! Видно из одного корыстолюбия, что сам убийством зверским сделать был не в состоянии, то радовался несчастному утопшему, думая, по отшествии от того места лагеря, вынуть и, обрав, тем гибельным достатком попользоваться одному. Люди узнали о его потоплении, когда один солдат принес его шляпу в лагерь. Такое известие огорчило много его приятелей, кои с людьми кинулись на реку искать его, трудясь всю ночь, только не нашли; на другой день один егерский погонщик, коему даны деньги, вынул его из воды, к великому всех его знакомых, а паче командиров, которые его любили, сожалению. Майор Шаховской с офицерами ночевали пьяные в той крепости, поутру от генерала был ему только выговор, что он своим гуляньем потерял хорошего офицера, за которым ему бы должно еще смотреть, как за молодым человеком.

Так мой и последний пасынок, а несчастный плод Нечаева сим случаем прекратил жизнь свою, которого и похоронили в той же крепости. Я вообразить того не могу, как мы могли толь жестокою нам печаль перенести. Мы, услыша о сем несчастье, три раза принимались его оплакивать всем домом и три раза ложною отрадою утешались, в чаянии еще ему быть живому; наконец решилось наше мучение и надежда исчезла тем, что приехали бывшие при нем люди и привезли полное известие к нашему сетованию. Мы, получа оные несчастные вести, слезы к слезам и вопль к воплю приумножили, не находя ни от кого и не принимая никакого утешения. Жена моя, а его мать пришла до великого изнеможения от оной печали; она, по многом рыдании и плаче, приходила в беспамятство и обморок, потом мало возвращалась в чувство, представляла его утопшего перед глазами своими лежащего, с которым прощалась с таким желанным выражением, рыдая неутешно: «Ну теперь прости, мой батюшка, в последний раз прости»; затем она опять приходила в беспамятство на несколько часов; с великими вздохами два года оплакивала она и не осушала глаз своих день и ночь, так что насилу спасла жизнь свою, которая в великой опасности была; наконец в утеху от оных слез ничего мы не получили, жена моя здоровья много у себя убавила, а я у глаз зрение повредил.

В 1761 году возвратились мы из украинской деревни в Москву, а по исходе того года скончалась государыня Елизавета Петровна. По кончине ее открылась любовь

к сей монархине и сожаление: всякий дом проливал по лишении ее слезы, и те плакали неутешно, кои ее не видали никогда: толико была любима в народе своем. По кончине ее принял престол правления Петр Третий, но немного правил, скончался. Приняла по нем престол государыня Екатерина Алексеевна и в 1762 году, в сентябре месяце, прибыв в Москву, короновалась. В оном же году подал я в Военную коллегию челобитную, что при отставке не был награжден чином. В оной Коллегии был тогда вице-президентом граф Захар Григорьевич Чернышов; я по моей челобитной был удовольствован, 1765 июня третьего дня от Коллегии получил чин артиллерии майора.

Приятеля мои и бывшие командиры, ведая обо мне, что я со излишеством против прочих офицеров имел случай обращаться в артиллерийской науке и знал ее, просили от меня для своих детей ученых записок; а другие искали от меня и того формально, дабы я и сам собою оказал детям их таковую услугу, чтоб по временам свободным, ведя к ним, указывать мог, почитая меня как человека свободного. Но я свою вольность никому в такую должность не рекомендовать, а нашел средства всем им услужить: написал я артиллерийского знания книжку, отдал ее напечатать, роздал всем моим приятелям и тем всех их удовольствовал за двести пятьдесят рублей, что я заплатил за печатание книжки, а сам через то отбыл от должности учительской.

По порядку, принятому автором, ему следовало рассказать судьбу меньших своих братьев, Федора, Афанасия, Льва и Ивана, но или они померли все малолетни, или конец рукописи утрачен. Только о сестре своей Прасковье он написал своеручно на одной белой странице:

Прасковья, сестра моя, будучи в Москве в нашем доме, выдана в замужество за поручика Никиту Васильевича Каверина, который был при межеванье, потом при экономических деревнях казначеем, наконец, в Тамбове при Казенной палате стряпчим; прижил с Прасковьею Васильевной сыновей Николая, Павла *, Илью, дочь Александру и в 1788 году февраля двадцатого скончался от припадка.

* Павел Никитич Каверин впоследствии сделался известен, быв Московским обер-полицмейстером при Павле, калужским и смоленским губернатором в 1812 году. (П. Бартенев.)

КОММЕНТАРИЙ

БУРХАРД ХРИСТОФОР МИНИХ
ОЧЕРК, ДАЮЩИЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ОБРАЗЕ
ПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Записки фельдмаршала Б. Х. Миниха называются «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie».

Перевод с французского осуществлен кандидатом филологических наук Е. Ю. Бок по первому изданию записок, вышедшему в Копенгагене в 1774 году. На страницах книги даны подстрочные примечания уточняющего характера, сделанные неизвестным, скрывшимся под инициалами М. Б. Возможно, это редактор и издатель книги.

¹ Миних ошибается: Иван и Петр формально царствовали вместе до смерти Ивана в 1696 году. Фактически же власть была взята Петром в августе 1689 года, когда ему удалось предотвратить государственный переворот и лишить власти правительницу Софию. Та же ошибка допущена Минихом ниже — в параграфах 8 и 12.

² Описание стрельцового мятежа 1682 года искажено до неузнаваемости: как раз «партия княжны Софии» сумела добиться победы, побросав на копья стрельцов родственников и приближенных Нарышкиных.

³ Однодворцы как сословие появились в ходе преобразований Петра, когда единое сословие служилых людей распалось на дворянство и однодворцев. Последние составляли низы служилого сословия и вели близкий к крестьянскому образ жизни. В ходе податной реформы они подпали под налогообложение по душам и тем самым были отделены от свободного (в податном отношении) дворянства.

⁴ Боярская дума не была аналогом совета министров. Это был высший совещательный сословно-представительный орган знатнейших фамилий страны.

⁵ Упомянут консультант Миниха профессор Академии наук (академик) Г. Ф. Миллер.

⁶ Наукой установлено, что крещение Владимира произошло в Херсонесе — городе, расположенном в Севастопольской бухте и вошедшим ныне в черту города Севастополя.

⁷ Мятеж стрельцов 1698 года был подавлен до приезда Петра.

⁸ Воронежский (Азовский) и Балтийский. После Прутского мира с Турцией Азовский флот был уничтожен.

⁹ Мир со Швецией традиционно называется Ништадтским — по месту его заключения.

¹⁰ Миних ошибся — Шлиссельбург (при шведах — Нотебург) был взят русской армией 12 октября 1702 года.

¹¹ Автор идеализирует финансовое положение России после Северной войны 1700—1721 годов. Можно без преувеличения утверждать, что государственное и народное хозяйство страны было существеннейшим образом подорвано двумя десятилетиями тяжелейшей войны.

¹² Имеется в виду созданная в 1723 году Малороссийская коллегия, состоявшая из военных и украинских старшин.

¹³ «Счетная палата» — это финансовый орган: Камер-коллегия или Штатс-контор-коллегия. Сибирский приказ возник в начале XVII века и при Петре был лишь преобразован.

¹⁴ Характеристика генерал-прокурора П. И. Ягужинского не соответствует реальному положению вещей. См. именной указатель.

¹⁵ События в ночь смерти Петра изложены неверно. Меншиков возглавлял группировку «новой» знати, стремившейся возвести на престол жену Петра Великого Екатерину в противоположность желанию родовитой верхушки, ориентировавшейся на сына царевича Алексея — Петра. Решительные действия Меншикова и его сторонников обеспечили «партии» «новой» знати возведение Екатерины I на престол. Никаких дверей Меншиков при этом не ломал.

¹⁶ Причиной стало дело камергера Екатерины В. Монса, уличенного в крупных взятках и интимной близости с императрицей. В 1724 году после короткого суда Монс был казнен.

¹⁷ Родство идет через мать Петра II Софью-Шарлотту принцессу Брауншвейг-Вольфенбюттельскую.

¹⁸ Миних весьма упрощает петровскую концепцию внешней политики, которая была глубже и активнее.

¹⁹ Версия об отравлении Екатерины I другими источниками не подтверждается.

²⁰ Меншиков был выслан из Петербурга 9 сентября 1727 года.

²¹ Дело не в большом трудолюбии Остермана по сравнению с Ягужинским. Последний вступил в конфликт со всемогущим Бироном, за что и поплатился своим местом в высшем эшелоне власти.

²² Кабинет министров был образован в 1731 году.

²³ Миних никогда не фигурировал как член (или кандидат в члены) Кабинета министров.

²⁴ Автор лукавит — он не вынудил Станислава бежать из Данцига, а упустил его из осажденной крепости.

²⁵ Свои воинские успехи автор сильно преувеличивает. Русско-турецкая война 1735—1739 годов не была успешной, и немалая вина за это лежала на Минихе — главнокомандующем русской армией. Бел-

градский мир 1739 года был естественным завершением этой войны, хотя русская дипломатия не сумела реализовать всех своих возможностей и не добилась достаточно выгодных для России условий мира. Неосновательны попытки Миниха принизить роль Австрии в этой войне, сведя все неудачи России к интригам «имперцев».

²⁶ Информация неточна. Записка А. П. Волынского не предусматривала свержения Бирона. Это была записка о вреде иностранцев, занявших наиболее важные посты в аппарате.

ЭРНСТ МИНИХ ЗАПИСКИ

Записки Миниха-сына воспроизводятся по изданию М. И. Семевского 1891 года. Подлинник на немецком, как и подлинник русского перевода, неизвестны. Текст частично исправлен в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

¹ Утрехтский мир 1713 года был заключен между Францией и Испанией и их союзниками. Им завершилась война за Испанское наследство (1700—1714 гг.).

² 8 сентября 1727 года А. Д. Меншикову был объявлен домашний арест. Вскоре он был выслан в свое имение — город Ранненбург, а затем — в Сибирь.

³ В 1713 году Дания оккупировала Шлезвиг — часть суверенного герцогства Шлезвиг-Голштиния. К концу Северной войны Петр Великий вмешался в спор Дании и Голштинии и выдал свою старшую дочь Анну Петровну за голштинского герцога Карла-Фридриха. Этим было положено начало периоду длительного влияния России в Северной Германии.

⁴ Суассонский конгресс 1728 года ставил задачу примирить острые противоречия Англии и Испании, а также других враждующих великих держав. Конгресс закончился безрезультатно.

⁵ Более точный текст «кондиций» публиковался впоследствии не раз.

⁶ Кабинет министров Анны Ивановны был образован в 1732 году.

⁷ Кадетский корпус был основан в 1731 году.

⁸ Станислав Лещинский был отцом французской королевы Марии — жены Людовика XV.

⁹ *Прагматическая санкция* — договор о признании за дочерью австрийского императора Карла IV Марией-Терезией права на императорский престол. Правительство Австрии стремилось добиться гарантий исполнения Прагматической санкции от всех ведущих стран Европы. Однако сразу же после смерти Карла IV в 1740 году Прагматическая санкция была нарушена Пруссией и началась война за Австрийское наследство.

¹⁰ *Козлов* (Гёзлев) — ныне Евпатория.

¹¹ Имеется в виду Белгород-Днестровский (Аккерман).

¹² *Глассис* — крепостное оборонительное сооружение.

¹³ Переговоры России и Турции в Немирове на Украине начались в 1737 году и закончились безрезультатно. Лишь Белградский мир 1739 года подвел черту под русско-турецкой войной 1735—1739 годов.

¹⁴ Имеется в виду Феофан Прокопович.

РОНДО

ПИСЬМА ДАМЫ, ПРОЖИВШЕЙ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ В РОССИИ, К ЕЕ ПРИЯТЕЛЬНИЦЕ В АНГЛИЮ

Письма леди Рондо публикуются в переводе с английского, сделанного кандидатом филологических наук Н. Г. Беспятыми с первого издания писем, вышедшего в Лондоне в 1775 году под названием «*Letters from a lady who resided some years in Russia to her friend in England*».

¹ Представление об Адмиралтейской части города как острове вызывалось окружающими ее каналами и реками. Зимний дворец, о котором идет речь, стоял в квартале, ограниченном Невой, Зимней канавкой и нынешней улицей Халтурина. Недавняя реконструкция Эрмитажного театра показала, что сохранились нижние помещения дворца, ставшие впоследствии основой для сооружения театра. Летний дворец Петра I стоит там, где и стоял с 1711 года, — в Летнем саду. Недалеко от него вдоль набережной Невы при Анне Ивановне был построен еще один деревянный Летний дворец, который был снесен в 40-е годы XVIII века.

² Кроме Петра Великого и Екатерины I в Петропавловском соборе были захоронены многие из их детей.

³ *Боутон* — поместье лорда Монтегю (графство Нордхемптон, Англия).

⁴ Александрo-Невский монастырь начал строиться в 1710-х годах на месте, где, как ошибочно полагали тогда, произошла знаменитая битва Александра Невского со шведами в 1240 году. В 1723 году в монастырь были доставлены из Переславля-Залесского мощи св. Александра Невского. Орден Александра Невского был учрежден в 1724 году.

⁵ *М-р В.* — имеется в виду консул, позже посланник Англии в России Ворд, умерший в Петербурге в 1731 году, первый муж леди Рондо; *м-р Рондо* — вероятно, Клавдий Рондо — второй консул Англии, с 1732 года — второй муж мемуаристки.

⁶ Это Дудергофская бумажная мельница, расположенная около Красного Села.

⁷ Автор ошибается — из Петергофа побережье Финляндии невооруженным глазом не видно.

⁸ Новгородский Антониев-Рождественский монастырь, согласно

легенде, основан в XII веке св. Антонием, избравшим столь необычайный вид транспорта для приезда в Новгород. Впрочем, по мнению новгородского ученого А. Макарова, сохранившийся до наших дней камень Антония не что иное, как балластный камень корабля.

⁹ *Наталья Алексеевна* — сестра Петра II.

¹⁰ Рассказ о фаворитке Петра Великого Анне Монс весьма примечателен как отражение легенды, ходившей среди публики в конце 20-х годов XVIII века. Анна — дочь немецкого виноторговца (по другим сведениям — ювелира) Иоганна Монса, стала фавориткой Петра около 1692 года. Она имела определенное влияние на Петра, сумела даже обогатиться за счет пожалований из казны. Близость с Анной была одной из причин ссылки и пострижения в монастыре царицы Евдокии. В 1703 году в вещах утонувшего под Шлисельбургом саксонского посланника Кенигсена были найдены любовные письма Анны. Опала фаворитки, вместе с семьей посаженной под домашний арест, продолжалась до 1706 года. В 1711 году она вышла замуж за прусского посланника Кейзерлинга, который давно добивался ее руки и пошел ради этого даже на конфликт с Петром. В 1714 году, после смерти мужа, Анна стала невестой пленного шведского офицера Миллера, но умерла незадолго до свадьбы, оставив завещание, согласно которому передавала своему жениху почти все свое состояние. Это стало причиной многолетней и скандальной тяжбы, завершившей далеко не столь романтическую, как ее передает леди Рондо, историю.

¹¹ Здесь имеется в виду Е. А. Долгорукая.

¹² Ночь с 18 на 19 января 1730 года вошла в историю как попытка ограничения «верховниками», членами Верховного тайного совета, самодержавия Анны Ивановны. Они вынудили подписать ее ограничительные «кондиции», которые она, приехав в Москву из Курляндии и разобравшись в обстановке, разорвала. Самодержавие было восстановлено.

¹³ Имеется в виду майор Степан Глебов — любовник Евдокии в 1710 году, который служил некоторое время в Суздале. Сохранились любовные письма Евдокии — старицы Елены — к нему. Схваченный по делу царевича Алексея и Евдокии, он действительно был подвергнут пыткам и уличен в прелюбодеянии с бывшей царицей. Этот факт Евдокия подтвердила собственноручным признанием. Несмотря на все это, Глебов стоял на своем, отрицая вину, и был приговорен к посадению на кол. Позже Петр I распорядился подвергнуть имя Глебова церковному проклятию — анафеме.

¹⁴ Встречи двух «порушенных» невест Марии Александровны Меншиковой и Екатерины Алексеевны Долгорукой не произошло — Меншикова умерла в Березове в 1729 году.

¹⁵ Имеется в виду второй муж автора писем — Клавдий Рондо.

¹⁶ Двор Анны Ивановны приехал в Петербург в январе 1732 года.

¹⁷ Прасковья Ивановна умерла в Москве в октябре 1731 года.

¹⁸ Гувернантка Анны Леопольдовны госпожа Адеркас в 1735 году

была выслана из России якобы за покровительство интимной связи своей подопечной с саксонским посланником графом Линаром.

¹⁹ *Лефорт Иоганн* — саксонско-польский посланник до 1734 года.

²⁰ В 1733 году после смерти польского короля Августа II началась война за Польское наследство, в которой приняли участие Россия и Франция. Последняя поддерживала кандидатуру тестя Людовика XV Станислава Лещинского. Россия же поддерживала сына Августа II будущего короля Августа III. Русские войска под руководством сначала Ласси, а затем Миниха осадили Данциг, где засел Станислав, которому впоследствии удалось бежать из крепости. В качестве военнопленных в Петербург были привезены французские офицеры, участвовавшие в неудачном десанте, высаженном французской эскадрой, пришедшей на помощь гарнизону Данцига.

²¹ Александра Александровна Меншикова была возвращена из ссылки вместе с братом Александром, похоронив там отца, мать и сестру. Анна Ивановна сделала ее в 1731 году фрейлиной двора и выдала замуж за младшего брата фаворита Густава Бирона. Считается, что это было сделано для того, чтобы «вызволить» находившиеся в иностранных банках вклады светлейшего князя Меншикова, наследниками которых оставались дети покойного вельможи.

²² Имеется в виду Густав Бирон.

²³ Прусский король Фридрих-Вильгельм комплектовал свою гвардию из особо великорослых солдат. Было принято «дарить» или сдавать внаем великанов, что могло помочь при решении различных внешнеполитических дел с участием Пруссии.

²⁴ Имеется в виду дворец в Стрельне, строительство которого началось при Петре I и закончилось при Павле I. Самый длительный «долгострой» в России.

СВОЕРУЧНЫЕ ЗАПИСКИ КНЯГИНИ
НАТАЛЬИ БОРИСОВНЫ ДОЛГОРУКОЙ,
ДОЧЕРИ Г. ФЕЛЬДМАРШАЛА
ГРАФА БОРИСА ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА

«Своеручные записки» Н. Б. Долгорукой воспроизводятся по наиболее точному изданию, вышедшему в свет в С.-Петербурге в 1913 году на основе подлинника не дошедшей до нашего времени рукописи. Текст частично исправлен в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

¹ Записки обращены к старшему сыну Михаилу (1731—1794) и его жене, посетивших Долгорукую в монастыре.

² Графу Б. П. Шереметеву в год рождения Натальи исполнилось шестьдесят два года. Шереметев был женат дважды. От первого брака

было трое детей, от второго — с Анной Петровной Нарышкиной (урожденной Салтыковой) — пятеро: Петр (1713), Наталья (1714), Сергей (1715), Вера (1716) и Екатерина (1718).

³ Речь идет о знаменитом русском богаче графе Петре Борисовиче Шереметеве (1713—1787), владельце усадьбы Кусково.

⁴ Наталья Борисовна сильно преувеличивает чистоту нравов времен своей молодости. Примечательны в этом смысле разделы «Юности честного зерцала, или Показания житейскому обхождению» — пособия для молодых людей первой половины XVIII века, вступающих в жизнь. У нас сложился устойчивый стереотип представлений о поведении допетровской девушки и женщины по модели «Домостроя». Это заточенная в терем скромная Несмеяна, рдеющая под взглядами посторонних. Она лишь при Петре вышла на люди, введена его смелой рукой в мужское общество. Но в высшей степени любопытно, что «Зерцало» нацелено как раз не на раскрепощение женщины, а на внушение ей большей скромности, стыдливости, воздержания. Девушка должна вскакивать в гнев из-за стола, если ей «прилучится сидеть возле грубого невежды, которой ногами не смирно сидит», должна не радоваться, а «досадовать, когда кто оную искушать похочет». Наоборот, «непорядочная девушка со всяким смеется и разговаривает, бегаёт по причинным местам и улицам, розиня пазухи, садится к другим молодцам и мужчинам, толкает локтями, а смирно не сидит, но поет блудные песни, веселится и напивается пьяна, скачет по столам и скамьям, даёт себя по всем углам таскать и волочить, яко стерва».

⁵ Мемуаристка ошибается, когда сообщает, что среди «пунктов» условий воцарения Анны Ивановны был и пункт, запрещавший ей привозить в Россию своего фаворита.

⁶ Ошибается автор и второй раз: Бирон никогда сапожником не был и дяде Натальи Борисовны сапог не шил. Другое дело — со времен возвышения Бирона высказывались серьезные сомнения в подлинности его дворянского происхождения. Сомнения эти не развеяны и до сих пор.

⁷ Имеется в виду род князей Голицыных, представители которого входили вместе с Долгорукими в Верховный тайный совет. Репрессии против Долгоруких последовали лишь в 1736—1737 годах.

⁸ Венчание в церкви села Горенки происходило 8 апреля 1730 года.

⁹ Указ об этом последовал 9 апреля. Он гласил: «Указали мы князю Алексею, княж Григорьеву сыну Долгорукову жить в дальних деревнях с женою и детьми и о том ему сказать указ, чтоб он из Москвы ехал немедленно и из той деревни никуда без указа нашего не выезжал. Брату его князю Сергею по тому ж жить в дальних деревнях с женою и с детьми безвыездно».

¹⁰ Это был манифест от 14 апреля 1730 года: «Объявляем во всенародное известие. Понеже всем нашим верным подданным известно есть, коим ненадлежащим и противным образом князь Алексей Долго-

рукой с сыном своим князь Иваном, будучи, при племяннике нашем блаженные памяти Петре Втором... не храня его величества дражайшего здравия, поступали, а именно: по пришествии его величества к Москве, во-первых, стали всеми образы тщиться и не допускать, чтоб в Москве его величество жил, где б завсегда правительству государственному присматривался, и своих подданных как вышних и знатных чинов, так и прочих обхождение видеть мог, но всячески приводили его величество, яко суще младого монарха, под образом забав и увеселения, отъезжать от Москвы в дальняя и разная места, отлучая его величество от добраго и честнаго обхождения, что тогда народу весьма прискорбно и печально было. И как прежде Меншиков, еще будучи в своей великой силе, ненасытным своим властолюбием его величества блаженные памяти племянника нашего, взяв в свои собственные руки, на дочери своей в супружество сговорил, так и он, князь Алексей с сыном своим и с братьями родными, его императорское величество в таких младых летах, которые еще к супручеству не приспели, богу противным образом... привели на сговор супручества к дочери его князь Алексеевой княжне Катерине...» В заключении описания прочих вин Долгоруких манифест предписывал: «...и за такие его преступления хотя и достоин быть наижесточайшему истязанию, однако ж мы, милосердя, пожаловали вместо того, указали, лиша всех его чинов и кавалерии сняв, послать в дальнюю его деревню, в которой ему жить безвыездно за крепким караулом».

¹¹ В царском указе 12 июня 1730 года Долгорукие обвинялись в непослушании, отказе ехать в пензенские деревни, куда их выслали. «Того ради,— говорилось в указе,— послать князя Алексея Долгорукова с женою и со всеми детьми в Березов, князь Сергия с женою и детьми в Аранибург, князя Василия — в Соловецкий монастырь, князя Ивана, княж Григорьева сына — в Пусто-Озеро. И за ними послать пристойной конвой офицеров и солдат и держать их в тех местах безвыездно за крепким караулом». 15 июля все владения Долгоруких были конфискованы и присоединены к владениям Анны Ивановны. Всем ссыльным было определено на содержание по одному рублю в день.

¹² Автор не совсем точен. Ссыльные были, по-видимому, привезены в Тобольск, а оттуда на барже отправлены в Березов, который действительно стоял на острове, образуемым двумя реками — Сосьвой и Вогулкой.

¹³ В Березов приехали князь Алексей Григорьевич Долгорукий с женой Прасковьей Юрьевной (которая вскоре, не выдержав трудностей тяжкого пути, умерла) и их дети: Иван с женой Натальей, Николай — 18 лет, Алексей — 14 лет, Александр — 12 лет, Екатерина — 18 лет, Елена — 15 лет, Анна — 13 лет.

¹⁴ Факты свидетельствуют о другом, далеком от благонаравия, образе жизни и поведении И. А. Долгорукого в Березове, что в немалой степени стало причиной последующих несчастий всего клана Долгоруких.

ЗАПИСКИ М. В. ДАНИЛОВА,
Артиллерии майора, написанные им
в 1771 году (1722—1762)

Мемуары майора Данилова воспроизводятся по последнему изданию в «Исторической библиотеке» (Казань: Молодые силы, 1913). Подлинник мемуаров или более точное издание неизвестны.

¹ Герольдия (герольдмейстерская) — контора Сената, ведавшая делами и привилегиями дворян.

² Здесь и ниже в тексте встречается допетровская хронология «от сотворения мира», причем Новый год приходится на 1 сентября григорианского календаря. Как правило, первая цифра, обозначающая тысячелетие, опускалась. Следовательно, 191 год — это 7191-й, или 1683-й «от рождения Христова», 199 (7199) год соответствует 1691-му и т. д.

³ Имеется в виду Александр Поп (1688—1744), английский поэт.

⁴ Разрядный приказ допетровской Руси ведал службой дворян.

⁵ Стремление отнести своих дальних предков к знатым иностранцам, «выехавшим» на Русь, было весьма распространено среди русского дворянства. Как правило, сведения эти легендарны.

⁶ «Московский список» — военно-учетный документ, охватывающий столичных служилых людей допетровской поры. Стольник — дворцовый чин, первоначально обозначавший дворянина, прислуживающего царю при столе. Впоследствии — это категория служилых столичных людей довольно высокого ранга в допетровской иерархии чинов.

⁷ Тульская четь — военно-административный орган, ведавший территорией южнорусской оборонительной черты в Тульском уезде. Приказ Большого дворца — учреждение, ведавшее хозяйством и землями, принадлежавшими лично царю. Воевода — военная и административная должность. Воеводы выполняли также обязанности комендантов крепостей (осадные воеводы).

⁸ Во время русско-турецкой войны 1676—1678 годов, происходившей на территории Украины, было три похода под Чигирин. Кровавые сражения под Чигирином не принесли заметного преимущества ни одной из сторон, однако Бахчисарайский мир 1681 года привел к отказу Турции от попыток захватить Украину.

⁹ Боевые холопы (холопы) выставлялись идущим в поход дворянином в пропорции от количества земли, которой он владел как помещик.

¹⁰ Закон 1714 года о единонаследии, введший майорат, предусматривал, что наследником поместья или вотчины может быть лишь один (старший) сын. Этим самым Петр стремился уберечь дворянские владения от постоянного дробления и вынудить младших сыновей искать службу в армии или государственном аппарате.

¹¹ Более точно такая категория дворян, шедшая в услужение к крупным феодалам, называлась в XVII веке «послужильцы».

¹² Здесь нет преувеличения. Однородцы — служилые люди XVII—XVIII веков, жившие преимущественно в южных уездах страны. В период Петровских реформ они, несмотря на владение крепостными, не были отнесены к дворянству. Они занимались сами сельским хозяйством наряду со своими крепостными и по образу жизни, в сущности, мало чем отличались от государственных крестьян.

¹³ Северная война 1700—1721 годов началась неудачной осадой шведской крепости Нарва, под которой русская армия Петра I была разбита войсками Карла XII.

¹⁴ Занятие дворянином не свойственным его сословию делом наносило существенный ущерб чести его рода, за чем следили все его родичи. Однако остановить процесс обеднения части дворянства не удавалось.

¹⁵ Украинская линия — система оборонительных сооружений и военных округов юга России, которую возвели для обороны от кочевников. В петровское время защиту линии осуществляли войска ланд-милиции, сформированные преимущественно из однородцев.

¹⁶ Русско-турецкая война 1735—1738 годов завершилась Белградским миром (1738).

¹⁷ Волохия — Валахия.

¹⁸ Русско-шведская война 1740—1741 года была начата в правление Анны Леопольдовны Швецией в надежде добиться возвращения земель, отошедших к России по Ништадтскому миру 1721 года.

¹⁹ «Арифметика» Леонтия Магницкого — одно из самых популярных учебных пособий в XVIII веке.

²⁰ Сражение при деревне Гросс-Егерсдорфе 19 августа 1757 года было одним из важнейших сражений Семилетней войны (1756—1763) между Россией и Пруссией. Закончилось победой русских войск.

²¹ Вотчинная коллегия — учреждение, заменившее при Петре старый Поместный приказ, сосредоточивший дела по земельным владениям дворянства.

²² Московский судный приказ — центральное учреждение XVII века, занимавшееся преимущественно разбором судебных дел дворян Центра.

²³ Главный магистрат — центральное учреждение, ведавшее городами России после административных реформ Петра I.

²⁴ Куф — единица емкости.

²⁵ В 1740 году известны такие присяги: императору Ивану Антоновичу, регенту Бирону, правительнице Анне Леопольдовне.

²⁶ Каркасы — артиллерийские снаряды, начиненные порохом.

²⁷ Примечания, сделанные первым публикатором записок П. Бартевым.

²⁸ Осада русскими войсками во время Семилетней войны прусской крепости Кюстрин проходила летом 1757 года и была весьма неудачна для России.

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБЛЯЕМЫХ В ТЕКСТЕ ИМЕН

Август II (Фридрих) (1670—1733) — курфюрст Саксонский (1694—1733), с 1697 г. король Польский, союзник Петра I в борьбе против Швеции.

Август III (Фридрих) (1696—1763) — курфюрст Саксонский, с 1733 г. король Польский.

Алексей Алексеевич (1654—1670) — царевич, сын Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской, наследник престола.

Алексей Петрович (1690—1718) — царевич, сын Петра I и Евдокии Федоровны Лопухиной. В результате конфликта с отцом бежал за границу, по возвращении был приговорен к смерти, после чего умер в тюрьме при невыясненных обстоятельствах.

Анна Ивановна (1693—1740) — императрица России (1730—1740), вторая дочь царя Ивана Алексеевича и Прасковьи Федоровны Салтыковой, вдова Фридриха Вильгельма, герцога Курляндского, с 1711 г. жила в Митаве. В 1730 г. приглашена Верховным тайным советом на русский престол.

Анна Леопольдовна (Елизавета Христина) (1718—1746) — правительница России (1740—1741) при малолетнем сыне Иване Антоновиче, дочь Карла Леопольда, герцога Мекленбургского и Екатерины Ивановны, старшей дочери царя Ивана Алексеевича, племянница Анны Ивановны. В 1722 г. приехала с матерью в Россию, в 1739 г. была выдана замуж за Антона Ульриха, принца Брауншвейгского, после переворота 1741 г. сослана Елизаветой Петровной в Холмогоры, где умерла в результате родов. Похоронена в Александро-Невской лавре.

Анна Петровна (1708—1728) — цесаревна, старшая дочь Петра I и Екатерины Алексеевны, в 1725 г. выдана замуж за Карла Фридриха, герцога Голштинского. Умерла после родов сына Карла Петера Ульриха (будущего Петра III) в Киле, куда выехала с мужем летом 1727 г.

Антон Ульрих, герцог Брауншвейгский (1714—1774) — второй сын Фердинанда Альбрехта, муж Анны Леопольдовны. В 1740 г. генералиссимус русской армии, в 1741 г. сослан в Холмогоры. Умер в заточении.

Апраксин Федор Матвеевич (1671—1728) — генерал-адмирал, президент Адмиралтейской коллегии, член Верховного тайного совета, один из ближайших сподвижников Петра I.

Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693—1766) — канцлер (1744—1758), крупный государственный деятель, руководитель внешней политики России времен Елизаветы Петровны, посланник в Ганновере, Дании. Сослан за организацию заговора в пользу будущей Екатерины II, в 1762 г. возвращен из ссылки, произведен в генерал-фельдмаршалы.

Бирон Бенигда Готлиб (1703—1782) — герцогиня Курляндская, жена Э. И. Бирона, фрейлина двора Анны Ивановны, при Анне Леопольдовне сослана с мужем в Ярославль, возвращена в 1763 г.

Бирон Гедвига Елизавета — дочь Э. И. Бирона, бежала из Ярославля, куда была сослана с родителями, перешла в православие, была выдана Елизаветой Петровной замуж за барона А. И. Черкасова.

Бирон Густав (1700—1746) — брат Э. И. Бирона, майор Преображенского полка, муж А. А. Меншиковой, сослан в Ярославль.

Бирон Карл (1684—1746) — брат Э. И. Бирона, генерал-аншеф, отличился в русско-турецкой войне 1735—1739 гг., генерал-губернатор

Москвы (1740 г.), сослан в Ярославль, затем в свое лифляндское имение, известен своей грубостью и жестокостью.

Бирон Карл (1728—1801) — сын Э. И. Бирона, сослан в Ярославль, возвращен в 1762 г. и жил в Курляндии.

Бирон Петр (1724—1800) — сын Э. И. Бирона, наследный принц Курляндский, в 1764 г. возвращен из ссылки, в 1769 г. начал править Курляндией, в 1795 г. продал свое владение Екатерине II.

Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772) — герцог Курляндский (с 1737 г.), фаворит Анны Ивановны, обер-камергер, наиболее влиятельная личность при дворе императрицы, после смерти которой объявлен регентом при малолетнем Иване Антоновиче (1740 г.). Был вскоре свергнут, сослан с семьей в Ярославль, откуда возвращен Екатериной II в 1762 г., получив в управление Курляндию.

Ботта де Адорно, Антоний, маркиз (1693—1745) — австрийский посланник при русском дворе времен Анны Ивановны и Елизаветы Петровны.

Броун Юрий Юрьевич, граф — генерал-аншеф, рижский генерал-губернатор в 60-х гг. XVIII в.

Бутурлин Иван Иванович (1661—1738) — генерал-аншеф, сослан в деревню после смерти Петра I.

Брюль Генрих (1700—1763) — министр при дворе Августа II и Августа III.

Брюс Яков Виллимович (1670—1735) — генерал-фельдмаршал, дипломат, ученый, один из сподвижников Петра I.

Вард (Вордо) — английский консул в Петербурге, первый муж леди Рондо, умерший в 1731 г.

Вейсбах Иоганн Бернгард, граф — генерал от кавалерии, участник войн России в первой трети XVIII в., умер в 1735 г.

Вильбоа Александр (1707—1781) — генерал-фельдцейхмейстер, участник войны со Швецией 1740—1741 гг., Семилетней войны 1756—1763 гг. и переворота в пользу Екатерины II 28 июня 1762 г.

Волков Дмитрий Васильевич (ум. 1765) — сенатор, тайный советник Петра I, автор законопроектов об уничтожении Тайной канцелярии и др., президент Мануфактур-коллегии.

Волынский Артемий Петрович (1689—1740) — государственный деятель, дипломат, генерал. Был губернатором Казани и Астрахани. При Анне Ивановне — член кабинета министров. Обвинен в заговоре против императрицы и казнен.

Воронцов Михаил Илларионович (1714—1767), граф-канцлер, начал карьеру камер-юнкером при дворе цесаревны Елизаветы Петровны, друг и покровитель М. В. Ломоносова, был женат на двоюродной сестре Елизаветы Петровны А. К. Скавронской.

Вратислав Карл Франсиск, граф — австрийский посланник в России в 1728—1733 гг.

Георг, принц Голштинский — дядя Петра III.

Глебов Степан Богданович — офицер гвардии, казнен в 1718 г., когда в результате следствия по делу царевича Алексея вскрылась его любовная связь с опальной царицей Евдокией Лопухиной.

Голицын Борис Алексеевич (1654—1714) — один из инициаторов возведения Петра I на престол, участник Азовских походов. Управлял государством в период пребывания царя в Европе в составе Великого посольства (1697—1698 гг.). Попал в опалу и после 1698 г. пострижен в монастырь.

Голицын Василий Владимирович (1643—1714) — боярин, фаворит

правительницы царевны Софьи, организатор Крымских походов 1687 и 1698 гг. После свержения Софьи лишен боярства, умер в ссылке.

Голицын Дмитрий Михайлович (1665—1738) — лидер Верховного тайного совета, организатор попытки ограничить самодержавие при Анне Ивановне в 1730 г. Сослан в деревню, в 1737 г. привлечен к суду, умер в Шлиссельбурге.

Голицын Михаил Михайлович (1675—1730) — генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии (1728 г.), один из лидеров Верховного тайного совета. В 1730 г. удален от двора.

Головин Иван Михайлович (ум. 1737) — генерал-кригскомиссар, адмирал, начальник галерного флота.

Головкин Гаврила Иванович (1660—1734) — канцлер, один из ближайших сподвижников Петра I, член Верховного тайного совета, сенатор, кабинет-министр в царствование Анны Ивановны.

Гросс Христиан Фридрих (ум. 1742) — профессор Академии наук (1726—1731), секретарь посольства брауншвейгского двора (с 1731 г.), доверенное лицо А. И. Остермана, вместе с которым был привлечен к суду по воцарении Елизаветы Петровны и застрелился, не дожидаясь его решения.

Гудович Андрей Васильевич (1731—1808) — генерал-аншеф, камергер и генерал-адъютант Петра III, арестован в 1762 г. и вышел в отставку.

Девьер Антон Мануйлович (ум. 1745), граф — генерал-полицмейстер, в 1727 г. сослан в Сибирь, возвращен при Елизавете Петровне.

Долгорукая Екатерина Алексеевна (1712—1745) — сестра Ивана Долгорукого (фаворита Петра II), невеста Петра II, сослана с семьей в Березов при Анне Ивановне, затем заточена в томский Рождественский монастырь. Возвращена Елизаветой Петровной, стала фрейлиной, женой графа А. Брюса.

Долгорукая Наталия Борисовна (1714—1771) — дочь Б. П. Шереметева, в 1730 г. вышла замуж за Ивана Долгорукого (в то время, когда его постигла опала в связи со смертью Петра II и воцарением Анны Ивановны). Сослана с мужем в Березов, возвращена после его смерти. В 1758 г. постриглась в монахини.

Долгорукий Алексей Григорьевич (ум. 1734) — отец Ивана Долгорукого, сенатор, гофмейстер, член Верховного тайного совета, сослан в Березов, где и умер.

Долгорукий Василий Владимирович (1667—1746) — генерал-фельдмаршал, член Верховного тайного совета, сослан при Анне Ивановне, возвращен в 1742 г., стал президентом Военной коллегии.

Долгорукий Василий Лукич (1672—1739) — дипломат, сенатор, член Верховного тайного совета, сослан на Соловки, вновь обвинен и казнен в Новгороде.

Долгорукий Иван Алексеевич (1708—1739) — майор гвардии, обер-камергер, фаворит Петра II, муж Н. Б. Долгорукой (Шереметевой), сослан в Березов, вновь обвинен и казнен в Новгороде.

Дондук-Омбо — хан: калмыков, оказывал помощь России в русско-турецкой войне 1735—1739 гг.

Евдокия Федоровна (Лопухина) (1669—1731) — царица, первая жена Петра I, с 1698 г. — монахиня; привлекалась по делу царевича Алексея (своего сына) к следствию в 1718 г., сослана в Новую Ладогу, затем в Шлиссельбург. С 1727 г. жила в Новодевичьем монастыре.

Екатерина I Алексеевна (1684—1727) — императрица России

(1725—1727), с 1703 г. — жена Петра I (церковный брак заключен в 1712 г.), коронована в 1724 г.

Екатерина Ивановна (1691—1733) — герцогиня Мекленбургская, старшая дочь царя Ивана Алексеевича и Прасковьи Федоровны Салтыковой, мать Анны Леопольдовны.

Елизавета Петровна (1709—1761) — дочь Петра I и Екатерины Алексеевны, с 1741 г. — императрица России.

Еропкин Петр Михайлович (ум. 1740) — архитектор, учился в Италии, один из создателей генерального плана Петербурга, осужден по делу А. П. Волюнского и вместе с ним казнен.

Зейкин Иван Афанасьевич — учитель Петра II (тогда великого князя Петра Алексеевича), выслан за границу А. Д. Меншиковым.

Иван V Алексеевич (1666—1696) — сын царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской, коронован вместе с Петром I после стрелецкого бунта 1682 г., участия в правлении не принимал.

Иван VI Антонович (1740—1764) — император России (1740), сын Антона Ульриха, принца Брауншвейгского, и Анны Леопольдовны. После переворота в пользу Елизаветы Петровны был сослан в Холмогоры с родителями, затем отделен от них и переведен в Шлиссельбургскую крепость. При попытке освобождения его, предпринятой В. Мировичем, был убит охранниками.

Иван IV Грозный (1530—1584) — великий князь с 1533 г., царь всея Руси с 1547 г.

Карл VI (1685—1740) — австрийский император с 1711 г.

Карл XII (1682—1718) — шведский король с 1697 г., противник Петра I в Северной войне, крупный полководец, убит в Норвегии при невыясненных обстоятельствах.

Карл Леопольд, герцог Мекленбургский — муж Екатерины Ивановны, отец Анны Леопольдовны.

Карл Фридрих, герцог Шлезвиг-Голштинский (1700—1730) — сын старшей сестры Карла XII, претендент на шведский престол, муж Анны Петровны, отец Петра III.

Кейзерлинг Иоганн Гебгардт (ум. 1711) — прусский посланник в России, муж А. Монс.

Кенигсен (ум. 1703) — польско-саксонский посланник в России, возлюбленный А. Монс, погиб в результате несчастного случая.

Куракин Александр Борисович, князь (1697—1749) — обер-шталмейстер двора Анны Ивановны.

Куракин Борис Иванович, князь (1676—1727) — дипломат, посол в западно-европейских странах.

Ласси Петр Иванович, граф (1678—1751) — фельдмаршал, участник войн России первой половины XVIII в.

Левенвольде Карл Густав, граф (ум. 1735) — обер-шталмейстер двора Анны Ивановны.

Левенвольде Карл Рейнгольд, граф (1693—1758) — обер-гофмаршал, фаворит Екатерины I, брат К. Г. Левенвольде, сослан Елизаветой Петровной в Соликамск, умер в 1758 г.

Леонтьев Михаил Иванович (ум. 1753) — генерал-лейтенант, участник войны с Турцией (1735—1739 гг.), киевский генерал-губернатор.

Лесток Иоганн Германн, граф (1692—1767) — лейб-медик Елизаветы Петровны, участник дворцового переворота в ее пользу 1741 г., в 1750 г. сослан в Углич, освобожден Петром III в 1762 г.

Лефорт Иоанн — саксонско-польский посланник, племянник Ф. Лефорта.

Лефорт Франц Яковлевич (1656—1699) — генерал-адмирал, глава Великого посольства, фаворит Петра I.

Линар Мориц Карл, граф (1702—1718) — саксонский посланник в России, фаворит Анны Леопольдовны.

Лопухин Степан Васильевич (ум. 1748) — вице-адмирал, двоюродный брат Евдокии Федоровны Лопухиной, в 1743 г. сослан в Сибирь, где и умер.

Лопухина Наталия Федоровна (1702—1763) — племянница А. Монс, жена С. В. Лопухина, в 1743 г. обвинена в заговоре, подверглась телесному наказанию и сослана в Сибирь, возвращена Екатериной II.

Людвиг, принц Брауншвейгский — жених Елизаветы Петровны в 30-х гг. XVIII в.

Людвиг Иоганн Вильгельм, принц Гессен-Гомбургский (1704—1745) — генерал-фельдмаршал, на русской службе с 1723 г., участник русско-турецкой войны 1735—1739 гг.

Маврин Семен Афанасьевич — камергер Екатерины I, сослан в Сибирь А. Д. Меншиковым.

Мардефельд Аксель, барон — прусский посланник в России в 1728—1746 гг.

Мельгунов Алексей Петрович (1722—1788) — генерал-лейтенант, приближенный Петра III, наместник Ярославской губернии, крупный деятель культуры и меценат.

Менгден, барон — президент Коммерц-коллегии, камергер, приближенный Э. И. Бирона, сослан в Сибирь Елизаветой Петровной.

Менгден Юлия (1719—1786) — фрейлина и ближайшая подруга Анны Леопольдовны.

Меншиков Александр Александрович (1714—1764) — сын А. Д. Меншикова, обер-камергер Петра II, сослан с отцом в Березов, возвращен в 1730 г., при Елизавете Петровне — генерал-лейтенант, при Екатерине II — генерал-аншеф.

Меншиков Александр Данилович (ум. 1729) — генералиссимус, фаворит и ближайший сподвижник Петра I, фактический глава правительства Екатерины I, а также в начальный период царствования Петра II. Сослан в Березов, где и умер.

Меншикова Александра Александровна (1712—1736) — младшая дочь А. Д. Меншикова, сослана с отцом в Березов, возвращена в 1730 г., выдана замуж за Густава Бирона и умерла в родах.

Меншикова Мария Александровна (1711—1729) — дочь А. Д. Меншикова, невеста Петра II (1727), сослана с отцом в Березов, где и умерла.

Миних Бурхард Христофор, граф (1683—1767) — фельдмаршал, президент Военной коллегии, строитель Ладожского канала, влиятельный деятель царствования Анны Ивановны, организатор свержения в ноябре 1740 г. регента Э. И. Бирона. Вскоре удален со службы, при Елизавете Петровне сослан в Сибирь, возвращен Петром III.

Монс Анна Ивановна (ум. 1714) — фаворитка Петра I, с 1703 г. в опале, в 1711 г. вышла замуж за И. Г. Кейзерлинга.

Наталия Алексеевна, великая княжна (1714—1728) — дочь царевича Алексея Петровича, сестра Петра II.

Остерман Андрей Иванович, граф (1686—1747) — генерал-адмирал, вице-канцлер, член Верховного тайного совета, воспитатель

Петра II, влиятельный сановник двора Анны Ивановны, при Елизавете Петровне сослан в Сибирь.

Петр I Алексеевич (1672—1725) — царь (с 1682 г.), а затем император России (с 1721 г.), сын Алексея Михайловича и Наталии Кирилловны Нарышкиной.

Петр II Алексеевич (1715—1730) — император России (1727—1730), внук Петра I, сын царевича Алексея Петровича.

Петр III Федорович (1728—1762) — император России (1761—1762), сын Анны Петровны, внук Петра I, муж Екатерины II.

Прасковья Ивановна (1694—1731) — царица, дочь Ивана Алексеевича и Прасковьи Федоровны Салтыковой.

Прасковья Федоровна (Салтыкова) (1664—1723) — царица, жена царя Ивана Алексеевича.

Рабутин, граф — австрийский посол в России.

Рагузинский Савва Владимирович (ум. 1738) — сподвижник Петра I, агент России в Италии, где, в частности, осуществлял закупки произведений искусства для России, глава посольства в Китае.

Ромодановский Федор Юрьевич (ум. 1717) — в 90-х гг. XVII в. ближний стольник, начальник Преображенского, Сибирского и Аптекарского приказов, имел титул князя-кесаря, вел следствие по делу о Стрелецком бунте, с 1725 г. — действительный статский советник, в 1727 г. — генерал-губернатор Москвы.

Рондо Клавдий — английский резидент в Петербурге (1731—1739), второй муж леди Рондо.

Салтыков Василий Федорович (1675—1755) — сенатор, генерал-полицмейстер, генерал-аншеф.

Салтыков Семен Андреевич — генерал-губернатор Москвы.

Толстой Петр Андреевич, граф (1645—1729) — сенатор, президент Коммерц-коллегии, один из ближайших сподвижников Петра I.

Трубецкой Иван Юрьевич, князь (1667—1750) — сенатор, генерал-фельдмаршал.

Ушаков Андрей Иванович, граф (1762—1747) — генерал, начальник Тайной канцелярии, с 1730 г. — сенатор.

Федор Алексеевич (1661—1782) — русский царь с 1676 г., сын Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской.

Феофан (Прокопович) (1681—1736) — архиепископ Псковский, идеолог петровского царствования, теолог, историк.

Финч Э. — английский посол в России в 1739—1742 гг.

Черкасский Алексей Михайлович, князь (1680—1742) — сенатор, канцлер, знаменитый богач.

Шафиров Петр Павлович, барон (1669—1739) — вице-канцлер, один из руководителей внешней политики России времени Петра I.

Шепелева Мавра Егоровна (1708—1759) — ближайшая подруга Елизаветы Петровны, жена П. И. Шувалова.

Шереметев Борис Петрович, граф (1652—1718) — генерал-фельдмаршал, полководец времен Северной войны, отец Н. Б. Долгорукой.

Шувалов Иван Иванович, граф (1727—1797) — камергер, фаворит Елизаветы Петровны, меценат, друг М. В. Ломоносова, крупный деятель русской культуры.

Шувалов Петр Иванович, граф (1711—1762) — генерал-фельдмаршал, деятельный участник правительства времен Елизаветы Петровны.

Ягужинский Павел Иванович, граф (1684—1736) — генерал-прокурор, генерал-аншеф, обер-штальмейстер, сподвижник Петра I, один из инициаторов утверждения самодержавия в 1730 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Евгений Анисимов.</i> Путники, прошедшие раньше нас . . .	3
Бурхард Христофор Миних. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи. <i>Перевод с французского Е. Ю. Бок</i>	25
Эрнст Миних. Записки	81
Рондо. Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию. <i>Перевод с английского Н. Г. Беспятых</i>	189
Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева	255
Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722—1762)	281
Комментарий	351

Безвременье и временщики: Воспоминания об
Б 39 «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е
годы)/Сост., вступ. ст., коммент. Е. Анисимова.—
Л.: Худож. лит., 1991.— 368 с.

ISBN 5-280-01357-9

В сборник вошли исторические мемуары, относящиеся к эпохе дворцовых переворотов 1720—1760 годов. Большинство из них переведено и публикуется впервые.

Б 4702010101-062
028(01)-91 — 3-91

ББК 84.Р1

БЕЗВРЕМЬЕ И ВРЕМЕНЩИКИ

Составитель
Евгений Викторович Анисимов

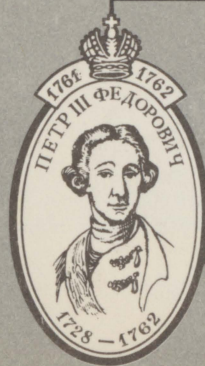
Редактор Т. Федорова
Художественный редактор В. Лужин
Технический редактор Н. Литвина
Корректоры А. Борисенкова, М. Зимица

ИБ № 6071

Сдано в набор 07.08.90. Подписано в печать 20.02.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Академическая». Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32+альбом 0,42=19,74. Усл. кр.-отт. 20,48. Уч.-изд. л. 20,70+альбом=21,12. Тираж 100 000 экз. Изд. № ЛП-269. Заказ № 809. Цена 5 р. 30 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д.-186, Невский пр., 28. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

ДИНАСТИИ РОДОСЛОВНАЯ РОМАНОВЫХ

XVII-XVIII в.в.

Бр. 30к.

БЕЗВРЕМЯ И ВРЕМЕНЩИКИ

